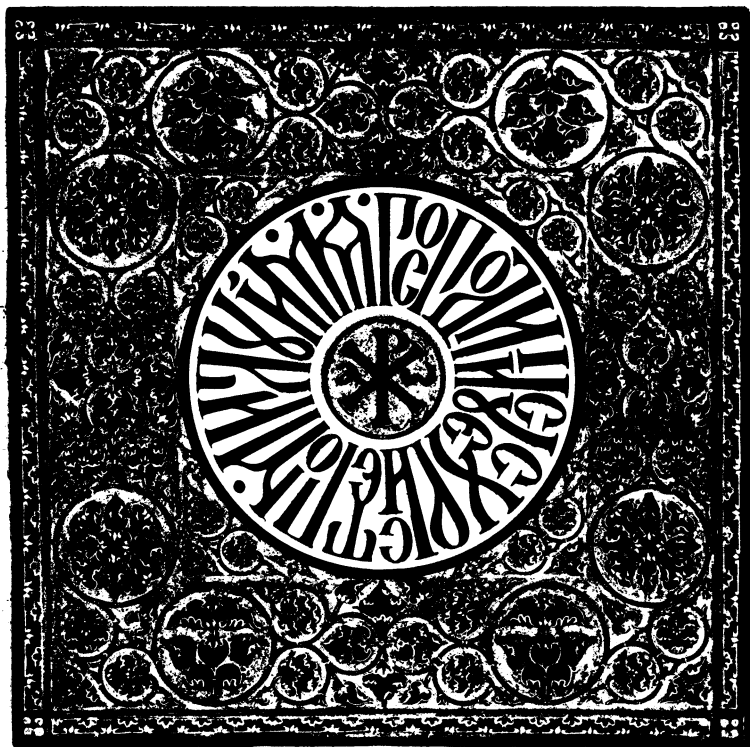

СТАРЕЦ ИОСИФ ИСИХАСТ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ

Афонский полуостров

1 Иериссос	18 Катунаки
2 Уранополь	19 Каруля
3 Новая Фиваида	20 Скит Святого Василия
4 Зограф	21 Кавсокаливы
5 Константит	22 Храм Преображения Господня
6 Доктар	23 Скит Иоанна Предтечи
7 Костефонит	24 Великая Анна
8 Святого Пантелеимона	25 Каря
9 Ксиропотам	26 Филофея
10 Дафни	27 Изверский
11 Симонопетра	28 Кутлумуш
12 Святого Григория	29 Каря
13 Святого Дионисия	30 Ставроникита
14 Святого Павла	31 Пантократор
15 Новый Скит	32 Ватопед
16 Святая Анна	33 Эсфигмен
17 Малая Святая Анна	34 Хиландар

СТАРЕЦ ИОСИФ ИСИХАСТ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ

ПЕРЕВОД
С ГРЕЧЕСКОГО

**БЛАГОДАРИМ
КОНСТАНТИНА ОЛЕГОВИЧА ПОПОВА,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ
КОРПОРАЦИИ «ИНКОМ-НЕДВИЖИМОСТЬ»,
ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ КНИГИ**

*Рекомендовано к печати рецензионной комиссией
Украинской Православной Церкви
ВВ 01-15-04-03*

Старец Иосиф Исихаст

Полное собрание творений / Перевод с греческого и примечания архимандрита Симеона (Гагатики). — Москва, Ахтырка: Ахтырский Свято-Троицкий монастырь, 2015. — 496 стр.

Впервые под одной обложкой выходит все известное на данный момент письменное наследие Старца Иосифа Исихаста (1897–1959). Его творения — самое значительное явление в православной письменности двадцатого века. Все ранее изданные русские переводы писаний Старца исправлены и отредактированы. Впервые издается перевод Ватопедского собрания писем и стихотворений Старца. Творения Старца Иосифа Исихаста должны занимать почетное место на книжной полке каждого православного христианина, заботящегося о своем спасении.

ISBN 978-966-2503-29-6

© Архимандрит Симеон (Гагатик), 2015

© О. А. Родионов, перевод стихотворений, 2015

Научный редактор: *Олег Родионов, канд. ист. наук*

Художественное оформление: *Алексей Чекаль*

Форзацы: *Дарья Андреева*

Корректоры: *Людмила Панкратова, Анна Солдаткина*

По вопросам приобретения книги просим обращаться по адресу *ahtyrkniga@gmail.com*

Тел.: +38 05446 33 887, +38 093 370 75 01 (Украина)

Все средства, полученные от продажи этой книги, пойдут на восстановление Ахтырского Свято-Троицкого монастыря. Подробную информацию см. на сайте обители *www.ahtyr.org*

Милостью Божией впервые выходит в свет «Полное собрание творений» Старца Иосифа Исихаста. Не только на русском, но и на других языках под одной обложкой всё известное на данный момент письменное наследие Старца еще никогда и нигде не издавалось. Первенство русского языка в этом событии не случайно. Именно русские читатели проявили огромную любовь к Старцу Иосифу, увидев в его писаниях и житии явление и откровение миру великого святого, жившего совсем недавно. Наше предыдущее издание — перевод воспоминаний Старца Ефрема Филофейского «Моя жизнь со Старцем Иосифом» — вызвало огромный интерес и разошлось по всему миру, где только есть русские читатели. И теперь все полюбившие Старца Иосифа могут приобщиться к сокровищнице, содержащей его писания во всей возможной полноте.

Расскажем кратко историю этого собрания. В монастыре Святого Филофея на Афоне, в братстве любимого ученика Старца Иосифа игумена Ефрема, был монах по имени Савва, которому Господь даровал горячее желание собрать письма Старца Иосифа. Собрав эти письма отовсюду, где только мог, он передал их для публикации библиотекарю монастыря монаху Луке, который и подготовил текст писем для печати. При этой подготовке были исправлены орфография и пунктуация авторского текста, а кроме этого исключены почти все имена и личные подробности, поскольку получатели писем были еще живы и было бы некорректно предавать широкой огласке всё то, что касается их личной жизни. Так в 1979 году появился

на свет сборник из шестидесяти четырех писем под названием «Выражение монашеского опыта». В 1985 году он был дополнен семнадцатью письмами, найденными к тому времени, и «Посланием исихасту-пустыннику». «Выражение монашеского опыта» выдержало множество изданий и стало одним из самых значительных явлений в православной письменности двадцатого века¹.

В 1992 году другой ученик Старца Иосифа — Иосиф Ватопедский — опубликовал, вместе с написанным им жизнеописанием Старца, его сочинение «Десятигласная Духодвижная Труба». Это сочинение наравне с письмами — уникальное для последних времен явление. Будучи кратким пособием по аскетике для современного подвижника, оно написано в поэтической форме, так что художественная проза постоянно сменяется настоящими стихами. В нашем издании эти места в тексте впервые соответствующим образом выделяются. Но уникальность «Духодвижной Трубы» состоит не только в ее художественных достоинствах и не только в том, что духовные наставления в ней даются опытейшим святым подвижником. Старец Иосиф выступает здесь еще и как подлинный богослов, причем богослов оригинальный, в хорошем смысле этого слова. Нигде ранее, насколько нам известно, не была написана такая выразительная, величественная и проникновенная картина «круговращения божественного движения», как это предстает пред читателем в последнем, Десятом гласе «Трубы». Читатель также может увидеть, что богословие Старца Иосифа является плодом личного богооткровенного созерцания. «Духодвижная Труба» — это шедевр святоотеческой письменности, достоинства которого еще предстоит осознать.

В 2005 году монастырь Ватопед издал те письма Старца, которые ему удалось собрать и которые до тех пор еще

¹ В Греции принято считать, что в XX веке было всего две самых важных книги — «Старец Силуан» и «Выражение монашеского опыта».

не были опубликованы. При этом изданы были эти письма со всей научной тщательностью: с указанием адресата, даты, а также купюр в тех случаях, когда в распоряжении Ватопеда имелись лишь отрывки писем. В этом же издании опубликованы и все найденные стихотворения Старца. Наш читатель теперь откроет для себя Старца Иосифа как поэта, гимны которого, может быть, и уступают гимнам преподобного Симеона Нового Богослова в совершенстве греческой речи, но ничуть не уступают в духовной силе.

Наконец, в монастыре Святого Антония Великого в Аризоне переводчику любезно подарили фотокопию рукописного сборника из восьми неопубликованных до сих пор писем Старца Иосифа послушнице Ставрúле. Здесь эти письма публикуются впервые.

Все ранее изданные русские переводы писаний Старца со всей возможной тщательностью исправлены и отредактированы. Приносим искреннюю благодарность за это научному редактору данного издания Олегу Алексеевичу Родионову.

Следующим этапом, после издания «Полного собрания творений», основанного на греческих публикациях, должна стать работа с рукописями Старца. Доступ к большинству из них² всё еще остается закрытым, и здесь исследователям предстоит большая работа. Надеемся, что труды по изучению и публикации великого наследия преподобного Старца Иосифа будут продолжены.

Да благословит Господь Бог всех участвовавших в подготовке «Полного собрания творений» Старца Иосифа Исихаста и да поможет дальнейшему изучению его наследия.

*Воздвижение Честного и Животворящего
Креста Господня, 2014 год*

² Речь прежде всего идет о тех рукописях, которые хранятся в монастыре Святого Филофея.

Перевод творений Старца Иосифа Исихаста¹, вошедших в предлагаемое вниманию читателя собрание, осуществлен по следующим изданиям:

1. Предисловие старца Ефрема Филофейского и основное собрание писем Старца Иосифа Исихаста: Γέροντος Ἰωσήφ Ἐκφρασις Μοναχικῆς Ἐμπειρίας. Ἱερὰ Μονὴ Φιλοθέου, Ἁγίον Ὅρος, 1992 (4-е издание).

2. Дополнительное собрание писем и стихотворения Старца Иосифа: Θείας Χάριτος Ἐμπειρίες. Γέροντας Ἰωσήφ ὁ Ἠσυχαστής. Ἐπιστολιμαία Βιογραφία — Ἀνέκδοτες Ἐπιστολὲς καὶ Ποιήματα. Ἱερὰ Μεγίστη Μονὴ Βατοπαιδίου, 2005.

3. «Десятигласная Духодвижная Труба»: Γέροντος Ἰωσήφ Βατοπαιδινοῦ Γέροντας Ἰωσήφ ὁ Ἠσυχαστής. Βίος — Διδασκαλία — «Ἡ Δεκάφωνος Σάλπιγξ». Ἱερὰ Μεγίστη Μονὴ Βατοпαιδίου, 2005.

Ранее не издававшиеся письма публикуются по рукописному сборнику.

Основное собрание писем Старца Иосифа издавалось в Греции многократно. Первое издание было осуществлено

¹ Исихаст (от греч. слова ἡσυχαστής, означающего «безмолвник») — православный подвижник, стремящийся достичь безмолвия (греч. «исихия») ума, т. е. состояния покоя и свободы от помыслов, для беспрепятственного общения с Богом, при помощи сосредоточенной молитвы, главным образом — Иисусовой («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»).

в 1979 г., начиная с 3-го издания 1985 г. сборник переиздается стереотипно, без каких-либо изменений. Дополнительные письма и стихотворения Старца Иосифа в составе сборника «Опыты Божественной Благодати» издавались дважды (в 2005 и 2006 гг.).

При подготовке издания Полного собрания творений Старца Иосифа Исихаста на русском языке все прежде публиковавшиеся переводы были подвергнуты серьезной переработке. Во многих случаях был предложен совершенно новый перевод. В первую очередь это относится к переводу основного собрания писем, предыдущий вариант которого также принадлежал архимандриту Симеону (Гагатику). При подготовке нового перевода «Десятигласной Духодвижной Трубы» широко использовался перевод А.М. Крюкова — с любезного разрешения последнего, за что издатели выражают ему свою благодарность. Этот перевод был впервые опубликован в 2000 г. Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой и Свято-Преображенским Валаамским монастырем; 2-е издание вышло в составе сборника: Старец Иосиф Исихаст. Выражение монашеского опыта. СТСЛ, 2006 (именно оно использовалось при подготовке публикуемого здесь перевода). Многие переводческие находки А.М. Крюкова были сохранены, однако нередко переводчик предпочитал иную интерпретацию оригинального текста, отличающуюся от той, что дал его предшественник.

Переводчик и редакторы старались относиться к оригинальному тексту как можно более бережно, по возможности стремились передавать не только смысл, но и стиль творений Старца Иосифа, не забывая при этом о главной своей задаче: дать русскому читателю удобопонятный перевод, который воспринимался бы им как написанный на его родном языке и в полном соответствии с нормами последнего. Тем не менее отдельные трудные места оригинала было решено передавать

максимально точно даже тогда, когда это влекло за собой не вполне изящное изложение соответствующего текста на русском языке. Отметим также, что переводчик при интерпретации различных трудных мест в творениях Старца Иосифа прибегал к помощи носителей греческого языка и опытных современных подвижников, в том числе насельников Святой Горы, не полагаясь на одну лишь филологическую подготовку русской издательской группы, работавшей над переводом.

В квадратных скобках даются слова, добавленные переводчиком для пояснения мысли оригинала или для придания естественности русской речи.

Перевод снабжен ссылками на Священное Писание и святоотеческие творения, а также кратким, но информативным комментарием, призванным разъяснить все незнакомые русскому читателю реалии греческой и афонской жизни, события и аллюзии.

Таким образом, русский читатель впервые получает возможность познакомиться с Полным собранием творений Старца Иосифа, включающим несколько десятков ранее не публиковавшихся на русском языке сочинений этого замечательного подвижника и подготовленным со всей тщательностью, какая была доступна работавшей над изданием группе. Отметим, что такое издание не имеет аналогов: нигде в мире еще не предпринималась попытка свести воедино всё дошедшее до нас письменное наследие Старца Иосифа Исихаста.

Помню, мне было девятнадцать лет, когда я отправился в Сад Пресвятой Богородицы, на Святую Гору. Путь этот, ведущий к монашескому житию, указала мне моя добродетельная и монахолюбивая мать, в постриге — монахиня Феофания.

В первые годы бедствий оккупации¹, когда я ради работы бросил школу, в одну из двух старостильных церквей² Во́лоса³ пришел приходским священником иеромонах-святогорец. Он был из братии Старца Иосифа Исихаста, как сам его называл. Этот иеромонах стал для меня в то время драгоценным советчиком и помощником на моем духовном пути. Я избрал его своим духовным отцом и, благодаря его беседам и советам, вскоре начал чувствовать, как сердце мое удаляется от мира и устремляется к Святой Горе. Когда он мне рассказывал о жизни Старца Иосифа, что-то особенно загоралось во мне, и пламенными становились моя молитва и желание поскорее узнать его.

¹ Речь идет об оккупации Греции германскими войсками в 1941–1944 гг.

² С 1924 года Константинопольская Православная Церковь перешла на новоюлианский календарный стиль, оставив при этом неизменной пасхалию. За ней последовала Элладская Церковь. Это вызвало возмущение у части церковного народа и привело к расколу, сохраняющемуся доныне. Монастыри Святой Горы, не уйдя в раскол, продолжили совершать богослужение по старому календарю. В последние годы следовать старому календарю начали и некоторые приходы канонической Церкви, как правило, ориентированные на греков-переселенцев из СССР.

³ Город в Фессалии (область Греции) на побережье Эгейского моря.

Когда наконец подошло время, в одно прекрасное утро, 26 сентября 1947 года, кораблик потихоньку перенес нас из мира к Святой Горе, так сказать, от берега временной жизни к противоположному берегу вечности.

У причала скита Святой Анны нас ожидал почтенный старец отец Арсений.

— Не ты ли Яннакис из Волоса? — спросил он меня.

— Да, старче, — сказал ему я, — но откуда вы меня знаете?

— А Старец Иосиф узнал это от честного Предтечи, — говорит он. — Он явился ему вчера вечером и сказал: «Пошлю тебе одну овечку. Возьми ее к себе в ограду».

И остановилась моя мысль на честном Предтече, моем покровителе, в день рождества которого я родился. Мне сильно захотелось поблагодарить его за эту заботу обо мне.

— Ну, Яннакис, пойдем, — сказал мне отец Арсений. — Пойдем, потому что Старец ждет нас.

Мы поднялись. Какие чувства охватили меня! Ни у кого не достало бы сил их описать.

В тот вечер в церковке Честного Предтечи, высеченной внутри пещеры, я положил поклон, с которого началось мое послушничество. Там, в том слабом свете, душа моя познала светлый облик моего святого Старца.

И телом и духом я был самым младшим из братии. А Старец Иосиф был одним из величайших святогорских духовных корифеев нашего времени. Я пробыл рядом с ним двенадцать лет, обучаясь у его ног. Столько лет он прожил после моей встречи с ним. Бог удостоил меня служить ему до его последнего святого вздоха. И он был поистине достоин всяческого услужения за его многие духовные труды, за его святые молитвы, которые стали нашим драгоценным духовным наследством. Я познал его как подлинного богоносца, превосходного духовного полководца, опытейшего борца в брани против страстей и бесов. Если кто-то приходил к нему

жить, то, каким бы страстным он ни был, ему невозможно было не исцелиться.

Старец Иосиф считал, что для монахов важнее всего хриstopодражательное послушание. Для мирян же, говорил Старец, предпочтительнее всего умная молитва, но всегда под руководством опытных наставников, ибо он насмотрелся на прельщенных людей. «Ты увидел человека, который не советуется или не исполняет советы? Погоди, вскоре увидишь его в прелести», — так часто говорил он нам.

В соблюдении нашего подвижнического устава Старец был предельно строг. Всей своей душой он возлюбил пост, бдение, молитву. Хлебушек, трапеза — всегда в меру. И если знал, что есть остатки со вчерашнего или позавчерашнего дня, то не ел свежеприготовленную пищу. Однако нам, молодым, он оказывал снисхождение в питании. Видя у нас столько телесных немощей, он считал, что должен нас беречь. Но вся его терпимость, казалось, исчерпывалась этим снисхождением. Во всём остальном он был очень требователен — не потому, что не умел прощать ошибки или терпеть слабости, но желая, чтобы мы мобилизовали все душевные и телесные силы на подвиг. Ибо он говорил: «Если мы что-то не отдаем Богу, чтобы этим воспользовался Он, этим воспользуется другой. Поэтому Господь и дает нам заповедь возлюбить Его от всей души и от всего сердца, дабы лукавый не нашел в нас места и пристанища, где мог бы поселиться».

Каждую ночь мы совершали бдение. Это был наш устав. Старец требовал, чтобы мы до крови подвизались против сна и нечистых помыслов. Сам он совершал бдение в темноте в своей келлии, с неразлучным спутником — непрерывной умной молитвой. И хотя он уединялся там, внутри, нам было очевидно: он знает о том, что происходит снаружи — как мы себя ведем и продвигаемся ли вперед. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы прочесть наши помыслы. И когда он

видел, что мы нуждаемся в духовном ободрении, рассказывал о разных удивительных подвигах афонских отцов. Он был очень искусным рассказчиком. Когда он говорил, хотелось слушать его бесконечно. Однако, несмотря на его природный дар повествователя, когда речь заходила о Божественном просвещении, о благодатных состояниях, он часто, казалось, досадовал, ибо бедность человеческого языка не давала ему выразить глубину его опыта. Он оставался как бы безгласным, как будто находился далеко от нас, будучи не в силах говорить о том, что обретается на совершенно неведомой, пресветлой, высочайшей вершине тайных словес — там, где пребывают простые и непреложные, неизменные и неизреченные тайны богословия.

Мой Старец не изучал богословия, однако был очень глубоким богословом. Он пишет в одном из писем: «Истинный монах — это произведение Святого Духа. И когда в послушании и безмолвии он очистит свои чувства, и умиротворится [его] ум, и сделается чистым его сердце, тогда он получит благодать и просвещение ведения. Он весь становится светом, весь — умом, весь — сиянием. И источает богословие, так что если трое будут записывать, то не будут успевать за этим потоком [благодати,] изливающимся волнообразно, расточающим мир и [сообщающим] всему телу предельную неподвижность страстей. Пламенеет сердце от Божественной любви и взывает: “Удержи, Иисусе мой, волны Твоей благодати, ибо я таю как воск”. И действительно тает, не вынося [этого]. И захватывается ум в созерцание. И происходит срастворение. И пресуществляется человек, и становится одно с Богом, так что не знает или не отделяет самого себя [от Бога,] — как железо в огне, когда оно раскалится и станет подобным огню»⁴.

⁴ Письмо 48-е. См. с. 200 настоящего издания.

Из этих слов видно, что Божественный мрак, озаряемый нетварным светом, не был для него неведомой и неприступной областью, но был известен ему как место и образ присутствия Бога, как тайна неизреченная, как свет пресветлый и яснейший. И это потому, что мой Старец умел молиться. Часто, когда он выходил из многочасовой сердечной молитвы, мы видели его лицо изменившимся и светлым. Совсем не удивительно, что тот свет, которым постоянно омывалась его душа, временами явственно омывал и его тело. Впрочем нимб святых — это и есть тот самый отблеск нетварного света благодати, который златозарно сияет в них.

Чистота Старца была чем-то удивительным. Помню, когда я входил вечером в его келлию, она вся благоухала. Я ощущал, как благоухание его молитвы наполняло всё, что его окружало, воздействуя не только на наши внутренние, но и на внешние чувства. Когда он беседовал с нами о чистоте души и тела, всегда приводил в пример Пресвятую Богородицу.

— Не могу вам описать, — говорил он, — как любит Пресвятая Богородица целомудрие и чистоту. Ведь Она — Единая Чистая Дева, и потому желает, чтобы и все мы были такими, и таких нас любит.

И еще он говорил:

— Нет другой жертвы, более благоуханной перед Богом, чем чистота тела, которая приобретается кровью и жестокой борьбой.

И заканчивал словами:

— Поэтому понуждайте себя очищать душу и тело. Совершенно не принимайте нечистых помыслов.

Если вспомнить о молчании, то следует сказать, что Старец не произносил ни слова без нужды. А во время Великого поста он и отец Арсений, когда были одни, хранили молчание целую неделю. Говорили только после субботней вечерни до воскресного повечерия и затем молчали всю неделю.

Объяснялись жестами. И поскольку Старец узнал, как велика польза от подвига молчания, то и нам запрещал разговаривать между собой. Только ради крайней необходимости он позволял нам нарушать молчание. Если он посылал кого-то из нас по какому-то послушанию за пределы нашего исихастирия⁵, то не разрешал нам говорить ни с кем. Помню, когда я возвращался, он всегда устраивал мне строгий допрос, сохранил ли я совершенное послушание и молчание. За нарушение молчания двумя-тремя словами моя первая епитимья была двести поклонов.

Но главное, этот небесный человек умел с таким мастерством исцелять страсти своих послушников, что, просто находясь рядом с ним, они становились другими людьми. Однако немногие с ним оставались. При том, что приходили многие. Остаться с ним было нелегко. В частности, его отеческая любовь воспитывала меня так, что, наверное, некоторым, если бы они услышали, это показалось бы невероятным. Например, за двенадцать лет, которые мы прожили вместе, всего лишь несколько раз я услышал свое имя из его уст. Чтобы обратиться ко мне или меня позвать, он использовал всевозможные бранные слова и все соответствующие эпитеты. Но сколько любви было в этих искусных колкостях, какая святая цель стояла за этой бранью! И как благодарна сейчас моя душа за эти «хирургические» вмешательства его чистейшего языка!

Мы пробыли в пустыне довольно долго. Но из-за различных напастей почти все заболели. Старец получил в молитве извещение, что нам нужно спуститься пониже, что и было сделано. Там климат был помягче, труды поумеренней, и мы все поправились. За исключением Старца — он болел всю

⁵ Исихастирий — буквально: место безмолвия. Так в Греции могут называться небольшие монашеские обители.

свою жизнь. Может быть, от поста, может быть, от трудов бдения, от молитвы до пота или же от бесовского действия. Во всяком случае, от всего этого он весь превратился в одну сплошную рану.

Однажды я спросил его:

— Старче, почему и сейчас, после такого изнурения, вы так строго поститесь?

И он мне ответил:

— Сейчас, дитя мое, я пощусь, чтобы наш благой Бог дал вам Свою благодать.

Но, несмотря на его телесные болезни и страдания, он ощущал в себе такую благодать и душевное блаженство, что, затрудняясь их описать, говорил: «Я чувствую, будто у меня в душе рай».

Наконец пришло время его отшествия. Смерти он ожидал всю свою жизнь, ибо пребывание его здесь было для него подвигом, трудом и болью. Его душа жаждала упокоения, и тело тоже. Несмотря на то что с самого начала он привил нам твердую память смерти, мы были под очень сильным впечатлением от того, как он свyksя со страшнейшим таинством смерти. Казалось, что он готовится к торжеству, настолько совесть извещала его о Божественной милости. Однако в последние дни он снова стал плакать больше обычного. Отец Арсений говорил, чтобы его утешить:

— Старче, ты столько трудился, столько молился всю свою жизнь, столько плакал... И опять плачешь?

Старец посмотрел на него и вздохнул:

— Ах, отец Арсений, правда то, что ты сказал, но ведь я — человек. Разве я знаю, было ли угодно моему Богу то, что я сделал? Он ведь Бог и судит не так, как мы, люди. И разве мы еще вернемся сюда, чтобы поплакать? Что успеет сейчас каждый из нас, то и будет. Насколько будет скорбеть и плакать, настолько будет утешен.

Любовь его ко Пресвятой Богородице невозможно описать. Как только он упоминал Ее имя, его глаза наполнялись слезами. Он давно просил Ее, чтобы Она забрала его отдохнуть. И Всецарица услышала его. Она известила его за месяц до его ухода. Тогда Старец позвал меня и указал, что́ нам нужно приготовить. Мы стали ждать.

Накануне его преставления, 14 августа 1959 года, Старца посетил господин Схина́с⁶ из Волоса. Они были близко знакомы.

— Как поживаете, Старче? — спросил его Схинас. — Как ваше здоровье?

— Завтра, Соті́рис, отправляюсь на вечную родину. Когда услышишь колокола, помянешь мое слово.

Вечером на всенощном бдении в честь Успения Пресвятой Богородицы Старец пел, сколько хватало сил, вместе с отцами. На Божественной литургии во время причащения Пречистых Таин он сказал: «Напутие живота вечного».

Наступил рассвет 15 августа. Старец сидел в своем мученическом креслице во дворе нашего исихастирия, ожидая своего часа. Он был уверен в извещении, которое ему дала Пресвятая Богородица, но, видя, что время идет и солнце восходит, начинал чувствовать что-то вроде огорчения, что-то вроде беспокойства от задержки. Это было последнее посещение лукавого. Старец позвал меня и сказал:

— Дитя мое, почему Бог медлит и не забирает меня? Солнце восходит, а я еще здесь!

Видя, как Старец печалится и уже почти не может терпеть, я осмелился сказать ему:

— Старче, не огорчайтесь, сейчас мы начнем читать молитву, и вы уйдете.

⁶ См. прим. 11 на с. 29.

Слезы у него прекратились. Отцы взяли каждый за свои четки и начали усиленно молиться. Не прошло и четверти часа, как он мне сказал:

— Позови отцов, пусть положат поклон, ибо я уйду.

Мы поклонились ему в последний раз. Вскоре после этого он поднял свои глаза и упорно вглядывался ввысь около двух минут. Затем повернулся и, исполненный трезвения и невыразимого душевного восторга, сказал нам:

— Всё закончилось, иду, уйду, благословите!

И с этими словами приподнял голову вправо, два-три раза тихо открыл уста и глаза — вот и всё. Он предал свою душу в руки Того, Которого желал и Которому работал от юности.

Смерть была воистину преподобническая. У нас она вызвала ощущение воскресения. Перед нами был покойник, и уместна была скорбь, но в душе мы переживали воскресение. И это чувство не исчезло. С тех пор оно сопровождает наши воспоминания о приснопамятном святом Старце.

Так как его жизнь сама по себе была для нас письменным и устным наставлением, и так как мы познали на собственном опыте силу его слов, и поскольку многие уже давно убедительно просят нас написать о святом Старце, в этой книге мы даем ему самому возможность говорить посредством своих писем.

Старец Иосиф с мирской точки зрения был малограмотным — он окончил всего два класса начальной школы. Однако он был премудрым в вещах божественных. Богонаученным. Университет пустыни научил его тому, в чем мы нуждаемся более всего, — вещам небесным.

Мы знаем, что слова Старца принесут пользу монашествующим. Знаем, что они принесут пользу и подвижающимся подвигом добрым в миру. Если же принесут пользу и еще кому-нибудь — Господь это ведает, и пусть Он сотворит, как благоволит Его благость. В любом случае, всё это и слышать

нелегко без мужественного образа мыслей, и делом это не становится без подвига и большого труда.

Мы весьма благодарны всем потрудившимся для издания этой книги и призываем на них благословение приснопамятного блаженного Старца Иосифа.

*Архимандрит Ефрем,
игумен⁷ святой общежительной обители
Преподобного Филофея на Святой Горе*

⁷ Так было на момент написания предисловия. Ныне Старец Ефрем является духовником основанного им монастыря Святого Антония Великого в Аризоне.

ПИСЬМА

Часть первая

ИЗ СБОРНИКА
«ВЫРАЖЕНИЕ
МОНАШЕСКОГО
ОПЫТА»

озлюбленный во Христе брат мой, желаю тебе всего доброго.

Сегодня я стал обладателем твоего письма и даю тебе ответ на то, о чем ты мне пишешь. Сведения, которых ты просишь, не требуют времени и труда для обдумывания и ответа.

Умная молитва для меня — это как ремесло для любого человека, ведь я тружусь в ее делании более тридцати шести лет.

Придя на Святую Гору, я сразу стал искать пустынников, которые трудятся в делании молитвы. Тогда, сорок лет назад, было много таких, у которых внутри была жизнь. Люди добродетельные, старчики древние. Из них мы избрали себе Старца¹, и они были нашими наставниками.

Итак, делание умной молитвы — это понуждение себя говорить непрестанно Иисусову молитву² устами, без перерыва. Вначале быстро, чтобы ум не успевал создать [какой-нибудь] рассеянный помысл. Внимай только словам: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Когда это продлится достаточно долго,

¹ Старцем обычно называют греки своего духовного отца. Слово «старец» («геронта» в звательном падеже) также употребляется при обращении к игумену монастыря, так как игумен в греческих монастырях всегда является единственным духовником всей братии.

² Εὐχή. Современная греческая аскетическая терминология различает понятия εὐχή и προσευχή. Первым словом обозначается Иисусова молитва, а вторым — молитва вообще.

ум к этому привыкает и сам это говорит. И ты услаждаешься, как будто у тебя в устах мед. И хочешь всё время говорить это. И если это оставляешь, то очень огорчаешься.

Когда ум к этому привыкнет и насытится, хорошо этому научится, тогда посылает это в сердце. Ведь ум — питатель души, и, если он что-то доброе или злое увидит или услышит, его работа состоит в том, чтобы низвести это в сердце, где находится центр духовной и телесной силы человека, престол ума. Так вот, когда молящийся сдерживает свой ум, чтобы тот ничего не представлял, но внимал только словам молитвы, тогда, дыша легко, он низводит ум в сердце с некоторым понуждением и собственным своим хотением, и держит его внутри как бы взаперти, и размеренно говорит молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»³

Вначале он говорит молитву несколько раз и делает один вдох-выдох. Затем, когда ум привыкнет стоять в сердце, говорит одну молитву при каждом вдохе-выдохе. «Господи Иисусе Христе» — вдох, «помилуй мя» — выдох. Это совершается до тех пор, пока не осенит и не начнет действовать в душе благодать. После этого — уже созерцание.

Итак, везде произносится молитва: и сидя, и в постели, и на ходу, и стоя. «*Непрестанно молитесь, за всё благодарите*», — говорит апостол⁴. Речь не о том, однако, чтобы молиться только тогда, когда уляжешься. Требуется подвиг: стоя,

³ Согласно большинству учителей молитвы последних веков, применение тех или иных приемов при ее совершении без непосредственного наблюдения за этим опытного наставника может нести в себе опасность для духовного здоровья молящегося, если он придает им перво-степенное значение и не трудится в приобретении смирения — главного условия правильной молитвы. Поэтому учителя молитвы советуют молящимся сосредотачиваться не столько на внешних приемах, сколько на хранении внимания, сосредоточенности на словах молитвы и смирном расположении души, подобному тому, с каким нищий просит милостыню.

⁴ 1 Фес. 5, 17–18.

сидя. Когда устаешь, садись. И опять вставай, чтобы тебя не одолел сон.

Это называется деланием⁵. Ты показываешь Богу свое произволение. А даст ли Он тебе что-нибудь, всё это уже зависит от Него. Бог есть начало и конец. Всё делает Его благодать. Она — движущая сила.

А чтобы появилась и стала действовать любовь, нужно хранить заповеди. Когда ты встаешь ночью и молишься, когда видишь больного и ему сострадаешь, видишь вдову, сирот и стариков и их милуешь, тогда тебя любит Бог. И тогда и ты Его любишь. Он первый любит и изливает свою благодать. [Тогда] и мы то же самое от себя, «Твоя от Твоих» отдаем [Богу].

Итак, если ты стремишься найти Его только через Иисусову молитву, не делай вдоха без молитвы. Смотри только не принимай мечтаний. Ведь Божественное — безвидное, непредставимо, бесцветно. Оно сверхсовершенно. К Нему неприменимы рассуждения. Оно действует, как тонкое дуновение в нашем уме.

А умиление⁶ приходит, когда задумываешься о том, насколько ты огорчил Бога — Того, Кто столь добр, столь сладок, столь милостив, благ, весь полон любви, Кто распялся и всё претерпел ради нас. Размышление об этом и обо всём, что претерпел Господь, приносит умиление.

Итак, если ты сможешь говорить молитву вслух и непрестанно, то через два-три месяца ты к ней привыкнешь. И благодать будет осенять тебя и освежать. Только говори молитву вслух, без перерыва. И когда ее примет ум, тогда ты отдохнешь

⁵ Прᾱξίς — аскетический термин, обозначающий осуществление на деле той или иной добродетели (в данном случае — молитвы). Парным для прᾱξίς является термин θεωρία — созерцание, которое обретается как дар благодати после усердного упражнения в делании.

⁶ Умиление (греч.: κατάνυξις) — аскетический термин. Так называется благодатное состояние, в котором сокрушение о своих грехах сочетается с любовью к Богу и упованием на Его милость.

от произнесения ее языком. И опять — когда ее оставляет ум, [пусть] начинает язык. Вначале, пока ты не привык, всё усилие прилагается к языку. Потом, все годы твоей жизни, ум будет ее говорить без труда.

Когда ты приедешь, как говоришь, на Святую Гору, приди повидать нас. Но тогда мы поговорим о других вещах. У тебя не будет оставаться времени для Иисусовой молитвы. Молитву обретешь там, где будет спокоен твой ум. А здесь, когда ты будешь бродить по монастырям, твой ум будет отвлекаться на другое, на то, что ты услышишь и увидишь.

Я уверен, что ты обретешь Иисусову молитву. Не сомневайся. Только стучи прямо в дверь Божественной милости, и Христос непременно тебе откроет. Иначе быть не может. Возлюби Его много, чтобы ты и получил много. В любви к Нему, большой или малой, заключается и мера дарования — большая или малая.

Я очень обрадовался твоей готовности принести пользу своей душе. И я жажду принести пользу каждому брату, стремящемуся спастись.

Так вот, возлюбленный мой и дражайший брат, отвори свой слух. Предназначение человека, после того как он родился в эту жизнь, — найти Бога. Но он не может Его найти, если прежде его не найдет Бог. *В Нем мы живем и движемся*⁷, но наши страсти закрыли нам душевные глаза, и мы не видим. Когда, однако, обратит к нам Свои оченьки преблагой наш Бог, тогда мы, как ото сна, просыпаемся и начинаем искать нашего спасения.

⁷ Деян. 17, 28.

Отсюда ответ на твой первый вопрос: сейчас увидел тебя Бог, и просветил тебя, и ведет. Трудись там, где находишься. Говори непрестанно Иисусову молитву: языком и умом. Когда язык устает, пусть начинает ум. И опять, когда тяжелеет ум, пусть начинает язык. Только не прекращай. Делай много поклонов. Бодрствуй ночью, сколько сможешь. И если загорится огонь в твоём сердце и любовь к Богу, и станешь искать безмолвия⁸, и не сможешь оставаться в миру, потому что в тебе разгорается молитва, тогда напиши мне и я скажу тебе, что делать. Если же благодать будет действовать не так, но усердие будет держаться в пределах того, чтобы исполнять заповеди Господни о ближнем, тогда успокойся [и оставайся] как есть и не ищи ничего другого, ибо у тебя всё в порядке. Разницу между тридцатью, шестьюдесятью и сотней найдешь, когда прочитаешь «Евергетин»⁹. Найдешь там и многое другое подобного рода и приобретешь много пользы.

Теперь ответ на другие твои вопросы: Иисусова молитва должна говориться [именно] так — внутренней речью. Но поскольку вначале ум с ней еще не свыкся, он забывает о ней. Поэтому ты говори ее когда устами, а когда умом. И пусть будет так до тех пор, пока ум ею не насытится и не начнется действие молитвы.

Действием называется вот что: когда говоришь Иисусову молитву, ты чувствуешь в себе радость и веселие и хочешь ее говорить непрерывно. Так вот, когда ум примет эту молитву

⁸ Безмолвие (греч.: ἡσυχία) — здесь и во всех остальных случаях это слово означает не «молчание», а особый аскетический образ жизни, высшую ступень монашества, которая посвящена прежде всего и более всего непрестанной умно-сердечной Иисусовой молитве и связана с максимальным удалением от всего, что такой молитве препятствует.

⁹ Название этой святоотеческой антологии происходит от прозвища ее составителя, Павла Евергетидского (XI в.), игумена монастыря Богородицы Евергетиды (Благодетельницы) в Константинополе. См. русск. пер.: Евергетин. Т. 1. М., 2008; Благолюбие. Кн. 1–2. М., 2010.

и появится радость, о которой я тебе пишу, тогда она будет говорить в тебе непрестанно, без собственного твоего понуждения. Это называется чувством-действием, так как благодать действует помимо хотения человека. Он ест, ходит, спит, просыпается, а внутри постоянно возглашает молитву. И имеет мир, радость.

Теперь — о времени молитвы: так как ты в миру и у тебя есть разные хлопоты, совершай молитву, когда находишь время. Но понуждай себя постоянно, чтобы не впасть в нерадение. А что касается созерцания, которого ты ищешь, то там оно труднодостижимо, ибо требует совершенного безмолвия.

Духовное состояние разделяется на три чина, и соответствующим [тройким] образом действует в человеке благодать. Одно состояние называется очистительным, оно очищает человека. Та благодать, которую ты сейчас имеешь, называется благодатью очищающей. Она побуждает человека к покаянию. Всякое имеющееся у тебя усердие к духовному — всё это от благодати. Твоего собственного нет ничего. Всё тайно совершает она. Так вот, эта благодать, если только понуждаешь себя, остается с тобой определенное количество лет. И если человек преуспее в умной молитве, то принимает другую благодать, весьма отличную от прежней.

Первая благодать, как мы сказали, называется чувством-действием, и она является очищающей, ибо молящийся почувствовал в себе божественное движение-действие.

Другая благодать называется просвещающей. Ею человек принимает свет ведения, возводится к созерцанию Бога. Не огни, не мечтания, не образы, а ясность ума, чистота помыслов, глубина понятий. Чтобы это пришло, у молящегося должны быть совершенное безмолвие и непрелестный наставник.

И третье состояние — осенение благодатью. Это, после всего предыдущего, — благодать, приводящая к совершенству, которая есть дар великий. Я не пишу тебе сейчас об

этом, потому как и нужды нет. Но если ты хочешь прочитать об этом, то я, несмотря на свою неграмотность, написал, когда происходили эти действия, рукописную книжечку «Духодвижная Труба»¹⁰. Постарайся ее найти. Купи и святого Макария [Египетского] у Схинаса¹¹, авву Исаака [Сирина,] и получишь большую пользу. И если ты столкнешься с какими-нибудь изменениями¹², напиши мне, и я тебе отвечу с большой готовностью.

Я в последнее время только и пишу тем, кто [меня] спрашивает. В этом году приезжали из Германии единственно для того, чтобы узнать об умной молитве. Из Америки мне пишут с таким усердием! Из Парижа столько тех, которые горячо просят! Мы здесь, у себя дома, почему нерадим? Разве это землю копать — призывать непрестанно Имя Христово, чтобы Он нас помиловал?

Наконец, распространено одно невежественное мнение от искусителя: если кто-нибудь творит Иисусову молитву, то боится, как бы не впасть в прелесть, хотя как раз это и есть прелесть.

¹⁰ См. это сочинение в настоящем Собрании творений.

¹¹ Сотирис Схинас (1887–1975) — владелец издательства и книготорговец из г. Волос. Издавал богослужебную и святоотеческую литературу, а также журнал «Святогорская библиотека». Поддерживал духовные связи с афонскими старцами.

¹² Изменение (греч.: ἀλλοίωσις; иногда, в зависимости от контекста, переводится здесь как «перемена») — важное понятие в учении Старца Иосифа об аскетике. Согласно ему, изменение есть неотъемлемое свойство человеческой жизни. И если человек стяжал благодать и наслаждается ее дарами, он, до тех пор пока пребывает в этой жизни, не должен расслабляться, ибо не может быть гарантирован от ухудшения своего состояния и удаления от него благодати. Равным образом, и переживая самые тяжелые свои мгновения, человек должен не отчаиваться, а уповать на милость Божию и делать всё для возвращения благодати, которая непременно будет подана ему вновь, если он не оставляет своего подвига. Старец Иосиф в своих писаниях подробно учит (следуя в этом прп. Исааку Сирину), как правильно претерпевать эти неизбежные изменения, которые являются одним из существенных воспитательных средств, употребляемых Богом для спасения человека.

Кто хочет, пусть попробует. И после того как действие молитвы продлится долгое время, внутри него делается рай. Он освободится от страстей, станет другим человеком. Если же он еще и в пустыне — о-о-о!.. Не пересказать благ молитвы!

Радуйся в Господе, чадо возлюбленное, благодатью Иисуса моего просвещенное и от мира избавленное, которое улетело в пустыню и водворилось в общежитии со святой братией и ныне славословит и благодарит Бога от души.

Божественная благодать, чадо мое, входит в душу, как наживка, и без принуждения влечет человека к высокому и к еще высшему. Она знает способ, как уловлять словесных рыб и выводить их из мирского моря. Однако что после этого?

Когда Бог вытащит из мира приходящего монашествовать и приведет его в пустыню, Он не показывает ему сразу ни его страсти, ни искушения, до тех пор пока тот не станет монахом и пока Христос не свяжет его страхом Своим. И тогда начинается испытание, борьба и битва.

И если с самого начала испытуемый понудит себя и успеет зажечь своими борениями свечу подвижничества, то она не угасает, когда с приходом искушений удаляется благодать. Иначе, когда отойдет благодать, придет и он в свое прежнее состояние. И соответственно вернутся страсти, которые были у него в миру, восстанут искушения и приведут в движение прежние привычки, которым он работал и которыми был поработан.

И прежде всего знай, чадо мое, что человек от человека очень отличается, [а поэтому] и монах от монаха. Есть души мягкого нрава, которые слушаются с большой легкостью. Есть и души жесткого нрава, которые не подчиняются легко. Они

отличаются, как вата от железа. Вата требует только помазания словом. А железо требует огня и печи искушений для обработки. И такой [человек] должен иметь терпение в искушениях, чтобы произошло очищение. Когда у него нет терпения, он, [словно] светильник без елея, вскоре угасает и пропадает.

И когда у кого-нибудь природа жестче железа и он приходит монашествовать, тогда лишь только выходит на поприще — сразу отступает от послушания. Сразу слагает с себя обеты и отказывается от битвы. И видишь: только отойдет немного благодать, чтобы было испытано его произволение и терпение, как сразу он бросает оружие и начинает раскаиваться, что пошел в монахи. И проводит дни свои полный преслушания и горечи, весь — противоречие и возношение.

Мало-помалу, по молитвам Старца, благодать прогоняет тучи искушений, чтобы [новоначальный] немного пришел в себя и отрезвился. Но он вскоре снова — своеволие и преслушание, снова — возмущение и смятение.

Ты пишешь о брате, которого там видишь, и удивляешься, как он столько труда вкладывает в свое [монастырское] служение, а внутри него всё еще господствует гордость. Но неужели ты считаешь, что человеку легко победить страсть?

Добрые поступки, и милостыни, и вся внешняя доброта не смягчают надменности сердца. Но умное делание, боль покаяния, сокрушение и смирение — вот что смиряет бесчинное мудрование. И это большой и тягостный труд — непослушный человек.

Только при крайнем терпении можно привести его в хорошее устроение. Только при крайнем терпении старцев, терпимости и любви братьев могут прийти в чувство жестокый послушники. Но вот и они часто бывают необходимы, как правая рука. И почти всегда таким, у кого есть какое-нибудь дарование, которого нет у других, трудно смириться. Они думают: они — что-то, а другие — ничто.

Итак, нужно много труда и много долготерпения, пока не будет разрушено это старое основание гордости и не будет положено другое основание — смирение и послушание Христово. Однако Господь, видя труды и произволение и их самих, и других, попускает им такое искушение, которое противодействует их страсти, и милостью Своей спасает и их — Тот, Кто *всем хочет спастися*¹³. Ты же смотри, на кого хочешь быть похожим.

Лучше всего было бы, если бы все были благого нрава, смиренные и послушные. Но если окажется у кого-нибудь природа жестче железа, пусть не отчаивается. Ему нужен подвиг, и благодатью Божией он в силах победить. Бог же не несправедлив, чтобы потребовать одно вместо другого. Как Он дал дарования, так требует и отдачи.

Ведь от начала творения Он на три чина разделил людей: одному дал пять талантов, другому — два, а третьему — один.

У первого — высшие дарования, он имеет более восприимчивый ум и называется богонаученным, ибо принимает [вѣдение] от Бога без научения [от людей]. Как были в древности Антоний Великий, святой Онуфрий, преподобная Мария Египетская, Кирилл Филеот¹⁴, Лука Элладский¹⁵ и тысячи других, которые без наставника стали совершенными.

¹³ 1 Тим. 2, 4.

¹⁴ Память прп. Кирилла Филеота, или Филейского (1015–1110), т. е. из селения Филея недалеко от Константинополя, не внесена в русский месяцеслов, однако издавна почитается греками (особенно после публикации его жития прп. Никодимом Святогорцем в «Новом Эклогионе») и празднуется 2 декабря.

¹⁵ В оригинале — ὁ ἐν Στερίῳ, откуда еще одно прозвище преподобного Луки (896–953) — Стириот, т. е. с горы Стирийской в греческой области Беотия, где он основал знаменитый монастырь, впоследствии получивший имя святого — Осиос Лукᾶς (т. е. Преподобный Лука). Память святого празднуется 7 февраля.

Второй должен быть научен добру, чтобы его делать. Третий же, если и услышит, если и узнает [о добре,] прячет это [знание] в землю: не делает ничего.

Вот поэтому существует такое различие среди людей и монахов, которое ты видишь. И поэтому прежде всего — познай самого себя. То есть узнай о самом себе, какой ты есть. Каков ты воистину, а не каков ты думаешь, что ты есть. С этим знанием становишься мудрее всех людей. С таким познанием себя и в смирение приходишь, и благодать получаешь от Господа. Если же не приобретешь самопознания, а рассчитываешь только на свой труд, знай, что всегда будешь находиться вдали от пути. Ибо не говорит Пророк: «Видь, Господи, труд мой», а «Видь, — говорит, — смирение мое и труд мой»¹⁶. Труд — для тела, смирение — для души. И опять-таки то и другое вместе, труд и смирение, — для всего человека.

Кто победил диавола? Тот, кто познал собственную немощь, страсти и недостатки, которые у него есть. Боящийся познать себя пребывает далеко от знания и ничто другое не любит, как только видеть ошибки у других и их судить. Он не видит у других дарований, а видит только недостатки. Не видит в себе недостатков, а только дарования. И это воистину недостаток, которым страдаем мы, люди восьмого века¹⁷, не признающие дарований друг в друге. Один лишен многого, но многие вместе имеют всё. Что есть у одного, того нет у другого. И если мы признаём это, то приобретается большое смирение. Ведь [тогда] чтится и прославляется Бог, Который разнообразно украсил людей и сотворил неравными все Свои творения. И неправы нечестивые, хотящее ввести равенство, ибо извращают Божие творение. Бог *вся премудростию сотворил*¹⁸.

¹⁶ Пс. 24, 18.

¹⁷ Восьмым веком Старец называет последние времена, восьмое тысячелетие от сотворения мира, в которое мы живем.

¹⁸ Пс. 103, 24.

Поэтому, чадо мое, сейчас, пока еще начало, позаботься познать самого себя хорошенько, чтобы положить твердым основанием смирение. Позаботься научиться послушанию, приобрести Иисусову молитву.

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя» пусть будет твоим дыханием.

Не оставляй свой ум праздным, чтобы не научиться плохому. Не позволяй себе смотреть на недостатки других, ибо, не подозревая о том, окажешься пособником лукавого и не преуспевающим во благом. Не делайся по неведению союзником врага твоей души.

Враг, будучи изобретательным, хорошо умеет прятаться за страстями и слабостями. Поэтому, чтобы поразить его, ты должен сразиться с самим собой, умертвить самого себя — все [свои] страсти. Когда ветхий человек умрет, тогда упразднится сила врага и противника.

Наша борьба не против человека, которого ненароком можно умертвить многоразличными способами, но против начал и властей тьмы¹⁹. С ними воюют не пирожными и мармеладом, но потоками слез, болью души до смерти, крайним смирением и величайшим терпением. Чтобы текла кровь от переутруждения в молитве. Чтобы ты падал и, изнуренный, лежал неделями, как тяжелобольной. И чтобы ты не отказывался от битвы, пока не будут побеждены и не отступят бесы. Тогда ты и получишь свободу от страстей.

Итак, чадо мое, понуждай самого себя с самого начала войти через узкие врата, ибо только они вводят в простор рая. Отсекай каждый день и час свою волю и не ищи другого пути, кроме этого. Им шествовали стопы преподобных отцов. *Открый* и ты *ко Господу путь твой*²⁰, и Он тебя наставит. Открой

¹⁹ Ср.: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего* (Еф. 6, 12).

²⁰ Пс. 36, 5.

Старцу свои помыслы, и он тебя исцелит. Не скрывай никогда своего помысла, ибо внутри него скрывается лукавство дьявола. А исчезает оно, когда ты его исповедуешь. Не открывай согрешение другого для своего собственного оправдания, ибо благодать, которая до сих пор тебя покрывала, сразу открывает твои собственные согрешения. Насколько ты по любви покрываешь брата, настолько благодать согревает и хранит тебя от клеветы человеческой.

Что же касается другого брата, о котором ты говоришь, то, кажется, у него есть неисповеданные грехи, так как он стыдится о них сказать своему Старцу. И поэтому искушение пользуется случаем. Но эта нелепость должна быть исправлена, ибо без чистосердечной исповеди человек не очищается. И жаль, что бес насмехается над ним. Здесь в глубине сокрыта гордость. Господь да просветит его, дабы он пришел в чувство. Ты молись и имей любовь к нему и ко всем. Только храни себя ото всех.

Во всяком случае, сейчас, когда ты вышел на поприще, предстоит тебе испытать искушения многих видов, и готовься терпеть. Говори непрерывно Иисусову молитву, и Господь поможет тебе Своей благодатью. Искушения никогда не бывают крепче благодати.

Дитя мое, если ты будешь внимателен к тому, что я тебе пишу, и будешь понуждать себя, то обретешь большую пользу. Всё это происходит с тобой потому, что ты не понуждаешь себя к Иисусовой молитве. Так вот, понуждай себя. Говори эту молитву непрестанно. Пусть она всегда будет у тебя на устах. Так ты привыкнешь произносить ее внутри себя, и затем ее примет ум. Не будь беспечным по отношению к помыслам, ибо из-за них ты ослабеваешь и оскверняешься.

Иисусова молитва, постоянное понуждение естества²¹ — и увидишь, сколько получишь благодати.

Жизнь человеческая, дитя мое, — скорбь, ибо она проходит в изгнании. Не ищи совершенного покоя. Христос наш подъял Крест, и мы подыдем. Если вытерпим все скорби, то найдем благодать у Господа. Поэтому Господь попускает нам подвергаться искушениям, чтобы испытать нашу ревность и любовь к Нему. Поэтому нужно терпение. Без терпения человек не становится делателем, не научается духовному, не достигает меры праведности и совершенства.

Люби Иисуса и говори непрестанно Иисусову молитву, и она будет тебя просвещать на Его пути.

Смотри, не осуждай. Ведь из-за этого Бог попускает — и благодать уходит, и оставляет тебя Господь падать, смиряться, видеть свои собственные согрешения.

То, о чем ты пишешь, — хорошо. Во-первых, то, что ты чувствуешь, — это благодать Божия. Когда она приходит, человек становится духовным. И всё ему кажется добрым и прекрасным. Тогда он всех любит, у него есть умиление, слезы, душевная теплота. Но когда отойдет благодать, чтобы человек был испытан, тогда всё становится плотским и падает душа. Ты, однако, не теряй тогда своего усердия, но возглашай постоянно молитву с понуждением, с усилием, со многой болью: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»

И снова, и многократно — то же самое, непрестанно. И как бы взирая мысленно на Христа, говори Ему: «Благодарю Тебя, Христе мой, за то доброе, что Ты мне дал, и за то злое, от которого я страдаю. Слава Тебе, слава Тебе, Боже мой!» И если будешь терпеть, снова придет благодать, снова — радость. Однако и снова — искушения и печаль, смятение и нервы. Но и снова — борьба, победа, благодарение. И это

²¹ См.: Преподобный Иоанн Синайский. Лествица. Слово 1, 4.

бывает до тех пор, пока мало-помалу не очистишься от страстей и не станешь духовным. И со временем, старея, приходишь в бесстрастие.

Но подвизайся. Не проси, чтобы добро пришло само собой. Невозможно стать монахом, валяясь на перине. Монах должен подвергнуться оскорблениям, осмеяниям, испытаниям, должен упасть, подняться, стать человеком. Не в объятиях своей матери! Разве возможно, разве слыхано, чтобы кто-то стал монахом, не отходя от своей матери, которая, только скажешь: «Ох!», сразу говорит: «Покушай, а то заболеешь!»

Подвижничество, дитя мое, требует лишений. Добра не найдешь в ваннах и в сладкой жизни. Требуется подвиг и много труда. Нужно, чтобы ты взывал день и ночь ко Христу. Нужно терпение во всех искушениях и скорбях. Нужно подавить гнев и похоть.

Очень устанешь, пока поймешь, что молитва без внимания и трезвения — это потеря времени, труд без платы. Ты должен при всех внутренних и внешних²² чувствах поставить неусыпного стража — внимание. Ведь без него ум и силы души растекаются на пустое и привычное, как бесполезная вода, бегущая по дорогам. Никто никогда не обрел молитву без внимания и трезвения. Никто никогда не удостоился взойти на высоту, не презрев прежде [всё, что] внизу. Часто ты молишься, а ум твой отвлекается туда и сюда, на то, что ему нравится, к чему по привычке тянется. И нужно большое усилие, чтобы оторвать его оттуда, чтобы он внимал словам молитвы.

Часто в твой помысл, в твою речь, в слух, в твой взгляд коварно прокрадывается враг, а ты этого не распознаешь. Впоследствии понимаешь это, и тогда уже нужен подвиг, чтобы очиститься. Однако не изнемогай, противоборствуя духам

²² Т. е. душевных и телесных.

лукавства. Благодатию Христовою ты победишь и возрадуешься настолько, насколько ты был опечален.

А еще будь внимателен и другим скажи: «Смотрите, не хвалите друг друга в лицо».

Ведь похвала вредит даже совершенным, а не только вам, еще слабым.

Некоему святому один его гость трижды сказал, что тот хорошо плетет свое рукоделие. И на третий раз святой ему ответил: «С тех пор, как ты вошел сюда, человек, ты выгнал от меня Бога»²³.

Видишь, какую строгость [к себе] имели святые? Поэтому во всём требуется великое внимание. Только поношения и оскорбления приносят духовную пользу человеку, ибо от них рождается смирение. Человек приобретает венцы. Терпя, подавляет гордость и тщеславие.

Поэтому, когда тебя оскорбляют: «Гордец, лицемер, нетерпеливый!» и подобное тому, — время терпеть. А если заговоришь, то проиграл.

Итак, всегда имей страх Божий. Имей любовь ко всем и смотри, чтобы ты не огорчил чем-нибудь и не навредил кому, ибо во время молитвы станет для тебя препятствием скорбь твоего брата.

Стань для всех добрым примером в словах и делах, и Божественная благодать всегда будет тебе помогать, будет тебя покрывать.

И смотри, дитя мое, всю свою жизнь никогда не забывай, что монах должен быть примером для мирских, а не соблазном, как, опять же, сам он должен брать пример с ангелов²⁴. Поэтому он должен быть очень внимательным, чтобы его не обокрал сатана.

²³ См.: Об Иоанне Колове, 30 // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. ТСЛ, 2010. С. 122.

²⁴ Ср.: Прп. Иоанн Синайский. Лествица. Слово 26, 31.

Понадобилось монаху выйти в мир? Пусть выйдет. Однако он должен быть весь — око²⁵, весь — свет. Он должен тщательно смотреть, чтобы, принося пользу другим, самому случайно не повредиться.

Чрезвычайно опасно выходить в мир молодым монахам и монахиням, которые еще пребывают во цвете лет: они ходят посреди ловушек.

Тем, которые пришли в зрелый возраст и от подвижничества увяли, — не так страшно. Они не настолько повреждаются, насколько могут принести пользу, если у них есть опыт и ведение.

Вообще же, ни один монах не приобретает себе никакой пользы от мира, а [приобретает] только похвалы и славу, которые всё смывают с него, и он остается нагим. И горе было бы, если бы не покрывала [его] Божественная благодать соответственно нужде и цели, ради которых каждый выходит [из монастыря].

Чадо мое в Господе возлюбленное, Духа Божественного порождение!

Радуюсь я, если ты радуешься. Радуются начала и власти, херувимы и серафимы, ангельские воинства, лики апостолов и пророков, мучеников и праведных и Пречистая Матерь наша, Царица и Госпожа всех.

Сегодня ты возвеселил мою душу сказанным тобой посредством чернил и бумаги.

Еще же более возрадуюсь и сильнее возвеселюсь, если ты до конца окажешься верным тому, что сегодня пишешь. Ведь

²⁵ См.: Об Авве Виссарионе, 11 // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. СТСЛ, 2010. С. 66.

война врага начинается через три-четыре года, ибо тогда благодать умалается, чтобы испытать [тебя]. И свеча угасает. И то, что сейчас кажется прекрасным, — и оно действительно прекрасно, — тогда покажется безобразным, черным и мрачным. Поэтому то, что сейчас с тобой происходит, несколько не принимай за искушение, ибо другой тебя ограждает²⁶. И так как ты, возлюбленное мое дитя, просишь у меня, смиренного, совета, то послушай.

Не одевайся в одни листья, но распростри корни глубоко, чтобы найти источник, как это делают платаны. Так, чтобы ты черпал непрестанно воду и непрестанно рос. Чтобы, когда к тебе придет засуха, ты не претерпел никакого изменения, потому что нашел свой собственный источник. И когда угаснет твоя нынешняя свеча, ты делами своими уже возжжешь другую. И с тобой уже не случится никакого помрачения.

А средство приобретения этого следующее. Прежде всего совершенное и нерассуждающее послушание всем. От него рождается смирение. Признак смирения — бесчисленные слезы, которые три-четыре года текут ручьем. От них рождается непрестанная молитва, так называемая умная молитва. Так что лишь скажешь: «Иисусе мой сладчайший!» — текут слезы. Только скажешь: «Пресвятая Богородице!» — не можешь удержаться [от слез]. Тогда от них рождается тишина во всем теле и совершенный мир.

Один брат захотел как-то удержать себя, потому что уже начались слезы, а кто-то постучал в дверь. И не смог, пока они не прекратились [сами]: такая у них сила.

Так вот, если приобретешь это, тебе не страшны изменения, ибо становишься человеком другого естества. Не то чтобы изменялось [само] естество, но его свойства изменяет благодать посредством Божественных действий Бога.

²⁶ Это место может быть истолковано или как «Бог хранит», или как «твой Старец стоит на страже».

Так называемый «устав» должен заключать в себе сущность, как листья деревьев прикрывают плоды.

Псалмопение пусть совершается смиренно. Ум да стремится уловить смысл тропаря. Разум пусть наслаждается тем, что постигает ум, и да возводится в созерцание этого.

Чтение также пусть будет с большим вниманием. Тогда от всего этого возрастает душа и развивается. Угасает, умирает ветхий человек — и обновляется новый, и изобилует любовью Христовой. И впредь человек нисколько не удовлетворяется земным, но непрерывно желает небесного.

Также о теле: оно должно подвизаться изо всех сил, всегда быть поработленным духу. Не жалея его нисколько. И ешь ли ты или работаешь — Иисусову молитву не прекращай.

Во всех же молитвах ум пусть следит за тем и уразумевает то, о чем ты молишься и что говоришь. Ведь если ты не понимаешь, что говоришь, то как можешь ждать понимания от Бога, чтобы Он даровал тебе то, о чем ты просишь?

Если это сохранишь, благо тебе будет, спасешься навсегда и меня обрадуешь. Если же по нерадению ослушаешься, станешь виновником скорби для многих.

Итак, послушай меня вновь.

Положи твердое основание. Построй прекрасный теремок на Небесах. Очищай внутренность чаши, как нас учит Господь, чтобы стала она и снаружи чистой. Ведь всё исполняемое посредством тела — это [всего лишь] листья, украшающие внешнего человека.

И это хорошо и прекрасно. Но только то, о чем я написал тебе прежде, очищает человека изнутри. Только оно открывает глаза души. Лишь этим очистится сердце, чтобы увидеть

Бога в день оный. Ведь без умного делания мало пользы от внешнего.

Если же не видишь слез, которые бы текли при каждом воспоминании Бога, то ты болен неведением, от которого рождается гордость и ожесточается сердце.

Итак, да будет [у тебя] смирение как одеяние во всех твоих движениях. И стань губкой для братии, впитывая в себя²⁷ всякое поношение и унижение, напитывая свою душу не похестями и похвалами, но поношениями и обвинениями, будучи при этом невиновным.

Никогда не пытайся доказать свою правоту, ибо тогда-то ты и будешь неправ. Но научись мужественно терпеть искушения, какие бы ни попустил Господь. Без многих оправданий говори: «Простите!»²⁸ — и, не согрешив, кайся, что согрешил. Признавая это в душе, а не так, чтобы напоказ, ради похвалы, ты говорил, что виноват, а внутри себя осуждал других.

Чтобы получить утешение от Бога, не ищи в своих скорбях утешения от людей.

Мост²⁹, по которому мы все переходим, — прощение виноватых, и если не прощаешь виноватого — разрушаешь мост, по которому ты должен был пройти. Итак, стань хорошим образцом и примером для других в своих делах, добрых и благоугодных Господу, и не желай всех победить своим языком.

Не рассчитывай на облегчение, когда станешь говорить с целью доказать свою правоту. [Подлинная] правота —

²⁷ В оригинале — «очищая», в том смысле, что губка, впитывая в себя грязь, таким образом наводит чистоту.

²⁸ Буквально: «Благослови!», однако в современной монастырской греческой традиции это слово (в данной форме — εὐλόγησον!, в том числе при обращении к лицу, с которым обычно разговаривают на «Вы») употребляется исключительно в значении «простите!», «прости!».

²⁹ Образ моста — один из излюбленных у Старца Иосифа. Он употребляет его для обозначения перехода после смерти от земли на Небо.

это мужественно претерпеть приходящее искушение, чтобы выйти победителем, виноват ты или не виноват. Если же ты говоришь: «Но почему?» — то борешься с Богом, посылающим горести из-за твоего страстного состояния. Бог нас наказывает, чтобы мы пришли в бесстрашие. И если ты этого не выносишь, то воистину воюешь с Богом.

Ты пишешь о гневе в сердце безумного. Гнев сам по себе естествен. Как нервы в теле, так и он — нерв души. И каждый должен им пользоваться против демонов, людей-еретиков и всего препятствующего идти по пути Божью. Если же гневаешься на единокровных братьев или, бывая вне себя, разрушаешь дела рук своих, знай, что ты болен тщеславием и злоупотребляешь нервом души. А избавиться от этого можешь любовью ко всем и истинным смирением.

Поэтому, когда найдет на тебя гнев, закрой накрепко рот и не говори с тем, кто оскорбляет, или позорит, или обличает, или без причины многообразно тебя искушает.

И этот змей вострепнется в сердце, подойдет к горлу и, поскольку ты ему не дашь выхода, задохнется и лопнет. И когда это повторится несколько раз, [гнев] уменьшится и прекратится совсем.

Так как человек создан разумным и кротким, то исправляется он несравненно лучше любовью и кротким обращением, чем гневом и грубостью.

Это осознал и я [ценою] многих и больших испытаний. Добром и любовью можешь многих сделать кроткими. И если у кого-нибудь добрые побуждения, то быстро добиваешься, чтобы он исправился, стал ангелом Божиим.

Итак, это я говорю тебе и всем: никогда не стремитесь исправлять друг друга гневом, ибо искушение искушения не устраняет. Но [исправляйте друг друга] смирением и искренней любовью. Если видишь, что ты во власти гнева, отложи на время исправление. И когда увидишь, что гнев прошел, и

пришел мир, и бесстрастно действует рассудительность, тогда говори то, что полезно.

Никогда не видел я, чтобы гневом достигалось исправление, но всегда — любовью. Тогда и вразумляемый жертвует собой. Поэтому так и делайте. Возьми пример с самого себя: когда ты становишься кротким? Когда тебя оскорбляют или когда проявляют любовь? Разве не удивительны слова, которые говорит тот святой в «Отечнике», что «гневливый и яростный человек, если и мертвого воскресит, не принимается в Царство Божие»³⁰?

Ты говоришь, что ценишь мои слова. Так вот, испытай, истинно ли то, что я тебе здесь пишу. И задуши страсть, когда она придет задушить тебя. Удержи змею запертой внутри единой, и дважды, и многожды — и сразу отыщешь путь радости и победы. И тогда сразу подействуют молитвы, которые я о тебе творю. И когда будет побеждена мать, падёт вся стая дочерей, которых рождает гнев.

Ведь главные страсти, от которых рождаются все другие, — это гнев и похоть.

Итак, изо всех своих сил души́ гнев каждый раз, когда он приходит в движение, и найдешь его в следующий раз более ослабленным. И снова продолжай его поражать и рубить ему голову, как только увидишь, что он поднимает голову. И вскоре расцветет плод долготерпения — невозмутимость. Отсюда — мир и благодать, а за этим следуют все блага.

Другая же мать [страстей] — это похоть, которая сбрасывает всадника. Но когда во всём будет употреблено воздержание и не будет прибавления вещества, тогда не будет избытка крови. А когда не будет этого избытка, [похоть] не может повергнуть человека, хотя и воюет с ним.

³⁰ Ср.: Об Авве Агафоне, 19 // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. ТСЛ, 2010. С. 43.

Итак, противостань противоречу. Не позволяй входить помыслам, но сражайся молитвой. Сражайся мужественно, а не вяло, и они сразу ослабеют. И если будешь делать так, расцветет цветок чистоты и невинности, о котором возрадуется душа твоя радостью неизреченной. [Возрадуется она] и об извещении, что отныне уготовано тебе место упокоения. И так ты сделаешь бессильной злобу и этой страсти, и злодейства всех ее дочерей.

Только что получил твое письмо и прочитал его. Радуюсь твоему здоровью, но печалюсь о твоих скорбях.

То, что ты пишешь, дитя мое, происходит с тобой потому, что нет у тебя терпения. Ты, дитя мое, ищешь Христа, стремишься войти в Небесный Град. Молится об этом твой Старец, молятся отцы, молюсь и я, убогий, здесь, среди скал. Так вот, слышит всех нас Господь и ради сокрушения твоей гордой души, чтобы смирить и побороть гнев, ярость, раздражение, эгоизм, послал тебе Он одну блоху — это маленькое искушение, чтоб она тебя кусала, а ты сносил, чтобы она тебе докучала, а ты долготерпел. И чтобы мало-помалу ты укрощал гнев, ярость и смятение, удушая это в себе и не позволяя жестокому слову выйти [из твоих уст]. И тогда удаляется та сила сатаны, которую человек подавляет внутри [себя] единожды, и дважды, и многожды, и оставляет его кротким и спокойным, как ягненок.

И послушай об одном событии, которое случилось со мной. Я, когда был в миру, мог выступить и против тысячи. Сердце у меня было львиное. И вот любовь Христова сделала меня трупом. Если бы я решил рассказать, что я выносил каждый день от этой страсти, то должен был бы написать

книгу. Ведь Бог, желая меня освободить, посылал мне всякие изощренные напасти: чтобы несправедливо мне досаждали, чтобы меня оскорбляли, чтобы меня искушали. Не простые досаждения, а такие, что способны убить. И терпя, и удушая в себе сатану крайним терпением, я получил избавление от этого зла.

Итак, одной тяжелой зимой искушитель приберег и возвел на меня всяческие хитроумные напасти, которыми он один умеет искушать, а Бог попускает испытывать. И вот, когда он сделал три или четыре попытки и увидел, что его нападки тщетны, внезапно врывается сквозь дверь порыв ветра, так что взметает кровлю со всеми опорами, крышу с тысячами ок³¹ камней наверху³² — она пронеслась по воздуху, как самолет, — и бросает ее напротив, на скалы, в снег. И мы остались под открытым небом среди снега.

Если же ты услышишь [хотя бы только] о видах искушений, то и этого не сможешь вынести без вреда для себя, ибо станешь осуждать виновников. Однако если ты терпишь свои испытания, то за это получишь столько благодати, соответственно искушениям, что невозможно измерить. Поэтому не думай, что, если уступишь одному, не придет к тебе другое искушение. Обязательно придет. И если проявишь себя в нем немужественным, то и в других искушениях ты будешь таким же.

Ведь искушение внутри нас, дитя мое. Ты его не видишь? Приглядись-ка к нему! Оно от пупа чрева поднимается в сердце, разжигает его, горячит кровь и поднимается к горлу, ударяет в голову, помрачает ум. И как бы ком встает в горле, и перекрывает самое дыхание, и душит человека.

³¹ Ока́ — греческая мера веса, равная 1280 грамм.

³² Кровля на Афоне часто сооружается из тонкого плоского камня вместо черепицы.

Кроме этого, бывает, что кого-то подталкивает иной, худший человек, или, скорее, и того толкает искушение, чтобы взволновать и смутить тебя. Однако Господь это позволяет ему, чтобы ты становился с каждым днем испытаннее и пришел в бесстрашие. Ведь когда ты готовишься и ожидаешь искушения, тогда не смущаешься, не волнуешься, не выходишь из себя.

Ты пишешь, что если бы знал, что получишь благодать, то вытерпел бы тысячу искушений, таких, как это. Но откуда же ты знаешь, что если выдержишь, то не получишь благодати? Я говорю тебе и всем братьям, что нет другой, более короткой дороги, чем терпеть искушения, которые приходят, каким бы образом они ни пришли. О духовном состоянии человека и о благодати, которую он имеет, свидетельствует [его] терпение. Как вашему Старцу удастся всех вас терпеть? Благодаря тому, что у него есть терпение. Это свидетельство того, что он имеет благодать, имеет праведность.

У праведности нет колокольчика, чтобы узнать о ней по его звону. Колокольчик праведности — это снисходительность, долготерпение, выдержка. Вот украшения монаха и всякого христианина.

Подвизающийся, предвидя мздовоздаяние свыше и благодать, которую ему предстоит получить от Господа, всё терпит. Вот этому брату, как сильному, ваш Старец поручил выносить и терпеть искушаемого. Тебе же, как слабому, дал эту мельчайшую занозу. Так вот, прояви терпение, чтобы и ты стал способным выносить бесноватого, его терпеть, ему служить, его выдерживать. Великая добродетель! Знаешь ли ты, что значит выносить и терпеть сумасшедшего?

Пришел к нам [как-то] один сумасшедший, и мне стало жаль его прогонять. Отовсюду его прогоняли. Итак, я оставил его, чтобы он передохнул немного, как [нормальный] человек, чтобы согрелось его сердце.

И что же после этого? Я наложил на него сторожайший пост, ибо говорит Господь: *«Сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста»*³³.

И вот, однажды были мы все во дворе, а он закрыл все двери и окна келлии и нас оставил снаружи. И, несмотря на многие уговоры, не открывал. В конце концов, что оставалось делать? Нашли мы отвертку, и открутили петли, и открыли. И тогда он выскочил.

— Слушай, — говорю я ему, — почему ты закрылся и нас оставил снаружи?

— Потому, — говорит, — что в доме были лук и картошка, я хотел один подвизаться — есть лук с картошкой!

Вскоре ему стало лучше, но он ушел [от нас] и снова впал в беснование. Три раза приходил и, только лишь выздоравливал, уходил и снова впадал в сумасшествие, и им овладевали бесы. Сейчас его держат в больнице.

Ты же смотри, не презирай ни одного из малых, униженных и больных мира сего. Ведь это презрение и обида с твоей стороны не останавливается на этих несчастных, а восходит чрез них к лицу Творца и Создателя, образ Которого они носят. И ты весьма удивишься в день оный, когда увидишь, что Святой Дух Божий почивает более на них, чем в твоём собственном сердце.

Я уже совсем разболелся. Я словно парализованный. Десяти шагов не могу ступить. Из-за этого и из-за всего [остального] я превратился в труп. Очень прошу: молитесь обо мне, ибо у меня много душ, которые просят от меня помощи.

И поверьте, отцы и братья мои, что за каждую душу, получающую помощь, я испытываю ту брань, которой она подвергается.

³³ Мк. 9, 29.

Поэтому и ваш Старец постоянно болен, ибо слабеет от умственного перенапряжения и от искушений, которые ради всех вас переносит. Поэтому не повторяй, дитя мое, того, что тебе говорит бес: что Старец не обращает на тебя внимания, что не замечает твой труд и нужды. Как может не обращать внимания тот, кто ради всех вас страдает?

Будь внимателен! Оставь этот помысл и прояви терпение, чтобы Бог увидел [твое] произволение, чтобы облегчил твой труд. Прими искушение и не обвиняй то одного, то другого. Ведь когда не терпишь и одно искушение, и другое, а жалуешься на окружающих, тогда, поскольку это нам посылает Господь, Он Сам нас будет бичевать, что гораздо страшнее и весьма сурово. Ведь никто из людей не может так наказывать, как наказывает Всесильный. Поэтому, дитя мое, *примите наказание, да не когда прогневается Господь*³⁴ всяческих. Возлюбите волю Его и переносите напасти, как заслуженные вами, чтобы не предал Он нас малодушию и хуле.

И если снова согрешаешь и падаешь, снова кайся. Не отчаивайся. Воспрянь духом и не теряй надежды. Говори: «Прости меня, Христе мой, снова я каюсь!» Не надо говорить: «Нет мне спасения!» Разве не жаль себя? Ведь мы люди.

Не негодуй на братьев. Переноси их ошибки, чтобы [и] они переносили твои. Люби, чтобы [и] тебя любили, и терпи, чтобы [и] тебя терпели. Стань добрым, и все станут добрыми к тебе. Покори свои страсти и увидишь, как многие благоговейно будут относиться не только к твоим словам, но и к манию твоих очей.

Что касается послушаний, о которых ты говоришь, — если их много и ты не успеваешь их выполнять и от этого приходишь в замешательство, то прошу и я твоего Старца, чтобы он их тебе облегчил и ты не исполнял их с ропотом.

³⁴ Пс. 2, 12.

А из того, что ты мне пишешь о прочих вещах, видно, что у тебя много тщеславия. Поэтому стань трупом, чтобы все попирали тебя ногами. Стань землей. Бей, колоти, возненавидь, как непримиримого врага, самого себя. Совершенною ненавистью возненавидь его. Ведь если ты его не поразишь, то он тебя поразит. Мужайся, не жалея его! Благодатию Божией я ношу тебя. А еще напоминаю тебе и слова отцов, которые говорят: «Если не прольешь кровь, то не примешь Духа»³⁵.

Не считай себя человеком, пока не получил благодати. И если останемся без благодати, то мы напрасно появились на свет людьми.

И в соответствии с чистотой души и просвещением, насколько получил это каждый из нас здесь, настолько ближе, яснее он будет видеть Христа там, и будет наслаждаться Его благоуханием, и больше других будет радоваться и ликовать.

Итак, не считай себя человеком, пока не получил благодати.

Ничто другое не может так помочь успокоить гнев и все страсти, как любовь к Богу и всякому собрату-человеку. Любовью побеждаешь легче, чем другими подвигами.

Но и подвизаясь, не чувствуешь болезненного труда, когда господствует над умом любовь. Поэтому любовь не ослабевает, если только руль души ты всегда направляешь к ней. И если что случится, кричи пароль: «Ради любви Твоей, Иисусе мой, сладкая Любовь, я переносу брань, оскорбления, несправедливости, труды и всякие скорби — всё, что бы со мной ни случилось». И сразу, как это подумаешь, бремя

³⁵ Ср.: Об Авве Лонгине, 4 // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. ТСЛ, 2010. С. 151.

болезненного труда облегчается и бесовской горечи приходит конец.

И поверь тому, что я тебе сейчас скажу. Однажды я оказался во власти печали и уныния из-за следующих одно за другим ужасных искушений. И судился я с Богом, ибо [счёл] несправедливым, что Он ввергает меня в столь многие искушения, не сдерживая их хоть немного, чтобы я хоть чуть-чуть перевел дух. И [пребывая] в этой горечи, услышал я голос внутри себя, очень сладостный и очень отчетливый, с глубочайшим состраданием [сказавший]: «Разве ты не выдержишь всего этого ради Моей любви?» И услышав этот голос, я залился слезами и каялся в унынии, которое мною овладело. Не забуду никогда этот голос, такой сладкий, что сразу исчезло искушение и всё уныние.

— Разве ты не выдержишь всего этого ради Моей любви?

— О, воистину сладкая Любовь! Ради любви Твоей мы распялись и всё переносим!

Рассказывал мне еще тот брат³⁶, что однажды была у него печаль из-за некоего брата, которому он советовал, а тот не слушался, и он сильно печалился о нем. И, молясь, пришел он в исступление³⁷.

И видит Господа, на Кресте пригвожденного, всего окруженного светом. И, подняв главу, Христос обращает Свой взор к нему и говорит: «Посмотри на Меня, сколько Я претерпел ради любви твоей! А что претерпел ты?»

И с этим словом растворилась печаль, наполнился он радостью и миром и, изливая потоки слез, удивлялся и удивляется снисхождению Господа, Который попускает скорби, но и утешает вновь, когда видит, что мы унываем.

³⁶ Здесь Старец Иосиф переходит к рассказу о себе в третьем лице.

³⁷ εἰς ἔκστασιν

Поэтому не унывай, не огорчайся из-за скорбей и искушений, но любовью Иисуса нашего облегчай гнев и уныние.

И воспрянь духом, говоря: «Душа моя, не унывай! Ведь малая скорбь очищает тебя от многолетней болезни. Но вскоре и она пройдет». И это — чистая правда.

Искушения. Чем меньше терпения, тем большими кажутся искушения. И чем больше привыкает человек их терпеть, тем меньше они становятся, и он преодолевает их без труда. И становится непоколебимым, как скала.

Итак, терпение! И то, что сейчас тебе кажется труднодостижимым, само придет тебе в руки, когда пройдут многие годы, и ты будешь владеть этим, как своей собственностью, сам не понимая, откуда это взялось.

Поэтому трудись сейчас, в молодости, не говоря «ну почему?» и не унывая. И когда состаришься, соберешь урожай бесстрастия. И будешь недоумевать, откуда у тебя уродились такие прекрасные колосья, тогда как ты нисколько не возделывал землю?! И как ты, не достойный ничего, стал богатым?! И из всех твоих сетований, и преслушаний, и уныния выросли такие плоды и благоуханные цветы!

Поэтому понуждай себя.

И если тысячекратно упадет праведный, он не теряет своего дерзновения, но снова поднимается и собирает силы, и Господь ему приписывает победы. И победы ему не показывает, чтобы он не превозносился. А падения представляет у него перед глазами, чтобы он их видел, чтобы страдал, чтобы смирялся.

Когда же он пройдет через вражеские станы и везде одержит незаметные победы, тогда Господь начинает мало-помалу ему показывать, что он побеждает, что получает награды. И руки его осязают нечто, о чем он прежде просил, а ему не давалось. И так он упражняется, испытывается, совершенствуется, насколько вмещает естество, ум, разум и сосуд нашей души.

Поэтому мужайся и крепись в Господе и не уменьшай своего усердия. Но проси, взывай непрестанно, получаешь ты или нет.

Благодать же, чтобы сказать яснее, — это малый или великий дар беспредельного божественного богатствовоздаяния, которым Сам [Бог,] будучи благим, наделяет нас по беспредельной благодати. И вновь принимая то, что мы воздаем Ему как благодарение, то есть познание Бога (от которого происходит удивление), любовь, богослужение, песнь, славословие, — всё это принимая, благой Податель вновь нас вознаграждает от Своих — Своим, «Твоя от Твоих».

От Своего богатства Он наделяет [нас], а мы, нищие, и слепые, и хромые, от Него обогащаемся, само же это богатство остается в Нем, не убывая и не избыточествуя. О величие невообразимое! Он всех обогащает! Тысячи тысяч, тьмы и тьмы обогатились и стали святыми, а само богатство остается в Боге.

Поэтому, во-первых, знай, чадо мое, что всякое благо имеет начало от Бога. Не бывает благого помысла не от Бога и лукавого не от диавола. Итак, всё, что бы ты ни подумал, ни сказал, ни сделал хорошего, — всё это дар Божий. *Всяк дар совершен, свыше есть сходяй*³⁸. Всё — дар Божий, своего собственного мы не имеем ничего.

Так вот, всякий, кто желает и просит благодати, кто желает, чтобы Бог дал ему дар, должен прежде всего хорошо познать свое собственное существо — [исполнить заповедь] «познай самого себя». И это — сущая истина. Ведь у каждой вещи есть начало. И если не познаешь, в чем состоит начало, то в конце не получишь добра.

³⁸ Иак. 1, 17.

Итак, начало и истина — в том, чтобы познать, что ты ничто, ноль и что из ничего произошло всё. *Рече и быша, повеле и создашиася*³⁹. Он сказал — и стала земля. И, взяв глину, создал человека: без души, без ума — [простого] глиняного человека. Вот твое собственное существо. Вот что такое все мы. Земля и брение⁴⁰.

Это первый урок для того, кто хочет получить благодать, да так, чтобы она осталась близ него навсегда. Из этого [урока] он приобретает познание себя, а от этого познания рождается смирение. Пусть он не праздными словами смирнословствует, но говорит истину, имеющую твердое основание: «Я земля, я глина, я брение». Эта [земля] — наша первая мать.

Так вот, землю топчут, и тебя — как землю — должны топтать. Ты брение, ты ничего не стоишь, тебя бросают туда-сюда, из тебя строят. Тебя из одного переделывают в другое, как бесполезный материал.

Итак, вдунул в тебя Творец и дал тебе дух жизни. И вот ты сразу стал человеком разумным. Ты говоришь, трудишься, пишешь, учишь: ты стал машиной Божией. Однако не забывай, что корень твой — земля. И если возьмет [твой] дух Тот, Кто тебе его дал, из тебя снова будут строить стены.

Поэтому *поминай последняя твоя, и не согрешиши во веки*⁴¹.

Это первая причина, которая не только привлекает благодать, но и умножает ее, и удерживает. Она возводит ум в

³⁹ Пс. 148, 5.

⁴⁰ Λάσπη — этим словом обозначается как строительный раствор, так и размокший после дождя грунт, который в русском языке обычно называют «грязью». Однако в Греции эта «грязь» есть не что иное, как смесь глины и воды. Таким образом, в слове, которое Старец Иосиф употребляет для определения природы человека, нет всех тех смыслов, которые связываются со словом «грязь» в русском языке. Оно, скорее, обозначает самый простой исходный строительный материал, в котором нет ничего такого, чем можно было бы гордиться.

⁴¹ Сир. 7, 39.

первое созерцание естества. А без этого начала человек хотя и найдет какую-нибудь малость, но по прошествии времени ее потеряет, ибо строит не на твердой почве, а добивается этого разными способами и ухищрениями.

Ты говоришь, например: «Я грешник!» Но внутри себя думаешь, что ты праведен. Тогда ты не можешь избежать прелести. Благодать хочет остаться, но, так как ты еще на деле не нашел истину, то она по необходимости должна уйти. Ведь ты, несомненно, согласишься своему помыслу, что ты есть то, чем [на самом деле] не являешься, и обязательно прельстишься. И посему благодать не остается.

Ведь у нас есть противник, крепкий и искусный, изобретатель зла и создатель всякой прелести, который бдит у нашей пяты⁴², который из света стал тьмой и знает всё, который есть враг Бога и стремится всех нас сделать Его врагами. И наконец, он — лукавый дух и поэтому легко смешивается с духом, который нам даровал Бог, и берет нашу машинку и двигает ею, как хочет. Смотрит, куда склоняется стремление души и каким образом ей помогает Бог, и сразу сам изобретает [что-нибудь] подобное.

Ведь есть войны, о которых человек знает и их избегает. Но есть и другие, о которых он не знает, потому что это борьба умная, и нелегко человеку их различить. Это — душевные изменения, движения мысли, телесные болезни и перемены.

Ведь Творец, Который создал глину, взял состав из четырех стихий: сухого, влажного, горячего и холодного⁴³. Поэтому с необходимостью в каждое мгновение человек страдает согласно изменению каждой стихии. То есть он сохнет, увлажняется, нагревается, охлаждается. И если преобладают

⁴² См.: Быт. 3, 15.

⁴³ Античное учение о четырех первоэлементах (стихиях) — земле, воде, огне и воздухе, свойствами которых являются соответственно сухость, влажность, тепло и холод, — использовалось многими святыми отцами.

свойства какой-нибудь стихии, по необходимости заболевает тело. И следовательно, вместе с ним страдает и душа. И ум не может выполнять свои умные движения, поскольку хромает вместе с телом.

Сохнет от солнечного жара тело? Сохнет и ум. Увлажняется, если идет дождь, и становится вялым тело? Становится вялым и ум. Охлаждается, если дует ветер, тело? Умножается с избытком желчь, и ум помрачается, и торжествуют победу мечтания.

Так вот, во всех этих изменениях благодать хотя и присутствует, однако не действует, так как органы больны, а наш враг диавол знает, как надо воевать при каждом изменении. Сухостью он тебя ожесточает, чтобы ты становился камнем, чтобы прекословил, чтобы не слушался. Холодом он умеет охлаждать в тебе ревность, чтобы ты становился холодным к Божественному и закоченевшим. Жаром — чтобы ты гневался и волновался, дабы не позволить тебе различать истину. Ведь [тогда], как мы сказали, появляется избыток крови, который теплом приводит в движение вожделение — страстную часть души — и гнев. А влажностью он рождает в тебе сонливость, вялость, упадок сил, расслабление всего тела.

Итак, от всего этого страдает тело, страдает вместе с ним и душа, хотя она и умная, и бестелесная.

Подобным образом и благодать. Когда она приближается к человеку, тогда изменяет не [его] естество, а те же самые естественные свойства и благие преимущества, которыми одарено это естество. Она, насколько позволяют вместилница каждого, восполняет и переполняет или, наоборот, уменьшает и отнимает.

Так вот, поскольку создание предшествует дуновению⁴⁴, постольку делание должно предшествовать созерцанию. И

⁴⁴ Т. е. вначале Бог сотворил из земли тело человека, а потом вдунул в него дыхание жизни (См.: Быт. 2, 7).

деланием называется то, что совершается телом, а созерцанием — то, что умно делает разум.

Невозможно без делания прийти к созерцанию. Итак, подвизайся сейчас в том, чего требует делание, а высшее придет само собой.

Вот ты узнал, что ты — глина, нищ и наг. Теперь проси у Могущего воссоздать естество, чтобы Он тебя обогатил. И если Он тебе даст, много или мало, знай, кто твой Благодетель. И не приписывай себе чужое как свое собственное.

С болью и слезами ты примешь благодать. И опять же со слезами радости и благодарности, со страхом Божиим ее удержишь. Теплотой и ревностью она привлекается, холодностью и нерадением — теряется.

Христос не просит от тебя большего, чтобы дать тебе Свои святые дарования. Только признания: если и есть у тебя что хорошее — это Его. И сострадай тому, у кого [этого хорошего] нет. Не осуждай его за то, что он не имеет [этого,] что он грешный, злой, лукавый, болтливый, вор, блудник и лжец. Если приобретешь это познание, то никогда не сможешь никого осудить, даже если увидишь кого-то смертно согрешающим. Ведь тогда ты сразу скажешь: «Нет у него, Христе мой, благодати Твоей, поэтому он согрешает. Если и от меня Ты уйдешь, то я сделаю еще худшее. Если же я стою, то стою потому, что Ты меня носишь. Брат как видит, так и делает. Он слеп. Как же Ты хочешь, чтобы он видел без глаз? Он — нищ. Как же Ты требуешь, чтобы он был богат? Дай ему богатство, чтобы оно у него было. Дай ему глаза, чтобы он видел».

Если потребуешь справедливости в каком бы то ни было деле, когда твой ближний поступит с тобой несправедливо, опозорит тебя, оскорбит, ударит, выгонит или покусится на твою жизнь, то опять же ты сам окажешься несправедливым, посчитав его виновным или по страсти его осудив. Ведь ты требуешь от него того, чего ему не дал Бог. И если хорошо

уразумеешь то, что я тебе говорю, все будут для тебя не повинными ни в каком согрешении и только ты будешь во всём виноват.

Ведь три врага ведут брань с человеческим родом: бесы, наше собственное естество и привычка. Помимо этого другой брани не существует.

И если удалишь беса, который мучает всё человечество, тогда мы все будем хорошими. Вот кому ты должен приписать несправедливость. Его ты должен возненавидеть, его осуждать и до самого конца помнить, что он враг.

Другой [враг,] как мы сказали, — это [наше] естество, которое, как только человек познаёт этот мир⁴⁵, сопротивляется закону духа и требует всего того, что на погибель душе. Вот и второй враг, который достоин ненависти до конца твоих дней. Его ты должен осуждать и обвинять.

Есть у нас вдобавок и третий враг — привычка. Поскольку мы привыкаем делать всякого вида зло, это становится для нас привычкой, который занимает место второй природы и исполняет грех, как закон. И требуется, соответственно, равный подвиг, чтобы приняли мы божественное изменение и избавление. Итак, вот и третий враг, который достоин совершенной ненависти.

Итак, если хочешь, чтобы твой ближний во всём был хорошим, [таким,] как тебе нравится, отними от него этих трех врагов благодатью, которой обладаешь. Вот что такое справедливость, если хочешь ее найти: совершай молитву Богу, чтоб Он избавил твоего ближнего от этих врагов. И тогда будет у вас согласие.

Если же ты захочешь найти справедливость по-другому, то будешь всегда неправ и, следовательно, благодать будет вынуждена то уходить, то приходить, пока не найдет в

⁴⁵ Т. е. как только перестанет быть несознательным младенцем.

твоей душе упокоения. Ведь у человека есть право иметь в себе столько благодати, насколько сильное искушение он с благодарностью терпит, насколько тяжкое бремя ближнего он безропотно несет.

Итак, предыдущие письма, которые я тебе посылал, содержали в себе делание. Содержание этого, которое написал сейчас, — просвещение. От делания получает человек просвещение вѣдения. Ибо делание слепо, а просвещение — это глаза, которыми ум видит то, чего не видел прежде.

И теперь у него есть светильник и глаза, и он видит вещи иначе. И прежде была благодать делания, а теперь он принял десятикратную благодать. Теперь ум стал небом, видит далеко, имеет вместиельность, превосходящую прежнюю. Сейчас ему недостает созерцания. Он обрел престол, как царь, и ему недостает зрелища, о котором скажем в другой раз. Ты же перепиши эти письма чернилами, чтобы не стерлись (так как они [написаны] карандашом), чтобы их изучать и исправлять свое житие.

Попробовать и отступить — деланием не называется. Делание — это когда кто-нибудь выступит на единоборство, победит, проиграет, приобретет, потеряет, упадет, поднимется, когда преодолеет всё и будет продолжать подвиг и битву до последнего дыхания.

И пусть он, пока душа его еще в теле, никогда не надеется на себя. Но когда он восходит на Небо, тогда должен ожидать, что на следующий день спустится в ад. Не говорю уже о том, что нисхождение может произойти в то же самое мгновение, [как он поднялся]. Поэтому пусть человек не удивляется изменениям, но зарубит себе на носу, что ему свойственно и то и другое.

Знай, что всегда благодать предшествует искушениям как некое извещение для предуготовления. И сразу, когда видишь, [что посетила тебя] благодать, соберись и скажи себе: «Пришло объявление войны! Берегись, глина, смотри, откуда зловредный протрубит сигнал к битве». Часто он приходит быстро, а часто — через два или три дня. В любом случае он придет. И пусть будут укрепления прочными: исповедь каждый вечер, послушание [твоему] Старцу, смирение и любовь ко всем. И таким образом ты облегчишь [себе] скорбь.

Теперь [вот что]: если приходит благодать прежде очищения — проси внимания и ясного разума.

Благодать разделяется на три чина: очищающая, просвещающая и [благодать,] приводящая к совершенству. И жите — на три: по естеству, сверх естества, против естества. По этим трем чинам человек восходит и нисходит. И великих дара, которые получает человек, [тоже] три: созерцание, любовь, бесстрастие.

Так вот, деланию содействует благодать очищающая, которая помогает в очищении. И всякого, кто покался, побудила к покаянию благодать. И всё, что человек делает, — это дело благодати, даже если этого и не знает тот, кто ее имеет. Однако она его питает и наставляет. И соответственно достигнутому им преуспеянию он восходит, или нисходит, или остается в том же состоянии. Если у него есть ревность и самоотречение, то он восходит к созерцанию, за которым следует просвещение божественного ведения и в некоей мере — бесстрастие. А если ревность и готовность охлаждаются — умаляется и действие благодати.

А молящийся с ведением, о котором ты говоришь, — это тот, который ведает, о чем молится и чего просит у Бога. Молящийся с ведением не говорит лишнего, не просит ненужного, а знает место, способ и время и просит подходящее и полезное для своей души. Он общается умно со Христом,

улавливает Его, и удерживает, и говорит: «Не оставляю Тебя вовек».

Так вот, кто молится, тот просит оставления грехов, просит милости Господней. Если же он просит и великих дарований прежде времени, Господь ему этого не дает. Ведь Бог это дает по чину. И если ты, прося, надоедаешь Ему, Он позволяет духу прелести притворяться благодатью и прельщать тебя, выдавая одно за другое. Поэтому бесполезно просить чрезмерных дарований. Но если и будешь услышан прежде очищения, когда тебе еще не по чину [получать их,] эти чрезмерные дарования делаются змеями и вредят. Ты же имей чистое покаяние, оказывая всем послушание, и благодать придет сама, без твоих просьб.

Человек, как лепечущий младенец, просит у Бога [исполнения] Его святой воли. Бог, как Преподобный Отец, дает [человеку] благодать, но дает ему и искушения. Если он безропотно вытерпит искушения, то получает прибавление благодати. Насколько больше он получает благодати, настолько — и прибавление искушений.

Бесы, когда приближаются и трубят о сражении, не идут туда, где ты их спокойно победишь, а испытывают, где у тебя слабое место. Там, где ты их совсем не ожидаешь, они пробивают стены крепости. И когда они найдут душу немощной, найдут слабое место, всегда там и побеждают человека и делают его виновным.

Ты просишь у Бога благодать? Вместо благодати Он попускает тебе искушение. Не выдержишь брани и падаешь? Не дается тебе прибавление благодати. Снова просишь? Снова искушение. Снова поражение? Снова лишение — и так до конца дней.

Так вот, ты должен выйти победителем. Стой против искушения насмерть. В битве упали без сил на землю и кричи, изнуренный:

— Не отпущу Тебя, Сладчайший Иисусе! И не оставлю Тебя! Неразлучным с Тобой пребуду вовек и ради любви Твоей умру на поприще.

И внезапно Он предстает на поприще и взывает сквозь бурю:

— Я рядом! Препояшь, как муж, чресла свои и следуй за Мной!

Ты же весь — свет и радость:

— Увы мне, окаянному! Увы мне, лукавому и непотребному! *Слухом уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя: тем же укорих себе сам, и мню себе землю и пепел*⁴⁶.

Тогда ты исполняешься божественной любовью. И горит душа твоя, как у Клеопы⁴⁷. И в час искушения ты впрямь не оставишь покрывало и не убежишь нагой⁴⁸, а терпеливо будешь переносить скорби, размышляя так: как миновало и одно, и другое искушение, так минует и это.

Однако когда унываешь, и ропщешь, и не терпишь искушений, тогда, вместо того чтобы одерживать победы, ты должен постоянно каяться: о согрешениях днем, о нерадении ночью. И вместо того чтобы получать благодать на благодать, увеличиваешь свои скорби.

Поэтому не робей, не бойся искушений. И если даже много раз упадешь — вставай. Не теряй хладнокровия. Не отчаивайся. Это тучи, они пройдут.

И когда с помощью благодати, которая очищает тебя от всех страстей, ты пройдешь всё то, что есть делание, тогда твой ум вкушает просвещение и движется к созерцанию.

И первое созерцание — это созерцание [всего] сущего: что всех и всё Бог сотворил для человека и даже самих ангелов

⁴⁶ Иов. 42, 5–6.

⁴⁷ См.: Лк. 24, 32.

⁴⁸ См.: Мк. 14, 51–52.

[сотворил] для услужения ему. Какое достоинство, какое величие, какое великое предназначение у человека — этого дыхания Божиего! Оно не в том, чтобы он прожил здесь короткие дни своего изгнания, а в том, чтобы жил вечно со своим Создателем. Чтобы он видел ангелов Божиих, слышал неизреченное их пение. Что за радость! Что за величие! И как только наступает конец этой нашей жизни и закрываются эти глаза, сразу открываются другие и начинается новая жизнь. Воистину радость, у которой более нет конца.

Размышляя об этом, ум погружается в некий мир⁴⁹ и полнейшую тишину, которая распространяется по всему телу, и [человек] совершенно забывает, что он существует в этой жизни.

Такие созерцания сменяются одно другим. Не то чтобы человек сам создавал мечтания в своем уме, нет, такое состояние — это действие благодати. Она приносит [истинные] смыслы, и ум [неутомимо] занимается созерцанием. Не человек их создает — они приходят сами собой и захватывают ум в созерцание. И тогда ум расширяется и становится совсем другим. Он просвещается, всё для него открыто. Человек преисполняется мудростью и, как сын, обладает тем же, что и его [Небесный] Отец. Он знает, что он — ничто, глина, но и сын Царя. Ничего не имеет, но всем обладает. Преисполняется богословием. Он ненасытно возглашает и с полным сознанием исповедует, что существо его — ничто. Происхождение его — глина. А его жизненная сила? Его душа — дыхание Бога. Летит душа [человека] прямо в Небо!

— Я дуновение, дыхание Божие! Всё растворилось, осталось в земле, из которой и было взято! Я сын вечного Царя! Я бог по благодати! Я бессмертен и вечен! Я через одно мгновение — рядом с моим Небесным Отцом!

⁴⁹ Т. е. в состояние умиротворенности, греч. — εἰρήνη.

Таково поистине предназначение человека. Для этого он был создан. И должен прийти туда, откуда вышел. Таковы созерцания, в которые тщательно вникает духовный человек. И ожидает часа, когда он оставит землю и его душа возлетит на Небеса.

Итак, дерзай, чадо мое, и с этой надеждой терпи всякую боль и скорбь, поскольку вскоре мы удостоимся этого. Для всех нас — равного. Все мы — чада Божии. К Нему взываем день и ночь. И к сладкой нашей Матушке, Владычице всего, Которая молящегося Ей не оставляет никогда.

Когда любовь нашего Господа охватит пламенем душу человека, он уже не ограничен умеренностью и выходит за ее пределы. Поэтому любовь *вон изгоняет страх*⁵⁰, и если человек что-то пишет, если что-то говорит, то ни в том, ни в другом не знает меры. Но если он что-то и говорит в это благодатное мгновение, то перед пламенным сиянием божественной любви всё, что он говорит, — малó. Затем, когда сердце сожмется и облако отойдет восояси, тогда [вновь] свое центральное место [в уме] занимает [внутренний] измеритель [всех вещей,] чтобы [с его помощью человек мог] рассуждать [обо всём].

Так вот, всё то, что я вам написал, было сказано с одной целью: чтобы усилить горячность вашей души, чтобы побудить вас к ревности и вожделению нашего Сладчайшего Иисуса. Так поступают и полководцы в войсках, рассказывая о подвигах доблестных воинов, и так понуждают войска воевать мужественно.

Но и жития святых и их слова, которые они написали и оставили нам, имеют ту же цель. И душа, со своей стороны,

⁵⁰ 1 Ин. 4, 18.

создана Богом такой, что если она не слышит часто о высоком и чудесном, то впадает в сонливость и нерадение. И только так: чтением и достойными [слушания] рассказами она прогоняет забвение и обновляет старую постройку.

Придя на Святую Гору, я нашел многих отцов в делании и созерцании, старых и святых людей.

Был старец Каллиник. Прекрасный подвижник. Сорок лет затворник. Упражняющийся в умном делании и вкушающий мед божественной любви. Ставший и для других полезным. Он имел опыт восхищения ума.

Пониже его жил другой старец, Герасим. Крайне преданный безмолвию. По происхождению с острова Хиос. Чудесный подвижник, упражняющийся в умной молитве. Девяносто лет. Жил на вершине пророка Илии⁵¹ семнадцать лет; борясь с бесами и время от времени побиваемый молниями⁵², он остался непоколебимым столпом терпения. Слезы у него не прекращались. Услаждаемый молитвой Иисусовой, совершил он свою беспопечительную жизнь.

Повыше был старец Игнатий, много лет слепой. Долгие годы — духовник. Старец девяноста пяти лет, молящийся умно и непрестанно. И уста его благодаря молитве источали такое благоухание, что если кто-нибудь мог поговорить с ним уста к уста, то радовался.

Был и другой, еще более удивительный, в Святом Петре Афонском⁵³ — отец Даниил⁵⁴, подражатель Арсения

⁵¹ Речь идет о келлии в честь святого пророка Илии, находящейся недалеко от Керасьи.

⁵² Имеется в виду, что в вершину горы, на которой он жил, часто ударяли молнии.

⁵³ Речь идет о келлии в честь преподобного Петра Афонского, рядом с пещерой, где подвизался прп. Петр. Расположена высоко на склоне Горы, на тропинке между скитами Честного Предтечи и Керасья.

⁵⁴ О Старце Данииле Исихасте см.: Старец Ефрем Филофейский. Моя жизнь со Старцем Иосифом. М., 2012. С. 284–285.

Великого. Крайне молчаливый, затворник, до конца дней служивший литургию. Шестьдесят лет он ни на один день не помышлял оставить божественное священнодействие. А в Великий пост каждый [будний] день служил Преждеосвященную литургию. И, не болея до последнего своего дня, скончался в глубокой старости. А литургия его продолжалась всегда три с половиной или четыре часа, ибо не мог он от умиления произносить возгласы. От слез земля перед ним всегда становилась мокрой. Поэтому он не хотел, чтобы кто-нибудь посторонний находился на его литургии и видел его делание. Но меня, поскольку я очень горячо его упрашивал, он принимал. И каждый раз, когда я ходил к нему, три часа шагая ночью, чтобы предстать на этом воистину ужасающем божественном зрелище, он говорил мне одно или два слова, выйдя из алтаря, и сразу скрывался до следующего дня. Он имел до конца жизни умную молитву, и бдение его продолжалось всю ночь. У него я и взял этот устав и [в том] нашел величайшую пользу. Ел он двадцать пять драми⁵⁵ хлеба каждый день и весь, [казалось,] парил в воздухе на своей литургии. И пока земля под его ногами не становилась влажным месивом, не заканчивал литургии.

Были и многие другие созерцатели, которых я не удостоился увидеть, так как они скончались за год или два до того. И мне рассказывали об их чудесных подвигах, ибо я постоянно интересовался этим. Шаг за шагом я обходил горы и пещеры, чтобы найти таких. Ведь мой Старец был добрым и простым, и когда я приготавливал ему пищу, он давал мне благословение на поиск подобного — [всего того,] что было полезно для моей души. А уже когда я его похоронил, тогда исследовал весь Афон.

⁵⁵ Дра́ми — старая греческая мера веса, равная примерно 3,2 г. Таким образом, 25 драми равняется 80 граммам.

Был один в некой пещере, который должен был плакать семь раз в день. Это было его делом. А ночь он всю должен был проводить в слезах. И всё возглавие его было всегда мокрым. И спрашивал его служивший ему брат, который приходил два-три раза в день, ибо тот не хотел, чтоб он [постоянно] был рядом с ним, дабы не прерывал его плач:

— Старче, почему ты столько плачешь?

— Когда, дитя мое, человек созерцает Бога, от любви у него бегут слезы и он не может их удержать.

Были и другие, помладше: отец Косма и иные. И старшие, о которых если писать, потребуется слишком много бумаги.

Сейчас все они умерли здесь и живут вовеки там.

А сегодня о таком и не слышно. Ведь попечения, материальные заботы и почти совершенное пренебрежение [умным] трезвением⁵⁶ настолько завладели людьми, что многие не только не хотят исследовать, изучать, делать это, но, если и услышат, что кто-нибудь о таком говорит, сразу враждебно восстают против него. И считают его безумным и глупым, ибо житие его не похоже на их жизнь и вменилось ими в посмеяние⁵⁷.

И становится похоже на идолопоклоннические времена. Тогда, если ты ругал идолов, тебя побивали камнями и предавали злой смерти. А теперь каждая страсть занимает место идола. И если обличишь и осудишь страсть, которой, ты видишь, побеждается каждый, все кричат: «Побейте его камнями, ибо он оскорбил наших богов!»

Наконец, поскольку я не принимаю никого, без всякого исключения, и даже слышать не хочу, как живут или чем занимаются мир и монахи, я всегда — мишень для осуждения.

⁵⁶ νηπτικῇ

⁵⁷ Т. е. его житие кажется этим людям смешным. Ср.: Сей бе, егоже имехом некогда в посмех и в притчу поношения. ...житие его вменихом неистово и кончину его безчестну (Прем. 5, 3–4).

Но я не прекращаю днем и ночью молиться об отцах и говорить, что они совершенно правы. Только я неправ, когда соблазняю их. Ведь они видят глазами, которые им дал Бог. Разве я не буду неправ, не буду осужден, если скажу: «Почему они не видят так, как вижу я?»»

Бог всех да помирует всех по молитвам преподобных богоносных отцов.

Ты спрашиваешь о молитве, дитя мое. Так как у твоего Старца есть ведение молитвы, для тебя нет опасности впасть в прелесть. Ты делай так, как тебе говорит твой Старец, и, если благодать уходит и приходит, ты не печалься, поскольку она так упражняет человека, чтобы он мыслил смиренно и не превозносился.

Вначале у младенца так и бывает. *«Горе тебе, граде, в нем же царь твой юн»*⁵⁸, — говорит Божественное Писание. Горе тебе, душе, в ней же ум твой — новичок в таковых делах!

Ум, дитя мое, не может застыть в одном положении, особенно у того, кто слаб в духовном. В иное время он нуждается в чтении, в иное время — в псалмопении, в иное — в молчании. Когда человек молчит, ум находит удобный случай вникать в различные места Писания, которые успел изучить.

Так вот, когда ты даешь ему что-нибудь хорошее, что ему нравится, у него прибавляются силы, подобно тому, как тело получает [силы] от здоровой пищи, которую принимает. Однако, когда ты ему даешь всё, что ни подвернется тебе под руку, тогда он помрачается, вместо того чтобы просвещаться. Когда же он устает, тогда нуждается в отдыхе.

⁵⁸ Еккл. 10, 16.

Так ум научается отличать добро от зла. Так он весь становится светом, весь — сиянием. Видит чистоту души, видит занозы, терпит искушения. Умножается благодать, очищает тело от страстей. Умиряется душа. И наконец всё приходит, одно вслед за другим, связанное, как цепь, быстро и без большого труда, ибо совершенное послушание всё это приносит.

И послушай: у того, кто оказывает совершенное послушание, ум совершенно беспопечителен.

Так вот, ум — это эконо́м души, который доставляет [ей] пищу — то, что дашь ему ты. Когда у него мир и ты даешь ему то хорошее, чего он хочет, он опускает это в сердце. Сначала он очищается от тех предрассудков и впечатлений, от которых зависел в миру, освобождается от мути житейских попечений и, непрестанно говоря Иисусову молитву, совершенно перестает парить. И тогда понимаешь, что ум очистился, ибо он более не уклоняется в лукавое и нечистое, которое видел или слышал в миру. Затем он Иисусовой молитвой, которая входит в сердце и выходит [из него вместе с дыханием,] расчищает дорогу и изгоняет из [сердца] всё постыдное, всё лукавство и нечистоту. Ведь ум начинает войну против страстей и бесов, которые воздвигают их и которые столько лет гнездились в [сердце,] а о них никто не знал и их не видел. Но теперь, когда ум обрел чистоту, свою изначальную одежду, он видит их и, как собака, лает, рычит, дерется с ними, как хозяин и сторож всей разумной части души. Держа, как оружие, имя «Иисус», он бичует противников, пока не изгонит их всех вон, за перикард⁵⁹. И они тоже лают, как дикие собаки. А ум начинает очищать грязь и всякую нечистоту, которой нас осквернили бесы с нашего согласия, которое мы давали на всякое зло и прегрешения. И затем он борется с бесами, чтобы изгнать их, совершенно их удаляя, дабы они не причиняли ему

⁵⁹ Перикард — сердечная сумка, тканевая оболочка, окружающая сердце.

никакого беспокойства. И непрестанно подвизается в том, чтобы выбрасывать вон ту грязь, которую они постоянно бросают внутрь. Затем, как хороший эконо́м, он приносит пищу, подходящую для просвещения и здоровья души.

Всему этому содействует благодать очищающая. Покрывается молящийся, как сенью, покровом послушания. Охраняется благодатью того, кто воспринял его душу пред Богом. И мало-помалу происходит от Вышнего изменение⁶⁰. И когда вскоре бесы будут изгнаны вон совершенно, а сердце очистится изнутри, тогда прекратится осквернение. Ум, как царь, восседает в сердце, словно на престоле, и радуется, как жених о невесте в брачном чертоге. Радуетя свято, мирно, непорочно. Творит молитву без труда. И тогда благодать действует свободно и показывает уму то, что обещовано и что ему предстоит получить как воздаяние, если он исполнит свой долг безупречно. И с тех пор, спокойный и мирный, когда приходит благодать, ум возводится ею к созерцанию сообразно вместительности, которую имеет основание.

Итак, прежде всего страх Божий, вера, совершенное послушание и самоотречение приносят всё это. И достигает человек блаженной любви и наконец бесстрастия. Так что зло несколько не приходит в движение в его уме, человек же взывает из глубины: «Возжада душа моя к тебе, Боже мой! Когда прииду и узрю святой Твой лик?»⁶¹ И ожидает он смерти как величайшей радости, когда закроются эти глаза и откроются те, которыми он будет видеть всё, всегда радуясь.

Поэтому понуждай себя, чадо мое. Понудьте себя к блаженному послушанию, в котором есть все эти блага, и живите как одна душа в разных телах. И Старец ваш будет отдыхать и

⁶⁰ Ср.: *Сия измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11).

⁶¹ Ср.: Пс. 41, 3.

сможет свободнее о вас молиться от всей своей души в полной радости и веселии. А когда вы не слушаетесь и всё это нарушаете, тогда и его душа непрестанно отягощается и от печали он слабеет и мало-помалу приближается к смерти.

Всё это я на опыте испробовал и плод этого вкусил, и он весьма сладок. Я не видел большего упокоения, чем от совершенного послушания. Похоронил я доброго моего Старчика и по его молитве обрел покой.

Так вот, потрудитесь сейчас, пока вы молоды, чтобы пожать плоды бесстрастия в старости. И не в глубокой старости, а через двадцать лет, если будете понуждать себя, увидите то, что я вам говорю. А если не будете понуждать себя, то хоть и возраста Мафусаила достигнете — не порадуетесь этим дарованиям.

Итак, понуждайте себя и соревнуйтесь все со Старцем и друг с другом в добре. И увидите такую неподвижность страстей и мир душевный, как если бы вы находились в раю.

Получил твое письмо, дитя мое, и отвечаю на то, что ты мне пишешь.

Итак, ты спрашиваешь, кто из двоих получает благодать быстрее: безмолвник или послушник. Несомненно, послушный ученик и благодать быстро получает, и в безопасности всегда находится: не боится ни упасть, ни потерять. Только бы он не впал в нерадение. А когда в человека войдет Христос, тогда и один, и со многими он безмолвствует и всюду у него сохраняется мир.

Благодать Божия зависит не от времени, а от образа [жизни] и от милости Господней.

Опыт приобретается со временем благодаря деланию. А благодать потому и называется благодатью, что она дар, дарование, зависящее от Бога и подаваемое соответственно горячности веры, смирению и доброму произволению.

Соломон получил благодать двенадцатилетним. Даниил — в том же возрасте. Давид — мальчиком, когда пас овец своего отца. И подобным образом — все древние и новые [святые].

Как только истинно покается человек, сразу приближается к нему благодать и благодаря ревности возрастает. Опыт же требует многолетнего подвига.

Просящий благодати у Господа должен прежде всего другого терпеть искушения и скорби, каким бы образом они к нам ни приходили. Если же во время искушения он негодует и не проявляет достаточного терпения, то и благодати не придет достаточно, и добродетель не совершенствуется, и дарования он не достаивается.

Если кто узнал, каков дар Божий, что это скорби и вообще [всё] то, что нам приносят искушения, тот поистине обрел путь Господень. И [такой человек] ждет, когда они придут, ибо ими, терпя их, он очищается, просвещается и созерцает Бога.

Бога нельзя видеть иначе как посредством вѣдения. Это ведение есть созерцание. То есть когда ты понимаешь, что Бог рядом с тобой, и ты внутри Бога обращаешься, и всё, что ты делаешь, Он видит, и следишь, как бы Его не опечалить, — ибо Он видит всё, что внутри и вовне, — тогда ты не согрешаешь. Ибо видишь Его, любишь Его и следишь, как бы Его не опечалить, *яко одесную тебе есть*⁶².

Итак, всякий, кто согрешает, не видит Бога, но слеп.

⁶² Ср.: Пс. 15, 8.

Радуйся в Господе, чадо Пренебесного Отца!

Ты пишешь мне, дитя мое, о помысле против [твоего] Старца. Этого помысла очень бойся, избегай его, как ядовитой змеи, поскольку он обладает страшной силой в наше время.

Таково искусство лукавого: посылает помыслы против Старца, чтобы удалить тебя от благодати, которая тебя покрывает, чтобы сделать тебя виновным и затем бичевать немилосердно. Так вот, помни мое слово и никогда не позволяй какому-либо помыслу против твоего духовного отца угнездиться в твоём сердце. Сразу его отбрасывай, как ядовитую змею.

Теперь о книге, которую ты попросил. Даже если бы ты смог благодаря ей спастись, не бери ее без благословения. Ведь, если ты не спросишь, это вменяется тебе пред Богом в прелюбодеяние. Соблюдай строгость в малом и великом до такой степени, что без благословения твоего духовного отца не молись, не твори милостыни и ничего другого доброго и благовидного не делай.

Послушай: Саула избрал Бог из всего израильского племени и помазал его царем. Но так как он не оказал совершенного послушания Самуилу и сохранил лучшее⁶³ для жертвоприношения, Бог его истребил. Как говорит пророк: «Лучше послушание, чем жертва чистая»⁶⁴.

⁶³ Саул не исполнил данного ему через пророка Самуила повеления Божия о полном истреблении амаликитян и всего их имущества, но, разбив их, взял в плен их царя Агага и привел с собой отборные стада скота для жертвоприношения Богу, истребив только негодных животных. Встретив его после битвы, Самуил обличил его за пренебрежение повелением Божиим и предсказал ему лишение царской власти. См.: 1 Цар., гл. 15.

⁶⁴ Ср.: 1 Цар. 15, 22.

Поистине, действительно велико таинство послушания.

Этот путь первым проложил сладкий наш Иисус и стал для нас образцом. Поэтому мы тем более должны идти [по этому пути] вслед за Ним!

Хотел бы и я, чадо мое, быть среди вас, упражняясь в поистине возжеленном для меня послушании.

Ведь я исповедую искренне, со всею крепостью, в полном сознании, что нет другого такого пути спасения, отстоящего от всякой прелести и действия вражьего, как этот. И если кто желает воистину спастись и быстро обрести сладкого Иисуса, то он должен оказывать послушание. И с такой любовью должен взирать на своего Старца, словно он видит образ Христов.

Так вот, дитя мое, крепко держи оружие и доспехи, которые ты получил, и усиленно подвизайся, с напряжением натягивая [тетиву и пуская] стрелы во врагов. Посылая стрелу и преследуя одну цель — никогда не ослушаться своего духовного отца. Потому что если ты огорчишь Бога, то у тебя есть Старец-молитвенник, который упросит Его за тебя; если же ты и его опечалишь, кто тогда о тебе умилоstit Господа?⁶⁵

Подвизайся насколько возможно облегчить ношу твоего Старца, чтобы и ты имел облегчение и терпение в своих скорбях. Ведь я познал на собственном опыте, какую ответственность и какую тяжесть берет [на себя] Старец и сколь страдает, пока [хотя бы] одну недостойную душу сделает достойной и введет ее в рай — тем более если она окажется жесткой по природе.

⁶⁵ Ср.: «Не ужасайся и не дивись, когда скажу тебе (ибо Моисей мне о том свидетель), что лучше согрешить перед Богом, нежели перед отцом своим; потому что если мы прогневили Бога, то наставник наш может Его с нами примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал». Преподобный Иоанн Синайский. Лествица. Слово 4, 121.

Ведь из-за каждой души, которую Старец берет на себя, тягчайшая цепь обвивается у него вокруг шеи. И нуждается он во многих и святых молитвах, чтобы облегчить эту тяжесть. Нуждается в большой и неподдельной любви, а не в преслушаниях и прекословиях. Он нуждается в том, чтобы уста его послушников источали благоговение и благодать, а не желчь и горечь, споры и распри.

Ведь каждое жестокое слово, которое вы скажете ему в час искушения, словно ядом напояет его душу, поскольку происходит оно от змея-диавола. И душа сразу увядает, как цветок, побиваемый градом. И тогда не может он даже о себе помолиться, пока не пройдет боль.

А если послушники во всём послушны, то и Старец идет прямо, поднимается ввысь, молится горячо, просвещается преизобильно, говорит разумно, советует благочинно, получает прибавление благодати и становится источником присконтекущим, расточающим каждому Божественную благодать, которую получает от Господа.

Поэтому, дитя мое, если ты хочешь быстро и без большого труда преуспеть, научись отказываться от любого собственного мнения, чтобы не появлялась у тебя своя воля. Ухо твое да будет у самых уст Старца, и то, что он тебе говорит, принимай как из уст Божиих, делай это без колебания, и всегда будет у тебя мир. И всегда помни, что твое послушание или преслушание не останавливается на Старце, а через него восходит к Богу.

Не скрывай никогда помыслов от твоего Старца и называй всё своими именами, исповедуясь перед Господом. Прямо говори свои помыслы, и сразу будет успокаиваться твое сердце.

Склони свою шею под иго послушания и прилепись к дыханию своего Старца. Только выходит слово из его уст — сразу хватай его: окрыляйся, лети, исполняй его, не рассуждая, хорошо это или плохо.

Делай без рассуждения и слепо то, что тебе повелевает тот, кто несет ответственность, чтобы ты не был ответственным за свои дела. Тот, кто повелевает, будет отвечать за то, хорошо или плохо он повелел, а ты ответишь за то, плохо или хорошо ты послушался.

Не будет послушанием исполнять то или иное повеление, которое тебе дали, если внутри ты имеешь возражения. Послушание — это подчинение мудрования души, чтобы избавиться от плохого себя.

Послушание значит стать рабом, чтобы стать свободным. Купи малой ценой свою свободу. Сними с себя ответственность и радуйся.

И не слушай того помысла, который в трудные часы советует тебе уйти из твоего монастыря.

Твердо знай, что не покоряющийся одному покоряется многим — и в конце концов остается непокорным.

Сказал Бог Адаму: «И кто возвестил тебе, что ты наг? Или, может быть, ты съел от плода, о котором Я дал тебе заповедь не есть?»⁶⁶

И я говорю тебе: «Кто тебе вложил в ум всё то, что ты пишешь? Или, может быть, ты открыл дверь врагу и он, войдя со всем своим ополчением, уничтожил твою душу?»

То, что ты думаешь сейчас, дитя мое, ты должен был думать до того, как надел святое одеяние. Сейчас, когда ты облечен в ангельский образ и Христос запечатал то, что ты Ему обещал, это уже совершенно неуместно. Ведь когда таинство

⁶⁶ См.: Быт. 3, 11.

совершилось, больше уже не существует родственников, и родителей, и всего [подобного].

И хорошенько вникни в точный смысл моих слов. Если после этого монах проявит слабость и вознерадит и оставит без причины своего Старца или братию, смертельное горе ему, ибо впадет он в большие бедствия и не избежит суда. До конца дней своих он будет платить и в конце концов останется должником. Будет признан нарушителем обета и преступником заповеди, ибо сказал Господь: *«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня»*⁶⁷. И еще сказал: *«Возложивший руку на плуг и озирающийся назад сбивается с пути в Царствие»*⁶⁸. А также еще [сказал]: *«Благо тебе еже не обещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдати»*⁶⁹.

Так вот, когда это ясно говорит Христос, Учитель, Бог и Отец твой, держащий в Своих руках твое дыхание и жизнь, уместно ли то, что ты говоришь — что ты не успокоишься, что тебя будет постоянно мучить совесть из-за обязанностей, которые ты оставил, и тому подобное? Обо всём этом пусть думает Бог, Который положил пределы и определения: пусть Он отвечает Сам перед Собой, если то, что Он сказал, — нехорошо. Ты же, и я, и все облекшиеся в этот святой образ должны хранить любой ценой обеты, которые Ему дали, чтобы стать наследниками тех благ, которые Он нам обещал.

И не думай, что родителям сейчас будет польза, если ты вернешься назад. Большой вред будет их душе, и на погибель будут в доме те, кто противится Божией воле.

Но и я никогда не посодействую этому греху. И сейчас не соглашаюсь с тем решением, которое вы предлагаете. Да и

⁶⁷ Мф. 10, 37.

⁶⁸ Ср.: Лк. 9, 62.

⁶⁹ Еккл. 5, 4.

Старец твой, если всё это ему надоест и он тобой пожертвует, очень дорого заплатит за эту уступку.

Итак, сотри совершенно из своей памяти эту лукавую мысль, чтобы прекратилась война помыслов и умиротворилось твое сердце. А если ты будешь побежден и вернешься домой, я не только другого письма не напишу тебе, но и совсем вычеркну тебя из своего сердца. Сделать что-нибудь, кроме этого, не могу, поскольку вижу, что ты, хотя и понимаешь, что это искушение и диавол, все-таки продолжаешь его слушать. Итак, что мне еще написать вдобавок?

Но послушай меня, пока есть время. Ведь когда человек сознательно отступает перед искушением, затем приходит время, когда он не может более слушать здоровое и полезное, поскольку уже испорчен слух его души. И становится он после всего этого презрителем, шествующим к погибели.

Разве не видишь, что Господь, обращаясь ко всем, в конце заключает: *«Имеяй уши слышати да слышит»⁷⁰*?

Поэтому отложи в сторону эти свои помыслы и утверди свой разум *Духом владычним*⁷¹.

На тебе нет никакой ответственности за всё то, что ты оставил позади, удалившись из мира и от твоих домашних. Промышляет и заботится обо всём Тот, Кто создал небо и землю и печется обо всех.

И послушай об одном чудесном событии, которое случилось здесь, на Святой Горе, и о котором ты, может быть, до сих пор не слышал.

Был в наши дни здесь, в Катунаках⁷², некто, которого я не застал, ибо он умер незадолго до моего прихода. Он был

⁷⁰ Мф. 11, 15.

⁷¹ Пс. 50, 14.

⁷² Один из скитов Лавры Святого Афанасия.

послушником у одного слепого Старца. Так вот, однажды зашел к ним один нищий мирянин, проходивший мимо их келлии. И спросил его молодой монах: «Откуда ты?» И оказалось, что он из его деревни. И дальше он не стал знакомиться, а только спросил его о своем отце: «Как поживает такой-то?» Гость ему говорит, что он умер и оставил свою жену и трех девочек без средств к существованию, сиротами и нищими. «Был у них и один сын, — говорит, — который давно ушел, и они не знают, что с ним».

Так вот, тотчас как громом поражен был монах. И сразу напала на него брань помыслов. «Уйду, — говорит он своему Старцу. — Уйду, чтобы их опекать».

Просит он благословения. Не дает ему Старец. Тот не престанно настаивает. И, наставляя его, Старец плачет о себе, плачет и о нем. Но переубедить его оказалось невозможным. Наконец оставил его Старец на свою волю, и послушник ушел.

Как только вышел он из пределов [Святой] Горы, присел, чтобы прийти в себя, в тени какого-то дерева.

И случилось так, что подошел туда, обливаясь потом, и другой монах. Присел и он в той же тени. И начал явившийся говорить с ним:

— Вижу, брат, что ты взволнован. Не скажешь ли ты мне, что с тобой?

— Ох, отец, — говорит ему тот, — случилось со мной большое несчастье.

И рассказывает ему подробно всю свою историю. А добрый путник говорит ему:

— Если хочешь, возлюбленный брат, услышать [мой совет,] вернись обратно к своему Старцу, а Бог будет опекать твой дом. Ты же служи своему Старцу, тем более что он еще и слепой.

Но он его не послушал. Слова собеседника показались ему, одержимому помыслами, *яко лжа*⁷³. И после того как тот привел ему многие примеры, как я сейчас тебе, непослушный монах встал, чтобы продолжить свой путь в мир. А явившийся ему говорит под конец:

— Итак, не слушаешь моего совета вернуться назад?

— Нет, — отвечает тот.

— Тогда знай, — говорит явившийся. — Я ангел Господень, и мне повелел Бог сразу, как только умер твой отец, идти к ним, чтобы их хранить и быть их покровителем. Но раз сейчас идешь ты вместо меня, я их оставляю и ухожу, коль уж ты меня не слушаешь.

И тотчас стал он невидим для него. Тогда наконец монах пришел в себя, и сразу вернулся к Старцу, и нашел его на коленях молящимся о нем.

Уразумел, чадо мое? Так происходит, когда мы оставляем всё на Бога. Ведь Он, как благой управитель, весьма хорошо всё устрояет и нет никаких ошибок в Его благоволении. Но у того, кто хочет спастись, должно быть терпение. А если мы просим, чтобы Бог делал так, как нравится нашему собственному рассуждению, тогда плохи наши дела.

Диавол, неспособный войти туда, где благословение послушания и союз любви, любыми средствами воюет, чтобы обособить человека через отступничество, а затем сделать его игрушкой своей злобы и лукавства. Когда, однако, разумный [человек] слушается тех, кто выше его и кто знает дорогу, беставящий ловушки, падает и зло обращается на его голову.

Так вот, имей сейчас послушание старшим, и со временем станешь и ты опытен, чтобы приносить пользу младшим. Придет время, когда ты будешь обладать тем, чего у тебя сейчас нет и что тебе кажется трудным достичь, и будешь удивляться, как же ты это приобрел, тем более что и просить об этом перестал.

⁷³ Лк. 24, 11.

Всё это будет, нужно только, чтобы ты не терял терпения и настойчиво просил об очищении своей души. И гнев прекратится, и мир придет, и ты обретешь соответствующее твоему деланию бесстрашие, и молитву обретешь. Достаточно только просить [этого] и понуждать себя сообразно своим силам. Сразу всё не делается. Ведь и телесно ты не сразу стал из младенца мужем.

Все эти падения сейчас становятся для тебя познавательными уроками смиренномудрия. Поэтому не печалиться тебе нужно, а наблюдать и укрепляться в схватках, которые идут одна за другой. И урок одной — это подготовка к следующей. А подготовка такова: во всём, что бы со мной ни случилось из того, что может устроить бес под небом, я воли своей не проявлю, мнения не выскажу, спора не заведу. Пусть повелеваемое будет криво, пусть будет каким угодно — [оно будет для меня] как крест: я сделаю это без рассуждения. И пусть увидит Бог мое сердце и облегчит мне войну.

Человек должен стоять как мишень и ожидать, откуда его ударит враг. И сразу повернуть оружие в ту сторону. И до конца дней не ждать покоя, даже если Господь и дает [его] многократно. Но и тогда человек не должен становиться самонадеянным, а должен непрестанно бдеть, как воин в час битвы. Ибо тогда одно мгновение имеет такую цену и приносит душе такую пользу, какой не принесет целый год; и такой же вред, если человек потеряет внимание.

Утроба моей души священная, чадо возлюбленное в Господе! Только сегодня получил твое письмо.

И вот, снова пла́чу и снова скорблю, снова душу мою за тебя полагаю. Итак, восстань. Даю тебе мою дрожащую руку. Не бойся. Я снова ношу тебя. Восплачь на моем плече. Я близ

тебя, плачу вместе с тобой. Воздыхаю, страдаю, болит душа моя, и сердце мое будет биться до тех пор, пока я не возведу тебя на Фавор. Ведь поскольку восходишь на Голгофу, придется тебе падать. Тяжек крест. Много раз падешь на колени. Но что же ты слушаешь искушителя? Ведь в итоге он окажется побежденным.

[Ты пойми, что] всё-таки Старец прав. Он позвал тебя дважды, а ты не слушаешься? И кого ты послушался в ту минуту? Что говорили в тот миг твои помыслы?

Ладно, если что и случилось, не будем отчаиваться. Попросим Старца нас простить и исполним нашу епитимию. Вместе с тобой и я буду каяться. Ты же делай каждый день по двадцать пять поклонов дополнительно. И впредь будь внимателен. Начни опять сначала и берегись преслушания. Ведь если человек будет хоть раз побежден какой-либо страстью, то должен впредь быть очень внимательным, противоборствуя искушению, чтобы не упасть вновь.

Посему мужайся. Как бы ни направлял стрелы лукавый, мы отразим их, [так что они вонзятся] ему в зад, чтобы понял он, что ты не один, что у тебя есть и страж, который бдит ради тебя и разрушает [лукавому] ловушки, которые тот расставляет у твоих ног. С радостью не только сорок дней, но и трижды по сорок буду поститься, буду бдеть, буду трудиться с тобой и ради тебя. Ты же поднимись и стань мужественно. Прими мужество от Господа и не бойся плешивого, которому Христос перерезал сухожилия, и он теперь лишен жил, лишен своей былой силы. Он только мечтания и страхи воздвигает, только дерзкие и развязные слова говорит. Прими благодать свыше, чтобы его попирать, и да будет крепость в членах твоих. И говори: «Прекрати, враже, воевать против меня, ибо отец мой бдит ради меня и немощи мои носит. Ради меня злостраждет и постится. И если упаду седмижды семьдесят раз, всё равно ты будешь побежден».

Так говоря, воспрянь духом и сразу кайся в том, в чем как человек согрешаешь. Ведь всё это — от лукавого: чтобы приводить тебя в отчаяние, делать так, чтоб ты унывал, чтобы всё у тебя расхищать печалью. Но ты его не слушай.

И то, что письма задерживаются, а иные и теряются, — это его проделки. Это он подталкивает, чтоб их вскрывали. Он виновник всех зол. Никто другой не виноват, только он. Так вот, с ним мы и должны воевать до конца дней. Не с братьями, но с тем, кто их подстрекает помышлять и делать всякое зло, явное или тайное.

Итак, поскольку я сказал тебе, что я рядом с тобой, когда ты гневаешься, когда ты готов вспылить, говори сам себе: «Ради любви Старца, который будет плакать, когда узнает, не разгневаюсь и не ослушаюсь. Получил ли кто когда-нибудь пользу от преслушания, так чтобы и я мог сейчас ее получить?»

Что касается аввы Дорофея, о котором ты попросил, то найти нам его легко, но не разрешается, чтобы книга выходила за пределы Святой Горы, если давно напечатана. А авва Дорофей очень умильный, славный и очень душеполезный. Я спрошу, разрешат ли, чтобы я купил и послал «Евергетин» или «Добротолюбие».

За брата, о котором ты пишешь, что он страдает, мы помолимся. В любом случае, какой-то сокрытый грех совершается им сейчас или совершен в прошлом, и поэтому попускает Бог, чтобы он страдал таким образом. Часто бывает такой грех, о котором даже сам человек не знает, что он согрешает, поступая так. И шествует, как слепой во тьме, не имея отваги увидеть себя на свету, сказать: «Я согрешил, Боже мой!»

А диавол, чем больше проходит времени и чем ближе его конец, тем больше воюет и с предельным неистовством старается обречь всех нас на мучения. Особенно сейчас, когда приближается Великий пост, много искушений и много волнений

воздвигают на нас всеокаянные бесы. Ведь как и мы сверх обычного притесняем их в это время постом и молитвою, так и они еще более свирепеют против нас. Так вот, позаботься приобрести венцы на этом поприще подвига. Ты должен стать более доблестным. Должен вступить в рукопашную с этими бесплотными. Не бойся их.

Ты не видишь, сколько их падает при каждой произнесенной тобой молитве, сколько обращается в бегство. Ты видишь только, насколько ранят тебя. Но побиваются и они. Им тоже тяжело. Всякий раз, когда мы проявляем терпение, они вприпрыжку убегают и при каждой молитве тяжело ранятся. Итак, не жди во время войны, когда ты мечешь во врагов стрелы и пули, чтобы они метали в тебя мармелад и шоколад.

Помнишь, что ты писал тогда, в начале? Ты говорил, что облекся в монашеский образ как во всеоружие, чтобы воевать против начал и властей тьмы⁷⁴. Итак, подвизайся, чтобы быть верным своим словам.

Чадо мое милое со всей во Христе братией! Радуйтесь святой радостью Господа нашего Иисуса Христа!

Сегодня память святого Харалампия. Вчера мы узнали, что пришла почта, и как закончились первые три дня Великого поста, ходил брат в Дафни⁷⁵ и получил перевод и заказное письмо. Пожалуйста, не шлите заказных, потому что очень трудно нам ходить отсюда в Дафни. И в нашем нынешнем положении это каждый раз для нас большие расходы.

⁷⁴ См.: Еф. 6, 12.

⁷⁵ Порт на западном берегу Афона, связывающий Святую Гору с внешним миром.

Вскрытие писем объясняется так: видимо, некоторые думают, что я пишу об их согрешениях Старцу, их духовнику, и поэтому вскрывают их, чтобы увидеть, что там написано. Но я об этом нисколько не волнуюсь. Не беспокойтесь и вы. Пусть каждый заботится о своей душе. Ведь каждый из нас ответит не только за правые и неправые свои дела, но и за слово праздное, и за мысли, которым мы прегрешительным образом предавались.

Поклонись своему Старцу и передай ему мою благодарность за милость, которую он нам оказал, разрешив тебя от епитимии. И впредь будь внимателен, дитяtko мое, ибо ошибки приносят боль, и это труд — исполнять епитимию. Когда Старец говорит тебе, а ты не идешь или не отвечаешь, — это страшное пренебрежение. Это непростительно для того, кому завтра снова предстоит увидеть лицо своего отца. Так мог бы делать только тот, кто принял решение и уже готов удалиться от своего ближнего и более его не видеть. Иначе как сможет тот, кто остается, посмотреть в глаза своему духовному отцу? Как он с ним заговорит, попросит его благословения?

Берегись, дитя мое, ибо это жестокая гордость и несмиренный образ мыслей. Когда тебе как человеку случается быть уставшим или больным или тебя отягощает послушание, скажи об этом своему Старцу со смирением. Объяснись бесхитростно и чистосердечно. А уж он знает, как оказать снисхождение. Он знает, как иногда облегчить тебе тяжесть, чтобы не пропадал твой труд и ты не получал бы вред вместо пользы.

Однако научись слушаться без уверток, без ожидания вознаграждения. Не заставляй своего Старца снисходить к тебе и беречь тебя за его счет, ибо в итоге, здесь или там, расходы за всю эту «бережливость» оплатишь ты. Не отягощай счета своей души из-за незначительных вещей.

И сейчас, когда ты потерпел поражение и один раз упал, будь впредь бдителен по отношению к этой страсти.

Ведь искушение всегда под боком, и если человек в каком-нибудь сражении один раз будет побежден, то, пусть хоть сто лет пройдет, только попадет в те обстоятельства, где был единожды побежден, как тут же [это искушение] его поражает снова.

Поэтому я говорю тебе и всем братьям, что из каждого сражения с врагом нужно выходить победителем. Или умереть в борьбе, или с Богом победить. Иного пути нет.

В час искушения не оставляй своего места, не дезертируй, не вздумай указывать на прегрешение другого, не проси справедливости, но минуй искушение и смятение, молча [даже] до смерти.

И когда минует искушение и установится полный мир, — Старец ты или послушник, — тогда бесстрастно укажи на вред и на пользу. И таким образом устроится добродетель.

Во всех искушениях и скорбях требуется терпение, и оно — победа над ними. Держи в памяти имена претерпевших до смерти в час искушения, [столь крепившихся,] чтобы не заговорить, что слюна у них во рту становилась кровью. К ним относись с большим благоговением и почитай их как мучеников, как исповедников. Таких я люблю, таких целую и ради них я должен ежедневно до последней капли проливать свою [кровь] в любви Христовой. Ведь видишь, что такой, терпя, предпочтет тысячу раз умереть, чем выпустить из своих уст холодное слово. Когда его душат люди, душит [собственная] правота, душит и внутренний помысл и когда он, сражаясь, ослабевает и падает, как мертвый, то и тогда еще сражается умственно с искушением и берет всю тяжесть на себя, болезнь и воздыхая, будто это он виноват.

Так вот, я ничего другого так сильно не желаю и так не люблю, как слышать, что вы имеете терпение в искушениях.

Ведь Бог, как Существо самопрославляемое, не нуждается в труде человеческом. Но Он радуется и любит, когда

ради Его любви мы делаемся мучениками и страдаем. Он поэтому и венчает нас как подвижников и дарит нам щедро Свою благодать.

Хотел бы я написать три слова, или даже книги, из которых одна была бы только о том, что человек есть ничто, и я бы непрестанно кричал, что я ничто. В другой бы говорилось, что всё во всём и над всем есть Бог самопрославляемый. И в третьей: имей во всём терпение до смерти. Молод ли ты, состарился ли, подвизался ли многие годы — если не имеешь терпения до последнего дыхания, твои дела пред Богом будут сочтены ветошью.

Итак, познай себя, что ты — ничто. Таково твое бытие — ничто. Твоя родоначальница — глина, а жизненная сила твоя — дыхание Божие. Итак, всё — Божие. Познай самого себя, что ты — ничто, и имей терпение в искушениях, чтобы избавиться от них и стать богом по благодати, ибо ты — дыхание, дуновение Божие.

Так вот, часто взывай к Отцу своему, Который всегда рядом с тобой и не отлучается никогда. Он даже ближе, чем движение твоего ума: Он в [твоем] дыхании, в [твоем] уме, в твоём слове. Бог всё объёмлет. Мы, убогие и безумные, в Нем живем⁷⁶, в объятиях Его носимы. Отец твой — здесь, Он видит тебя всегда. А ты почему не видишь Его? Почему грешишь? Почему не слушаешься? Почему печаливаешь Жизнодавца? Хотя Он тебя видит, печалится и смотрит [на это] сквозь пальцы, ибо ты слеп. Проси Его, терпя искушения, которые Он тебе посылает, и откроются твои глаза, чтобы увидеть Его, и тогда с Иовом воскликнешь: *«Слухом убо уха слышах Тя первое, ныне же око мое виде Тя: темже укорих себе сам, и истаях, и мню себе землю и пепел»*⁷⁷.

⁷⁶ Ср.: Деян. 17, 28.

⁷⁷ Иов. 42, 5–6.

То, что с тобой случилось, чадо мое, показывает, что у тебя много тщеславия. Ты много о себе думаешь. И поэтому у тебя нет духа снисхождения, смиренномудрия. Но ты считаешь, что более не согрешишь, впредь не ослушаешься, не изменишься [к худшему,] а будешь продолжать жить неизменной жизнью, что не свойственно человеческой природе.

И уже было сказано тебе, что ты болен великим неведением, от которого рождается возношение. Так вот, будь внимателен, чадо мое, и беги от неведения, матери всякого зла. Неведение добра — это тьма души. И если человек не станет союзником Христа, Который есть Свет, он не сможет избавиться от князя тьмы, дьявола.

Вот свидетель мне Господь, предающий гибели лжецов с их ложью: уже двадцать пять с лишним лет как яростно и до крови я борюсь с бесами на земле. Спустился в глубину океана, обнажившись от самолюбия и своей воли, чтобы найти Драгоценную Жемчужину. Обуздал самого сатану со всем его воинством, наукой и искусством. И, связав его смирением, спрашиваю:

— Почему ты так бешено нас ненавидишь и воюешь с нами так яростно?

А он мне говорит:

— Чтобы было у меня много товарищей в аду и чтобы хвалился я Назарянину, что не один я преступник, а вон сколько других вместе со мной!

И опять же, поднялся я на Небеса благодатью и духовным созерцанием и видел неизреченные красоты рая, которые уготовал Бог любящим Его.

И после всего этого несколько отошла благодать и у меня едва не подкосились ноги⁷⁸. И я впал в некоторое нерадение, и

⁷⁸ Ср.: Пс. 72, 2.

пленил меня сон и многих благ меня лишил. И вскоре снова я встал и вступил в брань и кровавую битву. И, победив, снова впал в сонливость. И снова мать всякого зла — нерадение — пожрала мои кости. Но и снова я встал и вступил в битву со всеми духами.

Вначале я восемь лет сражался с плотскими страстями. Спал не лёжа, а стоя в углу или сидя на скамеечке⁷⁹. Бил себя дважды или трижды в день, вопия и плача, чтобы пожалел меня Бог и унял брань. [И так продолжалось] до тех пор, пока не помиловал меня Всемиловитый и не прекратил неистовство сатаны. Ныне же бесчисленные мои страдания я описываю как бы вкратце, даю тебе одну каплю из океана.

Каждую ночь полчища бесовские с палками, секирами и со всяким другим вредоносным [оружием] неистово мучили меня все восемь лет. Один [бес] — за маленькую тогда мою бородку, другой — за волосы, ноги, руки. Творили всякого рода зло и муки. Все они кричали: «Душите его! Убейте его!» И только Именем Христовым и Пресвятой Богородицы они исчезали, и сила их рассеивалась как дым. Наконец помиловал меня Господь и извел меня из глубины и рва [бедствий].

И ныне, чадо мое, я поступаю безрассудно, открывая тебе это. Однако говорю это сейчас и продолжаю говорить, считая, что принесу тебе пользу.

Так вот, хотя в юности я был в расцвете сил, а сейчас из-за мук от многих изменений состарился, как столетний старик, тем не менее я в поте [лица] добываю свой хлеб трудами рук своих, как ты видел из того, что я тебе прислал. Приходят к нам из разных монастырей и скитов Афона, и благодатью Божией мы говорим то, что подает нам Господь.

Тружусь умно и исполняю неопустительно свои монашеские обязанности. И по ночам, когда ум устанет в молитве,

⁷⁹ Имеется в виду низкая деревянная скамеечка, на которой монахи обычно сидят во время чтения Иисусовой молитвы.

подолгу пишу немало писем, поскольку христиане из разных мест просят у меня помощи. И после всего, что ты услышал, выпадаю в отчаяние, что не исполняю воли Господа моего: «Кто знает, — говорю и плачу, — угодно ли Господу моему то, что я делаю, или, может быть, я обольщаюсь и, проповедуя другим, сам остаюсь негодным?»⁸⁰ Ведь сокрыта от меня Божественная воля Господа моего, ибо кто познал ум Вседержителя? Или кто постоит против Него, аще беззакония назрит?»⁸¹»

Так вот, чадо мое, из-за одного преслушания ты бросил всё [свое] оружие? Из-за слова одного беса отказываешься от битвы? А если бы ты увидел зиму, снежные бури, когда полчища и воинства бесовские тебя устрашают? Ты испугался угрозы одного беса? Да не верь ты никогда тому, что он говорит! Ибо он лжец искони и не имеет никакой силы против нас, если только мы не будем застигнуты в гордом неведении. Они только угрожают и пугают нас, однако сил не имеют. Ведь если в свиней они не имели власти войти, то как искусят нас без разрешения Господа?

Так вот, научись иметь смиренные мысли и нисколько не бойся слов бесноватого человека. У нас есть ясное свидетельство нашего Господа. Когда однажды бес, заговорив, сказал: «Знаем, кто Ты»⁸², тогда, хотя он и правду сказал, Господь заставил его замолчать, подавая нам пример не слушать слов бесноватых, сколь бы ни казались они истинными. Ведь устами [такого] человека говорит бес. И хотя сейчас он скажет истину, но потом — снова ложь, потому что от начала он лжец и никогда не стоит в истине⁸³. И если человек позволит себе этому верить, то быстро станет посмешищем и игрушкой бесов.

⁸⁰ Ср.: 1 Кор. 9, 27.

⁸¹ Ср.: Пс. 129, 3.

⁸² Ср.: Мк. 1, 24.

⁸³ Ср.: Ин. 8, 44.

Итак, приди в себя и выброси эти слова из головы. Смирный если и тысячи раз упадет, снова поднимается, и падение засчитывается ему как победа. А гордый, как только впадет в грех, впадает и в отчаяние и, ожесточившись, не желает более подниматься. Отчаяние — смертный грех, и радуется ему диавол более всего. Но исповедью оно сразу же рассеивается.

Итак, чадо мое, понуждай себя ко всякому благу. И если, делая что-то доброе, мы много раз падаем вниз, все-таки не будем оставаться в падении. Но восстав, будем просить прощения у нашего Спасителя. А Он, поскольку сказал Своему ученику прощать виновному седмижды семьдесят раз в день, как же не простит нас, будучи Сам Законодателем?

Поэтому не бойся. Но сколько бы раз ты ни пал, вставай и проси через священников прощения. И Он, как Препологой, не будет держать зла на тебя и продолжать гневаться. *Елико отстоят востоцы от запад, удалил есть от нас беззакония наша*⁸⁴.

Получил я, чадо мое, твое письмо и увидел в нем твое беспокойство. Всё же не печалься, дитя мое. Не беспокойся так. И если опять упал — опять поднимайся. Ты призван быть небоходцем. Неудивительно споткнуться тому, кто бежит. Только надо ему иметь терпение и покаяние в каждое мгновение.

Поэтому всякий раз, когда согрешишь, не теряй времени и приноси покаяние. Ведь насколько ты медлишь попросить прощения, настолько даешь позволение лукавому простирать в тебе корни. Не позволяй ему отращивать корни тебе во вред.

Итак, не отчаивайся, падая, но, поднимаясь с готовностью, приноси покаяние, говоря: «Прости меня, Христе мой, человек есмь и немощен».

⁸⁴ Пс. 102, 12.

Это — не оставление. Но так как у тебя пока еще много мирской гордости, много тщеславия, попускает тебе наш Христос согрешать и падать. Чтобы ты каждый день ощутительно познавал свою слабость и терпел падающих. Чтобы не осуждал ты братьев, если они согрешают, а носил их [немощи].

Значит, сколько бы раз ни падал, снова вставай и сразу проси прощения.

Не скрывай печаль в своем сердце. Ведь радость для лукавого — [когда у нас] печаль и уныние, из которых рождается много такого, от чего душа унывающего наполняется горечью. Тогда как [душевное] расположение кающегося говорит: «Согрешил, прости меня, Отче!» И так прогоняет печаль. «Разве не человек я немощный? — говорит кающийся. — Что мне еще делать?» Воистину, чадо мое, это так. Имей дерзновение.

Только когда придет благодать Божия, тогда человек стоит на ногах. Иначе, без благодати, всегда шатается и всегда падает. Итак, мужайся и нисколько не бойся.

Видишь, как вытерпел искушение брат, о котором ты пишешь? Подобное делай и ты. Прибери отважный образ мыслей перед лицом приходящих искушений. Так или иначе они придут. Они тебе необходимы, ибо по-другому не очистишься. Оставь то, что тебе говорят уныние и леность. Не бойся их. Как прошли благодатью Божией предыдущие искушения, так минуют и эти, сделав свое дело.

Искушения — это лекарства и целебные травы, которые исцеляют явные страсти и невидимые наши раны.

Так вот, имей терпение, чтобы приобретать каждый день, накапливать награду, упокоение и радость в Небесном Царствии. Ведь приближается ночь смерти, когда никто не сможет более работать. Поэтому спеши. Времени мало.

Да будет тебе известно и это: лучше прожить всего один день победоносно, с наградами и венцами, чем жить много

лет, но в нерадении. Ведь один день подвига, когда душа [этот подвиг] осознает и чувствует, стоит пятидесяти лет жизни того, кто подвизается бессознательно и нерадиво.

Без борьбы и пролития крови не жди освобождения от страстей. Терния и волчцы взращивает наша земля после преступлений. Нам заповедано очищать ее [от них,] но искореняются они только с большой болью, кровоточащими руками и многими вздыханиями. Итак, плачь, проливай реками слезы — и умягчится земля твоего сердца. И когда земля будет полита, ты легко искоренишь колючки.

Болезную душой, и тяжкая туча покрывает мое сердце. Останавливается мой ум, умолкает язык, немеет рука — из-за тебя. Недоумеваю и изумляюсь, почему ты не можешь [хотя бы] немного понудить себя.

Ах, если бы ты видел, дитя мое, мою боль и слезы, пролитые о тебе! И как я беспокоюсь, пока не услышу, что ты встал и дал оплеуху супротивнику! Ибо тот, кто делает [всё] это [зло,] — не ты, а он, лукавый, мятежник-диавол, Бог да упразднит его!

Так вот, наберись отваги, дитя мое, и восстань от падения. Поднимись. Разгневайся на искушителя, зная, что это он затевает всё это коварство. Но ты ему не позволяй. Воюй с ним.

И когда он посылает тебе воспоминание того лица, бери палку и крепко бей себя по бедрам, чтобы увядала плотская похоть. Заплачешь от боли, но ум очистится от воспоминания. Исчезнут образы, и уйдет обман мечтания.

Этого искушения, дитя мое, очень бойся. Ведь оно — осквернение для души. Этот нечистый требует палки немилосердной.

Здесь у всех моих молодых есть палка возле подушки. И только придет к ним плотской помысл — они его палкой! Так увядает похоть и расцветает душа. Итак, другого лекарства нет — молитва, пост и палка! И тогда очищается ум. Легко умиляется душа. Смягчается сердце. И получаешь дерзновение во время молитвы.

Не отчаивайся! Со всеми это бывает. Это война, которую ведет искушитель, и она минует. Поскольку вначале ты воевал с ним, а сейчас твоя ревность охладела, он хочет наверстать упущенное. Но и ты снова встань, покайся и плачь.

Разве не помнишь того брата, который говорил бесу: «Эта келлия — мастерская медника: один удар молотком даешь — один получаешь»⁸⁵. Так вот, храбро воюй со страстью и быстро, с Божией помощью, получишь избавление.

Однако сперва ты должен понять причину искушения.

Это случается с тобой потому, что ты оставил в себе помыслы против твоего Старца и братии.

Диавол, как коварный искусник, приносит ненависть к Старцу и братиям, чтобы разбить союз любви. Он приносит отвращение ко всем добродетельным, стараясь добиться, чтобы они прекратили молитву [о тебе]. Ведь молитвы многих связывают его и лишают силы.

Поэтому он ищет какой-нибудь способ или предлог, чтобы обособить тех, кто верит его помыслам, и отделить их от собора отцов. И затем, в итоге, он господствует над ними, делая их подвластными себе.

Отсюда пойми, что всё это — козни и ухищрения лукавого. Поэтому не слушай, что он нашептывает тебе в помыслах.

Смотри, чтобы он не выбил тебя из твоего правила, ибо тогда ты пропал. Да не порадуетса он в своих ожиданиях.

⁸⁵ Ср.: Евергетин. Т. 1. М., 2008. С. 53.

Жду, чтобы ты обрадовал меня той оплеухой, которую ты отведешь ему прямо в лицо.

Я сейчас поставлю здесь всех братьев на молитву, чтобы ты получил силу свыше. Хотя и я нисколько не прекращаю о тебе молиться, но сейчас это будет сообща. Ты же не будь нерадив впредь и не отчаивайся.

Прими и эти маленькие четки, молись и набирайся сил. Люби своего Старца и братьев и не держи на них зла напрасно.

Воистину крепка любовь⁸⁶ паче всякого ухищрения и силы вражеской.

Что бы ни случилось, считай, будто ничего [не произошло,] поскольку не ты виноват. Не ты обидел их, не они тебя, а искуситель, который против всех нас воюет и нас путает. Ведь это и есть его работа. Сегодня искусился ты, завтра — другой, а послезавтра — третий, поскольку искуситель всегда будет в этой жизни.

Но снова говорю тебе — и услышь мой голос: «Не отчаивайся! Вместе пойдем в рай. Если я не приведу туда тебя, то и сам там не поселюсь». Познай из этих слов преизобилие [моей] любви [к тебе] во Христе Иисусе, Господе нашем.

Ты пишешь, что, может быть, не простилось тебе твое согрешение. Отцы думают иначе.

При каждом согрешении, которое совершил человек, грех прощается, когда он покается, но воспоминание [о нем] остается до последнего вздоха.

И когда чуть задремлет, когда чуть вознерадит человек, тогда это представляется ему наяву или во сне, чтобы

⁸⁶ Ср.: Песнь Песней 8, 6.

осквернить его помысл, чтобы [вновь] сделать его ответственным за старый грех или хотя бы привести в рассеяние его ум.

Смотри, пророк Давид, когда Нафан обличает его за Вирсавию, возглашает: «*Согреших ко Господу*». А пророк ему говорит: «*И Господь отъя согрешение твое*»⁸⁷. Так вот, он был прощен сразу, однако наказание терпел до конца дней.

Вначале умер ребенок, которого родила Вирсавия⁸⁸. Затем согрешил его сын по отношению к его дочери Фамари⁸⁹. Потом его гнал сын Авессалом⁹⁰. И всё это с ним случилось после прощения. Как видишь, хотя грех и прощается, но остается епитимия, соответствующая падению.

Помнишь святую Феодору Александрийскую⁹¹, которая жила как монах⁹²? Согрешила, убежала, покаялась, стала святой. И однако прелюбодеяние не получило [подобающей] епитимии. Когда же она была оклеветана и изгнана, воспитала чужое дитя, тогда только она одна знала, из-за чего на нее возводится клевета.

А великий Ефрем⁹³? Не посадили ли его в тюрьму за то, что он якобы украл теленка, хотя он был свят? «Да, — сказал ему Господь, — сейчас ты не украл, но когда был ребенком, не отпустил ли ты [теленка] с привязи, так что он достался хищнику?»

Итак, хотя человек и получает прощение за свой грех, однако [у него] остается воспоминание о согрешении и действии [воспоминания].

⁸⁷ 2 Цар. 12, 13.

⁸⁸ См.: 2 Цар. 12, 14–19.

⁸⁹ См.: 2 Цар. 13.

⁹⁰ См.: 2 Цар. 15, 2–18, 17.

⁹¹ Память прп. Феодоры Александрийской (V в.) празднуется 11 сентября.

⁹² Т.е. «подвизалась в мужском образе», как сказано в заглавии ее жития.

⁹³ Речь идет о прп. Ефреме Сирине.

И поскольку ты в последнее время вознерадел, Бог попустил восстать против тебя искусителю, чтобы ты проснулся. Посему встань и воззови: «Сыне Давидов, хочу прозреть!» И вот оказывается рядом Светодатель Иисус, воссиявая тебе свет покаяния и божественного ведения.

Итак, дитя мое, я не печалюсь о прошедшем, а радуюсь о будущем. Ведь меньшее благословляется от большего⁹⁴ и грех, малый или великий, уничтожается истинным покаянием.

Посему не смотри назад, а простирайся вперед⁹⁵.

И я весьма радуюсь, дитя мое, что ты хочешь познавать. И вот лучшее свидетельство: когда кто-нибудь хочет познавать, то непременно что-нибудь да и сделает [из того, что познает,] — иначе не бывает. А если и не сможет ничего сделать, тогда все-таки знает, что есть другие, которые что-то делают. И, укоряя самого себя, смиряется, прося у Бога, чтобы пришла на него Его милость и укрепила его. И так он достигает степени преуспевших в добродетели.

Утроба моей души! Почему унываешь? Почему отчаиваешься? Почему изнемогаешь? Так легко ты отказываешься от борьбы?

Вот попустил Бог бесам тебя встряхнуть немного, чтобы ты увидел, где находишься. Чтобы стала явной гордость, чтобы смирилось твое сердце. Чтобы ты познал, что ты — человек, [и усвоил заповедь] «познай самого себя». Чтобы ты стал сострадательным к согрешающим и нисколько их не осуждал.

⁹⁴ Ср.: Евр. 7, 7.

⁹⁵ Ср.: Флп 3, 13.

Как ты узнаёшь о немощи естества, если тебя не разбудят вóроны? Если сладкий Иисус не уменьшит Свою благодать, как ты научишься искусству всех искусств и науке всех наук?

Сейчас ты учишься этому искусству. Сейчас получаешь награду. Сейчас показываешь, что любишь Христа, а не тогда, когда есть благодать.

Какую же милость окажешь, когда есть благодать? Она сама тогда взывает неизреченно о себе самой: «Авва Отче!»⁹⁶ Благодать взывает к Подателю благодати: «Кто может меня отлучить от любви Твоей, Иисусе мой?»⁹⁷ Это посредством телесных уст говорит благодать, вселившаяся [в тебя] сила, а не плоть. Таким же образом и бесноватый оскорбляет и хулит посредством человеческих уст.

А плоть без благодати не может сотворить ничего.

Плоть, когда нет благодати, отрекается от Иисуса. Кричит петух. Вспоминает Петр. Плачет горько. Кричит: «Согрешил». Но снова скрывается в горнице. Боится иудеев. Как у мыши, чувствующей снаружи кошек, стучит его сердце. «[Я] с Тобой, — говорит он, — даже если дóлжно мне умереть!»⁹⁸ «Не отрекусь от Тебя»⁹⁹, — говорит он, когда рядом Христос. Но трижды от Него отрекается, когда Христос уходит.

Итак, видишь? Понимаешь, какая великая тайна кроется здесь, в этих словах? Христос ходатайствует за нас в Духе Святом. Поэтому, когда Он приходит, мы становимся риторамы. Рыбаки — учителями. Блудники целомудрствуют. Воры не крадут. И все каются. И кто всё это сделал? Один Вéдущий. благой Кормчий. Сладкий Иисус. Единственная Любовь.

Когда человек понимает человеческую боль? Когда сам почувствует боль. Когда пройдет через подобное. Тогда он

⁹⁶ См.: Рим. 8, 15.

⁹⁷ Ср.: Рим. 8, 35.

⁹⁸ Ср.: Мф. 26, 35.

⁹⁹ Там же.

познаёт, понимает боль другого. А иначе он остается жестоким [и никого] не жалеет. Разве что окажется добрым от природы. Но всё то, что от природы, ни чести не удостоивается, ни бесчестия. А подвиги и падения — [дело] произволения.

Так как же мы научимся этой всеобъемлющей¹⁰⁰ науке, если нас не встряхнет искушение? Ведь если бы ушла благодать, — что там ты и я! — даже святые апостолы не были бы апостолами! Как может глина, глиняный сосуд, удержать воду, если не будет обожжен в огне? Бог нас хочет сделать такими, как борцы на арене или как мяч, которым играют.

Он возводит тебя на Небеса. Показывает тебе то, что глаз страстного человека не видел и ухо пекущегося о вещественном не слышало. И хотя ты несколько не согрешил, Он переворачивает страницу и бросает тебя в преисподнюю. И радуется, когда видит, что ты, как борец, сражаешься со всеми полчищами бесовскими. Но оставь меня и возьми Павла¹⁰¹. Он, после того как поднялся до третьего неба и видел и слышал неизреченное, снова возглашает: «Дано мне жало в плоть!»¹⁰²

Так поступает Крепкий силою до тех пор, пока не соделает человека [совершенным]. Он заставляет его восходить, созерцать, нисходить и утруждаться. И учит его относиться к этому, к тому и другому, как к обычному делу, чтобы эти обычные изменения не были для него чувствительны. «И то и другое, — говорит Он тебе, — ради Меня».

Итак, не желаешь страдать? Не желай восходить. Если кто не желает терпеть скорби, пусть не просит себе и благодати.

Так вот, для того Бог забрал у тебя благодать, чтобы ты стал мудрым. И она снова придет. Не оставит тебя. Это закон

¹⁰⁰ В оригинале — «всякого ведения», т. е. включающей в себя все познания.

¹⁰¹ Смысл фразы таков: на мои слова можешь не обращать внимания, но послушай Павла.

¹⁰² 2 Кор. 12, 7.

Божий. Но снова уйдет. Однако и снова придет. Только бы ты не прекращал о ней просить до тех пор, пока она не соделает тебя совершенным.

Известно, что когда один страстный начинает учить другого страстного, тогда благодать сразу отходит от первого и он впадает в то же самое, ибо прежде [аскетического] делания не дана ему привилегия [учительства].

Однако это еще не вся причина того, что тебя оставил Бог, поскольку, если бы и не было этого, благодать непременно ушла бы за этот срок. Не помнишь ли, что я тебе сказал вначале: хочу, чтобы то, что ты говоришь сейчас, ты мне сказал через четыре года? Пролитай первые письма и увидишь это.

Это непреодолимый закон Божий. Через три-четыре, редко — пять лет, отходит благодать, чтобы закалить того, у кого она была, и, если он захочет, сделать его мудрым.

Так вот, не печалься, это общая чаша. Внимательно прочти о святом Андрее, Христа ради юродивом, и увидишь, что он говорил, когда Христос давал ему горькое¹⁰³. Это — для всех нас, в меру каждого.

Итак, потерпи узы Христа твоего. Крепко сожми уста и не произноси ни слова. Ободряй себя, говоря: «Что печалишься, душа моя, и что унываешь? Ничего плохого с тобой не произошло. Ушел Христос ненадолго, но и снова придет. Он медлит немного, желая тебя научить терпению и смирению. Святые столько претерпели, а ты не можешь немного

¹⁰³ «Царь сказал: “Что же, если ты хочешь, попробуй вкус моего царства”. И с этими словами дал ему некое подобие снега, и Андрей принял его и съел. И было это столь сладко и приятно, что ум человеческий представить не может. Отведав же, попросил он, чтобы дали ему еще, и сказал: “В том, что я ем, мне кажется, заключено божественное миро”. И он снова дает ему что-то, на вид как будто из айвы, и говорит: “Возьми и съешь”. И вот Андрей взял и съел. А было оно острым и горьким более, нежели полынь, и, словно отчаявшись, Андрей позабыл даже вкус первого. Тогда царь увидел, что он удручен, и говорит: “Смотри,

потерпеть домостроительство благодати?» Так говори своей душе и не унывай, ибо радость для искусителя — видеть, что ты печалишься и унываешь.

И когда придет благодать, и уйдет, и снова будет приходить и уходить, тогда обучаешься войне. И это не будет производить на тебя впечатления, но радуясь, ты будешь говорить: «Испытай меня, Христе мой, и искуси меня, как серебро». Тогда пускаешь корни глубоко, как деревья, которые чем сильнее дует ветер, тем глубже укореняются. И свидетель мне Бог, что в самых больших моих искушениях я нашел самое большое утешение.

Итак, мужайся и укрепляйся в Господе, терпя искушения, и снова придет благодать.

Благодать всегда предшествует искушению, извещая и говоря: «Будь готов и затвори свои двери».

Когда ты видишь утешение в своем сердце, просвещение в уме и созерцание, сразу будь готов. Не говори: «Дана мне передышка»; но, зарядив свое оружие — слезы, пост, бдение и молитву, — приставь к своим чувствам стража — ум, чтобы он их охранял: «Каким же образом произойдет схватка? [Будет она] с бесами? С людьми? Или с твоим собственным

как невыносима для тебя горечь вкуса, а ведь я дал тебе познание совершенного служения мне, ибо таков тесный и мучительный путь, ведущий к жизни". Блаженный ответил: "Горек этот вкус, о господин, и никто не может, вкушая это, служить тебе". Царь спросил его: "Ты познал горькое и забыл сладкое? Разве я не дал тебе сначала сладкое и потом горькое?" Тот же ответил: "Да, господин, но лишь в одном горьком, ты сказал, — образ тесного пути". Царь говорит: "Нет, вовсе нет, но посреди горького и сладкого пролегает сей путь"». Житие Андрея Юродивого. СПб., 2001. С. 22.

естеством?» И не смыкай глаз, пока не протрубит боевая труба. И когда произойдет битва, станут тебе видны твой подвиг и победа.

Когда действует в тебе благодать, тогда, безусловно, бойся. Если же видишь, что отовсюду тебя душат искушения и скорби, тогда радуйся. Не печалься, не ропщи, не унывай. Сoberись с духом — радость и утешение к тебе придут.

«Мужайся, душа моя!» — говори [себе]. Вот и всё искушение, испытание и скорбь. А потом много дней у тебя будет мир, и радость, и благодать. «Благодарю Тебя, Христе мой, — говори, — ибо в скорби распространил мя еси, и, наказуя, наказал мя еси, и извел еси в покой душу мою»¹⁰⁴.

А противоядие от всякой страсти — палка. Поэтому и бесы ее боятся и трепещут, видя, как человек уподобляется мученику, подвергая себя наказанию ради любви Христовой.

Время от времени, когда страсти восстают против души и хотят сбросить всадника — ум, когда каждая страсть поднимает голову, тогда говори им заветное слово: «Молчи, престани!»¹⁰⁵ А то поработает палка!»

Приходит, например, помысл и давит тебя в церкви: «Почему снова поет твой брат, а не ты, хотя и твоя очередь?» Ты ему говоришь: «Лучше пусть порадуется мой брат, а не я». Помысл настаивает: «Но почему? Ведь так было бы справедливо и правильно». Ты скажи ему: «Диавол, оставь меня!» И углубись умом в Иисусову молитву. Искушитель не унимается, хочет извести: «Ну нет же, почему?» «Ладно, ладно! — скажи ему. — Подожди-ка немного, я тебе скажу почему!..»

И сразу под каким-нибудь предлогом выйди из церкви и поспеши в свою келлию. Там возьми палку и скажи с гневом:

¹⁰⁴ Ср.: Пс. 4, 2; 117, 18; 65, 12.

¹⁰⁵ Мк. 4, 39.

«Вот тебе твое “почему”, диавол! Вот оно. Вот та “справедливость”, которой ты у меня требуешь. Вот получай же ее!» И, ранив его в своем теле, ты тем самым подаешь на него жалобу Христу как на виновника твоей боли. Убегает, трепещет, бес; приходит Христос, наполняет тебя утешением, облегчает страсть, и ты научаешься искусству побеждать.

Тобою овладевает сон? Растопчи нерадение. Тебя беспокоит гнев? Сокруши гордость. Наполняют тебя горечью злопамятность и зависть? То же самое. Не нравится тебе еда? Всё — так же. Поднимается плотская брань? Восстань, как сильный, и сразись со своими врагами. И вообще, когда тело и помысл станут добиваться «права» и «почему», ответ — палка.

«Или проживу один час, как Ты хочешь, Христе мой, или пусть уже уйду из этой жизни», — так плачешь, горюешь, и приходит милость Господня. Успокаиваются страсти, и у тебя устанавливается мир с самим собой, с Богом и со всем творением. Сдается тело со всеми своими помышлениями. И тогда ему больше не нужна палка, так как оно научилось подчиняться духу.

И я, прежде чем сдалось мое тело, много палок поломал на своих бедрах. Как палач, стоял над самим собой. Дрожало всё тело, увидев, что я сейчас возьму палку. Убегали бесы, успокаивались страсти, приходило утешение, и радовалась душа. Ибо есть Божий закон: всё то, что приносит наслаждение, исцеляется страданием.

Но довольно об этом. Если хочешь узнать побольше, прочти жития святых. Прочти, чтобы увидеть, сколько злострдания употребили святые против своего ветхого человека, сколько вольно [или] невольно удручали себя, пока не расцвел в них цветок чистоты, благоухание святости. Поэтому благоухают и мироточат их мученические и преподобнические святые мощи.

Не удивляйся, чадо мое, так бывает у монаха. Жизнь монаха — постоянное мученичество. Сладкий Иисус познается в скорбях. И только примешься искать Его, как Он тебе предлагает скорби. Любовь Его [обретается] посреди мук. Показывает тебе немного меда, а под ним сокрыт целый склад горечи. Сначала подается мед благодати, а за ним следует горечь искушений.

Когда Он захочет послать тебе страдания, извещает тебя и как вестника посылает тебе соответствующую благодать. Он как бы говорит тебе: «Будь готов!» — чтобы ты ждал, откуда на тебя нападет и ударит враг. И таким образом начинается твой подвиг и битва.

Смотри не робей. Не удивляйся, когда палят пушки, а стой мужественно, как воин Христов, как испытанный борец, как доблестный боец. Ведь наша жизнь здесь — это арена войны. Отдохновение будет там. Здесь — изгнание, там — наше истинное отечество.

Не говорил ли я тебе и раньше, что вначале у меня восемь лет была ужасная борьба с бесами? Каждую ночь — неистовая битва, а днем — помыслы и страсти. Приходили они с саблями, секирами, топорами и лопатами.

— Все на него! — кричали. Это было для меня мученичеством.

— Защити, Пресвятая Богородица! — взывал я. И хватал одного, и давай колотить им других. Разбивал себе руки о стены.

И по случаю пришел из мира посетить нас один знакомый. Ночью я положил его спать в свою маленькую каливку. И приходят, как привыкли [приходить] ко мне, бесы. И давай его бить. А он как закричит! В ужас пришел человек, чуть с ума не сошел. Я сразу прибегаю.

— Что с тобой? — говорю ему.

— Бесы, — говорит, — чуть не задушили меня! Забили меня палками!

— Не бойся, — говорю ему. — Это должно было достаться мне, и нынче ночью по ошибке их отведал ты! Но ты не беспокойся.

Говорил ему и всякие другие забавные вещи, чтоб его успокоить. Но это оказалось невозможным. Не мог он больше оставаться на том месте мученичества. Испуганный, он озирался по сторонам и просился уйти. В ночь-заполночь провел я его в Святую Анну¹⁰⁶ и возвратился.

Жили мы тогда в Святом Василии¹⁰⁷.

Так вот, после таких восьми лет — от палки, которой я каждый день бил свое тело из-за плотской брани, от поста, который я держал, от бдения и других подвигов — я превратился в труп. И слег больным. И уже отчаялся, ибо потерял надежду победить бесов и страсти.

И однажды ночью, когда я сидел, открылась дверь. Я, склонившись, творил умную молитву и не посмотрел. Подумал, что это отец Арсений¹⁰⁸ открыл. Затем чувствую снизу чью-то руку, раздражающую меня к наслаждению. Смотрю и вижу беса блуда, плешивого. Я бросился на него, как собака, — в такой я был на него ярости, — и схватил его. И на ощупь щетина у него была, как у свиньи. И он исчез. Всё вокруг наполнилось вонью. И с этого мгновения ушла вместе с ним и плотская брань. И я пришел после этого в великое бесстрастие, как младенец.

¹⁰⁶ Речь идет о ските Святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы.

¹⁰⁷ Имеется в виду скит Святителя Василия Великого.

¹⁰⁸ Отец Арсений — ближайший друг и сподвижник Старца Иосифа. См. о нем: Старец Ефрем Филофейский. Моя жизнь со Старцем Иосифом. М., 2012. С. 271–288.

В тот вечер показал мне Бог злобу сатаны. Был я очень высоко, в каком-то прекрасном месте, а внизу была большая равнина и рядом море. И были поставлены бесами тысячи ловушек. И проходили монахи. И когда они падали, ловушки хватали одного за голову, другого — за ногу, иного — за руку, за одежду, кого за что можно было ухватить. А глубинный змей высунул голову из моря и, испуская пламя из своей пасти, глаз и ноздрей, радовался и веселился падению монахов. Я же, видя это, бранил его: «О глубинный змей! Так-то ты нас обманываешь и уловляешь!»

И пришел я в себя, и были у меня как радость, так и скорбь. Радость — ибо увидел ловушки дьявола. Скорбь — о нашем падении и об опасности, которой мы подвергаемся до конца дней.

С тех пор достиг я великого мира и молитвы. Но он не унимается. Обратил против меня людей. Для того я тебе это пишу, чтобы проявляли терпение ты и остальные братья.

В этой жизни нужно бороться, если хочешь выиграть. Это не шутки! Ты воюешь с нечистыми духами, которые стреляют в нас не пирожными и мармеладом, а острыми пулями, убивающими душу, а не тело.

Только не печалься. Не робей. У тебя есть помощь. Я тебя несу. Я поистине видел тебя вчера во сне, мы поднимались вместе ко Христу. Итак, восстань и беги вслед за мной.

Только будь внимателен, раз уж видел ловушки лукавых. И горе тому, кого они схватят: нелегко ему будет вырваться из их когтей.

Конечно, дьявол, как бы он этого ни хотел, не сможет [без нас,] в одиночку, нас погубить, если мы не посодействуем его злобе. Но и Бог тоже не желает один, [без нас,] спасти нас, если мы не станем соработниками Его благодати в нашем спасении. Бог всегда помогает, всегда успевает, но хочет, чтобы и мы потрудились, сделали то, что можем.

Поэтому не говори, что ты не преуспел и почему не преуспел и тому подобное. Ведь преуспевание зависит не только от человека, даже если он [того] захочет, даже если и много потрудится. Сила Божия, благодать Его благословенная — она делает всё, когда примет то, что сделано нами. Она поднимает падшего, она возводит низверженного¹⁰⁹.

Этого Бога и Спасителя нашего будем просить и мы от всего сердца, чтобы Он пришел: восставил расслабленного, воздвиг четверодневного Лазаря, дал глаза слепому, напичал алчущего.

То, что ты вкусил, дитя мое, в твоей молитве той ночью, — это действие благодати. Снова ищи, чтобы Господь дал тебе это, когда Ему будет угодно.

Знаю об одном знакомом брате¹¹⁰, как тот однажды встретился со многими искушениями и весь тот день провел в слезах, ничего не вкушая.

И когда заходило солнце, он, сидя на камне, смотрел на храм Преображения на вершине [Афона] и, плача, просил с болью, говоря: «Господи, как Ты преобразился пред Твоими учениками, преобразись и в моей душе! Укроти страсти, умири мое сердце! Дай молитву молящемуся и удержи мой неудержимый ум!»

И когда он это с болью произносил, пришло оттуда, от храма, некое дуновение, как легкий ветер, полный благоухания, который, как он мне говорил, наполнил его душу радостью, просвещением, божественной любовью. И начала в нем со сладостью непрестанно истекать из сердца молитва.

¹⁰⁹ Ср.: Пс. 144, 14.

¹¹⁰ Здесь Старец Иосиф рассказывает о самом себе.

И тогда, встав, он вошел туда, где жил, ибо уже наступила ночь, и, склонив голову на грудь, начал вкушать сладость, которую изливала данная [ему] молитва. И сразу был восхищен в созерцание, весь став вне себя.

Его не окружают стены и скалы. Он за пределами всякого пожелания. В некоей тишине, в приизобильном свете, на безграничной шире. Без тела. И только одним занят его ум: чтобы не вернуться более в тело, а остаться навсегда там, где он сейчас.

Это было первое созерцание, которое видел тот брат. И он снова вернулся в себя и подвизался, чтобы спастись.

Я присел, и немного пришел в себя, и, вспомнив всё вышесказанное, связываю порвавшуюся струну. И, взяв свою лиру, воспеваю терния, которые собираю в пустыне. Так вот, приди и снова погости под моей сенью. А я соберу тебе от терний смолу благоуханную. И когда на тебя будет находить скорбь, снова вникай в смысл сказанного, и мои слова покажутся тебе слаще меда.

Так вот, оба способа молитвы хороши. И хотя второй, со словами, немного опасен, однако более плодотворен. Я обращаюсь к ним обоим каждый вечер. Сначала — со словами, а когда устану и не нахожу плода, заключаю [ум] в сердце.

Знал я того брата¹¹¹, который, когда был молодым, двадцати восьми — тридцати лет, на шесть часов опускал свой ум в сердце и не позволял ему выйти оттуда с девяти вечера до трех ночи (у него были часы, которые били каждый час). И становился он мокрым от пота. И затем вставал, исполняя остальные свои обязанности.

Итак, вкратце: чтобы обрести свободу, человек должен сгноить свое тело и презирать смерть.

¹¹¹ И здесь Старец Иосиф говорит о себе самом.

Молитва, которая совершается со словами, тоже совершается умно, беззвучно и называется прошением, мольбой. Итак, тот, кто начнет просительную молитву, говорит: «Боже невидимый, непостижимый, Отче, Сыне и Святой Душе, единая сила и помощь всякой души, един благий и человеколюбец, жизнь моя, радость и мир...» И продолжает достаточно долго эту молитву своими словами.

И если подействует благодать, сразу открывается дверь и как столп или огненное пламя восходит молитва и достигает небесных врат. И в это мгновение происходит изменение. А если не подействует благодать и происходит рассеяние ума, тогда [молящийся] заключает ум в сердце круговращательно и, как в гнезде, ум успокаивается и не рассеивается — так что сердце становится как бы местом затвора и хранения ума.

А когда происходит изменение, то происходит оно посреди просительной молитвы. И от прилива благодати наполняется он просвещением и бесконечной радостью. Объятый [благодатью,] он не может удержатъ огонь любви, и тогда прекращают действовать чувства и захватывается он в созерцание. До сих пор были движения собственной воли человека. А после этого он более не властвует над собой и не знает самого себя, ибо он уже соединился с огнем, весь пресуществился, [стал] богом по благодати.

Такова встреча с Богом, когда исчезают стены и [человек] вдыхает другой воздух, [воздух] разума, свободный, наполненный благоуханием рая. Потом снова мало-помалу отходит облако благодати и застывает глиняный [человек,] как воск, и возвращается в самого себя, как будто вышел из бани: чистый, легкий, сияющий, изящный, сладкий, мягкий, как вата, и полный мудрости и ведения. Но тот, кто хочет сего, должен шествовать к смерти каждый миг.

Сестра в Господе и благоговейнейшая игуменья, молюсь о твоём здравии, драгоценном для твоих сестер.

Благословенная Старица, сегодня получил твоё письмо и прочитал его. Поскольку ты мне пишешь, что [от моего ответа] будет польза, поверю и я твоим словам и откажусь от своей воли, желая, чтобы каждое слово пошло вам на пользу и для спасения души. Итак, отверзи свой слух и прими мои слова.

Мы, сестра моя, когда пришли на Святую Гору, не затворились в одном доме, как обыкновенно поступают многие. Но мы стали искать, звать, плакать. Не пропустили ни горы, ни дыры, ища непрельщенного наставника, чтобы услышать слова жизни, а не праздные и тщетные. Так вот, не осталось ни одного старца-пустынника, от которого мы не получили бы хоть каплю пользы.

Один, девяностолетний, рассказывал нам, что жил на одной вершине семнадцать лет. И ударяли [туда] молнии и разрывали на нём одежду. А он проявлял предельное терпение.

Другой нам рассказывал, что довелось ему дать антидор нашим святым подвижникам, которые были невидимы¹¹².

Третий — что причащал их, служа в полночь.

Ещё один [рассказывал,] что он русский и много лет жил на вершине. И каждые десять лет спускался оттуда и встречался с другим пустынником. И он нам сказал, что как раз в

¹¹² «Среди афонских монахов бытует предание о существовании на Святой Горе братства двенадцати наших подвижников. Согласно этому преданию, они живут сокрыто от всех людей, лишены всякого человеческого утешения, предали себя всецело Промыслу Божию и имеют единственным занятием непрестанную молитву. Когда кто-нибудь из этого братства покидает земную жизнь, оставшиеся выбирают на его место самого добродетельного афонского монаха». Старец Ефрем Филофейский. Моя жизнь со Старцем Иосифом. М., 2012. С. 303.

то время, когда мы там были, он ждал его. И мы тоже должны были его увидеть. Но, по-видимому, тот умер в пустыне.

Все они благоухали, как святые мощи.

И когда я это слышал, разгорался во мне огонь еще больше. Так вот, я спрашивал, как они едят, как молятся, что видят, что поняли, что видят, умирая.

Один, когда отходила душа, видел Богородицу, другой ангелов. Случается и ныне такое, когда перед смертью видят видения, — Бог [так устраивает,] чтобы забрать их с миром.

Поэтому я, как только слышал о чем-нибудь таком, бежал туда с жадной видеть и слышать, что они будут говорить, когда станут умирать.

И от этих святых я получил чин и устав, как мне идти в своей жизни. Они меня наставили. От себя я не говорю ничего.

Знал я и дом того старца, о котором вы говорите, — лудильщика, того, кто ловил рыбу, отца Неофита, делавшего нательные кресты, и многих других. Но я смотрел, где есть жизнь, где я могу приобрести пользу душе. Ведь уйдут сокровища в сокровищницы Божии и наступит голод, когда не будет слышно слово Божие¹¹³. Светильники угасают. И мы идем во тьме осязаемой. Слово о том, как спастись, редко слышится. Только злословие и осуждение. Один желает учить другого. Иной хочет свою слабую жизнь выдавать за исполнение Евангелия, как продолжение жизни отцов. Великая боязнь искушений и непомерная похвальба на словах.

Но давай оставим окружающих, благословенная Старица. Они — как каждый живет, так и проповедует. Так видят, так говорят. Все правы.

¹¹³ См.: Ам. 8, 11–12: *Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его.*

Когда кто-нибудь потеряет свою дорогу, потому что уклонился и другой дороги не знает, тогда хочет, чтобы все шли так, как идет он. А если кто-нибудь ему скажет, что есть и другая дорожка, покороче, то ответит: «Ты прельстился! Другой дороги нет», ибо он ее не знает. Поэтому он прав. То, что он видит, то, как он думает, — то он и говорит и [так] судит, от себя.

Сейчас, так как мы затворились, чтобы безмолвствовать, — ибо этому научены с [самого] начала — все настроены против меня. Или, скорее, это действует искустель, которому не по нраву видеть, что кто-то в роде нашем заботится о том, чтобы спастись. Так вот, его да упразднит Господь, а братьям да будет прощено то, что они говорят и как судят.

Я же всё оставляю на Бога. И учусь терпеть всё, что происходит, безропотно. Однако давай поговорим сейчас об Иисусовой молитве, о которой ты спросила.

Я считаю, добрая моя Старица, что ты себя очень обижаешь. Столько забот — это не для тебя, твое призвание — безмолвие. Итак, если хочешь меня послушать, я считаю, что хорошо бы нам установить меру деланию и безмолвию, перемежая одно с другим. Ведь когда нет безмолвия, благодать не пребывает [с человеком]. А без благодати человек — ничто.

Поэтому попроси [вашего] Старца дать тебе какую-нибудь келейку отдельно, чтобы ты там безмолвствовала. И до полудня принимай людей, беседуй. А потом, как поешь, спи до вечера. И не позволяй, чтобы тебя беспокоили до следующего утра, даже если загорится монастырь. А как проснешься, — день ли еще или [уже] закат солнца, — то читай сама [положенное] чтение, совершай правило. И когда стемнеет, выпивай [чашечку] кофе и начинай свое бдение, начинай молитву.

Твоя цель — привлечь [к себе] благодать, чтобы она стала действовать [в тебе]. А когда подействует благодать — это и есть всё.

Я начинаю так: сперва повечерие с Акафистом¹¹⁴. И как закончу, начинаю словами, которые придут мне на ум, [молиться] ко Христу и к Пресвятой Богородице: «Иисусе мой сладчайший, свете души моя, едина любовь, едина радость и мир...» И говорю много и с болью. Потом — Богородице. А сладкая наша Матушка оказывает большую любовь — о, если бы Она всегда была у вас на устах!

И когда успокоится ум, усладится душа, садись и говори умно Иисусову молитву, как ты пишешь, пока не подступит дремота. Тогда снова тихонько пой со сладостью и воспевай Владыку Христа и Пречистую Его Матерь. Говори медленно, внятно: «Свете тихий...», «Кто Бог велий...», «Святый Боже...» и другое, что знаешь.

Затем Всецарице: «Радуйся, Царице...», «О Тебе радуется, Благодатная...», «Достойно есть, яко воистину...», «В Чермнем мори...» и другое такое же.

А если сонливость упорствует, прибавляй: «Объятия Отча...», «Хотех слезами омыти...», «Кто обуреваем и притекая...», «Овча аз есмь...» и что еще вспомнишь.

Говори это с умилением, сидя на своей кровати, ожидая милости и щедрот Божиих. И таким образом, если не подействует благодать в словах [произвольной молитвы,] то подействует в Иисусовой молитве или же в пении.

А чтения [святых отцов] наедине не оставляй никогда, так как это приносит большую пользу. Ибо получаешь пример от святых. Видишь, как в зеркале, свои ошибки, недостатки и исправляешь свою жизнь. Это чтение — свет во тьме.

¹¹⁴ Имеется в виду Акафист Пресвятой Богородице.

Так ты больше принесешь пользы сестрам, чем когда утомляешь себя весь день.

Затем вставай. Если хочешь, иди в церковь. А если решишь остаться наедине с собой, совершай службу по четкам и отдыхай.

Так и здоровье сохранишь, и душе своей пользу принесешь, и для сестер будешь горящим светильником. А иначе, старея среди этого шума, совсем потеряешь свою молитву, — ведь ты приучена к безмолвию.

Итак, моя подлинная сестра, поскольку ты попробовала и безмолвие, и [жизнь] среди многих, то познала пользу того и другого. Посему сраствори одно с другим, и благо тебе будет. Позаботься о том, чтобы безмолвствовать, сколько сможешь, — и уйти отсюда успокоенной.

Ты говоришь о вашем Старце, что он хочет совершить паломничество на Святую Гору. Доброе и святое дело он сделает. Только пусть не рассчитывает на то, что он знает меня или что я есть в этой жизни. Потому что я живу в полном безмолвии, по уставу, отличающемуся от обычного, и поэтому трудно будет ему со мной встретиться, поскольку дверь закрыта и открывается только в определенные часы.

Если он чего-то хочет, могу ему помочь при содействии братьев. А то, что выходит за рамки моего устава, — чтобы я открыл дверь, заговорил, потерял свою молитву и безмолвие, — этого не могу никак. Разве что только по необходимости, в час, который определяю сам, ибо часы мои наперечет. И мне придется допустить небольшое упущение, кое-что потерять ради того, чтобы поговорить ночью один или два часа.

А пишу я это, чтобы объясниться, пока не возникло недо-
разумения. Я во всех своих поступках имею обычай говорить
и делать всё ясно, как в зеркале, чтобы никому не давать сло-
вом и делом или даже мыслью повода для подозрения.

Ибо приходили многие из разных мест, не пожелав узнать
устав, которому мы следуем. И поскольку я их не принял, они
соблазнились. Да и все соседи здесь настроены против меня,
потому что я им не открываю. Хотя я закрываю дверь не для
того, чтобы соблазнились отцы. Но, потрудившись столько
лет, я увидел, что не получаю пользы от этих агап¹¹⁵, а только
душу свою разрушаю без пользы. По этой причине закрылся
я для всех раз и навсегда и успокоился. Теперь не открываю
никому. Нет у меня даже комнаты лишней для гостя. А если
кто-нибудь придет издалека, то должен он прийти в то время,
когда трудятся отцы, утром. И если есть необходимость, он
останавливается в комнате моего священника. Ибо во все суб-
боты, воскресенья и праздники у нас бывает литургия. При-
ходит наш священник и служит у нас, и мы причащаемся.

Так вот, я это сказал, чтобы не было соблазна. Я стараюсь
для Бога, а повеления угождать людям мне не давалось. Хотя
бы меня оскорбляли, хотя бы бранили, хотя бы оклеветали,
хотя бы мое имя опозорили, хотя бы все творение принялось
говорить против меня.

Ведь я видел и многообразно испытал, что если благодать
Божия не просветит человека, то от слов, сколько бы ты ни
говорил, пользы не выйдет. На какое-то мгновение он к ним
прислушивается, а уже в следующее снова возвращается, пле-
ненный, к своему. Однако если вместе со словом подейству-
ет благодать, то, при благом произволении человека, в тот же

¹¹⁵ Агапа (греч. ἀγάπη, что означает «любовь») — трапеза любви, бывшая
в обычае у первых христиан. Здесь это слово употребляется ирониче-
ски в значении «дружеские посиделки».

час происходит перемена. И с того часа чудесно изменяется его жизнь. Но случается это у тех, кто не ожесточил свой внутренний слух и совесть. А со слушающими и остающимися по непослушанию в своих злых пожеланиях, с такими хоть день и ночь говори, хоть [всю] мудрость отцов в их уши залей, хоть чудеса перед их глазами сотвори, хоть течение Нила на них обрати, они не получают ни капли пользы. Они хотят приходить, чтобы только поговорить, скоротать время, по причине уныния. Так вот, поэтому я и закрываю дверь, и от молитвы и безмолвия по крайней мере я сам получаю пользу. Потому что молитву обо всех Бог всегда слышит, тогда как от празднословия всегда отвращается, даже если кажется, что оно духовное. Ведь, согласно отцам, празднословие — это, главным образом, проводить свое время в словах, не исполняя своих слов на деле.

Итак, не слушайте, что говорят, если это говорят люди, [сами того] не испробовавшие.

Если же кто не испытал, тому необходимо испытать, и с опытом он узнает и найдет то, чего ему недостает. Опыт не покупается. Его каждый приобретает по мере своего труда и своей крови, которую он сам отдаст за это приобретение.

Поверьте, сестры мои, что труд в монашеском житии велик. Я не прекратил и не прекращаю день и ночь вызывать, испрашивая милости Господней, и приближаюсь к отчаянию как ничего не делающий, как еще не положивший начала. Но, ежедневно полагая начало, оказываюсь лжецом и согрешающим. Вы же подражайте мудрым девам¹¹⁶ и, бодрствуя, горестно вызывайте, призывая Божественную милость. Ибо пришел для нас конец. Видимо, закончилось мирное [время]. Итак, и мы будем с умершими. Поэтому понуждайте себя.

¹¹⁶ См.: Мф. 25, 1–13.

Пока достаточно того, что мы сказали. В другом письме напишу вам снова, если сказанное принесет плод и вы проявите усердие. Сейчас печалюсь только о матери молодой монахини, о том, что она ропщет и злословит, как вы мне пишете. Многие матери потеряли, к сожалению, своих чад из-за ропота, ибо не посвятили их Христу от всей души. И хотя чада эти спасаются благодатью Христовой, их матери остаются далеко от них.

Но вы проявляйте терпение и не спорьте с тем, что они говорят. Время, благодатию Божией, это исцелит. И она со временем раскается. И будет печалиться о том, что сейчас говорит и делает. Но сейчас по отношению к ней нужна терпимость. Нужны любовь неподдельная и полное молчание. Что бы они ни говорили, ваши слова должны быть наперечет. И когда вы говорите, творите умную молитву, чтобы облекались ваши слова силою свыше.

А ты, благословенная Старица, всё срастворяй рассуждением и многим долготерпением.

Получил я твое письмо, агница Иисуса моего, и, читая его, возрадовался душой. И сразу восстал вне себя от радости. И, преклонив колени, простер руки. И что тебе сказать? Язык вещал. Губы постоянно шептали. А ум непрестанно богословствовал. И глаза источали непрекращающиеся слезы.

«Благодарю Тебя, — говорил я, — сладкое дыхание, жизнь моей души, свет моего ума, утешение моего сердца, сладкий мой Иисусе. Благодарю Тебя, любовь моя сладчайшая, Иисусе вожденнейший, что не презрел смиренных моих молений, но услышал мой глас и помиловал мое малое чадце».

И вот после пройденного испытания она уже через два дня принимает святой [монашеский] образ. Становится новым человеком. Умирает [человек] ветхий. Изменяется имя. Надевается брачная одежда. Прощаются грехи. Она дает обеты перед ангелами. [Имя ее] записывается на Небесах. Она уже больше не имеет родителей и родственников в миру. Оставляет нижнее, о вышнем помышляет¹¹⁷. С вышним соединяется, оному внимает. Не имеет она уже никаких [собственных] пожеланий, или самоугождения, или [даже] власти над собственным телом. От всего отрекается и держится за слово своей Старицы [игумении] до последнего издыхания.

И уже никогда не задается вопросом, что делает ближний, но проводит жизнь в непрестанном безмолвии. Занимается теперь умным деланием. У нее непрестанно на глазах слезы. Язык медоточивый. Говорит в меру. Тело непорочное. Ум чистый и немечтательный. Нерассеянная молитва. Постоянный мир. Совершенное послушание. Любовь пламенная к Спасителю Христу, которая всё время горит не угасая, не угасая никогда. Так что, если услышит один лишь звук имени Христова, сразу душа [от радости] приходит в трепет, улаждаются уста и пробуждается весь наделенный умом¹¹⁸ человек. Ведь у любви есть божественная привилегия и обычай [радостно] трепетать сердцу, когда [душа] слышит возлюбленное Имя. И [слышит ли его человек] слухом телесным или слухом духовным — сладость любви изливается из одного и того же сердца.

Когда благодать озарит человека светом Божественного сияния Духа, весь он становится вне себя и, как божественный Давид, скачет и пляшет умно пред Божественным образом, как тот пред санным ковчегом¹¹⁹.

¹¹⁷ Ср.: Кол. 3, 2.

¹¹⁸ Νοητόκτιστος. Возможно, это слово изобретено Старцем Иосифом.

¹¹⁹ См.: 2 Цар. 6, 16. Ср. также: канон Пасхи, песнь 4, тропарь 3.

Итак, вот почему, дочь Иисуса моего, сразу по прочтении твоего письма, после моей молитвы о тебе, я написал тебе ответ, полный радости и веселия. А в воскресенье — ибо сейчас утро пятницы — в тот час, когда ты будешь давать обеты и принимать ангельский образ, буду умом присутствовать и я, чтобы вместе петь «Объятия Отча...»¹²⁰, и все бдение буду молиться о тебе и обо всех сестрах.

А как только ты получишь это письмо, напиши мне действительно и поистине небесное имя, чтобы мы уже изгладнили старое и записали на его место новое. И позаботься впредь, чтобы твоя жизнь была ангельской, поскольку отныне ты зачислена в лики ангельские, чтобы воспевать и славить Бога в твоём теле и духе.

Бог идеже хочет, побеждается естества чин¹²¹. И желающий понести Крест Христов побеждает собственное естество. Сила и благодать святого и ангельского монашеского образа — воистину величайшие.

Радуйся и веселись, чадце мое возлюбленное, со всем твоим священным монашеским собранием, или, лучше сказать, духовным благоуханием. Радуйтесь, мудрые в Господе девы, что удостоились на земле такого ангельского жительства. Благословен Бог, *творяй ангелы Своя духи*¹²². Благословен Бог, возвышающий смертных, [когда они] еще во плоти, к жительству бесплотных.

¹²⁰ Стихира (на «Господи воззвах» Недели о блудном сыне), которая входит в чин монашеского пострига.

¹²¹ Ср.: догматик 7-го гласа.

¹²² Пс. 103, 4; Евр. 1, 7.

Желаю вам, чадца мои, и молюсь из глубины¹²³ [сердца,] дабы Божественная мироуханная благодать, как тонкое духовение, как мироносное Божественное дыхание, постоянно веяла среди вас, напоая благоуханием преподобные души, освящая подвижнические тела.

Только усердно прошу вас: позаботьтесь о ваших душах. Ни одна из вас да не уподобится праматери Еве, но все да будут похожи на Богоотроковицу Мариам, на Деву Марию. Она, сказав: «*Се, раба Господня!*»¹²⁴ — стала Матерью Божией и Госпожей Ангелов. Ее плод, сладкий Иисус, по послушанию взойдя на Крест и сойдя во ад, исцелил великую язву преслушания. Посему уразумейте отсюда таинства силу¹²⁵.

Монашеский образ — это крест вместо Креста, который нес Христос, спасая нас. Поэтому мы, облакаясь в святой [монашеский] образ, облакаемся в послушание. И, прилежа послушанию, по подобию Христа нашего ходим.

Скажу вам и сие слово: бремя послушания принимается за совокупность всех остальных добродетелей, как и Крест [принимается за совокупность всех] страстей Господних. И как разбойник Крестом вошел в рай, так и мы послушанием, как Крестом, входим в Царствие. Очевидно, что ослушники — вне Царствия.

Итак, блажен путь, понуждайте себя. Будьте внимательны и молитесь, да не внидете в напасть¹²⁶. Потому что не имеющий смирения, не делающий то, что ему говорят, становится

¹²³ Ср.: Пс. 129, 1.

¹²⁴ Лк. 1, 38.

¹²⁵ Ср.: стихиры на «Господи воззвах» Недели о блудном сыне (она же в чине пострига) «Познаим, братие, таинства силу». Само выражение принадлежит свт. Григорию Богослову (См., напр.: Слово 1, на Пасху. Творения. М., 2010. С. 22).

¹²⁶ Мф. 26, 41; Лк. 22, 46.

рабом бесов. И конец жизни становится для него скорбью и поношением пред людьми.

Так вкратце я пишу это вам, дабы вы убоялись божественным страхом, как бы не оказать непослушания [вашей] Старице [игумении]. Ибо имеете дело не с ней, а с Богом, Который требует послушания для спасения души.

Теперь о монашеском одеянии, о котором ты спрашиваешь: его показал ангел божественному Пахомию.

Ранее, в первые века христианства, те, кто избирал девство, как вы сейчас, испытывались три года и затем сплетали венец из благоуханных цветов. И архиерей читал над ними молитвы, подобные нынешним молитвам [монашеского] образа, как над невестами Христовыми. И когда они умирали, [венцы] полагали в гроб вместе с ними. Но оставляю это.

И сейчас [облачение в] монашеские одежды — это таинство, как и возложение венцов в браке. Ты надеваешь монашеское одеяние вместо венцов. И таким образом уневечиваешься Христу, давая обет девства до конца жизни. В смертных браках возлагают венцы, давая друг другу обет целомудрия до конца жизни. Могут ли они потом дать эти венцы, чтобы ими венчался другой брак? Нет. Но когда они умирают, венцы полагают в гроб вместе с ними¹²⁷.

Так вот, как же ты отдаешь свой венец и им венчается другая или [просто] даешь носить другой? Как же ты даешь свое монашеское одеяние, чтобы другая стала монахиней? Это неправильно. Но так как вы не знали, то вы не виноваты. Однако впредь пусть это не повторяется.

Теперь начнем другую тему. В своем письме ты говоришь, что сильно морочишь мне голову своими вопросами. А я говорю тебе, что раз уж ты вошла в эту святую и блаженную обитель, ты станешь блаженной и сама, если до конца будешь

¹²⁷ Речь идет о греческом народном обычае.

хранить терпение и совершенное послушание. Поэтому сокруши под игом Христовым свое мудрование, эгоизм и гордость, и я буду всегда рядом с тобой.

С тех пор как ты посвятила себя [Богу] в этой обители, я слежу за твоим духовным продвижением. Соучаствую в скорбях и радостях твоих сестер. Раз уж о других столь многих я забочусь и не перестаю молиться и писать, разве не позабочусь о вас, подлинных моих сестрах? Тем более что [мой] Старец своим благословением поставил меня на это служение.

Достаточно вам иметь доверие и любовь ко мне как к вашему духовному брату, чтобы получили вы духовную пользу. Лица моего вы не увидите никогда. Я не причиню вам вреда своими словами. Всей своей душой постараюсь принести вам пользу. Если чего не осилите, спущусь пониже. До чего вы достанете, там я приостановляюсь, чтобы вы за мной успевали. Только и вы молитесь обо мне, ибо многие ищут у меня помощи. А кому я помогаю, искушения того на себе несу. Слава Господу за всё!

Если вы услышите недобрые слова обо мне, не верьте, но с сестринской любовью спросите меня: вот так нам сказали, вот что мы слышали. И я вам со всей искренностью, со страхом Божиим скажу с Богом истину. Неправды вам не скажу никогда.

Очень прошу вас быть внимательными, чтобы ни в коем случае не поверить мудованиям того отца, о котором вы пишете, ибо я хорошо знаю, что оно не по Богу. И не говорите того, что я вам сказал, его матери и сестре, чтобы они не опечалились.

Я видел однажды, несколько лет назад, два пути, начертанных отцами, — общежительный и отшельнический. И видел этого брата, и он не пошел ни по тому, ни по другому пути, а сказал: «Я пойду здесь!» И пошел вниз через чащу, которая доходила до моря. И был некто рядом с ним, сказавший мне: «Видишь его? Путь, по которому он пошел, ведет ко дну!»

Сразу после этого вижу, что я в Святом Василии, над скитом. И был я на самой вершине. И вижу страшный пожар, охвативший весь скит. И, огорчившись, я говорю: «Кто совершил поджог, от которого сгорит весь скит?» И кто-то мне ответил: «Такой-то его совершил, желая утвердить свое мудрование!»

Поэтому я вам говорю, что это не по Богу, а вражья ловушка справа.

Я не прошу у вас ничего вещественного, ни в чем вещественном от вас не нуждаюсь, чтобы вы не сказали, что я люблю вас ради выгоды. А говорю это для вашей души и ее искренно люблю. Да я и всех люблю. Ко всем я расположен. Настолько, что, хотя каждый мыслит по-своему, всякий, с кем доведется мне поговорить, считает, что я на его стороне. Я никого не лишаю надежды, даже если вижу, что он заблуждается. Раз уж знаю, что он не послушается, если и скажу, то зачем мне его смущать и печалить?

Пожалуйста, не говорите этого никому, чтобы это не дошло до него. Иначе это не только не принесет ему пользы, но он согрешит еще больше, ибо окружающие скажут ему все, на что только способен их язык. И на ком тогда будет грех, если мы дадим повод, чтобы нас злословили и осуждали? Мне-то всё равно, что бы ни говорили, как бы ни хвалили! Но для них это большое зло, так как они отягощают свою совесть.

Поэтому будем внимательны, чтобы не стали мы виновниками зла для другого. Если мы и не можем обратить его [на правый путь,] то можем уберечь самих себя, чтобы не прельститься.

Итак, о духовном сказано достаточно. Прошу вас, молитесь с любовью о братьях, чтобы они покались. И есть надежда, что однажды они исцелятся и, здоровые душой, войдут в рай, чтобы лопнули [от зависти] бесы, которые всеми способами всех искушают.

«Страх Господень — начало премудрости»¹²⁸, — говорит мудрый Соломон, и с ним соглашаются [святые] отцы. И я говорю вам: блажен и треблажен муж, боящийся Господа.

Из этого божественного страха рождается доверие к Богу. И верует человек всей душой, что поскольку совершенно посвятил себя Богу, то и Бог всецело промышляет о нем. И, кроме пищи и крова, о которых побуждает человека заботиться опять же [Бог,] другой заботы [у человека] нет. Следуя же воле Господа, он со всей простотой ей подчиняется.

Так вот, когда укоренится эта вера, совершенно упраздняется то знание, которое рождает сомнение во всём и уменьшает веру, а часто ее и отнимает. Ведь это знание, поскольку мы воспитаны на нем, обладает силой естества.

Однако, когда после многих испытаний победит вера, тогда [это знание] преображается и рождает — или, скорее, этому знанию дается в дар — знание духовное, которое не противостоит вере, но на ее крыльях летит и исследует глубины таинств. И впредь они — вера и знание, знание и вера — неразлучные сестры.

Так вот, давайте теперь мы, посвятившие себя Богу, испытаем себя, есть ли у нас такая вера или [в нас] господствует знание. И если ты всё оставляешь на Бога, вот тогда ты постиг веру и, безусловно, без всякого сомнения обрешь в Нем своего помощника. Поэтому, даже если ты будешь тысячу раз испытан и тебя станет искушать сатана, чтобы притупить твою веру, ты предпочти тысячу раз умереть и не слушайся знания. И тогда откроется дверь таинств. И будешь удивляться тому, что прежде был связан цепями знания. А теперь ты летишь на

¹²⁸ Ср.: Притч. 1, 7.

божественных крыльях над землей. И дышишь иным воздухом, [воздухом] свободы, которого другие лишены.

А если ты видишь, что царствует знание, и при малейшей опасности ты теряешься и отчаиваешься, знай, что ты пока еще лишен веры. И, следовательно, ты пока еще не возлагаешь на Бога всю свою надежду, [не веришь,] что Он может тебя спасти от всякого зла. Поэтому позаботься здесь исправиться, как мы говорим, чтобы не лишиться такого великого блага.

И ныне послушай, что я скажу.

Пришел к нам однажды человек¹²⁹, уже много лет монашествовавший, живший в Швейцарии. Были у него три серьезные, страшные и к тому же еще неизлечимые болезни. И на лекарства он истратил целое состояние, ибо он был богатым человеком. И поскольку кто-то посоветовал ему прийти ко мне, он открыл мне свой помысл, и я его очень пожалел. Так вот, я ему сказал, что он сразу выздоровеет, как только поверит, что Бог может его исцелить. Короче говоря, если я напишу всю историю, сколько я промучился, чтобы его убедить, мне придется исписать восемь листов. Ибо он не оставлял меня и не уходил, но и не хотел поверить, до тех пор пока не подействовал Бог и он чувственно не услышал голос: «Почему ты не слушаешься, чтобы выздороветь?»

И так он получил избавление, ибо я потребовал, чтобы он ел противоположное — то, о чем он говорил, что умрет, если это съест. Я потребовал от него возложить всю надежду на Бога и, оставив знание, последовать вере. И есть вместо десяти раз в день, как он ел, один раз. Богу было достаточно только трех дней, чтобы его испытать. А я усердно о нем молился. И ночью увидел во сне двух страшных птиц, которые схватили его, чтобы пожрать. И змей крепко обвил его горло. И он звал

¹²⁹ Герасим Менайас. О нем см.: Старец Ефрем Филофейский. Моя жизнь со Старцем Иосифом. М., 2012. С. 361–365.

меня диким голосом, чтобы я спас его. Тогда я, сразившись со всеми этими чудовищами, умертвил их и проснулся. А он приходит и говорит мне: «Я совершенно выздоровел, как будто заново родился».

И действительно, его плоть стала здоровой, как у младенца. Так вот, были у него лекарства и два ящика с уколами. И я сказал ему, и он выбросил всё это вниз на скалы. И впредь жил он здоровым и ел один раз в день.

Итак, видите, что делает вера? Не думайте, что это сделал я. Нет. Я не дошел до такого состояния. Это — вера, у которой есть сила совершать такое.

Послушайте еще. Одна монахиня мне написала, что сильно болеет и если не сделает операции, то умрет. Я отвечаю ей, написав совершенно противоположное. Та опять пишет, что врач ей сказал: если она не сделает операции, через несколько дней случится прободение и в итоге смерть. Я повторяю: «Имей веру, возложи всё на Бога, предпочти смерть». Она присылает мне ответ, что болезнь повернула вспять.

Видите? Тысячи раз я испытал это. Когда полагаешь перед собой смерть и ожидаешь ее каждое мгновение, она убегает далеко от тебя. Когда боишься смерти, она постоянно тебя преследует. Я похоронил трех чахоточных, питая надежду, что заражусь и сам. Надел ту одежду, которую снял с умершего, но смерть убежала, направившись к боящимся ее. Я болею всю свою жизнь. И никогда не лечился. Упорно ем противопоказанное. И где смерть?

Пишу вам это, потому что вы любите совершенство. А мирские не согрешают, поступая соответственно знанию, — они ведь и не ищут другого пути.

Хочу же я сказать всем этим, что без воли Господней мы не заболеваем и не умираем. Итак, убирайся от нас подальше, маловерие.

И когда мы познаём Бога как Творца всяческого блага, Отца, Промыслителя нашего и Покровителя, тогда мы должны уверовать в Него от всей души и сердца. И только на Него надеяться. И затем мы возлюбим Его, испытывая [на себе] многие Его благодеяния. И когда возлюбим Бога от всего сердца как Создателя, тогда и ближнего возлюбим как самого себя, зная, что все мы братья — Адамовы по естеству и Христовы по благодати. И посему духовный человек должен признавать не родство плоти, а родство духа, так как он посвятил себя Богу. Ибо плоть, мужеский и женский пол, существуют для размножения, от чего мы отреклись и поднялись выше. Так вот, поскольку мы духовные, то должны и видеть [друг друга] духовно. А если говорить о душе, то нет души мужеского или женского пола, молодой или старой, но на всём благодать Христова. Поэтому прошу: не заточайте [ваш ум] под законом, поскольку мы под благодатью. Позвольте вашему уму свободно созерцать, какое великое таинство скрывается в словах, которые я вам говорю. Чтобы ваш ум вкусил чистую любовь. И чтобы возлетел к созерцанию Единого Бога, нашего Благотца.

Поскольку все мы братья, дыхание Божие, Божественное дуновение, и наш Жизнеподатель Отец посреди нас, все наши дела, движения и мысли открыты Его суду и прозрачны для Его ока. И прежде чем ты шевельнешься или помыслишь что-нибудь доброе или злое, сразу дыхание, душа, будучи дуновением Божиим, извещает Бога. Еще до того, как ты что-то сделаешь, Он уже видит это, и только потом ты совершаешь душевное или телесное движение.

Теперь вникни в слова пророка: «Предзрех Господа моего *предо мною выну*»¹³⁰. Так вот, всегда ли открыты глаза твоей души? Или ты считаешь, что так как ты не видишь Бога близ

¹³⁰ Пс. 15, 8.

себя, то и Он тебя не видит? Или, поскольку ум твой закрыт, считаешь, что можешь делать что-нибудь втайне от Него? Однако Он тебя видит, печалится и делает вид, что не видит, попирает твоё маловерие и помрачение твоего ума.

Разве ты не знаешь, что в каждом случае Иисус бывает исцелением всякой нужды? То есть: пищей голодному, водой жаждущему, здоровьем больному, одеждой нагому, голосом для поющих, извещением для молящегося, всем для всех во спасение.

Поверь, чадо мое, что чем бы мы ни страдали, во всём Христос является лучшим врачом души и тела. Только бы ты имел совершенное самоотречение, совершенную веру и преданность Ему без колебаний.

Ведь если наш сладкий Иисус столь добр, милостив, благ, зачем отчаиваться? Какую-то малость попросим у Него, а Он нам дает так много. Просим Его об одном луче света, а Он нам дарит всего Себя — Свет, Истину, Любовь. Итак, смирись и всю свою надежду возлагай на Него.

И поверь мне, говорящему правду, что с тех пор, как я стал монахом, сколько мне ни случалось болеть — я совершенно не заботился о себе. И никому не позволял позаботиться о моем телесном здоровье, а всю свою надежду возлагал на Безмездного Врача.

И вначале было дано мне такое испытание, что покрылась большими, как лимоны, чирьями вся моя спина сверху донизу. И стал я как деревянный, не в состоянии согнуться. И я боролся с болезнью, совсем не меняя ни белья, ни другой одежды. Но взвалил на спину котомку и обошел всю Святую Гору. До тех пор, пока все они сами не лопнули и не потекли даже по ногам. И я не переодевался, как уже сказал, борясь и терпя страдания. И стало белье толщиной в палец от сочившейся жидкости. И в дыры ран помещался палец. И со мной ничего не случилось. И до сего дня, какая бы болезнь ко

мне ни приходила, принимаю ее с большой радостью: может быть, она принесет мне вечный сон и окажусь я у Господа Иисуса. Но не настал еще час. Впрочем скоро настанет.

Смерть, которая для многих велика и страшна, для меня — отдохновение, сладчайшая вещь, которая, как только придет, сразу избавит меня от скорбей мира. И я жду ее с минуты на минуту. Она воистину велика. Но очень велик и подвиг взять на себя все тяготы сегодняшнего мира, когда каждый требует исполнения всех заповедей [только] от другого.

Таково наше время. Поэтому необходимо терпение — до тех пор, пока мы стоя не отдадим душу Богу. Посему мужайся, и да крепится душа твоя во всё, что бы с тобой ни случилось.

Из-за всего этого я и стал трупом. Прошу Бога забрать меня, чтобы я [наконец] отдохнул. Очень прошу любовь вашу молиться обо мне, ибо у меня много душ, которые просят моей помощи. И поверьте, что за каждую душу, которая получает помощь, я испытываю ту брань, от которой она страдает. И я не устаю писать это, ободряя вас, чтобы вы не боялись болезней, даже если будем страдать до конца [своей] жизни.

Ведь если Бог всё время рядом, зачем беспокоишься? В Нем мы живем и движемся¹³¹. Он нас носит в Своих объятиях. Богом дышим, Богом одеваемся, Бога осязаем, Бога вкушаем в Таинстве. Куда ни повернешься, куда ни посмотришь — везде Бог: на Небесах, на земле, в безднах, в деревьях, в камнях, в твоём уме, в твоём сердце. Так вот, разве Он не видит, как ты страдаешь, [не видит,] что ты мучаешься? Выскажи Ему свои жалобы — и увидишь утешение, увидишь исцеление, которое будет исцелять не только тело, но прежде всего страсти твоей души.

Ты мне пишешь, что пока ты еще причастен своему ветхому человеку. А я говорю тебе, что у тебя нет еще ни капли

¹³¹ Ср.: Деян. 17, 28.

от Нового Адама. Ты весь — ветхий. И когда начнет в тебе образовываться Новый Адам, я сам, если буду жив, напишу тебе о том, какими способами образуется новый человек.

Дочь Иисуса моего, чадце мое возлюбленное, желаю тебе всего доброго вместе с преподобнейшей игуменией и со всеми сестрами!

Получил я твое письмо, прочитал его и обрадовался тому, что ты здорова, но не тому, о чем ты пишешь.

Ревность, о которой ты пишешь, не от благодати. Не требует сейчас от тебя Бог такого исповедничества, о котором ты говоришь. Там, где ты живешь, твое дело сейчас тысячекратно выше. Ибо, если терпишь ежедневный подвиг, всякий раз, когда понуждаешь свою душу выдержать холодное слово, насмешку, обличение, ты становишься исповедницей. Каждый раз, когда проявляешь терпение, получаешь венец. И это вменяется тебе пред Богом в ежедневное мученичество.

И свидетель тому — твое письмо, которое я держу в руках. Всё то, о чем ты мне пишешь, — это козни лукавого: чтобы разрушились монастыри, чтобы не беспокоили они его!

Ну хорошо! Если бы спасение для нас было за оградой, в миру, то зачем мы всё это оставили? Зачем со страшными клятвами отреклись от этого, надевая святое монашеское одеяние? Прочитай обеты, которые ты дала тогда, и посмотри, согласны ли они с тем, что ты пишешь.

Не обещалась ли ты, дитя мое, что отрекаешься от мира и всего, что в мире? Не сказала ли, что отныне изглаживаешь своего прежнего человека, чтобы изгладил и человеколюбивый Бог твою прежнюю жизнь? Не сказала ли, когда тебя спрашивал священник, что «пребудешь в монастыре до

последнего издыхания»? Так где же сейчас те слова? Или, может быть, ум твой помутился от помыслов и ты не помнишь их и считаешь, что и Христос это забыл? Но каждое слово, которое ты сказала в тот час, ангелы записали, и за него взыщется в День Суда.

Итак, подражай этим святым душам вокруг тебя, которые носят иго Христово, терпя затвор в монастыре. Ведь плод [ты найдешь только] внутри себя.

Пчела приготавливает мед во тьме, так чтобы ее никто не видел. Если вытаскиваешь ее на свет, то губишь ее. Если поместишь ее в склянку, то она замазывает и затемняет ее. Вот пример для нашей монашеской жизни.

Ты не видишь, как преуспели игуменья и остальные сестры? Посмотри и на меня, ничтожнейшего, который затворился в гробу и не хочет знать, живы ли другие и как они живут.

Вижу, что душа моя мертва, и стенаю над ней. Страдаю, беспокоясь о девяти душах, которые затрудняют мне путь, ибо несу ответственность [за них] и скорблю. Ведь остались в прошлом времена, дававшие силу и крепость монахам, у которых была благодать в избытке и пример перед глазами.

Однако у тебя есть там всё необходимое, чтобы стать хорошей. Достигни [меры сестер] и будь спокойна. Достигни [меры] их добродетели, и достаточно для тебя. А если захочешь их превзойти, то способ для этого — стать ничем. Ибо высота и восхождение — это опуститься до ничтожности, а не вспорхнуть, улететь, уйти из монастыря. Надо стать землей, чтобы по тебе ходили. Ибо из ничего ты стала землей. Вот откуда ты приходишь. Не забывай, откуда взята. Ты — глина. Не возносись. Ты — брение. Ты стоишь [только] того, чтобы тебя употребили на штукатурку для нужника. Не ненавидь, не ропщи, не злословь другую глину. Ибо все мы годимся только на штукатурку.

Если вынесешь эту истину, то благо тебе будет. Если бы ты знала это свое предназначение, то, будь монастырь даже змеями наполнен, ты говорила бы: «Лучше я буду съедена змеями, чем выйду за врата обители, где меня постригли. Матушка моя теперь — Богородица, а еще — благословенная Старица [игумения]. Братья и сестры — святые и сестры монастыря».

Монастырь — это земной рай. И вы все должны стать словесными цветами в воню благоухания духовного. Если понудите себя, то спасетесь навеки. Станете миром благоухающим, фимиамом благовонным. И что может быть драгоценнее и благоугоднее пред Святой Троицей?

Итак, дочь моя, для тебя мир уже умер, и ты [умерла] для мира. Не стремись стать соляным столпом, как жена Лотова, обернувшаяся назад¹³². Не измышляй извинений во грехах¹³³. Иначе с тобой случится то, что случилось с монахами в монастыре Святого Сервия, как пишет святой Нил¹³⁴. Не знаю, читали ли вы это. Но сейчас об этом писать не время.

Ты пишешь о некоей матери, которая пребывает в смертельной печали. Однако я не вполне понял написанное. Кто дал обет: мать за свою дочь, чтобы та стала монахиней, или дочь сама за себя? Во всяком случае, как бы там ни было, не стоит ей печалиться. Бог не потребует [от нее] отчета, поскольку Он Сам, как Господин жизни и смерти, забрал ее так рано и внезапно. Господь потребовал бы отчета, если бы дочь была жива и не исполнила обетов, которые она дала. Теперь податель венцов Христос наградит ее намерение.

¹³² См.: Быт. 19, 26.

¹³³ См.: Пс. 140, 4.

¹³⁴ Об истории монастыря Святого Сервия см.: Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского (ч. 4, гл. 15–17). М., 2003. С. 477–482.

Однако пусть закажут о дочери сорокоуст и подадут милостыню по силе.

Также и мать иеромонаха пусть не отчаивается. Хотя это и плохо, что ее сын покинул обитель, где постригся, и без благословения живет сейчас в миру, однако молитвы и слезы матери имеют большую силу пред Господом. Вместо того чтобы печалиться, пусть молится. И Бог со временем его просветит.

Действия Божии не похожи на наши, человеческие. Он неспешно, со всем возможным терпением совершает спасение всех желающих спастись. Верю, что и в этом случае Он не даст воздыханиям и слезам матери пропасть даром.

Только тот, кто видел и познал ведение и благодать Бога, знает, насколько далеки человеческие представления от того, как [на самом деле] Бог судит мир. Человеколюбцу достаточно принять в Свои руки одно только покаяние человека, а всё остальное Он Сам умеет премудро устраивать во спасение.

А относительно того, что ты пишешь об Авве Исааке, [следует сказать:] он говорит не только о том, что подвижающегося Бог поместит вместе с совершенным, если он прилагает усилия, однако, застигнутый смертью, не успевает достичь совершенства¹³⁵. Но он говорит еще, что и его мощи Бог поместит вместе с мученическими, если тот падет в борьбе и умрет¹³⁶.

Еще ты пишешь об отце, благодарящем за свет, который его чадо посылает ему от светильника своего монашеского образа. Так и есть, это правда. Родители получают благословение от своих чад, если те спасаются. И становится светлая жизнь детей светильником для родителей: им подается благодать. И [даже] до седьмого колена предки ожидают, что получат

¹³⁵ См.: Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 66.

¹³⁶ См.: Там же. Слово 60: «Ибо, если в подвиге Господнем умрешь телесно, Сам Господь увенчает тебя и честным останкам твоим дарует Бог честь мучеников».

помощь от благодати монашествующих. И многие благодаря нам спасаются, если мы жительствоуем, как угодно Господу.

Поэтому необходим подвиг до смерти: терпение и послушание.

Итак, имей совершенную веру в благословенную Старицу [игумению] и терпи скорби без ропота, чтобы удостоиться благ Господних. Тогда и другие спасутся, взяв пример с тебя, когда ты станешь такой, какой тебя хочет видеть подвигоположник Христос.

Видел я однажды священника, крестившего всех нас на родине. Он был святым человеком. Хранил девство. Творил много милостины. И во сне он мне говорит: «Я, — говорит, — при жизни думал, что только литургии вызволяют души из ада, но теперь, когда умер, увидел на деле, что и молитвы, которые вы совершаете, вызволяют души из [адских] мук». Итак, не прекращайте молиться о душах. Ибо милостивый Бог ищет причину и повод, чтобы спасти душу.

Вот и снова прихожу я, смиренный твой отец, чтобы словами возбудить твое усердие. Восстань, дитя мое, от сна лени. Услышь меня и более не спи. Проснись и стряхни свою сонливость, [порождаемую] унынием.

Снова возьми оружие и доспехи и мужественно встань против своих врагов. Воюй терпеливо. Не обращай в бегство. Схватись [с ними] врукопашную. Лучше для нас пасть победителями в битве, чем быть побежденными.

О чудо чудес! Мирские, чтобы поймать пару рыбок, бьются всю ночь. И едят их или продают и так перебиваются. И не надеются получить от этого ничего другого. И жизнь их

кончается, и они мучаются, занимаясь этим трудом до конца своих дней.

Мы же, окаянные, достойны сожаления по причине великого нашего неведения. Ведь нас Христос кормит даром и воздает нам сторицей. Мы трудимся один день, а Он нам платит [как] за сто. И мы вечно будем радоваться и веселиться в Его Царствии, пребывать вместе с Пресвятой Богородицей как Ее подлинные чада. Подобные святым Ангелам, в преизобильном свете и несказанной радости!

Но так как мы, бесчувственные, не видим явственной выгоды — маленьких рыбок или чего бы то ни было другого временного, — то не хотим терпеть.

Если бы мы родились рабами, каждый день доставались бы нам и палка, и оплеухи. А сейчас мы не терпим одного холодного слова от немощного брата. О неразумные и необрезанные сердцем! Из-за одного маленького искушения — сразу отречение. Предпочитаем обречь себя на вечную разлуку со Христом и вечное единение с сатаной, но не вытерпеть со смирением испытания, [длящегося] один миг!

И что еще могут означать, ленивая и возлюбленная душа, эти слова, которые ты говоришь в час твоего малодушия: «Найду способ убить себя, покончить свою жизнь»?! О ослепление и тьма осязаемая! Убьешь себя или объединишься навечно с дьяволом? Покончишь свою жизнь или сойдешь навсегда в ад? И не боишься, малодушная душа, вечного осуждения, разлуки со сладчайшим Иисусом, Жизнью и Светом?

О, как печалится Владыка Христос, как огорчается Жених душ, когда из-за мельчайшего искушения мы возлагаем Ему на главу терновый венец нашего отчаяния!

Только лишь назовем Его Женихом — в священнодействии пострига, — как сразу же просим у Него развода!

И разве это не желчь отречения, смешанная с горьким укусом нетерпеливости?

Будем внимательны, чадо мое, ибо таким образом мы весьма печалим сладчайшего Иисуса и доставляем неожиданную радость злорадному диаволу.

О! И кто мне даст источники слез и безутешную скорбь, чтобы плакать день и ночь о моих малодушных сестрах!

Желаю тебе, чадо мое, встать на ноги и впредь быть очень внимательной, чтобы не случилось у тебя или у другой сестры подобного искушения.

Будьте внимательны, чадца Христовы, ибо это случается со всеми. Не ожесточайтесь, но имейте совершенное послушание и любовь к благословенной Старице [игумении,] чтобы во время искушения вас покрывала ее молитва. Где ожесточение [и] гордость, там преслушание и соблазны. Где послушание и смирение, там почивает Бог. Говорят божественные отцы: падению предшествует гордость, а благодати — смирение. Малодушие же — мать нетерпеливости.

Видела ли ты человека, а тем более монаха без терпения? Это светильник без масла, свет которого скоро погаснет.

От малодушия рождаются многие чада: ропот, непослушание, бесстыдство, жалобы на [свою] судьбу, хула, отчаяние и другие подобные им. Гордость же и ожесточение друг другу — родные сестры, порождающие тысячи чад, которые все вместе стремятся погубить душу.

Истребление же всего этого одним махом — смирение и совершенное послушание.

Так вот, позаботься, чадо мое, о блаженном послушании. Подчинись совершенно. Ибо теперь, когда враг узнал, что ты легко побеждаешься, он погуляет и вернется. Однако пусть он не найдет тебя беспечной и не опрокинет тебя. Готовься.

И когда он придет, дай ему понять, что у тебя есть охрана — сила Христова и молитвы всех здесь и там¹³⁷.

Не приучайся быстро сдаваться, ибо при каждом поражении обрушивается крепостная стена души, и вход для врага впредь облегчается — до тех пор, пока он окончательно не сделает побежденного пленником.

Помнишь, что я писал тебе, когда ты пришла в монастырь? Я хотел, чтобы то, о чем ты тогда писала, ты говорила и через четыре года и чтобы какими ты видела сестер тогда, такими видела их и ныне, [спустя годы]. Если пролистаешь первые письма, то найдешь это.

Поэтому и сейчас снова говорю тебе: будь внимательна. Будь внимательна, ведь сейчас, в самом начале, ты еще можешь положить [правильное] начало. Но если теперь не понудишь себя, придет время, когда, если и захочешь, не сможешь сделать то, что ныне упускаешь.

Дай [Богу] свой обол¹³⁸, и Бог даст [тебе] тысячу талантов¹³⁹.

Повергни себя на землю. Стань землей, чтобы по тебе ходили. Стань Аввакиром¹⁴⁰. Сокруши свое сердце и восплачь с душевной болью, чтобы пожалел тебя Бог. Плачу и я [о тебе] ежедневно, но Христос просит и твоих собственных слез.

Итак, проснись и стряхни [с себя] малодушие. Порази врага один раз, чтобы научиться побеждать его силою Господней. Победа — это терпение, победа — это смирение, победа — это послушание.

¹³⁷ По всей видимости, речь идет о молитвах в общине Старца и в монастыре его духовного чада.

¹³⁸ Обол — мелкая древнегреческая монета, $\frac{1}{6}$ часть драхмы.

¹³⁹ Талант — самая крупная древнегреческая счетно-денежная единица, содержащая 26 кг серебра.

¹⁴⁰ См.: Прп. Иоанн Синайский. Лествица. Слово 4, 29.

К тому же знай, что в обычае у искusstителя — воевать с подвижниками изощренно. И когда он употребит все средства, воюя с ними, и не сможет их победить, тогда наводит на них болезни до последних дней жизни. И часто бывает, что болит всё тело и весь человек становится сплошной раной и одним постоянным «ох!». Однако тогда [уже] близки конец и упокоение.

Мы, дитя мое, всё то, о чем ты говоришь, видели, проходили и единожды, и дважды, и многожды. Написали и книгу об этих изменениях¹⁴¹, чтобы, если и случится кому пострадать, он не отчаивался. Но и не оставался праздным, как делаешь сейчас ты. Требуется усилие, требуется подвиг, требуется крайнее смирение и совершенное послушание. Итак, не стой [без дела,] а взывай: «Христе мой! Матерь Божия!»

Не расслабляйся и не принимай помыслов. Призывай непрестанно Христа.

Прежде чем искушение успеет образовать помысл в твоём уме, ты разрушай его молитвой. Не оставляй его [в себе].

А если ты оставляешь нечистоты, которые бросает в тебя враг, в краткое время он тебя в них закопает. И затем какая [будет нужна] борьба, чтобы очиститься! Поэтому понуждай себя. Требуется труд и боль — нешуточное дело! Твое сердце будет обливаться кровью. Ты выпьешь горечь, яд и так получишь свободу, вкусишь сладость.

Не считай, что это малый подвиг. Как сумасшедшая, ты должна взывать: «Иисусе мой, спаси меня! Пресвятая

¹⁴¹ По всей видимости, речь идет о сочинении «Десятигласная Духовидная Труба», которое включено в настоящее Собрание творений.

Богородица, помогай мне!» Пусть твой язык работает, как машина: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» И когда будешь уставать, будет приходить к тебе утешение, которого ты не вкушала никогда. Если же будешь бездельничать, как сейчас, и нерадеть, то вовек не исцелишься.

Человек, сидя в своем доме, не может держать путь в Константинополь. Монах, пребывая в нерадении и не молясь, не может стать достойным Горнего Иерусалима.

Итак, восстань! Дай [Богу] свой обол, и благодать Божия даст [тебе] тысячу талантов. Покажи свое благое намерение. Отврати от врага свое лицо. Зачем ты позволяешь своей душе прелюбодействовать с бесом?

Где смирение, когда ты думаешь и говоришь, что все у тебя виноваты и только ты хороша?

Смирение — это когда согрешает другой и, прежде чем он успеет попросить прощения, мы ему кладем поклон, говоря: «Прости, брат мой, благослови!»

Пусть тебе не кажется это трудным и тяжелым. Это ничто по сравнению с тем, что сделал для нас Владыка Христос. Пред взором ангелов Он склонился и положил поклон от Неба до земли, и *приклони небеса и сниде*¹⁴². Бог — к людям! А ты ставишь мир с ног на голову, лишь бы только не сказать «прости». Так где же смирение?

Когда ты смиришься, все тебе будут казаться святыми. Когда ты много о себе воображаешь, все тебе не такие, как надо, и плохие.

Есть ли что-нибудь грязнее, чем гордость, и зловоннее, чем нечистые бесы? И однако ты их терпишь, они тебя оскверняют. Ты легко им позволяешь входить и разрушать твою ограду, но посмотрим после, как они будут выходить! Легко

¹⁴² Пс. 17, 10.

принимаясь бесстыдные и нечистые помыслы, но посмотрим после, как ты очистишься!

Ничто другое так не ненавидит Бог, как незаконную, сладоострастную нечистоту тела. И тот человек, который прелюбодействует с нечистыми помыслами, весь воняет, как дохлая собака.

Если же кто подвизается и хранит свое тело чистым и ум не оскверненным нечистыми помыслами, то его жизнь и молитва восходят к Небесам, как благоуханный фимиам.

То, о чем говорю вам сейчас, я видел на деле. Не существует другой жертвы, более благоуханной пред Богом, чем чистота тела, которая приобретается кровью и ужасной борьбой.

Много я мог бы сказать об этой блаженной чистоте, которую вкусил и плод которой отведал. Но сейчас ни ты, ни твои сестры не сможете понести того, о чем я говорю.

Сейчас только одно вам скажу: и одежда их¹⁴³, когда они ее меняют, — словно мирохранительница, распространяющая свежесть и наполняющая благоуханием весь тот дом. И это — извещение Божие о блаженной чистоте, святейшем девстве.

Поэтому прилагайте усилия, очищая душу и тело. Совершенно не принимайте нечистых помыслов. И увидите то, о чем я вам говорю. И, безусловно, поверите моим словам. Испытайте всё то, о чем я писал вам до сегодняшнего дня, и тогда убедитесь на деле, что я говорю истину, [основанную] на опыте.

Там, где послушание, смирение и подвиг, бесы никогда не могут пленить человека. Ожесточение, преслушание и гордость рожают уныние и нерадение, и тогда приходят все бесы и устраивают из души того человека навозную яму

¹⁴³ См. выше: тех, «кто подвизается и хранит свое тело чистым и ум не оскверненным нечистыми помыслами».

и стойло. И не успокаиваются до тех пор, пока не сделают его виноватым в новых и старых грехах и пока он не станет окончательно их пленником.

Итак, понуждай себя, чадо мое, а равно и все сестры. Ибо, если вознерадите, придется вам хлебнуть лиха. Однако если будете понуждать себя, спасетесь навек. Станете фимиамом благовонным и миром драгоценным. Станете воистину жертвой словесной, благоугодной Господу.

Не могу вам описать, как любит Пресвятая Богородица целомудрие и чистоту. Поскольку Она — единая Чистая Дева, Она хочет, чтобы и все мы были такими же, и таких любит.

И как только мы Ее призовем, Она сразу спешит на помощь. Не успеваешь сказать: «Пресвятая Богородица, помоги мне!» — и сразу как будто молния озаряет ум и наполняет светом сердце. И влечет ум к молитве и сердце — к любви.

И часто проходит целая ночь в рыданиях и сладкозвучных гласах, воспевающих Ее, а прежде всего — Носимого Ею.

Итак, понуждайте себя, молчите, молитесь, слушайтесь, смиряйтесь, чтобы обрести всякое благо. У вас есть благословенная Старица [игумения] — Христово благоухание. Не огорчайте ее. Не прекословьте. Пребывайте в молчании и молитве и дайте ей [возможность] безмолвствовать. Ибо, когда она умрет и вы ее лишитесь и останетесь, яко ночные вороны на нырищи¹⁴⁴, тогда станет явным ее достоинство, но для вас тогда будет поздно.

И в завершение снова прошу, дитячко мое: понуждай себя и не теряй времени. Не утомляй меня, заставляя писать без толку. Но восстань и попирай своих врагов. Стань землей, чтобы тебя топтали, и оказывая послушание ради жизни твоей души.

¹⁴⁴ Ср.: Пс. 101, 7.

После долгого перерыва только сегодня, дитя мое, получил я твое письмо. И всё это время я был немного опечален, потому что в последнее время с тобой были нелады и я тебя слегка поругал. И поэтому в моем убогом сердце была печаль и боль.

А сегодня наконец я чуточку порадовался, узнав, что ты немного пришла в себя и начинаешь чинить свою маленькую лодочку, чтобы плыть к тихой и безмятежной пристани бесстрастия.

Поистине, чадо мое, велика борьба против страстей, но благодатью Божией всё достигается, и с Его помощью невозможное становится возможным.

Со всеми нами, дитя мое, случаются такие изменения, но требуется терпение и упорство в подвиге.

Все эти ненормальности, смятение, ненависть, отвращение, дикие движения страстей — всё это от сатаны. И всё это требует равного отвращения. С понуждением, с болью, со скорбью. Сразу, с самого начала. Прежде чем они войдут, и захватят пастбища, и перекроют снаружи воду, и заморят душу голодом, лишив ее небесной росы.

Видишь? Когда происходит согласие с помыслами, которые сеет лукавый, тогда он сразу отсекает у тебя дерзновение в молитве. И если он тебе перекроет снаружи воду, пищу души, то ты умрешь голодной смертью за несколько дней. Тогда как в самом начале ты можешь отвергнуть эти помыслы небольшим возражением. А ты нерадишь и расслабляешься, усердно внимая тому, что они говорят. Но когда они войдут, тогда поволокут нас, как пленников.

Будь внимательна, и не верь, и даже не думай, что они ушли [насовсем]. Ненадолго молитвы тех, кто больше тебя,

их прогоняют, но они снова возвращаются. Благодать обуздывает их, чтобы воспрянула твоя душа, но они снова приходят назад.

Однако во время мира ты не впадай в нерадение, а молись, исправляйся, готовься к войне. Воспрянь духом. Имей терпение. Оказывай совершенное послушание. Так, несомненно, ты можешь однажды получить избавление. Но только путем многого подвига и прилагая большое внимание.

Идя вперед, на каждом шагу монах должен проливать много слез и истекать кровью. И так — долгое время. И приходит диавол, древнее зло, и подставляет ему лом, так что, если не успеют благодать и молитвы других, у него всё переворачивается вверх дном. И снова надо начинать с [самого] начала. И снова — пролитие крови. Поэтому необходимо терпение. Не унывай, не малодушествуй. Проявляй терпение, чтобы тебя покрывала благодать. Много тех, кто тебя носит.

Каждый твой шаг к радости и мне придает радость. Твое собственное воскресение воскрешает и мою душу.

По самому себе и по своим собственным мукам я хорошо знаю искушения Старицы [игумении]. Знаю, как много она страдает и что выносит, нося каждый день ваши тяготы из-за своей ответственности перед Богом. Горечь и боль вкушает она каждый день с избытком. И только тогда веселится, когда вы идете добрым путем.

Сейчас ты видишь, что снова пришла благодать. Будь внимательна, ибо она снова уйдет. И если уйдет — нужны мужество, терпение, совершенное послушание, и она снова придет. Я сказал тебе, что на Рождество она должна была прийти. Она пришла, но не осталась, так как не нашла в тебе ревности. Сейчас пришла, но снова уйдет, чтобы очистить тебя от страстей. Это будет происходить до тех пор, пока ты не станешь такой, как хочет Господь, чтобы Его благодать нашла место и способ остаться.

Итак, понуждай себя к подвигу. Не унывай и не трать времени зря. Ибо времени, которое ты каждый день тратишь бесцельно и напрасно, снова не найдешь. И должна будешь дать отчет обо всех днях, часах и мгновениях своей жизни. Человек должен не только бежать, но и измерять пройденный путь. И при этом, опять же, не оставаться позади, не предаваться нерадению.

При этом знай и то, что любовью ко Христу и Пресвятой Богородице больше приобретаешь трезвения и созерцания, чем другими подвигами. Хорошо и всё остальное, когда хорошо делается, но любовь превосходит всё. И тогда обнимаешь икону, как живую, и со слезами горячо ее целуешь. «Матушка моя, — зываешь, — Богородица моя, спаси меня, ибо я погибну, если Ты меня оставишь! Господи, Боже мой, помилуй мя ради Всепречистой Твоей Матери и всех Твоих святых!»

И когда, говоря это, чувствуешь большую любовь, такую, что хочешь непрестанно целовать икону, — это признак того, что Она воздает тебе целование. Я не могу один раз поцеловать икону Пресвятой Богородицы и отойти. Но когда подхожу к ней близко, она как магнит притягивает меня к себе. И нужно, чтобы я был один, ибо хочется часами ее целовать. И некое живое дыхание наполняет изнутри мою душу, и я наполняюсь благодатью, и она не дает мне уйти. Любовь, рачение Божие, огонь пылающий, который, едва ты войдешь в церковь, тут же тебя встречает — [особенно] если икона чудотворная — и распространяет такое благоуханное дыхание, что остаешься часами в восхищении, будучи не в себе, а в благоуханном раю.

Такую благодать дает Пресвятая Богородица тем, кто сохраняет свое тело в чистоте. Ибо, как я убедился, Она очень любит чистоту. Поэтому и я более, чем со всякой другой страстью, воевал с плотью. И дана мне была чистота как дар, так что мне [теперь] всё равно, женщина передо мной или

мужчина. Страсть во мне не действует нисколько. По дару Господа я ощутимо получил благодать чистоты.

Это пишу тебе и твоим сестрам, чадо мое, чтобы вы по-нуждали себя подражать [мне]. Иначе не было бы причины открывать мое духовное состояние. И уж вовсе я не хочу, чтобы вы меня хвалили. Но так как я всегда держу вас в своей душе как подлинный ваш брат во Христе, то желаю помочь вам по мере сил. Пусть каждая попробует. Если постараетесь, то увидите, как любит нас Пресвятая Богородица.

Однажды вечером, целуя Ее икону, я почувствовал усталость. И, присев в стасидии¹⁴⁵, немного задремал. И пришла Она в теле — не икона — и меня поцеловала. И я наполнился неизреченной радостью и благоуханием. А Оный Небесный Младенец гладил всё мое лицо, как живой, когда я целовал Его пухленькую ручку. И думается, что это не сон, но как бы ощущение другой жизни — неведомое и неиспытанное для тех, кто не познал такого.

Чадце мое возлюбленное и все во Христе сестры по чину, радуйтесь и здравствуйте в Господе!

Снова начинаю говорить в уши тех, кто желает и ищет услышать. *«Просите, — говорит сладкий Иисус, — и дастся, ищите и обрящете, толцуйте и отверзется»*¹⁴⁶. Чту намерение, хвалю ревность, ценю любовь и подражаю вам.

¹⁴⁵ Стасидии (ед. ч. стасидия) — рассчитанные на одного человека деревянные откидные сиденья, как правило, соединенные между собой, с высокой спинкой и особыми опорами для рук по бокам на уровне локтя. Опоры помогают молиться стоя. Обычно стасидии устанавливаются вдоль внутренних стен храма, в них можно и стоять, и сидеть.

¹⁴⁶ Мф. 7, 7.

Итак, послушайте меня вновь. Прежде всего: ты пишешь, дитя мое, о способе, каким ты начинаешь свою молитву, — он очень хорош. Такими мыслями ты можешь удержать свой ум, помышляя о том, что молитва Старца [и] Старицы восходит, словно огненный столп, и что они умом беседуют с Богом. Думая и размышляя об этом, ум на мгновение останавливается, и становится сладостной молитва, и текут слезы. И приближается та благодать новоначальных, о которой ты говоришь, — словно мать, которая учит своих малышей ходить.

Она оставляет малыша и уходит, и он ищет ее. Плачет, зовет, разыскивает ее. Вскоре она приходит и снова удаляется. Он опять плачет, зовет. Она снова возвращается. Пока она не вырастит нас, у нее нет возможности остаться вместе с нами, потому что ей препятствуют страсти.

Страсти — это вещь жестокая. Уральские горы! Километры в высоту! Благодать — это солнце. Восходит солнце, но тень гор не позволяет согреть всего наделенного умом человека. Лишь только один луч найдет его, он сразу загорается от радости. А остальная часть находится в тени страстей. И когда уменьшится благодать, могут сразу начать действовать бесы. И они часто ей препятствуют, как тучи, заслоняющие свет солнца, ибо тень страстей порождает туман, который затемняет слабый только что появившийся луч. И туман этот — помыслы отчаяния, о которых ты пишешь. Робость, страх, бесстыдство, хула и подобные им, от которых душа увядает и теряет дерзновение.

Каждый помысл, который приносит отчаяние и большую печаль, — от диавола. Это туман страстей, и его сразу необходимо отвергнуть — надеждой на Бога, откровением помыслов Старице [игумении,] молитвами старших. [Ибо следует] помышлять, что они молятся и упрашивают Бога о тебе.

Малая печаль, смешанная с радостью и слезами, и с утешением в душе, — от благодати Божией. Она нас ведет к покаянию во всём, чем бы мы ни согрешали до конца своей жизни.

Согрешение прогоняет дерзновение к Богу, но покаяние сразу призывает его обратно. Благодать не дает отчаяться, но непрестанно побуждает падающего к покаянию. А слова беса сразу приводят его в отчаяние, губят его, как град, падающий на нежные, только что распустившиеся листочки.

Так вот, вникни в этот маленький урок делания.

Когда ты видишь, что благодать действует, и радуется твоя душа, и текут непроизвольно слезы о милостях, которые даровал тебе Бог, — остановись, если ты на молитве. Если ты стоишь — не двигайся. Если сидишь — сиди [на месте]. Если молишься — молись без помысла младенческого и прими обильный дождь Духа, сколько бы его ни пролилось на тебя. Ибо если он застанет тебя во время работы, а ты поднимешься на молитву, то он прекратится. Он хочет, чтобы ты оставалась там, где Он тебя нашел. Чтобы не ты была «мастером» по отношению к благодати. Она хочет научить твой помысл никогда не верить самой себе, пока ты пребываешь в этой жизни. И один день дождя возвращает посаженное в твоей душе за всё то время, когда удалялась благодать.

Иная благодать — у священства. Иная — у монашества. Иная — у таинств. И иначе действует благодать подвижничества. Всё это происходит из одного источника, но отличается одно от другого превосходством и славой.

Благодать покаяния, действующая в тех, кто подвизается, — это наследство, полученное от [святых] отцов. Это обмен и божественный торг, в котором мы отдаем землю и получаем Небо. Обмениваем вещество, получая Дух. Каждая [капля] пота, всякая боль, каждый подвиг ради нашего Бога — это торговый обмен. Отнятие крови и вливание Духа.

Эта благодать возрастает, насколько может вместить человек, подобно тому, как сосуд [принимает столько,] сколько в нем помещается. Называется же она благодатью делания и благодатью очищающей.

Теперь [заметь:] за деланием следует просвещение. И это вторая ступень, то есть благодать просвещающая.

То есть когда подвизающийся будет хорошо воспитан благодатью делания и без счета упадет и поднимется, вслед за этим приходит просвещение ведения — озарение ума, который созерцает истину. [Тогда подвижник] видит вещи в их естестве, без [применения] ухищрений, и способов, и рассуждений человеческих. Каждая вещь [для просвещенного ведением ума] естественным образом стоит в своей действительной истине. Но, прежде чем [подвижник] достигнет этого, он пройдет через многие испытания [и] болезненные изменения. Однако в итоге он находит мир помыслов и передышку от искушений.

А за просвещением следуют прерывание молитвы и частые созерцания: восхищение ума, прекращение чувств, неподвижность и предельное молчание членов, единение Бога и человека в одно.

Это божественный обмен, при котором, если кто вытерпит искушения и, подвизаясь, не прекратит свой путь, то меняет вещество на невещественность...

Поэтому бегите вслед за Небесным Женихом, серны Иисуса моего! Обоняйте мысленное миро. Облагоухайте вашу жизнь, душу и тело чистотой и девством. Не знаю я ничего другого, что было бы так угодно сладкому Иисусу и Пречистой Его Матери, как чистота и девство. И если кто хочет насладиться Их великой любовью, пусть позаботится очистить, сделать непорочными душу и тело. И таким образом он получит всякое небесное благо.

Теперь я объясню вам, что имеется в виду под словами «прерывание молитвы», когда умножается в человеке благодать.

Благодать делания уподобляется сиянию звезд, просвещения — полнолунию, а приводящая к совершенству благодать созерцания — полуденному солнцу, проходящему по небосводу. Ибо [святые] отцы разделили духовное жительство на три чина.

Итак, когда благодать умножится в человеке и он будет знать всё написанное, как мы сказали, тогда он приходит в великую простоту. Ум его расширяется, приобретая огромную вместительность. Ты уже вкусила каплю той благодати, и пришли к тебе большая радость и веселие. Так и снова придет благодать, когда ум будет пребывать в молитве. Но придет сильно, как тонкое дуновение, как стремительное благоуханное дыхание¹⁴⁷. Тогда она переполняет всё тело и прерывается молитва. Замирают члены. И только ум созерцает в преизобильном свете. Совершается единение Бога и человека. И он не может сам себя отделить [от Бога]. Как железо. Прежде чем его поместят в огонь, оно называется железом. Когда же раскалится и покраснеет, тогда делается одно с огнем. Или как воск, который, приблизившись к огню, тает, не может остаться в своем естестве.

Только когда пройдет созерцание, он снова возвращается в свое естество. Тогда как пребывая в созерцании, он весь вне себя. Целиком и полностью соединяется с Богом. Ни о теле не помнит, что оно у него есть, ни о жилище. Весь — парящий. Без тела восходит на Небо!

Воистину велико это таинство, ибо видит человек то, о чем язык человеческий не может рассказать.

¹⁴⁷ Ср.: 3 Царств 19, 12; Деян. 2, 2.

И когда проходит это созерцание, он пребывает в таком смирении, что плачет, словно малое дитя, [изумляясь,] как Господь дает ему такое, тогда как сам он не делает ничего. И он приходит к такому познанию себя, что если заговоришь с ним, [то увидишь, что] он считает себя последним бедняком, недостойным существовать на свете.

И пока он так думает, Бог дает ему еще больше [прежнего].

— Довольно! — вызывает он к Богу.

А благодать умножается еще. Он становится сыном Царя.

И если спросишь его:

— Чье то, что на тебе?

— Господа моего, — говорит он.

— А хлеб и пища, которую ешь?

— Господа моего.

— А деньги, которые носишь с собой?

— Господа моего.

— А что у тебя своего?

— Ничего.

Я земля, я брение, я пыль.

Меня поднимаешь — я поднимаюсь.

Меня бросаешь — падаю.

Меня возносишь — лечу.

Меня кидаешь — ударяюсь.

Мое естество — ничто.

Он ненасытно повторяет это. А что такое это «ничто»? Это то, что было ничем, прежде чем Бог сотворил небо и землю.

Итак, это начало нашего существования. А наш замес и родоначальница — глина. А [что же] наша сила? Божественное дуновение, дыхание Божие.

И стоит Тебе, Боже, Рачителю желаний и Творче всякого блага, взять [назад] то Божественное дуновение, которое

Ты вдохнул в наше лицо — и [тогда] мы получили дух жизни, сто́ит [взять его назад,] как мы снова превратимся в глину.

Итак, что ты имеешь, гордый человек, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как якобы неполучивший?¹⁴⁸ Познай, смиренная душа, своего Благодетеля и смотри, не приписывай чужое, Божие, себе, будто собственные подвиги. Познай, несчастная, свое существо, осознай свою родословную. Не забывай, что ты здесь чужая, и всё — чужое! И если сладкий Благодетель Бог дал тебе [нечто,] воздай Ему с чистой совестью свое от своего, твоя от твоих.

Если ты поднялся на Небеса, и видел ангельские естества, и слышал гласы божественных сил, если богословствуешь и учишь, если победил бесовские козни, если пишешь, и говоришь, и делаешь, — всё это Божий дар.

Итак, скажи Господу твоему: «Прими, дыхание мое сладкое, Иисусе мой, Твоя от Твоих!» И тогда — ах! Тогда, о душа моя!.. Что предстоит тебе увидеть, когда откроются сокровища Божии и Он тебе скажет: «Прими, сын мой, всё, ибо ты оказался верным и добрым управителем»!

Живущий на Небесах Бог и Господь всех, дающий нам дыхание, и жизнь, и всё, и всегда пекущийся о нашем спасении, — да пошлет Он в ваши священные души Дух утешения, а ум ваш да просветится, как просветились ученики нашего Спасителя, да озарит свет Его Божественного сияния всего духовного наделенного умом человека, да воспламенится всё ваше сердце божественной любовью, как у Клеопы¹⁴⁹,

¹⁴⁸ Ср.: 1 Кор. 4, 7.

¹⁴⁹ См.: Лк. 24, 32.

и взыграет, зачав нового Адама и получив извещение об этом зачатии, да истлеет же вконец ветхий [Адам] со всеми его страстями, и тогда каждое мгновение, всегда будут течь [у вас] слезы, как родник, источающий сладость. Аминь.

Сегодня, чадце мое, я получил твое письмо, прочитал его и даю тебе ответ на то, что ты мне пишешь.

Способ умной молитвы таков, как тебе говорит преподобная Старица [игумения]. [Совершаемая] внутри сердца круговая молитва никогда не боится прелести. Другой или другие способы могут быть опасны, ибо к ним легко приближается мечтание и в ум входит прелесть.

Как страшна прелесть ума! И как труднодостижима!

Напишу вам немного о ней, чтобы вы знали. Ведь я был очень отважен в этом и проник во все способы молитвы. Попробовал всё. Ибо когда благодать приближается к человеку, тогда ум — эта бесстыдная птица, как его называет авва Исаак¹⁵⁰, — хочет проникнуть во всё, попробовать всё. Начинает от создания Адама и заканчивает глубинами и высотами, так что если Бог ему не положит преград, он не возвратится назад.

Так вот, этот способ сердечной молитвы — это способ делания, который мы применяем, чтобы удержать ум в сердце. И когда умножится благодать, она захватывает ум в созерцание, и пылает сердце от божественного рачения, и весь человек горит от любви. Тогда ум оказывается совершенно соединившимся с Богом. Пресуществляется и тает, как тает воск, когда приближается к огню, или как железо, [раскаляясь,] уподобляется огню. И естество железа не изменяется, но сколько пребывает в огне, столько остается едино с огнем, а когда жар уменьшится, возвращается снова к своей природной твердости.

Это называется созерцанием. И царствует в уме тишина. И умиротворяется всё тело. Тогда молящийся молится и

¹⁵⁰ См.: Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. Слово 15.

словами, и произвольными молитвами и восходит в созерцание, не заключая ум в сердце.

Ибо умная молитва совершается для того, чтобы пришла благодать.

Когда есть благодать, ум не парит. А когда ум обретает устойчивость, он применяет все виды молитвы, пробует всё.

Так вот, способ, который применяют те, о ком ты мне рассказала, — это не прелесть, однако может легко перейти в прелесть, ибо ум их прост, не очищен и принимает мечтания за созерцание.

Например, на берегу есть родник, чистая вода которого течет в море. Внезапно происходит волнение, и выходит море из берегов, и морская вода замутняет наш маленький источник. А ну-ка давай, какой бы умной ты ни была, очисти теперь воду источника от морской воды! Подобное происходит и в уме. Вникни же в то, о чем я говорю.

Бесы — это духи. Поэтому они сродны и подобны нашему собственному духу, уму. А ум, будучи кормильцем души, — поскольку он приносит все виды умных движений и мысли в сердце, а сердце это процеживает и дает это разуму, — ум, таким образом, обманывается, как в примере с источником. То есть воровским образом нечистый дух замутняет ум, и тот, по обычаю, дает это сердцу, как есть. И если сердце нечисто, оно вслепую дает это разуму. И тогда помрачается и чернеет душа. И с тех пор вместо созерцания постоянно принимает мечтания. И таким образом произошли все прелести и возникли ереси.

Однако если человек насытится благодатью, и всегда внимателен, и никогда не впадает в самоуверенность, не доверяет самому себе и до конца своих дней не разлучается со страхом, то, когда приблизится лукавый, человек видит, что происходит нечто ненормальное, что-то необычное. И тогда ум, сердце, разум — вся сила души ищет могущего спасти. Ищет Того,

Кто всё привел из небытия в бытие и всё процеживает. Он может отделить воды от вод¹⁵¹. И когда горячо, с изобильными слезами, Его призываешь, тогда делается явным обман и ты узнаёшь способ избежать прелести. И когда это испробуешь много раз, становишься человеком-делателем. И беспречно прославляешь, благодаришь Бога, Который открывает нам ум, чтобы мы узнавали ловушки и ухищрения лукавого и убежали от них.

И я истинно вам говорю, что проник во все прибежища врага и после жестокого единоборства вышел [из них] благодатью Господней. И теперь, если кто-нибудь немощен, я могу по благодати Божией избавить его от болезни помыслов и недуга прелести. Достаточно того, чтобы он меня слушался. Ведь если уловленный в прелесть будет слушаться [не себя, а] другого, то [для лукавого] есть опасность, что тот избавится от прелести и лукавый его потеряет. Поэтому он ему советует, его убеждает никому другому больше не верить, никогда не слушаться никого другого, но впредь принимать только свои собственные помыслы, верить только своему собственному рассуждению.

В этом несмиренном мудровании скрывается тот самый великий эгоизм, сатанинская гордость еретиков, всех прельщенных, которые не хотят обратиться.

Пусть же Христос наш, истинный Свет, просветит и направит стопы каждого, кто желает к Нему прийти.

Вы же, если любите умную молитву, скорбите и плачете, взыскуя Иисуса. И Он откроется в огненной любви, которая пополяет все страсти. И вы будете походить на сильно влюбленного, которому стоит лишь вспомнить любимое лицо, как сразу забьется его сердце, а из глаз потекут слезы. Такое вот божественное рачение и огонь любви должны гореть в

¹⁵¹ См.: Быт. 1, 6–7.

сердце. Так что только услышит оно или скажет: «Господи Иисусе Христе мой, сладкая моя любовь!» или «Сладкая моя Матушка, Пресвятая Дева!» — сразу польются слезы.

Все святые сотворили много похвал нашей Пресвятой Богородице, но я, убогий, не нашел более прекрасной и более сладкой похвалы и именованья, чем призывать Ее в каждый миг так: «Матерь моя! Сладкая моя Матушка! Да придет в Твои руки по исходе [из тела] моя душа и ими да передана будет Создателю своему, Единородному Твоему Сыну. Иного не желаем, сладкая наша Матушка, как только отдать душу во время воспламенения божественного рачения в пламенной оной любви, когда пылает наша душа, и останавливается ум, и веет благоуханное дыхание в тонком дуновении, и покрывается мраком, когда чувства замирают и царствует Вожденный, Рачение, Любовь и Жизнь, всегда сладкий Иисус».

Посему, чадца Небесного Отца и наследники Его Царствия, бегите, спешите, плачьте, радуйтесь, источайте слезы любви. Сокройте ваш ум в сокрывшем Свое тело в земле, чтобы нас спасти. Сладкий Иисус спустился, чтобы мы поднялись. Умер и воскрес, чтобы воскресить нас. Возрадуйтесь, разыграйте, так как мы удостоились стать Его чадами, наслаждаться вечными Его благами и еще здесь вместе радоваться в Его беспредельной любви.

Снова и снова [пишу] возлюбленной моей дочери со всеми во Христе сестрами.

Молюсь о вас со многими слезами, в любви Христовой, чистой и полной.

Итак, ты мне пишешь, что у тебя много искушений. Но ими, дитя мое, совершается очищение нашей души. Где

скорби, где искушения — там находится и благодать. Там обретешь сладчайшего Иисуса.

Сейчас терпением скорбей ты должна показать, что любишь Христа. И снова придет благодать, и снова уйдет. Только ты не прекращай со слезами ее искать.

У тебя перед глазами есть Старица [игумения,] все святые сестры. Есть у тебя Старец, который входит *во внутреннейшее завесы*¹⁵² и, при схождении божественного облака, упрашивает Бога. Есть у тебя, наконец, и я, и, когда происходит посещение Жениха, я всё Ему говорю и горячо прошу о тебе и обо всех сестрах. И Он мне часто возглашает: «*В терпении вашем стяжите души ваша*¹⁵³. Не в нетерпеливости. Всё слышу, всё будет, но не сразу!»

Так вот, матери и сестры мои в Господе возлюбленные, снова послушайте меня, вложите мои слова в ваши уши, *приклоните ухо ваше* в притчи¹⁵⁴. Ибо надлежит мне ради вашей любви и пользы вашей души описать мою жизнь, чтобы вы увидели [ее] и получили силу и терпение, ибо без терпения невозможно человеку победить.

Монах без терпения — это светильник без елеса.

Пишу убористо, берегу бумагу, так как у меня ее мало. И этот лист пахнет средством от клопов и блох, потому что его мне прислал один врач, который со мной переписывается. Так что вы уж простите меня.

Итак, расскажу вам кратко, в немногих словах.

Я жил в миру и тайно творил суровые, до пролития крови, подвиги. Ел после девятого часа, раз в два дня. Пендэльские горы и пещеры знали меня как ночного врана, алчущего и

¹⁵² Ср.: Евр. 6, 19.

¹⁵³ Лк. 21, 19.

¹⁵⁴ Ср.: Пс. 77, 1–2.

плачущего, ищущего спасения. Я испытывал, могу ли вынести болезненные труды, чтобы уйти в монахи на Святую Гору. И когда я хорошо поупражнялся несколько лет, просил Господа простить меня за то, что ем раз в два дня, и говорил, что, когда приду на Святую Гору, буду есть раз в восемь дней, как рассказывают жития святых.

А когда я пришел на Святую Гору и, усердно поискав, не нашел никого, кто бы ел реже чем раз в день, — не нахожу слов, чтобы вам рассказать о слезах и боли моей души и воплях, от которых содрогались горы. День и ночь я плакал о том, что не нашел Святую Гору такой, какова она в писаниях святых отцов.

Пещеры всего Афона принимали меня как гостя. Шаг за шагом, как олени, которые ищут источники вод¹⁵⁵, чтобы утолить свою жажду, стремился я найти духовника, который научил бы меня небесному созерцанию и деланию.

Наконец после двух лет многотрудного поиска и купели слез решил я остановиться у одного простого, благого и незлобивого старчика вместе с другим братом¹⁵⁶. И Старец дал мне благословение подвизаться, сколько я могу, и исповедоваться у духовника, который мне понравится.

Итак, я оказывал совершенное послушание.

А прежде чем я поселился у Старца, у меня было такое обыкновение: каждый день пополудни в пустыне, где живут только звери, я садился и два-три часа безутешно плакал, пока земля не становилась мокрой от слез. И устами я говорил Иисусову молитву. Я не знал, как говорить ее умом, но просил Пресвятую Богородицу и Господа дать мне благодать говорить молитву умно, как о том пишут святые в «Добротолюбии».

¹⁵⁵ Ср.: Пс. 41, 2.

¹⁵⁶ Очевидно, речь идет о сподвижнике Старца Иосифа отце Арсени.

Ибо, читая его, я понимал: что-то такое существует, но у меня этого нет.

И однажды случилось у меня много искушений. И весь тот день я взывал с еще большей, [чем обычно,] болью. И наконец вечером, когда солнце уже садилось, я умолк, голодный, изнуренный слезами. Я смотрел на церковь Преображения на вершине [Горы] и просил Господа, обессиленный и израненный [душой]. И мне показалось, что оттуда пришло стремительное дуновение. И наполнилась душа моя несказанным благоуханием. И сразу начало мое сердце, как часы, умно говорить Иисусову молитву. И вот, я поднялся, полный благодати и беспредельной радости, и вошел в пещеру. И, склонив подбородок к груди, стал умно говорить молитву.

И только я произнес молитву несколько раз, как сразу был восхищен в созерцание. И хотя был внутри пещеры и дверь ее была затворена, оказался снаружи, на Небе, в некоем чудесном месте, с полнейшим миром и тишиной в душе. Совершенный покой. Я только об одном думал: «Боже мой, пусть я более не вернусь в мир, в болезненную жизнь, а останусь здесь». Затем, когда Господь меня упокоил столько, сколько хотел, я снова пришел в себя и оказался в пещере.

С тех пор молитва не переставала умно совершаться во мне.

Когда после этого я пришел к Старцу, тогда приступил к большим подвигам, всегда с его благословением.

И однажды ночью, когда я молился, снова пришел в созерцание, и был восхищен мой ум на некое поле. И были там монахи, по порядку построенные в ряды на битву. И один высокий полководец подходит ко мне и говорит: «Хочешь, — говорит мне, — встать в строй, сражаться в первом ряду?» И я ему ответил, что весьма желаю биться один на один с черными эфиопами, [которые выстроились] напротив, прямо перед нами, испуская огонь и рыча, как дикие собаки, так что

один их вид вызывал у тебя страх. Но у меня не было страха, потому что была у меня такая ярость, что я готов был своими зубами разорвать их. Правда, я и будучи еще мирским был отважен душой. И тогда полководец взял меня из рядов, где было множество отцов. И когда мы прошли три или четыре построенных ряда, он поставил меня в первый ряд, где были еще один или двое лицом к лицу с дикими бесами. Они готовы были броситься на нас, а я дышал на них огнем и яростью. И там он меня оставил, сказав: «Если кто желает мужественно сразиться с ними, я ему не препятствую, а помогаю».

И снова я пришел в себя. И размышлял: «Интересно, что же это будет за война?»

Так вот, с тех пор начались дикие битвы, которые не давали мне покоя ни днем ни ночью. Дикие битвы! Ни часу покоя. И я тоже с яростью нападал на них.

По шесть часов сидя на молитве, я не позволял уму выйти из сердца. По телу моему пот бежал ручьями. [Бил себя] палкой — безжалостно! Боль и слезы. Строжайший пост и бдение всю ночь. И под конец я свалился. Все восемь лет каждой ночью — мученичество. Убегали бесы и кричали: «Сжег нас! Сжег нас!» А одной ночью случилось, что их услышал и живший со мной брат и удивился, кто же это кричит.

И однако в последний день, [когда пришло время, чтобы] Христос их прогнал, я уже думал, отчаявшись, что раз тело мое сделалось совершенно мертвым, а страсти мои действуют, как будто я совершенно здоров, то бесы — победители. Конечно, они меня сожгли и победили, а не я их. Итак, когда я сидел, как мертвый, израненный, отчаявшийся, слышу, что открылась дверь и кто-то вошел. Но я не обернулся, чтобы посмотреть, а говорил молитву. И вдруг чувствую у себя внизу, что кто-то раздражает меня к наслаждению. Смотрю туда и вижу беса: как есть, шелудивого, голова в язвах, воняет! И бросился я, как зверь, чтоб его схватить. Схватил — а у него

щетина, [как] у свиньи, — и он исчез. Моему же осязанию он оставил ощущение от своей щетины, а обонянию — вонь. И с этого мгновения, наконец, война прекратилась и всё успокоилось. И пришел в душу мир и совершенное избавление от нечистых страстей плоти.

В конце той ночи я опять пришел в восхищение¹⁵⁷. И вижу просторное место, и его отделяло море. И по всему этому простору были везде расставлены ловушки. И были они спрятаны, чтобы их не было видно. А я был очень высоко и видел всё, как в театре. Через место же это должны были пройти все монахи. А в море был змей — страшный бес, глаза которого испускали пламя. Разъяренный. И он высовывал свою голову и смотрел, попадают ли они в ловушки. А монахи, проходя без страха и внимания, попадались иной за шею, иной за поясницу, иной за ногу, иной за руку. И, видя это, бес смеялся, радуясь и веселясь. А я сильно печалился и плакал. «Ах! — говорил я, — лукавый змей! Что ты с нами делаешь и как нас прельщаешь!» И снова пришел в себя и оказался в своей каливке.

Устав мой был — вкушать немного один раз в день, отмеривая хлеб и [другую] пищу. И будь то Пасха или Масленица — у нас было одно блюдо. Один раз.

И крутлый год — бдение всю ночь.

Этот устав мы с отцом Арсением восприняли от одного святого старца-исихаста, отца Даниила. Тогда было много и других святых. Он был одним из них. И священник, и в высшей степени безмолвник. Когда он [служил] литургию, не пускал [в свою каливу] никого. Длилась его литургия три с половиной или четыре часа. От слез он не мог произносить возгласы. Мокрой становилась земля. Поэтому он так сильно и затягивал [службу]. Он был священнослужителем пятьдесят с лишним лет. И ни на один день не помышлял оставить

¹⁵⁷ ἔκστασις

Божественную литургию. А во время Великого поста во все дни совершал Преждеосвященные. И преставился он без болезни.

А другой был русский. У него день и ночь были непрестанные слезы. Весь парящий и полный созерцания. Он превзошел и многих прежних святых. Он говорил: «Когда кто-нибудь видит Бога, тогда ничего не может Ему сказать, только плачет от радости». Был у него и дар прозорливости, ибо он знал приходивших к нему.

Итак, устав мы взяли от первого. Он не принимал никого, как мы [уже] сказали. Но так как я был очень настойчив, желая научиться, а может быть, еще и по устройению Бога, Которого я горячо искал, он уступил и принимал меня. И каждый раз говорил мне несколько полных благодати слов. И я в одиночку шагал всю ночь, чтобы прийти туда, увидеть это поистине божественное зрелище и услышать одно-два словечка.

Эти двое были полными затворниками. Были и многие другие, каждый из которых имел свой дар. И все — достигшие святости, наполняющие пустыню благоуханием, как лилии.

Однажды, шагая ночью, в полнолуние, шел я к Старцу открыть помыслы и причаститься. Когда пришел, остановился поодаль на одном утесе, чтобы не потревожить их умное бдение. И, сидя и умно молясь, услышал я некий сладостный голос, пение некой птицы. Было, наверное, четыре часа ночи. И захвачен был мой ум этим голосом. И я пошел вслед [за голосом] посмотреть, где эта птица. И внимательно смотрел туда-сюда. Так, ища ее, я вышел на некий прекрасный луг. И, продолжая путь, шел по белоснежной дороге с бриллиантовыми и хрустальными стенами. А за стенами росли разнообразные золотистые цветы. И ум мой забыл о птице и весь был пленен созерцанием этого рая. И, продолжая идти, я подошел к одному дворцу, высокому и чудесному, приводящему в восторг ум и мысли. И в дверях стояла Пресвятая Богородица,

держащая в Своих объятиях как младенца сладчайшего Иисуса. Вся — блистающая, как белейший снег. И, приблизившись, я поцеловал Их, как [это бывает] в беспредельной любви. И Младенец обнял меня и сказал мне нечто. Никогда не забуду той любви, которую выказала мне Она, как истинная Мать. Тогда без страха и стеснения я приблизился к Ней, как приближаюсь к Ее иконе. И то, что делает малое и невинное дитя, когда увидит сладкую свою матушку, подобное — и я. А как я ушел от Нее, и сейчас не знаю, ибо мой ум был весь поглощен горним. И пойдя оттуда, другой дорогой снова вышел к лугу. Там было прекрасное жилище. И дали мне там некое благословение и сказали, что здесь лоно Авраамово и есть обычай давать благословение тому, кто здесь проходит. И так я миновал и то место и пришел в себя. И по-прежнему сидел на том утесе.

И от радости я захотел поклониться иконе Пресвятой Богородицы в пещере святого Афанасия, ибо было у меня к этой иконе большое благоговение. И, оставив дело, по которому шел, я спустился туда. До этого, вначале, я там жил шесть месяцев по любви к иконе и поддерживал перед ней горящую лампаду. День и ночь это было моим занятием. Так вот, поскольку той ночью я весь был пленен божественной любовью, спустился туда, чтобы возблагодарить Ее. И едва я вошел и поклонился Ей, стал пред Ней и заговорил, благодаря, — от сладчайших Ее уст изшло сильнейшее благоухание, как свежее дуновение. И наполнилась [им] душа моя, и сделался я безгласным, во второй раз придя в восхищение на долгое время. И когда отцы проснулись и еkkлисиарх пришел взглянуть на лампы, я, будучи вне себя, убежал, чтобы они о чем не догадались или, [чего доброго,] не начал меня расспрашивать.

В другой раз, снова во время бдения, один в своей маленькой калевке — ибо мы с отцом Арсением каждую ночь

каждый в своей келлии совершали бдение с Иисусовой молитвой и со слезами — я снова пришел в созерцание. Свет наполнил мою келлию, [и стало светло] как днем. И посреди келлии явились трое детей, лет десяти каждый. Одного роста, одного облика, в одинаковой одежде, с одинаково красивыми лицами. И, удивляясь их виду, я был весь в восхищении. А они, [почти] касаясь один другого, втроем благословляли меня, как благословляет священник, и мелодично пели: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуия!» И шагали ко мне, и снова шли назад, не поворачиваясь, и снова шагали ко мне с пением. А я говорил про себя, размышляя: «Где такие малыши научились так прекрасно петь и благословлять?» Мне и в голову не пришло, что на Святой Горе нет таких маленьких и таких прекрасных детей. И как пришли они, так и ушли, чтобы пойти благословить и других. И я был изумлен настолько, что многие дни должны были пройти, пока растворилась радость и они изгладились из моей памяти. Но такое не забывается никогда.

А еще как-то раз я был очень расстроен. Известно же, что Бог не утешает душу и не показывает ей таких вещей, когда она вне опасностей и страшных искушений, а [делает это только тогда,] когда бывает необходимо. Не просто так и не случайно.

Так вот, когда я пребывал в такой же, как и ранее, безмерной скорби, явился Иисус на Кресте, полный света, и, преклонив голову, мне напомнил: «Смотри, сколько Я перенес ради тебя!» И все мои скорби растаяли как дым.

Что нам сказать о столь великой любви, которую выказывает нам Господь, чтобы нас спасти?! А мы из-за малейшего искушения всё это забываем. Хотя [именно] там, среди искушений и скорбей, находится Христос. Однако скорбями не называются переживания и попечения о том, как прожить. Но только [то, что претерпевается] ради Христа, [суть] скорби.

Гонения, страдания ради спасения другого, подвиги ради любви Христовой и сопротивление искушениям. Бедствовать до смерти ради Христа. Терпеть несправедливые оскорбления и поношения. Быть презираемым всеми как прельщенный. Тогда по справедливости Господь утешает душу и веселит ее.

Однажды я очень сильно скорбел. Да и вся моя жизнь была сплошным мученичеством. И больше всего я страдаю о других: хочешь их спасти, а тебя не слушают, и ты плачешь и молишься, а они насмеваются, и над ними властвует искушение. Так вот, будучи в печали и испытывая сильную боль, я пришел в созерцание. И, шагая, оказался на некоем поле, вся земля — как белый снег. И я недоумевал, изумленный: как оказался я в таком прекрасном месте? И искал выход, желая уйти: вдруг кто-то встретит меня и будет меня ругать, что я вошел сюда без разрешения. И, глядя с любопытством направо и налево в поисках выхода, увидел я некую дверь в подземелье и вошел туда. И это был храм Пресвятой Богородицы. И сидели там прекрасные юноши, одетые в чудесный наряд. И был у них красный крест на груди и на лбу. И поднялся с трона один, бывший, видимо, военачальником и одетый в наряд более блистательный, [чем у других,] и говорит мне:

— Иди сюда, — говорит, — ибо мы тебя ожидаем.

И предложил мне сесть.

— Прости меня, — говорю, — я недостойн сидеть там, но достаточно для меня стоять здесь, у ваших ног.

И, улыбнувшись, он оставил меня и подошел к иконостасу, к иконе Пресвятой Богородицы, и говорит:

— Госпожа и Владычица всех, Царица ангелов, Пречистая Богородице Дево! Покажи благодать Твою сему рабу Твоему, который так страдает ради Твоей любви, да не будет он поглощен скорбью!

И вдруг от божественной Ее иконы изошло такое сияние и Пресвятая Богородица показалась такой прекрасной,

во весь рост, что от этой красоты — в тысячи раз светлейшей солнца — я упал к Ее ногам, не в силах на Нее смотреть, и, плача, взывал:

— Прости меня, Матушка моя, что в своем неведении я Тебя печалю!

И в самом деле плача, так я пришел в себя, мокрый от слез и преисполненный радостью.

Однако сейчас я рассказал только об утешениях. Но нужно рассказать и о том, каковы были те столь невыносимые скорби и смертельно ядовитые искушения. Причем каждому такому утешению предшествовали смертная скорбь и натиски преисподней тьмы, [от которых] задыхается душа...

Возлюбленная моя мать со всеми моими братьями, сестрами, родственниками и друзьями, радуйтесь все в Господе!

Я в добром здравии по молитвам наших родителей и пра-родителей. Радуюсь и благодарю Бога за то, что Он удостоил меня обрести такой великий и небесный дар — носить великий и ангельский образ и называться монахом, — меня, недостойного такого дара.

Да будет слава милостивому, благоутробному и благому нашему Отцу, Который не отвратился от меня, но помиловал меня, как блудного сына. Избрал меня из мира и привел на Святую Гору, в этот земной рай.

Горела моя душа, и желал я узнать о вашем здоровье, душевном и телесном. Но заповедь Господня, гласящая: *«Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин»*¹⁵⁸, вынуждает меня забыть не только родителей, братьев,

¹⁵⁸ Мф. 10, 37.

родственников, но даже и собственное тело. И всё рачение и любовь души желают впредь быть обращенными к Богу. На Него хочет смотреть душа и Его созерцать. Молиться, искать, принимать подходящие лекарства для очищения сердца и возрастания духовного человека.

Однако сейчас, видя величайшее бедствие, которое постигло мир, и боясь, что и вас настигнет опасность нечестия и окажутся напрасными мои непрестанные бдения, которые я о вас совершаю, я был вынужден употребить правило: при нужде совершается и перемена закона¹⁵⁹. И я сказал: «Пусть я преступлю одну заповедь, но, может быть, приобрету моих любимых».

Мое желание, горение моего сердца, божественная любовь, постоянно воспаляющая мою утробу, [состоят лишь в том,] чтобы спаслись души, чтобы они принесли себя в словесную жертву нашему сладчайшему Иисусу.

Единственное мое желание — это увидеть, что все мои родные: мать, братья и их чада — стали чадами Божиими. Что все стали божественной жертвой, благоугодной Святому Богу. Ах!.. Но страсти, плохое знание [себя,] помрачение души не дают уму хоть немного подняться к горнему, чтобы стала видна польза душевного спасения. Однако я все-таки не жалею, ибо другие в гораздо худшем состоянии.

Я говорю себе: все мои братья, по сравнению с другими, как ангелы Божии. Да будет слава Господу, что всех вас связывает божественная любовь и среди вас находится Христос. А где Христос, там и все блага жизни вечной и [жизни] нынешней. Поэтому Он, Единая Истина, сказал:

¹⁵⁹ Ср.: Евр. 7, 12. Старец Иосиф прибегает к «народному» толкованию этого места у апостола Павла. Слова Апостола, однако, не предполагают того смысла, который в них находит такое толкование. Речь у Апостола идет о том, что замена ветхозаветного законодательства на новозаветное произошла по необходимости.

«Ищите прежде Царствия Моего, и всё временное Я дам вам с прибавкой»¹⁶⁰.

И еще Он сказал: «Какая польза будет человеку, если он приобретет весь мир и останется вне рая?»¹⁶¹

Кто же, ожидая этого, не будет презирать все насмешки, клевету и оскорбления мира, все несправедливости и беззакония лукавых людей, а вдобавок искушения и скорби от немилосердных бесов, чтобы стать достойным той небесной радости?

Ах, если бы кто захотел оказаться близ меня, чтобы услышать мои молитвы, воздыхания моего сердца, и увидеть слезы, которые я проливаю за своих братьев... Всю ночь я молюсь и взываю: «Или спаси Твоих рабов, Господи, или и меня вычеркни — не хочу рая!»

Если всю силу души и сердца мы изливаем, [молясь] ко Господу всяческих за весь мир, то сколь более за вас?

Итак, послушайте меня, смиренного и ничтожнейшего монаха, и не презирайте меня как неученого и безграмотного. Откройте глаза вашей души, чтобы увидеть, что существует за пределами этой жизни.

Мирские люди любят мир, потому что еще не познали его горечи. Они еще слепы душой и не видят, что скрывается внутри этой временной радости. Не пришел еще к ним свет мысленный, не воссиял еще день спасения.

Однако вы, столь много видевшие и слышавшие, должны уразуметь, что наслаждение временными [вещами] проходит как тень. И время нашей жизни бежит, проходит и не возвращается назад. Поэтому время нынешней жизни — это время жатвы и сбора плодов. И каждый собирает пищу, насколько возможно чистую, и откладывает для другой жизни.

¹⁶⁰ Ср.: Лк. 12, 31.

¹⁶¹ Ср.: Мф. 16, 26.

Приобретает не сообразительный, благородный¹⁶², красноречивый или богатый, а тот, кого оскорбляют — и он великодушно переносит; кого обижают — и он прощает; на кого клеветают — и он терпит; тот, кто делается губкой и очищает то, что слышит, то, что ему говорят, каким бы оно ни было. Такой очищается и просветляется более других. Он достигает высокой меры. Он усаждается созерцанием таинств. И, наконец, он, будучи еще здесь, уже живет в раю.

И когда придет оный час смерти, как только закроются эти глаза, так [сразу] откроются глаза внутренние, [глаза] души. И лишь только он помыслит о тамошнем, сразу же оказывается там, где хотел быть, даже не поняв как. Из тьмы он переходит во свет, из скорби — в упокоевание, от смятения — в безмятежную пристань, от войны — в вечный мир.

Посему, добрые мои и возлюбленные братья, если кого-то обижают в этом мире и он захочет найти справедливость, то пусть знает, что она — в несении до последнего дыхания тягот брата, своего ближнего, и в терпении всех печалей нынешней жизни.

Ведь каждая скорбь, которая приходит к нам — будь то от людей, или от бесов, или от нашего собственного естества, — всегда сокровенно несет в себе соответствующее приобретение. И кто ее преодолевает с терпением — получает плату: здесь — залог, а там — всё в полноте.

Итак, терпение необходимо, как соль в пище. Ибо нет другой дороги, чтобы приобрести, обогатиться, царствовать. Эту дорогу нам начертал Христос. И мы, любящие Его, должны ради Его любви последовать за Ним. Хоть и горька нам полынь, однако она очищает кровь и оздоравливает наше тело. Без искушения не познаются чистые души, не проявляется добродетель, не обнаруживается терпение. Без искушений

¹⁶² Употребленное здесь слово εὐγενής имеет также значения «вежливый, воспитанный».

невозможно проявиться здоровьем души. Это — очистительный огонь, который соделывает душу чистой и светлой.

Чуть не забыл вам рассказать один умилительный случай. Однажды, стоя на коленях, утомившись в молитве, я видел нечто чудесное: рядом с одним очень красивым юношей были две маленькие прекрасные девочки. Одна была наша Марусо́, а другая — Эргίνα, малышки, которые умерли. И говорит им юноша: «Это ваш брат. Вы его знаете?» Марусо была старше. «Знаю его, — говорит, — но много лет прошло с тех пор». А другая сказала: «При жизни я его не видела». И он говорит им: «Поцелуйте его и пойдем». И поцеловали меня эти две малышки, как благоухающие цветы, и ушли. И я пришел в себя с полными слез глазами, вспоминая о радости, какая бывает на Небесах, когда грешные каются и когда праведные входят в рай.

Эргίне, родной и любимой сестре

Святая Гора, 16 декабря 1932

Сестра моя, возлюбленная во Христе Эргина, наперсница моей души, истинное мое духовное чадо о Господе, здравствуй!

Получил я сегодня твое письмо, преисполненное любви и благоговения, мудрости и разума, ведения и смирения. И воздев руки ко Господу, с горячей любовью и душевной теплотой возопил ко Господу тайными гласами смиренного

* Перевод этого письма сделан по изданию: Θείας Χάριτος Ἐμπειρίες. Γέροντας Ἰωσήφ ὁ Ἠσυχαστής. Ἐπιστολικάια Βιογραφία — Ἀνέκδοτες Ἐπιστολές καὶ Ποιήματα. Ἰερά Μεγίστη Μονὴ Βατοπαίδιου, 2005. Ἐπιστολή 6, σ. 147–155, — с добавлением отсутствующих там фрагментов по изданию: Γέροντος Ἰωσήφ, Ἐκφρασις Μοναχικῆς Ἐμπειρίας. Ἰερά Μονὴ Φιλοθέου, Ἀγίον Ὄρος, 1992.

моего сердца: «Услыши, — говорю, — о сладкая любовь, Иисусе Спасе мой, Свет паче всякого света, Иже от Безначального Отца Родителя, ведение и истина, упование и утешение мое, крепость и сила моя, любовь и просвещение мое, услыши, говорю, и послы сестре моей свет божественного Твоего утешения, и сокруши оковы и запоры омраченной и изболевшейся ея души, и светозарением Твоего сияния утешы ея сердце, дабы умалились ея скорби и непрестанные муки искушений. Ей, Христе мой сладчайший, Свете паче всякого света, просвещающий утробу и сердце, душу и тело, жилы и кости, власы и ногти, ум и мысли, и весь состав нашей скинии».

Эти и другие бесчисленные слова, свидетельства моей любви к тебе, я возглашаю к моему Владыке и Господу, поскольку мне не безызвестны и памятны твои многие и бесчисленные мучения с самого детства. И сего ради безмерно люблю тебя и из всех мною любимых тебе отдаю наибольшую любовь, ибо право первородства моей любви принадлежит тебе.

Сие лишь прошу тебя соделать для меня в воздаяние за такую мою любовь к тебе: прибавь немного терпения. И верую возлюбившему меня Иисусу, что все твои прошения Господь исполнит с избытком. И ты обретешь мир душевный, покой и тишину. И дом ты сдашь, и всё, что полезно бедной нашей душе, Господь тебе дарует. Ты только проси со слезами, дабы, якоже весть Господь, свершилась святая воля Его, а не твоя.

Раз уж ты познала, что согрешила пред Господом, более уже не прибавляй язвы к ранам. А если как человек снова упадешь, не унывай, не отчаивайся, ибо Сказавший Петру прощать падшего седмижды семьдесят раз в день¹⁶³, столь человеколюбивый Господь, разве не простит нас?

Оставь в покое Мильтиадиса¹⁶⁴, пусть он пошлет своим родителям, [что хочет]. Скажи себе, что ты это дала как

¹⁶³ См.: Мф. 18, 22.

¹⁶⁴ Имеется в виду муж Эргины.

милостыню. И то, что ты хотела дать кому-то еще, уже не давай. Не делай иного благодеяния другому [человеку,] этого довольно.

Оставь свою волю, чтобы обрести душевный мир. Ибо воля человеческая стала медной стеной [между Богом и человеком]¹⁶⁵, и она препятствует просвещению [от Бога] и миру. Посмотри, как на пример, на сладчайшего Иисуса, Который был Безначальному Своему Отцу *послушлив даже до смерти, смерти же крестныя*¹⁶⁶. Дал тело [Свое] на раны, ланиты на заушения и лица не отвратил от оплеваний¹⁶⁷. Видишь, сестра моя, какую любовь к нам явил сладчайший Иисус?

Итак, наперсница души моей, давай оставим и мы наши пожелания. Давай простим и согрешившим против нас, и тогда со дерзновением скажем: *«Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»*¹⁶⁸. Ибо все мы человецы, из праха рождены и все согрешили. Мы — глина, и пребываем в неведении. Глина у глины крадет, глина глину бранит, глина на глину клеветает, глина над глиной превозносится, глина глину обогащает, глина над глиной начальствует, глина глину бьет, глина глину заключает в темницу. И вообще, глина перед глиной воображает себя мудрее, сильнее, богаче, благородней, почтенней, сама же богатеет безумием и неведением своего бытия: откуда [взята] и где оказалась, как родилась и каково ее предназначение, где оканчивается ее путь и что [будет] после этого. Дела обстоят так, поскольку всё поглотило забвение и неведение и возник хаос бесчувствия. Поэтому мы страдаем и здесь, и в иной жизни.

¹⁶⁵ Ср.: Об Авве Пимене, 54 // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. СТСА, 2010. С. 214.

¹⁶⁶ Флп. 2, 8.

¹⁶⁷ См.: Ис. 50, 6.

¹⁶⁸ Мф. 6, 12.

И потому тот, кто видит лучше и оказывается немного освободившимся от тьмы, должен прощать и сострадать наделенному такой же душой и обуреваемому такими же страстями ближнему, своему брату. Ведь изначально не таким сотворил Бог человека, чтобы он терпел все эти муки и так страдал. Но сотворил его словно ангела. *Малым чим от ангел*¹⁶⁹ отличающимся [соделал его] и, сотворив рай во Эдеме, поместил его там как царя править самовластно и свободно, связав его одной-единственной заповедью, дабы явлено было, что он управляется от Вышнего. [Человек] же, будучи прельщен бесом и предвкушая, что станет равен Богу, изгоняется из рая. И пребывает в этом изгнании и страданиях, будучи отлучен от Бога, дабы терния и волчцы пожинать во все дни свои¹⁷⁰.

Что же это за терния и волчцы, как не непрерывные происшествия и ежедневные скорби от искушений, от развращенных людей и от самого нашего поврежденного естества, чьи дурные привычки и обычаи стали словно второй нашей природой, и мы переносим горестные опасности более от него, чем от иных врагов. И если бы не предваряла нас милость Божия, нам бы грозила опасность погибнуть. И до каких пор всё это будет продолжаться? До того часа, когда ты, от земли взятый, по Его слову, *в землю отыдеши*¹⁷¹. Вот предел болезням и скорбям, положенный человеколюбивым Богом.

Итак, чего ты хочешь, добрая моя сестричка? Найдем ли мы какую стезю, на которой бы не произрастали терния и волчцы? Есть ли какой иной путь, который бы не состоял под Божиим отлучением?

Посмотри на царей, для которых недавно гремела музыка и они пировали, пред которыми трепетало всё творение.

¹⁶⁹ Пс. 8, 6.

¹⁷⁰ См.: Быт. 3, 1–18.

¹⁷¹ Быт. 3, 19.

Где всё это? Терния и волчцы задушили их. Где недавние министры, которых живыми съели пчелы? Вот волчцы. Итак, кто смог бы избавить себя от терний? Никто, если бы не смерть.

Итак, приди, и вместе мы возгласим Соломоновы слова: «*Суета сует — всё суета*»¹⁷².

Блажен, кто претерпел до конца, на пределе терпения, всё презрев. Долготерпением он уменьшает количество терний и волчцов, позволяя, чтобы на земле делался убыток, а на Небе — богатство.

Поэтому, дорогая моя сестра, душа моей души и кость от костей моих, пренебреги и ты своей «правотой» и своей волей ради столь великой моей любви к тебе, что душу мою полагаю за тебя. И сочетай добрую чету — терпение с великодушием, и сраствори это в чаше любви, и напои мужа своего, доброго Мильтиадиса, чашею смирения и послушания, и уповаю, что тогда он, по твоим молитвам, станет таким, как ты хочешь и желаешь.

Молись и обо мне, как ты и пишешь, дабы хранил меня Господь. Ибо я замечаю большую помощь от твоих дорогих молитв, сестринских, духовных. И когда найдешь время, закажи сорокоуст, чтобы уменьшился груз, отягощающий душу.

Ты пишешь, чтобы я заказал икону, но забыла написать, какого святого, какого размера. Напиши, и я сделаю заказ.

Вот только сейчас взял я корзиночку, открыл ее и нашел размер святых икон. Итак, будь спокойна. Нужно будет только немного подождать, пока их напишут.

Получил я и твои сестринские подарки. Не простые подарки, а подарки любви, подарки сестры, с детства страдающей. И за малые эти дары получает она в награду Царство Небесное, и веселие, и наслаждение вечное.

¹⁷² Еккл. 1, 2.

Ах! Увидел я в корзиночке снеди нашего детства, плоды родины, и, вспомнив наши детские годы, сказал: «О суетный мир! Каким несчастным ты был, таким ты и остался, и таким ты будешь до конца! И как блаженно для блаженных то наслаждение, которое вечно и нескончаемо!» Ах, сестра! Если ты только немного попробуешь что-нибудь из тех благ, то сдлаешься в терпении [крепкой,] как железо.

Итак, сестра моя, за всё тебя очень благодарю и молюсь о тебе от всей моей души.

Ты пишешь, что [всё время] беспокоишься и строишь планы. Правду говоришь. Но это свойственно сему миру. Однако дерзай. Кто приучился строить, когда-нибудь приучится не зависеть [от мира]. Может быть, Господь, застав нас, когда мы строим, возьмет нас туда, где уже не действуют планы человеческие. И тогда у нас будет дом навеки¹⁷³.

Итак, дерзай. И я с тобой строю для тебя, и этого никто у меня не разрушит. Только позаботься присылать мне драхм-другую, чтобы я мог покупать гвозди для окон и дверей. Дерзай и имей терпение. Я очень благодарен тебе за всё и молюсь о тебе всей своей душой. Передай смиренные мои пожелания всем нашим братьям, когда их увидишь. Целую ноги матери. Обнимаю Мильтиадиса и чад твоих, Дионисия и Варвару, и желаю им быть хорошими детьми.

Даю тебе и ответ на твои вопросы: сын той матери, которая тебя спрашивала, не поминается Церковью, потому что совершил самоубийство. Пусть только, если хочет, раздает за него милостыню. А Господь велик, и беспредельна глубина его милости. А лучше всего будет — если она не против — послать милостыню отшельникам, молящимся день и ночь,

¹⁷³ Перевод этого абзаца вызывает затруднения в связи с тем, что отдельные употребляемые Старцем Иосифом выражения допускают возможность двойного толкования.

молитвы которых слышит Господь. Она, как ты говоришь, знает многих монахов. Пусть подаст им, чтобы они это разделили между собой. Или монахиням. Другого для него сделать ничего нельзя.

Что же касается дочери, о которой она говорит, что та поклялась, то эта клятва недействительна, ибо она противна Богу. Так вот, всё это необходимо сказать духовнику.

Прииди, добрая и возлюбленная моя сестра, прииди, и снова я утешу [тебя] в твоих скорбях. Прииди, и благословим Бога сладким гласом сердца, устами произносимым и в уме звучащим. *«Благослови, — скажем, — душе моя, Господа, и вся внутренняя моя Имя святое Его»*¹⁷⁴.

Видишь, сколь любит нас Господь? Видишь, сколь мы, неблагодарные, счастливы благодаря тому, что нам ежедневно дарует Его благодать? Но еще нас ожидает тот час подлинной жатвы, блаженный тот миг, когда оставим здешнее и отправимся в иное отечество, действительно истинное, к блаженной жизни, верной радости, чтобы каждый из нас получил часть, даруемую подателем богатства сладчайшим Иисусом.

О радость! О благодарение! О любовь Отца Небесного! Он очищает нас от всякой скверны, оказывает нам честь, обогащает нас, даруя Свои богатства!

Там, золотая моя сестра, нет обижающего, нет лукавого, там иссякли ревность и зависть. Там нет никаких страстей, а имеющие их остались на той стороне моста. Пропать великая утверждена между здешним и тамошним¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Пс. 102, 1.

¹⁷⁵ Ср.: Лк. 16, 26.

Но, о сладкая любовь Христова, [разве] ты что-то хорошее увидела от нас, что повела нас по твоему божественному пути?

Итак, радуйся и веселись, дорогая моя сестра, благодари и прославляй Бога. Вот час уже приближается. Вскоре наступит тот миг, когда мы услышим благословенный глас: «Приидите ко Мне»¹⁷⁶. И лишь закроются эти чувственные глаза, откроются умные глаза души, и словно ото сна мы проснемся в другую жизнь. Тогда ты увидишь родителей, братьев, сродников. Тогда увидишь ангелов, святых и блаженную Матерь всех, Чистую Деву и Богородицу, к Которой все мы взываем в каждое мгновение и Которой, после Бога, обязаны всем.

С кем первым мы тогда заговорим, кто первый нас поцелует и кого [первым] поцелуем мы? Всё [там] — чистое, всё — достойное, всё — святое.

Кто же, ожидая этого, откажется претерпеть здесь всякое огорчение нынешней жизни?

Посему, моя добрая и возлюбленная сестра, рассмотри свою жизнь. Исследуй, как ты ее провела. Вспомни бесчисленные благодеяния Спасителя нашего Иисуса Христа и сладчайшей Его Матери и имей терпение в находящих на тебя искушениях.

Бог помогает всегда, всегда приходит вовремя, но требует от нас терпения. Он слышит сразу, когда мы взываем, но не так, как думаешь об этом ты.

Ты считаешь, что твой голос не дошел сразу до святых, до Пресвятой Богородицы, до Христа. Но еще прежде чем ты позвала, святые поспешили тебе на помощь, зная, что ты их призовешь и попросишь их предстательства пред Богом.

¹⁷⁶ Ср.: Мф. 25, 34.

Однако ты, не видя того, что стоит за видимым, и не зная, как Бог управляет миром, хочешь, чтобы твоя просьба исполнилась тотчас, молниеносно. Однако так не бывает. Господь требует терпения. Хочет, чтобы ты показала свою веру. Одной только молитвы, которую [человек] говорит, как попугай, недостаточно. Необходимо, чтобы он содействовал тому, о чем молится, и затем научился ждать. Вот совершилось то, чего ты вчера и позавчера желала. Однако ты понесла убыток, ибо не имела терпения ждать. [А имея терпение,] ты будешь приобретать и то и другое вместе: временное и вечное.

Сейчас ты сердисься, и унываешь, и печалишься, думая, что Небесный Отец медлит с ответом. А я тебе говорю, что и это совершится, как ты того желаешь, непременно совершится. Но потребуется сначала молитва от всей души, а затем — ждать. И когда ты перестанешь вспоминать о просимом и просить этого, тогда оно тебе придет как дар за твоё терпение и ожидание. Когда, молясь и прося, приближаешься к отчаянию, тогда уже близко исполнение просьбы. Какую-то сокрытую страсть хочет исцелить в тебе Христос и поэтому откладывает подаяние просимого. Если же получишь ранее, [сразу] когда ты просишь, твоя страсть останется неисцеленной. Если ждешь, то получаешь и просимое, и исцеление от страсти. И тогда радуешься величайшей радостью и горячо благодаришь Бога, Который всё мудро устраивает и делает всё к нашей пользе.

Итак, не приносит пользы, если унываешь, если расстраиваешься, если говоришь [ненужные] слова. Тебе нужно закрыть рот, чтобы никто и не заметил, что с тобой [происходит]. И пусть выходит дым из ушей, а не из ноздрей — [то есть] не пыхти, как будто так хочешь остыть, но будь спокойной. И терпеливостью, долготерпением попалишь дьявола.

Свидетель мне Господь, губящий всех глаголющих ложь¹⁷⁷, я приобрел великую пользу от того, о чем тебе говорю. Испытания были такие, что от боли думаешь: вот выйдет душа твоя, как из огненной печи. И, однако, когда минует испытание, приходит такое утешение, словно ты в раю без тела. Любит тебя Христос, любит тебя Пресвятая Богородица, хвалят тебя святые, ангелы тебе удивляются.

Видишь, сколько благ приносят искушения и скорби? Так вот, если хочешь и ты увидеть, вкусить любовь Христову, терпи всё, что тебе посылается. Не то, что нравится тебе, а то, чем пожелает тебя испытать Господь. То, что мы делаем по нашему произволению, — ничто. Тысячекратно выше то, что посылает нам Господь вопреки нашему произволению. Кость к кости и кровь к крови — так воюет с человеком враг диавол по воле Божией. Воюет столь сильно, что человек течет, плавится, как воск от лица огня.

Когда, однако, испытание минует, ты весь наполняешься радостью. Тебя окружает преизобильный свет, и ты видишь таинства, которые неспособен выразить язык. И тогда уже жаждешь: когда же снова придут искушения, — ибо теперь познал, какая от них польза.

Эта дорога — истинная, сестра моя, и пишуший тебе свидетельствует об истине из опыта.

Итак, мужайся и укрепляйся в Господе, терпя всё, что тебе посылается, ожидая, вместе с болью, тишины и благодати Божией.

Блюди свою душеньку строго, помышляя о том, что хромые и увечные в эти блага не входят. Поэтому Христос попускает нам искушения, чтобы мы очистились от впечатлений, оставленных грехами. Это — мыло и валёк, который,

¹⁷⁷ Ср.: Пс. 5, 7.

когда бьет нас, отбеливает. И те одежды, которые оказываются прочны, годятся для Жениха. А если какие-то [из одежд] не выдерживают валька, то их рвут и выбрасывают вон, как негодные.

Поэтому немного понудим себя здесь, ибо приближается час. Храни письма, которые я тебе посылаю, чтобы они у тебя были, когда ты искушаешься скорбями, поскольку мне кажется, что я тебя скоро оставляю, ибо чем дальше, тем тяжелее бо-лею. Я как парализованный.

Прибавлено после

Нет времени написать тебе о чуде, которое явил мне Господь, чтобы исправить мое заблуждение, которым я заблуждался по неведению, как ты знаешь. Так вот, видишь великую благодать нашего Господа? Видишь, что и чудесами Он действует, когда находит это уместным Его Божественный Промысл?

Ибо человек часто заблуждается по неведению или же другие его увлекают. Но когда он прямодушен и у него добрые намерения, Господь не оставляет его, но многократно устраивает так, чтобы его просветить. Это побуждает меня чувствовать себя землей, пеплом, земляным червем.

Воистину велика милость Господня. Прав Псалмопевец, когда говорит: *«Не по беззаконию нашим сотворил есть нам, ниже по грехом нашим воздал есть нам»*¹⁷⁸.

Итак, почему и ты не благодаришь Бога? Почему ропщешь? Если я напишу тебе об искушениях, от которых страдаю, ты не сможешь этого выдержать. Однако благодать Христова и Пресвятой Богородицы все эти [искушения] упраздняет. Имей терпение. Ибо не оставляет нас Царица Богородица и Госпожа всех. Она молится за нас.

¹⁷⁸ Пс. 102, 10.

Получил, сестра моя, твое письмо, полное благоговения, и когда я с удовольствием его прочитал, душа моя наполнилась радостью. Я увидел и уразумел, как расцветает полнота твоего сердца, что свидетельствует о рождении нового человека, духовного младенца.

Итак, *мужайся, и да крепится в искушениях сердце твое*¹⁷⁹. И как величайшую защиту носи на груди терпение и великодушие. Паки и паки да укрепляется твоя сила в скорбях, ибо еще чуть-чуть — и уходим отсюда.

Весна приближается. Зима скорбей мало-помалу исчезает. И гнезда, которые мы построили с помощью постоянных искушений и скорбей, скоро станут нашими. И тогда уже больше не будет ни одного спорящего, ни одного завидующего, ни одного вредящего и мстящего. Всё это останется здесь.

И это зловердное и страстное тельце, в которое мы тут облечены и которое не желает исполнять заповеди Божии, оставим здесь, родившей его матери-земле. А сами, несомые вольным ветром, как высоко парящие орлы, займем святые обители.

А если и снова, после воскресения, получим эту перстную темничку, то уже не тяжеловесную и многообременительную, сладострастную и неповоротливую, а всецело измененную огнезарной светлостью нашего сладчайшего Иисуса, блистающую и испускающую лучи ярче солнца, озаряющую даже сам эфир.

Итак, здешние страдания малы по сравнению с будущим воздаянием. Посему, душа моя, прояви терпение. И то, о чем ты мне пишешь, было у нас у всех, когда мы принимали суетность мира за великую вещь. Однако теперь, когда мы достигли

¹⁷⁹ Ср.: Пс. 26, 14; 30, 25.

осознания [истины] и поняли обман, Бог смотрит уже не на прошлое, но на нынешнее. А всё то, [что было в прошлом,] изглаживается одной чистой исповедью, довольно только, чтобы сейчас мы жили, по [мере] сил, согласно заповедям Господним.

Ты пишешь мне, чтобы я послал письмо нашим знакомым. Но поскольку нет материала — готовности души, — для чего мне трудиться? Чтобы узнать, они должны попросить, и тогда я им скажу. Иначе мы бьем наугад, по воздуху¹⁸⁰. Один хочет переписываться, но не спрашивает о своей душе, о грехах, о своих ошибках, как их исправить, а только спрашивает: «Как дела?» Другой спрашивает, какая погода. А иные вовсе ничего не спрашивают. Так вот, даже Господь не велит отвечать, когда тебя не спрашивают, а говорит: «*Просящему у тебя дай*»¹⁸¹. Не говорит: «Не просящему».

Тысячи душ просят у нас дать им [наставление]. И Бог требует от нас [сделать это]. А тем, кто не просит, более полезна молитва, когда мы за них молимся, чтобы они пришли в чувство. И тогда и они спросят. И тогда нам будет легко с радостью и любовью подать им от подаваемого нам Богом.

А [богослужebное] вино, которое ты прислала, священник не взял из опасения, как бы оно не было разбавлено водой, и я выпил его за ваше здоровье. И, помянув дни древние, размышлял ночью с сердечным участием и сказал: «*Суeta сует и всё — суeta!*»¹⁸²

Всё было сном и рассеялось. Это были [мыльные] пузыри, и они лопнули. Это была паутина, которая порвалась.

«Вся суeta человеческая, елика не пребывают по смерти»¹⁸³.

¹⁸⁰ Ср.: 1 Кор. 9, 26.

¹⁸¹ Мф. 5, 42.

¹⁸² Еккл. 1, 2.

¹⁸³ Последование погребения, стихиры самогласны Иоанна Монаха, глас 3.

Ах! В изгнании мы находимся и не желаем этого понять. Не хотим увидеть, с какой высоты пали. Но притворяемся глухими и закрываем глаза, по своей воле становясь слепыми, чтобы не видеть истины. Увы нам, ибо здешнюю тьму считаем светом, а света оттуда, как тьмы, избегаем — ради малого наслаждения века сего, из-за малой скорби, которую терпит [здесь] тело, чтобы там [обрести] покой.

Увы нашему окаянству! Бог зовет нас стать Его чадами, а мы становимся сынами тьмы. За каплю меда промениваем целые века. Ради малого наслаждения отказываемся и отпадаем и от радости, и от славы Царствия Божия.

Итак, блажен тот, кто увидел эту прелесть и воздержался от наслаждения каплей меда, взирая с надеждой на [ожидающее] там наслаждение.

Ты же, сестра моя добрая и возлюбленная, с детства избравшая Бога, понуждай себя просветлять одеяние [для] брачного чертога. День и ночь проси Господа, чтобы Он простил тебе всё прошедшее. Чтобы Он дал тебе с высоты силу хранить Его божественные заповеди. И когда Он тебя примет в покаянии, тогда причислит твою душу к праведным. И там уже мы будем наслаждаться друг другом без пресыщения во вся веки.

Нынче, сестра моя, не так, как в старое время, к которому ты обращаешь [взор] своего ума. Сегодня у многих [душевное] устройство ограничилось некими внешними формами. И сверх того уже нет заботы и попечения о том, что внутри души, где сосредоточено всё, где соединяется вещественный с невещественным — человек с Богом, — насколько может вместить наше перстное естество.

Вот что прекрасно и очень хорошо. Но все мы этого избегаем. Все убегаем прочь, поскольку тут требуется подвиг. Да и ум человеческий приходит в великий ужас, лишь только услышит об этом.

Необходимо, чтобы этому подвигу содействовал Бог, ибо без Него ничего нельзя достигнуть. Должно подвизаться произволение человека. Но нужно, чтобы тело источило кровь, поскольку должна сойти кожа с внутреннего человека. Должен растаять, как воск, ветхий человек. И как у железа, когда его помещают в огонь, отстает и осыпается покрывающая его ржавчина, так происходит и с человеком.

Приходит мало-помалу благодать и лишь приблизится к человеку — он тает, как воск. И в этот миг человек не знает самого себя, тогда как весь он — ум многоочитый и озареннейший. Однако в этом вышеестественном действии он не может увидеть себя отдельно, ибо весь соединяется с Богом.

И тогда отпадает ржавчина. Снимается печать. Умирает ветхий человек. Удаляется материнская кровь. Обновляется замес. Но [при этом] изменяется не тело человека, а преимущества¹⁸⁴ и дарования, [данные] человеческой природе — их просвещает, укрепляет и обновляет благодать. И оживотворяется ветхий Адам, созданный по образу Божию.

Ведь сейчас, будучи по наследственности лукавыми, блудными и развращенными, мы живем по образу лукавого. Из-за него мы такими сделали — из крови и слизи¹⁸⁵.

¹⁸⁴ Преимуществами человеческой природы являются, по сравнению со всем остальным видимым творением, разумность и свобода, а по сравнению с ангелами — то, что человек есть единство вещественного и невещественного: тела и души.

¹⁸⁵ Эту мысль Старец Иосиф мог позаимствовать у прп. Григория Синаита. См.: «Человек сотворен нетленным без влажности, каковым и воскреснет». Весьма полезные главы. Гл. 8. // Преподобный Григорий Синаит. Творения. М., Новоспасский монастырь, 1999. С. 8. Эти главы входят в корпус «Добротолюбия».

Но, однако, прежде чем это будет исправлено, требуется многое. Требуется строжайший пост, чтобы ушла материнская кровь, чтобы очистилась слизь — эта нечистота. Чтобы стерлись оставленные грехами впечатления, которые человек получил с детства. Требуется соединить с этим и постоянное бдение. Не один или два раза, но непрестанно, чтобы утончился ум, грубый и неудобоподвижный. И в-третьих, [требуется] непрекращающаяся молитва. Умом, устами и сердцем.

И как умирает человек, если прекратится дыхание, так умирает и душа без непрестанной и всегдашней молитвы. Потому что [без нее] усыпает живая плоть, которая начала было начинаться от постоянства в молитве, и [тогда] возобновляются страсти. Ибо враг не спит, но постоянно воюет. И как младенец, зачатый в утробе матери, если она прекратит дышать, задыхается и умирает, подобное [происходит] и в зачатии духовном, если прекращается умное делание.

Итак, об этом достаточно. Но, однако, подвиг на этом не заканчивается. Подвигов, [предстоящих] нам, много. Предстоит воевать с очень многими духами, из которых наибольший — блудный, вздымающий парус до небес и углубляющийся в бездны. Когда ты постишься, совершаешь бдения, взываешь, плачешь, болезнуешь, он содействием сатаны не успокаивается ни на миг, но постоянно находится в возбуждении: огонь, от огня происходящий, семя Исава, сын Вавилона. Ты взываешь, ищешь Христа. Бьешься, плачешь, болезнуешь. [А] он кричит: «Хочу женщину!» И не один день или год, но восемь и десять. И только когда Бог увидит терпение человека, когда он уже приближается к отчаянию, тогда забирает Господь зло и отсекает страсть. Так происходит со всеми страстями, но они не отсекаются окончательно, как эта. Да и силы не имеют такой, поскольку они привнесенные. Тогда как страсть [телесного] соединения — от естества. И человек бьется, чтобы изменить

естество. И не может изменить сам свое естество, но его изменяет Бог. Ибо, как полагающий пределы, Бог пределы и разрушает, и изменяет естество так, как хочет.

Но если я захочу записать по порядку все искушения и страсти, то должен буду написать книгу.

Ведь, кроме всех тех [искушений и страстей,] которые воюют [с человеком] и против которых воюет человек до конца жизни, есть и такие, которые попускаются Богом для испытания. И так как они происходят помимо нашего произволения, то требуют большого труда, и сражаться с ними нелегко.

Знаешь ли ты, каково, когда ты не искушаешь, а тебя искушают? Ты не крадешь, а у тебя крадут? Ты благословляешь, а тебя проклинают? Ты милуешь, а тебя обижают? Ты хвалишь, а тебя осуждают? Приходят без причины тебя обличать, постоянно кричат, что ты прельщенный, — до конца жизни? А ты знаешь, что всё не так, как они говорят. И видишь, как ими движет искушение. Но ты каешься и плачешь, как виноватый, как будто ты такой и есть.

Это самое тяжелое. Ибо и они воюют с тобой, и ты воюешь сам с собой, чтобы убедить себя, что всё так, как говорят люди, хотя это и не так. Видишь, что ты абсолютно прав, но убеждаешь себя, что ты не прав.

Это, сестра моя, искусство из искусств и наука из наук.

Бить себя палкой, пока не убедишь себя называть свет тьмой и тьму светом. Чтобы у тебя не осталось никакого права [ни на что]. И чтобы окончательно исчезло превозношение. Чтобы ты стал безумным при полном разуме.

Видеть всех, когда тебя никто совершенно не видит. Ибо тот, кто станет духовным, всех обличает, не обличаемый никем¹⁸⁶. Всё видит. Имеет глаза свыше, а его не видит никто.

¹⁸⁶ Ср.: 1 Кор. 2, 15.

У добродетели нет колокольчика, который бы звонил и возбуждал в тебе любопытство, чтобы оглянуться и увидеть [праведного]. Это невещественный дар Божий. Почему [благодать] назвали благодатью? Потому что ее нельзя увидеть, или ограничить, или представить, или определить ее цвет. Божий дар. Невыразимое, и непостижимое, и многобогатое чудо.

Поэтому Господь, истинный Бог, ходя по дорогам, казался таким же, как остальные люди. Говорили: «Он ест и пьет»¹⁸⁷. Он был прозван обманщиком и бесноватым.

И сегодня, если кто заговорит о благодати, об очищении внутреннего человека, считается обманщиком. Сразу слышишь: «Он прельщенный!»

И у людей совершенно исчезло из ума понятие о том, что нужно позаботиться о внутренности чаши, как нам говорит Господь¹⁸⁸.

Итак, это вкратце, одна капля из [всего] моря, и написано тебе, сестра моя, не по какой иной причине, а потому как ты пинешь, что видишь ошибки монахов и нет у тебя к ним благоговения. Однако я не хочу, чтобы ты так писала, ибо ты — член [тела]¹⁸⁹, подобный им, и не можешь быть совершенно избавлена от упрека.

Должна и ты пройти через огонь и воду, чтобы так явилось твое достоинство: какой чести ты удостоилась от Господа, а не от людей.

Люди не умеют правильно оценивать. Нужно, чтобы дал нам оценку Сам Подвигоположник, Который предлагает подвиги, устанавливает правила битвы, дарит силу, укрощает [наших] противников, венчает подвижников, награждает славой.

¹⁸⁷ См.: Мф. 11, 19.

¹⁸⁸ См.: Мф. 23, 25–26.

¹⁸⁹ См.: *Мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены* (Рим. 12, 5).

И этому нелегко научиться со слов, если сам не войдешь в печь испытания, и невозможно это понять, если этого не вкусишь. Итак, смири свое мудрование и не думай, что это легко испытать и познать.

Благоволением Божиим вот и снова, золотая моя сестра, говорю я с тобой посредством чернил и бумаги. На Святой Горе я нахожусь уже более пятнадцати дней. И прежде чем уехать из Фессалоники, я тебе написал письмо. Также я тебе послал святые иконы. И одну полную корзиночку. Только забыл, что я туда положил. Думаю, что чай и фундук — благословение для детей. Возьмешь это у Вероники в монастыре Мелетии¹⁹⁰. Хотя тебе это уже, наверное, передали.

Так вот, поскольку ты медлила с письмом, то когда я выезжал, не стал тебе писать, чтобы вы приехали в Фессалонику, думая, что вы можете задержаться, тогда как я спешил обратно. Поэтому я нарушил обещание. Если захочет Бог, в другой раз вы увидите меня, а я увижу вас. Как устроит Господь. Сейчас прошу тебя об одном: прояви терпение в искушениях.

О деньгах за святые иконы не беспокойся. Когда они у тебя будут, тогда их и пришлешь вместе с платой за другую икону, Трех Святителей. Сейчас ее пишут и скоро закончат. И пожалуйста, не проси других денег у той женщины, если она бедна, — может быть, у нее нет. А я здесь позабочусь и устрою, как хочет Господь. Хотелось бы только, чтобы она прислала для поминовения [имена] своих умерших родителей.

¹⁹⁰ Вероятно, имеется в виду игуменья Мелетия, основательница монастыря Прп. Ирины Хрисоваландской в афинском пригороде Ликоврисси.

И другая женщина, если хочет икон, пусть даст знать и придет деньги, а я закажу, поскольку мне это не составляет труда и я оказываю этим помощь пустынножителям. И они, в свою очередь, оказывают другую помощь мне. Здесь не выгода, а исполнение любви, по слову Господа: «*Да любите друг друга*»¹⁹¹.

Ведь монах должен днем и ночью приносить себя в жертву ради славы и любви Божией.

Мы здесь, сестра моя, ночью совсем не спим. Каждый вечер совершаем бдение. Всю ночь молимся обо всем мире. Немного отдыхаем только утром и пополудни, после того как поедим. Таков наш устав. Полдня трудимся, остальное время безмолвуем, и довольны [этим]. Подвижническая жизнь! Пустыня! Ангельская жизнь, полная благодати! Ах, если бы только было такое место, откуда бы ты нас видела! Если бы ты только могла нас видеть!

Здесь, сестра моя, земной рай. И если кто с самого начала возьмется за жизнь суровую, высокую, то становится святым. Иначе, если пойдет с самого начала по дороге немного пошире, то впоследствии, позже, его [уже невольно] увлекает спуск. Он становится иногда хуже мирских.

Ведь диавол сильно воюет против монахов, так как хочет отомстить Христу. Он говорит: «Смотри, Назарянин, вот Твои воины! Ты им обещаешь Вечное Царство, а они от Тебя отрекаются. Ради малого наслаждения гортани они следуют за мной!» Так похваляется бес.

Поэтому тому, кто хочет стать монахом, нужно иметь большое самоотречение. И сказать [себе,] что ничем другим, [кроме монашества, он уже] не будет жить в этой жизни. Но распнет самого себя, терпя каждое приходящее искуше-

¹⁹¹ Ин. 15, 17.

ние: голод, жажду, наготу, обиды, оскорбления, всякого рода огорчения. А если он не будет иметь этого в виду, а придет [монашествовать,] надеясь на легкую жизнь, то лучше пусть не приходит, а живет в миру, как хороший христианин, будь то мужчина или женщина.

Бывает время, когда монах находится в раю и проводит жизнь, как ангел во плоти, — если [с ним] пребывает и [ему] помогает благодать. Но когда благодать уходит, чтобы он был испытан, тогда он каждый миг вкушает ядовитые воды ада. Тьма и страдание души. Но и опять — свет и утешение, и опять — невыразимое страдание.

А тот, кто в браке, идет по средней дороге: ни крутого подъема, ни крутого спуска. Итак, Бог да поможет каждому с той ношей, которую он способен нести.

Ибо в монашеской жизни — великая тяжесть и большой подвиг. И приходящему требуется великое трезвение и постоянное понуждение естества¹⁹². И нужно, чтобы до смерти не впадал он в самонадеянность, не ослаблял внимания. Иначе сразу упадет и пропадет, поскольку кровожадные и коварные бесы бдительно стоят наготове и ожидают подходящего времени. Итак, да просветит и сохранит нас Бог.

Все мы, монашествующие, оставляем мир и всё мирское ради одной цели — удостоиться нетленных и вечных благ. И кто забывает эту свою цель, тот показывает, что не понимает, зачем избрал этот суровый путь монашеского жития.

Наш собственный подвиг [заключается в том, чтобы] презирать не только [всё] приятное, но и всё печальное в нынешней жизни, ежедневно перенося наше жительство на Небеса.

Возлюбим всей душой и сердцем Господа нашего Иисуса Христа и Его сладчайшую Матерь за то, что Они возлюбили

¹⁹² Ср.: Прп. Иоанн Синайский. Лествица. Слово 1, 4.

нас. И, пройдя через бурю этой жизни, будем неразлучны с Ними там, всегда созерцая неизреченную славу и ту несказанную красоту, которые уготованы любящим и терпящим.

Ибо видел я брата, истину [говорю] и не лгу, который пришел в исступление, сидя лунной ночью в глубочайшей пустыне. Полнейшая тишина — ни одного человека или каливы там не было. И когда он совершал бдение и молился, явился ему сладкозвучный голос птицы, и увлек весь его ум, и захватил все его чувства. И он последовал за ним, чтобы увидеть, откуда исходит этот столь сладкий голос. И, будучи вне себя, глядя по сторонам, идет и видит, только не ногами и глазами, а в исступлении. И, пройдя дальше, он увидел пресветлый свет, полный благоухания и благодати. И, оставив пение птицы, вознеся, или, скорее, был пленен созерцанием преизобильного света. И, шагая, как какой-нибудь юродивый, вышел на дорогу, белую как снег. С той и другой стороны стены были алмазные. Обо всём, что там было, не рассказать словами. А заглянув внутрь, он увидел там прекраснейший рай, украшенный всякими цветами. Все златолистные, так что язык не в состоянии этого высказать, и человек, как сумасшедший, смотрит на это и, весь плененный, этому удивляется. Проходит далее, а посреди — огромный, белоснежный, величиной с небо, дворец. И в дверях стояла Госпожа наша Богородица, Царица Ангелов, единое наше отдохновение, неизреченное благоухание и утешение всякой души христианской, несущая белоснежного, словно снег¹⁹³, Младенца в Своих объятиях, сияющего паче тысячи солнц. И когда тот брат приблизился, тогда припал, как сын к своей матери, весь пылая божественной любовью. И Она его обняла, как подлинное чадо, и поцеловала. О рачение любви Божией! О любовь Матери к сыну! Она облобызала его, как Свое чадо. Наполнила его

¹⁹³ Так в оригинале.

несказанным благоуханием. И тот правдивый [человек] говорил мне, что все эти годы, вспоминая это созерцание, он ощущает благоухание и сладость в своей душе. Его лицо ласково погладил Своей пухленькой ручкой тот несказанный и сладчайший Младенец. Была ему возвещена Матерью и тайна, о которой он горячо Ей молился в течение многих дней. А Сын сказал ему еще: «Ради наслаждения такой радостью ты должен подвизаться, страдая до конца жизни».

И затем, отойдя, он, не желая того, вышел туда, откуда пришел. И, удаляясь, он снова услышал голос птицы, пленивший его вначале. И, глядя наверх, он увидел большую тысячецветную птицу, которая своими крыльями покрывала весь тот рай, и вокруг были троны, и маленькие, похожие друг на друга птички сидели и пели ту неизреченную мелодию, и все, кто там был, веселились. А видевший снова пришел в себя и оказался там, где был перед тем, как это увидел.

Итак, слыша о таком, будем терпеть всякое огорчение и скорбь ради стольких благ, которые для нас уготованы. Ибо то, что здесь кажется прекрасным, в сравнении с оным — тьма и ад.

Дорогая моя доченька, добрая моя голубица, добрая моя отроковица! Желаю тебе, чадце мое, быть здоровой душой и телом. На днях пришел мне помысл, и я мысленно сказал себе: «Что так долго не пишет нам мое чадо? Почему такое небрежение? Может быть, моя дочь занята учебой?»

Наконец получил твое письмо и, радуясь о твоём здоровье, печалюсь о твоих грехах, которые ты постоянно совершаешь, поскольку ты, такая маленькая девочка, ссоришься со всеми.

Интересно, когда ты станешь невестушкой Владыки Христа, когда наденешь святое монашеское одеяние, исправишь ли ты тогда свое неуместное [поведение] или будешь ссориться снова?

Ладно, сейчас пусть всё будет прощено. Только впредь будь внимательна, иначе наложу на тебя строгую епитимию! Ведь ты, как невеста Небесного Царя, не должна делать ничего неуместного, а должна со всеми вести себя как самая младшая, быть самой скромной, самой смиренной, со многими слезами на глазах плакать, просить удостоиться радости мудрых дев¹⁹⁴ со всеми ангелами и святыми.

И будь внимательна, добрая моя доченька, ибо ты уже подросла и начинают изменяться помыслы. Начали летать близ тебя стрелы лукавого. Ты же береги [свою] душу, крепко береги свою честь. Христос и Пресвятая Богородица хотят, чтобы мы всегда и во всём были внимательны и имели страх Божий.

Не думай найти радость и покой в том, от чего твоя душа печалится и на чем не [может] почить Божия благодать. Радость — это дар нашей душе от Бога, и если ты ее там¹⁹⁵ смутишь, она не придет вновь, если только ты с большой болью не станешь сожалеть об этом и не покаешься, в чем согрешила. Однако есть ли причина опрометчиво прогонять голубицу благодати¹⁹⁶ и затем с печалью, со многими вздыханиями искать ее, чтобы она снова вернулась обратно?

Многие прогнали радость, неразумно смутили ее, и она более не возвратилась.

Поэтому будь внимательна, хорошая моя девочка. Без твоей матери не делай ни шагу. Не заводи много подружек.

¹⁹⁴ См.: Мф. 25, 1–13.

¹⁹⁵ Т. е. в душе.

¹⁹⁶ Возможно, голубицей благодати здесь называется радость.

Не люби украшений. Не интересуйся духами. Всё это мирские занятия: насколько излишние, настолько же греховные.

Пусть твоим всегдашним украшением будет страх Божий, а скромной одеждой — смирение. Надежным покровом — Всецарица. Хранителем-наставником — ангел твоей души. Запахом духов — девственное благоухание твоей души и тела.

Да, дитя мое, так твори и будешь жить ныне и вовеки.

Ибо смерть душевная идет рядом с тобой, опережает тебя на шаг, машет крыльями в твоём сердце, летает перед глазами, борется с твоими помыслами. Будь внимательна к своей жизни, крепко береги свою душу!

Да, золотая моя дочь, ведь мир испортился, и искустель, видя вашу божественную любовь и ревность по Богу, полагает камень преткновения и камень соблазна на жизненном пути. Поэтому слушай мои слова и храни их, чтобы они тебя хранили от преткновений.

Читай божественные книги, чтобы ими просвещался ум, чтобы направлялась на духовный путь твоя душа. И это божественное чтение станет для тебя небесным приданым и вечным богатством.

К тому же будь внимательна, чтобы не ослушаться твоего отца и матери. Берегись случайных встреч с мирскими. Уже миновал малый и невинный возраст.

Не приучайся много говорить, лучше [говорить] мало. А молчание — богатство души. Если приучишься много говорить — и молитву Иисусову вскоре потеряешь, и душу свою очень утомишь, и многим другим [людям,] безусловно, навредишь. Ибо во многословии не избежишь греха¹⁹⁷.

Итак, позаботься, дочь моя, быть всегда разумной, смиренной, послушной, молчаливой, терпеливой, воздержанной, старательной, непрестанно день и ночь молящейся.

¹⁹⁷ Ср.: Притч. 10, 19.

Пусть уста твои не оставляют умной молитвы. И увидишь, сколь будет просвещаться ум, как сердце будет источать радость и мир!

Всё делай благоразумно, после доброго совета. Люби исповедь и часто причащайся. Не смотри на мир, чтобы смотрел на тебя Бог.

И если всегда будешь хранить девство тела и души, Пресвятая Дева будет тебя хранить от всякого зла, от всяких врагов, видимых и невидимых.

И я молюсь, дочь моя смиренная, чтобы скоро исполнилась на тебе воля Господня: *«Даст ти Господь Бог по сердцу твоему»*¹⁹⁸.

Радуйся в Господе, возлюбленный и желаннейший мой сын, весьма хороший, хотя и чуть гневливый, очень разумный, только немного упрямый, очень добрый и немного ревнивый. Молюсь, чадо мое, о том, чтобы скоро увидеть тебя, как желает [того] моя душа.

Получил я твое письмо и прошу, дитяtko мое, писать немного разборчивее, потому что из-за помарок я не мог его читать. Ведь я, доброе мое дитя, как ты мог заметить, малограмотный. И только по слогам с усилием это прочитал. И то только отчасти, не всё, так что забывал начало, пока доходил до конца.

Почему же, дитя мое, ты всё жалуешься, что я тебе не пишу? Ведь я, несчастный, даже тем, кто мне пишет, не успеваю отвечать, насколько же более тому, кто не пишет? Разве не знаешь, дитя мое, что это твое письмо побуждает меня тебе писать?

¹⁹⁸ Пс. 19, 5.

Разве ты не знаешь, что, как у [каждого] монаха, так и у меня много духовных обязанностей, которые не позволяют мне присесть ни на миг? Ибо я обязан молиться о вас. И если не напишу письмо — восполняю молитвой.

Ведь ты можешь найти в мире многих, слово которых ты можешь послушать, тогда как молитва в мире — труднейшее [дело]. А здесь, в безмолвии, для нас это легче. Поэтому не жалуйся, ибо всё, что я делаю, делаю осознанно и со страхом Божиим.

Когда снова захочешь получить от меня письмо, не ленись и напиши, и тогда я снова окажу тебе послушание, ибо Господь говорит: «*Просящему у тебя дай*»¹⁹⁹, а не «не просящему».

Молюсь, чадо мое, с болью душевной, со многими слезами, чтобы хранил тебя Господь от всякого зла. Чтобы ты спешил быстро убегать от ловушек диавола, перепрыгивая их, как олень, и, наступая на аспидов и василисков²⁰⁰, радовался непрестанно к радости сладчайшего Иисуса и Пречистой Его Матери.

А если, даст Бог, ты придешь к нам как-нибудь после Пасхи, тогда мы прекрасно побеседуем о духовном. Скажем тогда о многом. И ты увидишь здесь, в пустыне, очень маленькие и очень красивые наши каливки. Ты воистину возрадуешься. Взыграешь, как олень, будешь прыгать, как ягненок.

Увидишь, каким образом просыпается душа. Как она вскармливается молоком, будто малое [дитя,] развивается со временем, благодаря познанию, и возрастает, если ее хорошо оберегают. А также [узнаешь,] как она делается некрасивой, заболевает, как может совершенно омертветь и окончательно погибнуть...

¹⁹⁹ Мф. 5, 42.

²⁰⁰ См.: Пс. 90, 13.

Итак, с добрыми надеждами мечтай [о приходе сюда] и ожидай наступления весны, и тогда впереди у тебя будет лето. Возведи свой ум к тому, о чем я тебе пишу, и время пролетит быстро. Понуждай себя и к своим духовным обязанностям, чтобы враг не нашел возможности тебя уловить.

Это вкратце, сын мой, с большой моей к тебе любовью.

Радуюсь, дитя мое, что ты здоров. Узнал и о твоём согрешении. Поскольку ты чуть не впал в хулу, теперь делай каждый день вдвое больше поклонов в течение сорока дней. Но начнешь после Пятидесятницы. И будь внимателен впредь, дитя мое, чтобы у тебя не появилась еще какая-нибудь бесовская привычка.

Ах, дитя мое, будь внимателен! Ибо мир сегодня очень плох. И диавол сеет лукавые помыслы, чтобы ослабло усердие души. Поэтому, сколько можешь, старайся быть воздержанным, ибо от многоядения рождаются лукавые помыслы и мечтания. Всегда в час искушения прибегай ко Христу и к Пресвятой Богородице. Призывай на помощь святых и будь внимателен, ибо если диавол тебя прельстит и ты совершишь какой-нибудь грех, то после не сможешь стать священником, и будет жаль, [если тебе останется только] раскаиваться в этом до конца жизни. Поэтому будь внимателен, будь внимателен, насколько можешь.

Убегай, как от огня, от плохих помыслов. Совершенно им не внимай, чтобы они не пустили в тебе корни. И, опять же, не отчаивайся, ибо Бог велик и прощает согрешающих. Только кайся, когда согрешаешь, и старайся не делать ничего подобного снова.

Также будь внимателен в отношениях с соучениками. Не говори много, не слушай того, чего не подобает, ибо этим загрязняется слух. Позаботься быть послушным, разумным, смиренным, добродетельным, другом молитвы и чтения. Молись со слезами, учи [уроки] с молитвой. Уста твои пусть никогда не прекращают [говорить]: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

И готовься, когда захочет Святой Бог, стать хорошим монахом, благоугодным Богу и людям. Ведь этот мир, дитя мое, — суетнейший, преисполнен всяким пороком, [место] Адамова изгнания, а значит, и нашего. И блажен тот, кто удостоился выгодно сбыть с рук это [место] изгнания и достигнуть пристани спасения, ибо предстоит ему вечно радоваться со святыми и царствовать со Христом во все веки.

Чадо мое, чадо сладчайшего Иисуса, чадо Пресвятой Богородицы и святых, что мне сказать тебе? Где я смогу взять слова, чтобы согреть твою душу? Откуда начерпаю воды, чтобы напоить тебя? И хлеба где найду, чтобы тебя насытить?

Увы! Увы мне, как это я, бедный, удостоился родить в Духе Божием такого сына, такого доброго отрока, такого единомысленного и единоревностного!

Но когда же я удостоюсь увидеть тебя рядом со мной? Когда насладюсь добрым общением с тобой? Когда я увижу тебя в нашей церкви упавшим ниц и плачущим пред иконой нашего сладчайшего Иисуса?

Окажусь ли я достойным увидеть это? Надеяться ли мне? Ждать ли мне до тех пор, пока я тебя не увижу, и тогда уже

скажу подобно божественному Симеону: «*Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко*»²⁰¹?

Увы мне, окаянному! Слезы застилают мне глаза. Рука моя замирает. Перо высохло. Сердце мое бьется от волнения, когда я слышу, кем ты будешь: мудрец среди мудрецов, учитель среди учителей, ритор среди риторов, богослов среди богословов, проповедник среди проповедников, монах среди монахов, священник среди священников и Божий сын среди сынов Божиих.

Поэтому, дорогой мой птенчик, прилетай ко мне. Вот я открываю тебе отцовские объятия, полные нежной любви. Беги [сюда,] как олень, и я напою тебя водой живой. Прииди, сын, на нашу трапезу, и я напитаю тебя хлебом жизни.

Шагай скоро. Не теряй времени, поскольку смерть нас преследует, как злой путник²⁰², а мир [этот] — лжец. И жизнь полна ловушек сатаны, приносящего нам двойную смерть²⁰³. Наслаждение же, [которое дает] мир, проходит как тень. Всё — сновидения, [всё] лопается как мыльные пузыри. Всё — суета!

А мы здесь избрали небесную философию. Исследуя глубины божественных тайн, делая ум озареннейшим, стараемся, насколько это возможно, постичь то, что недостижимо для рук, но постижимо для ума, имея споспешником Бога и святых огненосных ангелов, говорящих с нами и посредством благой совести указывающих нам стези небесные. И в конце всего, когда отойдет наша душа, предавая земле, как матери всех, это бренное тельце, тогда мы отправимся в истинное отечество и, как с братьями, будем беседовать с ангелами, обмениваясь божественным лобзанием, всегда изумляясь и удивляясь

²⁰¹ Лк. 2, 29.

²⁰² Ср.: Притч. 6, 11 (по церковнославянскому переводу и греческому переводу Семидесяти).

²⁰³ Т. е. смерть тела и души, временная и вечная.

небесным ликостояниям²⁰⁴, пока не достигнем нашего Владыки и Спасителя и впредь пребудем [с Ним] неразлучными.

Итак, приди, [беги сюда] бегом, дабы не отпасть от этого. Восстань и препояшь чресла свои, как муж²⁰⁵.

Приди, я тебя жду. Ибо, может быть, через несколько лет отойду и тогда ничем не смогу тебе быть полезен.

Услыши глас мой, добрый мой сын.

Нет ничего прекраснее, нет ничего слаще, чем любить Господа Иисуса. Нет ничего выше, чем любомудрствовать о небесном и еще отсюда созерцать вечные блага.

Воистину, девство — это самая высокая вещь. Оно делает человека ангелом на земле. Велика слава девства на Небесах и велико его дерзновение. Девственники в Царствии Небесном будут следовать за закланным Агнцем Иисусом²⁰⁶, будут видеть боголепную Его красоту и наслаждаться великолепием сладчайшей Его любви.

Блажен, кто просветился и избрал, как невесту, прекрасное девство: оно своей красотой принесет ему счастье. Блажен, кто избежал суетных хлопот брачной жизни и последовал за Христом, с юности взяв [на себя] Его иго. Такой [человек] будет переносить скорби, но они еще больше украсят неувядаемый венец святейшего девства.

Приди, чадо мое, чтобы заняться божественным любомудрием. В тебе будет создан новый мир: новый дух, иное Небо, которые тебе неведомы, поскольку те, с кем ты общался до сих пор, не имеют об этом понятия.

²⁰⁴ Т. е. ангельским хорам.

²⁰⁵ Ср.: Иов. 38, 3.

²⁰⁶ Ср.: Откр. 14, 4.

Монах — это не первый встречный [в монашеской одежде,] от которого ты слышишь одни слова, а плодов — нет.

Истинный монах — это произведение Святого Духа.

И когда в послушании и безмолвии он очистит свои чувства, и умиротворится [его] ум, и сделается чистым его сердце, тогда он получит благодать и просвещение ведения. Он весь становится светом, весь — умом, весь — сиянием. И источает богословие, так что если трое будут записывать, то не будут успевать за этим потоком, изливающимся волнообразно, расточающим мир и [сообщающим] всему телу предельную неподвижность страстей. Пламенеет сердце от божественной любви и взывает: «Удержи, Иисусе мой, волны Твоей благодати, ибо я таю как воск»²⁰⁷. И действительно тает, не вынося [этого]. И захватывается ум в созерцание. И происходит срастворение. И пресуществляется человек и становится одно с Богом, так что [уже] не знает самого себя или не отделяет себя [от Бога,] — как железо в огне, когда оно раскалится и станет подобным огню.

Так вот, всё это ты вкусишь, когда прилепишься к опытному духовному Старцу и будешь усердно заниматься умной молитвой. Есть у тебя и я. Буду писать тебе часто и открою тебе тайны, от которых ты не вкусишь даже капли, если будешь жить в миру. Оставь [внешние] подвиги и напыщенные слова. Божественная благодать хочет, чтобы ты соединил с Богом внутреннего человека. И тогда станешь полезным и для других.

Прочитай, если хочешь, «Церковную историю» Мелетия Афинского²⁰⁸ и увидишь, сколько учителей — Ориген и

²⁰⁷ Ср. слова прп. Ефрема Сирина, приводимые прп. Иоанном Синайским: Лествица. Слово 29, 8.

²⁰⁸ Мелетий, митрополит Афинский (1661–1714) — автор «Церковной истории» (в 4-х тт., Вена, 1783–1795), одного из самых популярных в XIX–XX вв. руководств по истории христианской Церкви.

тысячи других — были вначале великими светильниками Церкви и были научены всему. Но так как они окунулись в пучину знания прежде, чем в безмолвии получили чистоту чувств с миром и тишиной духа, и погрузились в океан Священного Писания, полагая достаточным [для этого] изучение наук, то погибли тысячами и на соборах были преданы анафеме, хотя ранее были защитниками [веры]. Прочти и увидишь.

Я знаю, что ты [еще] вспомнишь меня в дальнейшей жизни, если сейчас меня не слушаешь. Но будет поздно, ибо меня уже не будет в этой жизни. А ведь никто не любит тебя больше, чем я, и не дерзает сказать тебе истину прямо, если ее видит.

Ведь от тех, с кем ты познакомился до сих пор, ты узнал только лесть, хитрость, иронию и прочие науки восьмого века²⁰⁹. Всё — фальшивое и обиденное. Тогда как ты, словно нежный росточек, нуждаешься в мудрости духовной и чистой истине. Твоей душе необходим свет чистый, а твоему сердцу — глубокие надрезы, чтобы вытек яд наслаждений и страстности.

Однако не рассказывай многим то, что я тебе пишу, ибо людей века сего это не занимает. Поэтому, если кто-нибудь им скажет об умном делании и молитве, они думают, что им говорят о какой-то ереси. Таковы, к сожалению, люди нашего лукавого времени.

А истинный монах днем и ночью должен быть занят созерцанием Бога: ест ли он, спит ли, трудится или [куда-то] идет. Ведь Бог к нам так близок, что мы можем постоянно беседовать с Ним. Ибо во взгляде твоём — Бог. В уме твоём — Бог. В слове, дыхании, еде, куда ни помотришь, — везде Бог. В Нем мы живем и движемся²¹⁰. Он нас носит в Своих объятиях.

²⁰⁹ См. примечание 17 на с. 33 в письме 3-м.

²¹⁰ Ср.: Деян. 17, 28.

Итак, взывай непрестанно: «Боже мой, угодно ли Тебе это? Боже мой, есть ли воля Твоя на то?»»

И непрестанно, днем и ночью, говори с Богом со всей простотой, как сын со своим отцом. Тогда ты будешь чувствовать любовь Отца и [Его] Божественную заботу. И будешь любить, ибо любим. И будешь бояться, как бы не погрешить против Его Божественной воли. И трепетать, как бы не огорчить твоего Благого Отца²¹¹, Который столь сильно тебя возлюбил и без всякой Своей выгоды, только лишь ради тебя, умер на Кресте.

Церковь и мир ты не исправишь. Но сам сможешь исправиться, усовершенствоваться, просветиться, чтобы [впоследствии] просветить [и] желающих. Мир только война исправит, которая уже близка или приближается галопом. Бедствие приведет в чувство многих, а нераскаянные не имеют оправдания.

Вспомни, сын мой, что ты создан глиной, но ты — и дыхание Божие. Не пренебрегай своим достоинством и не приковывай себя к материальному. Ты — дыхание Божие, поспеши стать достойным этого Божия дара.

Радуйся и веселись в Господе.

И я, безмолвствуя, радуюсь здесь с нашим Богом. Ликую и веселюсь в желанном моем безмолвии, воспевая мой здравый и философский тропарик:

Нашел я пристань безмолвия.

Будь здрава, душа моя, также и тело.

И плавь, мой ум, в сладчайшей тишине,

И вовсе не спрашивай, как живет ближний.

*Кто может вместить, да вместит*²¹².

²¹¹ Здесь Старец Иосиф говорит о Христе как об Отце всякого верующего в Него.

²¹² Мф. 19, 12.

Дитя мое, я молюсь о твоём здоровье.

Только сейчас и мне стало немного лучше.

Так и прошла моя жизнь — в страданиях и болезнях. И теперь снова ради вас я приблизился к смерти. Сказал [себе]: «Пусть я умру, только бы жили духовные мои дети». И совсем не ел. Я и до этого был истощенным. А теперь снова — совершенный пост. Вы прислали столько сладостей, а я их даже не вкусил. Сыра не попробовал. Только вареную зелень без хлеба. Прошло немного времени, и я слег. Сто двадцать уколов... Три раза дежурили у меня ночью, [думая,] что я умру. Всех позвали ко мне. Я благословил их в последний раз. Они плакали надо мной день и ночь. И наконец я снова вернулся [к жизни]. Мне прислали одно особенное лекарство, и оно, с помощью Божией, принесло мне исцеление. Сорок дней я [ничего] не ел. А когда принял это лекарство — поел, уснул, почувствовал себя лучше. Слава Тебе, Боже! Начал как-то двигаться, писать.

Пока я живу, дитя мое, буду о тебе молиться, до тех пор пока не напишешь, что ты выздоровел. А если все-таки умру, ты будешь помнить, что этот старчик заболел и умер, чтобы спасти вас.

Мужайся! Ты не один. Людей много. Ко мне приходили многие — и молитвой и постом исцелялись. Сейчас, однако, Господь меня не слышит, чтобы я узнал, что такое и лекарства, и врачи. Чтобы я стал снисходительным к другим.

Прочитал я и письма святого Нектария²¹³ и увидел, с каким уважением он относился к врачам и лекарствам, такой великий святой! А я, бедный отшельник, состарился в пустыне

²¹³ Имеется в виду святитель Нектарий Пентапольский (1846–1920), канонизированный в 1958 году.

и хотел только верой исцелять. Теперь познаю и я, что требуются и лекарства, и благодать. Итак, теперь и я буду говорить, как этот святой: «Постарайся выздороветь. Приведи свои нервы в порядок любым возможным способом и снова обретешь свою молитву и мир».

Позаботься помочь, сколько можешь, самому себе. Подчиняй себе аппетит: не ешь того, о чем знаешь, что оно вредно для твоего здоровья. Жареное, соленое, соусы, свинина, [вообще] мясное, копченая рыба, все спиртные напитки — всего этого избегай, и это тебе зачтется как пост пред Господом.

И не спрашивай, дитя мое, в своем помысле: почему одно, почему другое? Суды Божии — бездна²¹⁴. Да будет слава Господу, Который всех нас любит. Любовь Его в наших болезнях и скорбях познается. *«Сила бо Моя, — говорит Он, — в немощи совершается»*²¹⁵.

Эта Христова любовь сделала так, что и я печалюсь и страдаю вместе с тобой. Только не бойся искушения. Это испытание. Бог оставляет настолько, насколько считает нужным. А в конце Его благодать победит.

У меня сейчас двадцать пять драми хлеба в день и немножко еды, и бдение всю ночь. Приходит сатана и рычит издалека, но не приближается. Уходит к твоим братьям и пугает их видениями. Пусть не боятся. Со мной вначале восемь лет воевали бесы всеми способами, так что я и не спал лежа, только стоя или немного сидя.

Итак, не бойтесь. Только молитва, горячая вера и слезы. Только если кто согрешает, тот пусть боится диавола. Тогда может враг сделать ему зло, ибо [согрешающего] оставляет Господь.

²¹⁴ Ср.: Пс. 35, 7.

²¹⁵ 2 Кор. 12, 9.

Кто знает, дитя мое, суды Божии? Всё Ему ведомо. Он всё видит, и ничто от Него не сокрыто, но воли Его не знает никто. Дела сатаны — ничто рядом с силой Божией. И когда Господь нас испытывает, как знает Сам, тогда и мы должны показывать [Ему] наше терпение и благодарность.

И сейчас, дитя мое, если Его Божественная воля согласна с нашим стремлением, ты, несомненно, выздоровеешь. Однако, если Он предвидит что-то, чего мы не знаем, — ибо Он как Бог видит и судит иначе, свыше, — тогда не выздоровеешь. Но, опять же, награда наша не пропадает: она сохраняется в Его Царствии.

Итак, имей терпение и подвизайся.

В эти дни накануне [памяти] святой Екатерины²¹⁶ у меня была страшная борьба с сатаной, произошедшая из-за тебя. Открытая схватка. Я сказал себе: «Интересно, может быть, [это потому, что] ты поправился?» Он был в ярости. Рычал. Я всю ночь простоял на молитве о тебе и весь день. Может, смилостивится Бог. Наконец он ушел. Больше не приходил. Так вот, напиши мне, как у тебя дела, как живешь. Искушает ли тебя сатана? Имей терпение. Молись так: «Боже мой, я прошу Тебя меня исцелить, чтобы я благославлял Тебя и славил. Но если Ты иначе видишь, что полезно для моего спасения, — воля Твоя да будет».

Всеблагой не делает ничего, что не приносило бы пользу нашей душе, доброе мое дитя. Будь то болезнь или искушение — всё, что Он нам попускает, Он делает для нашей пользы. Мы же об этом не знаем и часто ропщем, негодуем и делаем много зла. А ведь Он, по великой Своей любви, заботится

²¹⁶ Память св. вмц. Екатерины, согласно греческому богослужебному календарю, празднуется 25 ноября (по ст. ст.).

только о пользе нашей души. Ибо знает, что мы здесь временно и всё быстро кончается и проходит. И когда закончится это наше изгнание и откроются истинные глаза души, тогда мы будем с признательностью благодарить за всё.

Итак, доброе мое дитя, всегда проявляй терпение. Ибо я получил извещение, что за твою доброту дал тебе Бог это искушение и снова, когда захочет, его заберет.

Твоим родителям я сказал, когда их видел, чтобы они пошли к духовнику. Чтобы исповедали всё, чего никогда не исповедовали. Чтобы всё сказали начистоту. Пусть вспомнят всё, что было грешного и было забыто, с детского возраста. Ибо без чистой исповеди ни тебе нет помощи, ни они не пойдут в рай. Пусть отец там скажет о клятве, которую дал, а твоя мать — о тяжести, которая у нее [на совести] с первых лет супружества. И все братья твои — то же самое. Все в доме — на генеральную исповедь. Пусть очистятся, облегчат душу, станут чадами вечной жизни.

А ты, дитя мое, напиши мне, что у тебя происходит. И не бойся искусителя. Только непрестанно говори Иисусову молитву. Он такой, дитятко мое, этот искуситель-диавол. И только молитва Иисусова его посылает, и пост подрезает ему все жилы, лишает его силы. Итак, всегда терпение и благодарение, усиленный пост и молитва, и Бог упразднит [диавола].

Желаю здоровья, радости тебе и твоим родителям и братьям. Пусть будут внимательны, пусть понуждают себя, пусть заботятся о том, как спастись.

Сын мой возлюбленный, чадо мое, сын Иосифов!

Получил твое письмо, сын мой, и помянул дни прошлые. И, преклонив колени, горько восплакал. И сказал: «Как суетен этот мир и непостоянен! Почему эта жизнь на протяжении

всего ее срока не остается в одном положении, но постоянно меняется и изменяет [все] вещи!»

Увы, суетны человеческие труды!

Сегодня мы вместе — завтра разлучаемся. Сегодня радуемся, веселимся — завтра бранимся, огорчаемся. Сегодня живем и сладкогласно щебечем — завтра умираем и нас поедают черви.

Ах, суетный мир! Ах, фальшивый человек!

Вчера у меня было много сыновей и я хвалился своими сыновьями. Сегодня, с одним только находясь в смиренной пещере, болезную, и стенания вырываются из моей груди. А завтра, может быть, обо мне будут совершаться поминки.

Сколь суетна воистину эта жизнь, сын мой! Сколь обманчива и коротка!

Вот и снова Новый год. Снова пожелания и надежды. Однако и наша смерть где-то притаилась и ждет. Какой-то день или ночь станут последними и в нашей собственной жизни. Поэтому блажен, кто день и ночь помнит о смерти и готовится ее встретить. Ибо у нее есть обыкновение приходить к тем, кто ее ожидает, приветливой. А тех, которые ее не ждут, смерть настигает горькая и жестокая.

Посему поразмысли и ты, сын мой, о лжи и обмане этого переменчивого мира и с помощью Божественной благодати старайся не согрешать никогда.

Ведь этот переменчивый мир понуждает всех находиться рядом с ним, надеясь поймать их когда-нибудь в свои сети, чтобы обладать ими всегда. Ибо люди обманывают и обманываются. Будучи смертными, делают то, что свойственно смертным. Однако ты день и ночь прислушивайся в себе к Божественному гласу: «Не любите мир и весь обман мира, ибо он быстро проходит и все его радости минуют. Только творящий волю Божию, тот пребывает вовек»²¹⁷.

²¹⁷ Ср.: 1 Ин. 2, 15–17.

Всегда помни, сын мой, что ты призван пройти эту жизнь как монах, а не как мирской. Мирских и так много в миру.

Я, мой добрый сын, радуюсь, если ты радуешься, печалюсь, если ты печалишься, страдаю, если ты страдаешь. Не печалься сверх меры ни о чем. Возложи всё на Бога, а Он лучше нас знает, что полезно душе. Попечениями и [суетными] мыслями больше разрушаешь себя, чем исправляешь. Только доброе покаяние и изменение жизни исправляет зло, содеянное в прошлом.

Итак, радуйся в Господе и позаботься остаток своей жизни провести в покаянии.

Утроба души моей, сын мой, которого я родил Духом Святым!

Получил твое письмо, возлюбленный мой сын, и, узнав, что с тобой, горько заплакал. И, воздев руки к сладчайшему нашему Христу, из всех сил взываю в моем любящем сердце: «Излей, — говорю, — Иисусе, сладкое мое дыхание, Спасе мой, излей дожди Божественного Твоего Духа и источи воду утешающей Твоей благодати на душу моего сына. И утешь и исцели его сердце, услаждая его сладостью божественного и неизреченного Твоего наслаждения, о которой не может поведать язык. Пошли, Иисусе мой Светодавче, зарю просвещения божественного Твоего вѣдения и озари душу сына моего светом божественного Твоего осияния, дабы он возрадовался и выиграл, как олень, и забыл [свои] скорби и всё мирское. Ей, благоухание мое сладчайшее, ей, дыхание мое благоуханнейшее, ей, Христе мой возлюбленный, пожалей Свое создание и не оставляй его страдать сверх его сил».

Вот что я говорю нашему Господу о тебе, любезнейший мой сын. Говорю и молюсь истинно, а не просто так. С болью души простираю руки и землю орошаю слезами. И говорю: «Подай, сладкое мое дыхание, Христе, жизнь моя, дай благодать Твою этому рабу Твоему и избавь его от врагов, которые его окружили, и всё рассей, и в безмятежность и тишину чудесно преложи, как обычно творит Твоя всеназирающая²¹⁸ и божественная сила. Яко Ты помощь и сила, милость и благоутробие, и Тебе славу воссылаем ныне и в бесконечные веки».

Вот что, мой возлюбленный сын, говорит и делает смиренный твой отец после твоего первого письма, в котором ты написал нам о своих муках. И в то самое время, когда душа моя беспокоилась о тебе, пришла корзинка с яблоками, подобными Евфросиновым²¹⁹. И я сразу стал исследовать твою записку из двух слов, желая узнать новости твоей души. Но, увидев, что муки твои не закончились, снова обратил ум к молитве. И вкушая от яблок, [говорил]: благословляя да благословит тебя душа моя, и да будешь ты благословен от Отца, Сына и Святого Духа, Единой Святой и Единосущной и Нераздельной Троицы, единственного источника всякого блага и всякого благословения.

Ты пишешь мне, что готовишься совершить дело Божие. Так вот, если ты его совершишь благополучно, — благодарение Богу. А если встретишь препятствие по какой бы то ни

218 Т. е. за всем наблюдающая и всем управляющая.

219 Имеется в виду прп. Евфросин Палестинский. В его житии содержится повествование о следующем чуде. Прп. Евфросин подвизался в одном монастыре. Некий живший там пресвитер стал молиться о том, чтобы Господь показал ему райские блага. И вот однажды он видит во сне, что находится в раю, где вскоре встречает Евфросина, который признается ему, что, как страж того сада, всегда пребывает там. По просьбе пресвитера Евфросин дал ему несколько райских яблок. Проснувшись, пресвитер обнаружил у себя в руках эти яблоки. Придя в храм, он поведал братии о чуде и раздал всем кусочки чудесных яблок. После этого Евфросин, избегая славы человеческой, незаметно ушел из монастыря. Память святого — 11 сентября.

было причине — не печалься. В другое время сделаешь это, если будет воля Господня.

Ибо многие вещи из-за препятствий не удается сделать до времени, так как не настал их час. Одни — потому что препятствуют люди, поскольку, как говорят святые, люди могут препятствовать воле Господней в течение многих лет. А другие — потому что совершенно нет воли Господней на то, чтобы они произошли. Бесчисленны примеры [этого] в житиях святых. Впрочем и твое преподобие это читает, и ты уже многое знаешь по собственному опыту.

Поэтому как бы ни обернулось колесо многотрудного нашего жития, ты должен оставаться невозмутимым и, как Атлант²²⁰, выдерживать тяжесть перипетий своей жизни, если, как говоришь, ты призван быть пастырем многих овец.

А я, как выяснилось, напротив, гоюсь только скалы стечью, как лишенный такого дарования и недостойный служения слова²²¹.

Увы мне, смиренному и окаянному, если я не стараюсь постичь это и не признаю дарований моих братьев. Какой ответ я дам [за это] в час Суда? Ибо и раз, и другой, будучи окраден лестью и послушавшись ее, потерпел я крушение. И до сих пор еще собираю обломки.

Увы мне, смиренному и состарившемуся! Как мне представляется [теперь] из того, что вижу, я дважды по неведению пришел в столкновение с Божией волей. Каким словом я обличу окаянную мою душу? И каким образом умолю моего Господа? Или какое сделаю дело, угодное Богу моему? Увы мне, смиренному! Ибо иссыкали слезы в моих глазах. Густая ночь обьяла меня, и я пребываю в нечувствии, хвалимый здешними

²²⁰ Атлант — в древнегреческой мифологии титан, держащий на своих плечах небесный свод.

²²¹ См.: Деян. 6, 2–4.

отцами. Но да будет милостив [ко мне] сладкий Иисус молитвами святых отцов.

Я отвлекся, батюшка мой, и, помянув дни древние, уклонился от темы. Прости мне, твоему отцу, но ведь хоть я и таков, а Духом Божиим тебя родил.

Мне пришлось пострадать, добрый мой сын, дабы явить тебя сыном грешного Иосифа. И впоследствии я испытал непомерную боль, ибо ты меня оставил. А в последнее время я снова очень тебя возлюбил. И брожу туда-сюда, взывая: «Сын мой! Сын мой! Где ты? Куда направляешься, мое чадо? Зачем ты оставил, дитя мое, малое время своего послушания и восхотел нести груз Сизифа²²²?»

Говоря это, я сильно печалюсь и умолкаю, предавая молчанию большее. И снова вспоминаю твое доброе служение, которого сейчас лишен, и забываю полынь, которой ты, уйдя, меня напоил.

Ты пришел к нам, снова у нас побывал, сын мой, и сказал, что напишешь. И я действительно ждал от тебя маленького письмаца. «Но мой возлюбленный сын снова меня провел», — сказал я. И лишь совсем недавно наш добрый диакон, придя, принес мне конверт. И, открыв его с бесконечной радостью, — посмотреть, что ты пишешь, — к сожалению, вместо письма нашел внутри только кляп — пять сотен²²³. Как

²²² Сизиф — в древнегреческой мифологии основатель и царь Коринфа; за попытки обмануть бога смерти и другие проступки был наказан в царстве мертвых вечно вкатывать на гору тяжелый камень, ибо тот не мог устоять на вершине и сразу скатывался вниз, а Сизиф должен был возвращать его обратно.

²²³ Речь идет о деньгах — пятистах драмах.

если бы ты мне сказал: «Ешь и молчи!» Хорошо и это, дитя мое, и я на самом деле очень тебе благодарен. Но всё же это не то, что маленькое письмецо от тебя!

Ах, дитя мое! Человек никогда не бывает совершенно плохим. Есть в нем и хорошее, есть и плохое. Так что, вспоминая хорошее, молишься о нем, сочувствуешь, болит твоя душа, ты просишь о нем Бога. А в плохом виноват не он, а враг наш диавол. Поэтому не печалься, дитя мое, и не вспоминай прошлого, ибо то, что было, прошло. На мою голову свалились еще бóльшие беды, так что твой [поступок] стал мне казаться благоуханием.

С тех пор я болезную и молюсь о тебе еще больше. Итак, не печалься. Мы — люди, чада преступления, в нас глубоко заложен грех наших прародителей. Поэтому Господь окажет нам снисхождение и, если покаемся, всё простит.

Ты же не забывай наших ночных духовных бесед, которые мы вели, когда ты приходил в мою убогую каливку, [не забывай] радостных постов, дней Масленицы, безмолвия и молчания²²⁴, непрестанной молитвы, умирительного благоухания лилий этой смиренной пустыни, нашего дорогого отца Арсения, который готовил для тебя сладости и весело тебя поддразнивал. Вспоминай об этом. А то, что ты нас оставил, — оставь это, ибо [из-за этого] огорчаешься. Достаточно и того, что ты переносишь сейчас.

Забыл тебе написать, что теперь я построил отдельно, чуть подальше, маленькую каливку. Но она еще не закончена. И пока я живу рядом, в одной пещерке. А сделал я это, потому что мы разговаривали по вечерам с отцом Арсением и это нарушало мое безмолвие. И [вот] теперь у меня есть чудесное безмолвие.

²²⁴ Безмолвие и молчание не являются синонимами. См. примечание 8 в письме 2 на стр. 27.

Я самый счастливый из людей. Ибо живу без попечений, наслаждаясь медом безмолвия без всякого перерыва. И когда удаляется благодать, безмолвие, словно иная благодать, неким образом согревает меня в своем лоне. И кажутся меньшими скорби и печали этого лукавого и бедственного жития. Ведь печали и радости этой жизни следуют вперемешку, [одна за другой,] до последнего вздоха.

Поэтому и Филипп Македонский, как рассказывает история, когда к нему одновременно пришли три известия, полные радости и чести, снял свой перстень — великой ценности — и бросил его в море, чтобы лишением перстня умерить избыток радости. «Чтобы, когда придут ко мне все скорби разом, не случилось так, что я не смогу их вынести» — сказал он.

Видишь, сын мой, что, хотя они²²⁵ и не были причастны благодати, жизненная правда умудряла их обманывать обстоятельства и проводить жизнь умеренную?

Но сколь более мы, совершенные²²⁶ христиане, богато вкушившие дара Христова, должны проводить жизнь богомудро, благоразумно пользуясь временем²²⁷ и мужественно терпя все печали этой временной жизни? Да, дитя мое. Ибо сколько живем — в этой жизни нет покоя. Она замешана на муках. Все [в ней] перемешано, и блажен имеющий мудрость извлекать пользу из всего. Причем, как раз то, что кажется нам плохим, приносит нашей душе больше пользы. Если только терпим это без ропота.

²²⁵ Имеются в виду древние греки, язычники, жившие до Рождества Христова.

²²⁶ Совершенные в том смысле, что нам дарована полнота христианской веры.

²²⁷ В оригинале Старец цитирует апостола Павла: *искупующе время* (Еф. 5, 16).

Во всяком случае, достойно удивления, как меняются, как кружатся все временные, все суетные [вещи] этой жизни. И становятся в одно мгновение первые последними и последние первыми²²⁸.

Видишь, ты и сам познал на опыте, что, где бы мы ни были, сын мой, необходимо великое терпение. В пустыне — свои борения, а в миру, соответственно, — свои, многочисленные и разнообразные. Итак, мужайся. И поскольку ты избрал это бремя, неси его со страхом Божиим.

И поверь, чадо мое, что я напрягу свои изнемогшие в трудах и омертвевшие силы и попрошу Бога, чтобы не случилось с тобой какого-нибудь из тех зол, которые в безумии замышляют враги нашей веры. Однако, если тебе свыше предначертано для пользы души что-нибудь претерпеть, я прошу, чтобы Бог дал тебе душевное мужество и терпение.

Не бойся. Масоны многое задумывают и многое хотят сделать, но [это им удастся,] только если позволит Господь всех. Без Его воли, сказал Он, ни волос не падает²²⁹, ни лист. Он разорит советы их. На данный момент нам этого достаточно. А о дальнейшем пусть подумает Бог, Которому мы принадлежим и [Которым] живем.

Ты с Бога начинай и Богом заканчивай, и не бойся восстающих на тебя искушений, ибо благодатью Христовой они как дым рассеиваются.

А что касается того твоего искушения, о котором ты говоришь, истина, как я думаю, такова: раз тебя искушает этот бес,

²²⁸ Ср.: Мф. 19, 30; 20, 16; Мк. 10, 31; Лк. 13, 30.

²²⁹ См.: Лк. 12, 7.

то, видимо, совершается нечто доброе и оно раздражает беса, и он тебя искушает. Однако и ты, искушаемый, приобретаешь многое. Кроме награды за терпение, ты становишься опытным, [да] и людей узнаёшь. Если камень не ударится о камень, не появится искра, неискушенный же муж никуда не годен.

Ты многому научился, когда был здесь, многому учишься и сейчас, будучи там. Только будь разумным впредь и ходи со вниманием, познавая, какова воля Господня, *потому что дни лукавы*²³⁰. Учись благоразумно пользоваться временем²³¹ и обстоятельствами.

И то, что с тобой сейчас происходит, пройдет. Но снова придет что-то другое, ибо враг не успокаивается никогда. Разве не знаешь, что тот сказал Богу, когда Он его спросил об Иове²³²? В таком же, [как у Иова, положении] находится и каждый из нас.

Искушение приходит в соответствии с мерой каждого. И ты должен вытерпеть, чтобы выйти победителем. Ибо Подвигоположник Христос для того попускает нам искушения, чтобы мы одерживали победы над врагом, отмывались от страстей и достигали совершенства.

Итак, подвиг и терпение. Не изнемогай. Не обращай вспять²³³. Когда чувствуешь, что устал, — приезжай сюда и отдыхай. Набирайся сил и снова возвращайся к себе подвизаться, ибо подвиг продолжается до конца [наших] дней. И искушение — где бы ты ни был, где бы ты ни остановился — рядом с тобой.

Ты думал, что, когда ты уедешь отсюда, натиск брани прекратится. Но теперь ты уже хорошо понял, что не существует

²³⁰ См.: Рим. 12, 2; Еф. 5, 16.

²³¹ Ср.: Еф. 5, 15–16.

²³² См.: Иов. 2, 3–4.

²³³ Ср.: Лк. 9, 62.

места без искушения. И человек должен победить там, где с ним воюют, чтобы доставить печаль и позор диаволу, а радость и славу — Богу.

Сын мой! Батюшка мой благословенный! Милость, прощение, сила, мир и любовь, и богатая благодать Господня — благородной твоей душе! Да пошлет тебе Господь Бог благого ангела пред лицом твоим, чтобы направлять твои стопы на путь мира по Его святой воле.

Сын мой воистину возлюбленный, стяжавший своими благородными чувствами мою любовь!

Да будет облагодатствована душа твоя, воспламеняемая светловидной зарей. Как Моисея²³⁴, да покроет тебя священный Покров сладчайшей нашей Царицы, Чистой Девы и Богородицы — со всеми твоими чадами, как это видел в Царьграде божественный Андрей, Христа ради юродивый.

Да придаст сладкий Иисус Своей святой печатью блеск твоему уму, и твоему сердцу, и всякому боголюбивому твоему деланию, дабы враг не смог ничего похитить. Да вознаградит Он в Своем Втором Пришествии, и благословит, и увенчает то доброе, что ты с начала и до конца сотворил по любви. Да обогатит Он и всех твоих чад богатыми Своими дарами и небесной Своей благодатью, и да станут они как благоуханные цветы рая, дабы ты созерцал их и веселился в день оный.

Радуюсь и я, лишенный всякого блага, видя, как вы, словно цветы благоухающие, пребываете в благих делах. Это мне радость, и веселье, и богатство в моей нищете, и безмерная похвала — что я отец благого сына и дедушка многих чад. Ведь

²³⁴ См.: Исх. 33, 22.

благодаря вашему духовному деланию прославляется Отец, веселится Сын и радуется Дух Святой.

Великая моя благодарность за всё это восходит до седьмого неба. И свидетельствуют об этом мои прежние молитвы. Пожалуйста, пришли мне имена твоей братии, чтобы я, молясь, помянул их хотя бы раз.

И учи всех молиться умно, непрестанно говорить молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

Вначале — устами и умом. Затем — умом и сердцем. И [все] они найдут вскоре путь жизни, дверь рая. Вернее, сама молитва, произносимая с [горячим] желанием, станет как рай внутри них.

Сердечная молитва не боится прелести. Кроме тех случаев, когда кто-нибудь страстен и сам себя прельщает. При сердечной молитве ум, как только войдет в сердце, сразу освобождается от тьмы, тотчас становится мирным, успокаивается, радуется, услаждается, останавливается²³⁵, очищается. Веселится и делается, как малое дитя, чистое от страстей. Те члены тела, которые соблазняют человека, тогда становятся спокойными, смиренными, как рука, нос и остальные телесные члены.

Поэтому, кто хочет, пусть попробует этого меда, и возникнет внутри него источник радости и веселья.

Разве что кто лукав, лицемер, завистник, сребролюбец, сластолюбец, тщеславный, вообще страстный. И хочет он и молиться, и добровольно оставаться в своих страстях — нераскаянным, неисправленным. Такой явно презирует действие молитвы и милость Господа. Молитва помогает всем, но каждый должен по силе подвизаться. А Бог, в соответствии с произволением [человека,] подает Свою благодать.

²³⁵ Т. е. перестает непрестанно блуждать по разным предметам, как это свойственно уму человека после грехопадения.

У всякого молящегося [умной молитвой] и не кающегося либо молитва прекратится, либо сам он впадет в прелесть.

С большей легкостью преуспевают в умной молитве женщины, благодаря самоотречению и послушанию, которое оказывают своему духовному наставнику. Однако сколь быстро преуспевают, столь легко впадают в прелесть, если шествуют безрассудно и без внимания.

Надо не только молиться, но и быть внимательным. Быть бдительным по отношению к помыслам, управлять ими с большим искусством. Иначе они станут управлять тобой, и в конце концов ты станешь посмешищем бесов.

Не видел я, чтобы душа, молящаяся [умной молитвой,] преуспевала без чистого откровения тайных помыслов.

Хочешь, дитя мое, сокрушить главу змея? Открой чисто свои помыслы на исповеди. В лукавстве помыслов находится сила дьявола. Ты их держишь [в себе]? Она прячется. Выносишь их на свет? Исчезает. И тогда радуется Христос, продвигается умная молитва и свет благодати исцеляет, успокаивает твой ум и сердце.

Так вот, батюшка мой, эта женщина, судя по тому, что ты пишешь, — святая душенька. Но позаботься ей объяснить то, что я напишу здесь, чтобы она это держала в голове. Ибо враг не спит. А он — человеконенавистник и изобретает всякие ухищрения, чтобы обмануть человека.

Так как она терпит от своего мужа такие мучения, то Бог ободряет ее этими утешениями и разными видениями. Однако она не должна считать [всё] это главной силой молитвы²³⁶, ибо [тогда] вкрадывается лукавый и быстро это извращает.

Главная сила Иисусовой молитвы и вся вождевательная сила души состоит в очищении сердца посредством умной

²³⁶ В оригинале — ψυχῆς (души), однако вероятнее всего здесь ошибка издателей, напечатавших ψυχῆς вместо εὐχῆς (молитвы), так как непосредственно далее говорится именно о главной силе молитвы.

молитвы. Что говорит Господь? *Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога*²³⁷. Не говорит: «Блаженны видящие явления, видения, откровения». Посему она не должна радоваться этому, даже если это и от Бога. Но пусть радуется, когда увидит, что ум нашел сердце и установился внутри [него].

Тогда умиротворяется всё тело, успокаивается душа, взывает сердце, очищаются силы ума²³⁸, ручьем текут слезы. Лукавый всё может извратить, но подделать то, о чем мы сейчас говорим здесь, он не может. И опять же, когда она видит что-либо, пусть не рассказывает это каждому, а только Старцу и своему духовному отцу, [и] никому другому.

Сейчас это происходит, поскольку она страдает и имеет большую простоту и страх Божий. Но это не остается до конца. А лукавый, когда находит способ, извращает это. И впоследствии это обращается в прелесть. Поэтому требуется большое внимание и смирение. Пусть она считает себя земляным червем. И только то, что ей скажет ее духовник, пусть принимает как истинное. А если она начнет принимать что-то [кроме этого,] то в скором времени заболит ее помысл и она начнет принимать всё бесовское и безумное за истинное и посланное от Бога.

И что потом? Человек становится посмешищем для бесов. И тогда они издеваются над ним [всеякими] писаниями и образами, видениями и откровениями, символами и числами, предрассудками и гаданиями, и целой кучей суеверий. Бог да сохранит от такого извращения.

²³⁷ Мф. 5, 8.

²³⁸ Согласно прп. Никите Стифату (которого Старец Иосиф непременно читал в «Добротолюбии»), «главных сил ума существует четыре: здравый смысл, сообразительность, понимание, обученность» (σύνεσις, ἀρχαία, κατὰληψις, ἐντρέχεια; в церковнославянском переводе прп. Паисия Величковского — разум, остроумие, постижение, твердомыслие). Первая сотница деятельных глав. Гл. 12. Φιλοκαλία. Т. 3. Ἀθήναι, 1991. С. 275. В переводе «Добротолюбия» на русский язык, принадлежащем свт. Феофану Затворнику, данная глава опущена. Церковнославянский перевод: Добротолюбие. Т. 2. М., Сретенский монастырь, 2001. С. 363.

Поэтому, батюшка мой, пусть позаботится твое высокопреподобие всегда ее смирять, чтобы случайно не изменились ее помыслы и не пришла к ней какая-нибудь гордость.

И о брате, который занимается молитвой: смотри, наставь его правильно, согласно тому, о чем мы сейчас здесь говорим, чтобы он исправил то, чем страдает. Тем же самым пострадали и [некоторые] другие монахи здесь. Это действие — не благодать. Это ревность, кровь, сила, бес, страсти, желание, самомнение, любовь — всё вместе перемешанное. Итак, он должен поставить всё это на свое место. И тогда всё будет в порядке.

Во-первых, для начала необходим строжайший пост, чтобы утончилась кровь, смирилось сердце, источающее неподобающее наслаждение. Он должен понудить себя и к другим подвигам ночью, чтобы они помогли молитве. Затем, он должен следить за умом, чтобы он не уходил ниже сердца, в нижнюю часть живота. Чтобы не создавал различные образы. Но пусть он его держит неподвижным в верхней части сердца. Пусть он не дышит часто, но говорит примерно пять, или [даже] больше, молитв за один вдох и выдох²³⁹. И если видит восстание плоти, пусть он задерживает дыхание, поднимается и стоит, сколько хватает сил. И если происходит сильное наслаждение сердца, пусть он этому препятствует, этого не ищет, но отвращается от него.

А когда придет благодать, тогда прекращаются все происки лукавого, ибо она их упраздняет.

Она приходит, как тонкое дуновение²⁴⁰, как благоуханное тончайшее дыхание. И вначале умерщвляет плоть и воскрешает душу. Просвещает наш ум. И наконец, когда она придет, тогда сама учит человека.

²³⁹ В греческой монашеской традиции Иисусова молитва читается чаще всего в ее кратком варианте: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». При этом на греческом языке данная молитва звучит короче, чем на русском: «Ки́рие Иису́ Христэ́ элѣисо́н мэ».

²⁴⁰ Ср.: 3 Цар. 19, 12.

Прочти это письмо твоей братии, чтобы они услышали, чтобы учились смирению. Ибо есть некоторые, которые бегут без узды, без меры и рассуждения. Я так это вижу отсюда и такое получаю извещение.

Человеку следует не только бежать, но и считать верстовые столбы. Но также и не оставаться позади, не впадать в нерадение. Мне кажется, что есть некоторые, которые задремали. Позаботься о них, чтобы они не впадали в нерадение о своих [духовных] обязанностях²⁴¹, ибо долг каждого дня выписывается отдельным счетом. Итак, пусть они снова положат начало. Пусть понуждают себя к Иисусовой молитве. Пусть собирают и держат ум внутри сердца и медленно говорят молитву. И мы им желаем вскоре обрести милость Господню.

Скажи им, сперва со вдохом пусть опускают ум в сердце. Затем дыхание с молитвой входит-выходит, а ум пусть остается внутри. Пусть удерживается с силой. Пусть ему не позволено выходить. И если он один раз установится, тогда происходит встреча двух горячо любящих, которые не виделись много лет. Любовь, радость и наслаждение небесное. Но вначале это стоит [большого] труда и многого пота.

Христос рождается, дабы спасти всех. Итак, радуйтесь и веселитесь вместе с ангелами и пастырями, со всем творением, возлюбленные чадца Иисуса...

И вначале я приношу вам, подобно волхвам, светлое известие, что наш сладкий Иисус рождается и вся природа

²⁴¹ Под «монашескими обязанностями» в греческой монашеской терминологии подразумевается прежде всего исполнение келейного правила, состоящего из чтения Иисусовой молитвы по четкам и земных поклонов. Обычно в состав келейного правила входит также чтение Священного Писания и аскетических поучений святых отцов.

веселится и благоухает, ибо видит своего Творца, на руках носимого. Ангелы сорадуются и сладкогласно поют: «Слава в вышних Богу, и на земли мир!»²⁴² Ибо родился Мироначалник²⁴³ Бог. Тот, кто веки сотворил и прежде веков был, и в полнейшем молчании²⁴⁴ сотворил небесные силы святых ангелов. Сегодня Его носит в объятиях сладчайшая [Его] Мать. Питает [Его] молоком и лелеет, дабы Он спас всех нас.

Родился сладкий Иисус, дабы возродить нас. Стал человеком, дабы показать нам, как²⁴⁵ мы должны следовать за Ним и подражать Его делам.

Он оставил нам заповеди, дабы мы не заблудились в беспутии и не ходили во тьме.

Наш сладкий Христос воспринял плоть, дабы мы ее вкушали и наслаждались блаженным сродством. Становились братьями нашего Христа и чадами Пречистой Его Матери. И в конце концов стали во всём подражателями Господа и по благодати чадами Небесного Отца.

Итак, каждый из нас, молодые и старые, малые и великие, да испытывает при каждом слове, которое мы скажем, при каждом нашем шаге, во все мгновения ночи и дня, — не делаем ли мы, не говорим ли или не помышляем чего-то такого, что не нравится Христу?

Всегда ли мы достойны, когда приступаем причаститься Христа? Подражаем ли Ему? Пребывает ли в нас сладкий Иисус? Нашел ли место в нашем чистом сердце или сразу уходит?

Истинный христианин должен испытывать всё это в каждое мгновение, особенно же тот, кто желает пройти узким и

²⁴² Лк. 2, 14.

²⁴³ Εἰρηναρχῆς — т. е. Тот, Кто устраняет вражду и устанавливает мир между человеком и Богом, а также и между людьми.

²⁴⁴ Т. е. до произнесения слов «да будет» (Быт. 1, 3).

²⁴⁵ В оригинале — образ, способ (τρόπος) следования.

скорбным путем нашего Господа и достичь совершенства. Это касается и вас, возлюбленные чада доброго и благого духовного моего сына, который столько вынес и здоровье свое потерял, дабы вы нашли свою душевную радость и здоровье. Ибо каждый пастырь словесных овец должен приносить себя в жертву за паству, подражая Владыке Христу, Который пришел *отдать душу Свою для искупления многих*²⁴⁶.

Итак, позаботьтесь оказывать ему совершенное послушание — с большой любовью друг ко другу, с чистой совестью, с болью души, в любви Христовой, — дабы Христос радовался и дабы не вздыхал и не роптал ваш [духовный] отец, который обо всех вас заботится и ищет для всех вас пользы.

Оставьте свою волю, ибо она для человека — смерть души.

И да покрывает один согрешения другого, дабы покрывал и Христос ваши собственные [согрешения].

Ведь если потребуешь от своего брата справедливости, то сразу оказываешься противником Богу, Который тебя, согрешающего, терпел. А сейчас, когда Он тебя пробудил Своей благодатью, ты не хочешь потерпеть своего немощного брата. Где же твоя собственная справедливость? А если отнимет у тебя Христос Свою благодать и потребует у тебя те десятки тысяч талантов, которые ты Ему должен? Что ты имеешь, неблагодарный человек, чего бы не получил? Если же ты [это] получил, почему каждый день хвалишься [этим] как якобы не получивший²⁴⁷?

Говори про себя: «Если ты стоишь, душа моя, то стоишь потому, что тебя поддерживает благодать. И если падает брат твой, то падает потому, что нет [у него] благодати. Итак, благодари Бога и не выдавай чужое за свое. Ибо Бог отнимет

²⁴⁶ Мф. 20, 28.

²⁴⁷ Ср.: 1 Кор. 4, 7.

у тебя благодать и даст ее ему, и упадешь ты, и поднимется твой ближний. И тогда ты увидишь свою ошибку, но будет поздно».

Итак, кто из вас захочет справедливости, пусть знает, что она такова: носить тяготу своего брата до последнего дыхания и оказывать совершенное послушание своему наставнику. И только благодаря [нашей] любви [духовно] назидается немощный.

И когда видит ваш духовный отец ваше согласие и любовь, тогда он радуется и делится радостью [с вами]. А когда видит ваше брюзжание и ссоры, расшатывается его здоровье и к нему приходит преждевременная смерть, а вы остаетесь сиротами.

От всей души желаю вам всех благ, возлюбленные мои внуки.

Смиренный о. Иосиф

Батюшка мой, то письмецо, которое я тебе послал, я написал прежде, чем прочитал твое, так как [братья] спешили, чтобы успеть в Дафни. А потом, когда я его прочитал, очень растрогался, ибо ты пишешь, что вспоминаешь наши прекрасные скалы, беспопечительные и спокойные!

После большого письма о бесах, которое я тебе послал, у меня случилась некая перемена в моем отношении к тебе. Великая любовь! Твой образ часто витал в моих мыслях. Часто я мысленно тебя целовал и недоумевал: что бы это, интересно, значило? И говорил: «Либо наш добрый сын сильно заботится о нас, чтобы нас порадовать, либо что-то другое с ним происходит». И теперь, когда я увидел твое письмецо с посылкой, о которой ты позаботился для нас, понял, что́ это было. И я

удивляюсь умным утешительным и известительным движениям Всемудрого Бога. Как быстро посылает Он весть, когда у другого случается перемена! Духовный союз, невидимое общение, обмен любовью, Божие извещение. Нет ничего слаще и радостнее, чем размышлять о божественных движениях.

Итак, приди, дорогой и возлюбленный мой сын! Приди ныне хотя бы на один день. Чтобы мы богоглаголали и богословствовали, чтобы ты насладился тем, о чем тоскуешь. Чтобы послушал ты, как дикие скалы — таинственные и молчаливые богословы — поведают тебе глубокие мысли и поведают твое сердце и ум ко Творцу. После весны здесь прекрасно — от Святой Пасхи до Успения в августе. Богословствуют безгласные богословы — прекрасные скалы и вся природа. Каждое [создание] — своим голосом или безгласием. Если поднести руку [даже] к одной маленькой травинке, она сразу очень сильно закричит своим естественным благоуханием: «Ох! Ты меня не видишь, но ударил меня!» Так и все прочие [создания] имеют свой голос и, движимые дуновением ветра, совершают стройное мелодичное славословие Богу. Что же скажем мы о пресмыкающихся и птицах пернатых? Ведь один святой [как-то] послал своего ученика сказать лягушкам, чтобы они помолчали, пока будет читаться полунощница, а те ему ответили: «Потерпите, пока мы не закончим утреню!»

Так вот, [всё] это и подобное ему, возлюбленный мой сын, обретается в пустыне, о которой ты тоскуешь. И когда тебе захочется, бери одного-двух из твоей братии и приезжайте.

Я, сказать по правде, этими днями ожидал, что ты приедешь немного отдохнуть в безмолвии. Даже, думал я, скажу тебе, чтобы ты остановился в этой нашей келлии, дабы был у тебя полный покой. Но так как ты не приехал, будем ждать твоего приезда в другой раз, летом.

Для своего лечения поживи у нас немного этим летом, поскольку отдых и покой очень полезны двойственному составу

человека. Ведь смотри, как ты нам серьезно помог в эти тяжелые годы! И мне необходимо, чтобы ты жил, пока и я живу на этом свете. А когда умру, тогда, если хочешь, последуешь [за мной,] и мы вместе пойдем туда, где сладкий Иисус нас упокоит в Своих вечных благах. Чтобы сорадоваться непрестанно со сладкой нашей Матушкой — сладчайшим благоуханием [для] всякого дыхания христианского. Чтобы веселиться с ангелами и святыми.

Я не совсем здоров. У меня эта водянка, и я весь постоянно распухаю, и ко мне подступает что-то вроде обморока. Наверное, мне осталось немного дней. Я прошу Бога забрать меня, чтобы я [уже] успокоился. Я устал от этой жизни. Если умру, не забывай меня на литургии. И я оттуда буду о тебе молиться еще больше, если обрету больший покой.

Батюшка мой благословенный и возлюбленный!

Давно уже я не получал писем от тебя или от кого-нибудь из твоих духовных чад. Пресвятая Богородица да покроет вас от всякого зла, от всякого посягательства супостата.

Сейчас наступает Великий пост, чтобы нам облегчить ум и тело. Так вот, желаю, чтобы все мы прошли его здоровыми и благодатью Святого Бога достигли Святой Пасхи. Однако [это время] требует большего подвига и особого внимания.

В предыдущем письме, отправленном мною, я не до конца объяснил тебе [свою] мысль, рассказав, что ощущаю твое духовное и мысленное присутствие. Поэтому объясню тебе сейчас.

Так как твое высокопреподобие в этот раз более, чем когда бы то ни было, с совершенной любовью позаботилось

о нас, чтобы нас порадовать, а ум твой был, как ты пишешь, среди скал [нашей] пустыни, поэтому-то твой образ мысленно и витал непрестанно в моем уме, [и от этого я испытывал] великую радость и любовь.

И вспомнил я того священника, или, лучше сказать, святого, у которого было видение, когда кадил [служащий] священник. И одни сидели в стасидиях, а он им не кадил, другие же отсутствовали, [трудясь] на послушании, и их пустые стасидии он кадил, так как ум их был в церкви, тогда как у других ум витал в миру и не был там.

Случилось и у меня однажды нечто подобное с [ныне] покойной Феодорой, когда она была жива. Настолько [я ощутил ее присутствие,] что и дыхание ее чувствовал рядом с собой. И был я здесь, на Святой Горе, а она — в миру.

Батюшка мой, желаю, чтобы это мое письмо застало тебя в полном здравии. Мы же, благодаря Святому Богу, более или менее здоровы.

Получили твое письмо и фотографию, которая очень меня растрогала. Я уже давно не получал твоих писем, и это было как весточка из другой жизни. Так мне показалось и потому, что ты живешь столь далеко. Не знаю, как ты там оказался, но да не оставит тебя Бог. Да помянет Он твои труды, когда ты был новоначальным, ревность твоего юношеского подвижничества, и да распространит Свою милость и щедроты на [нынешнее место] твоего покаяния.

Я никогда тебя не забывал и не вычеркивал тебя из богослужбного помянника, ибо ты — мое дитя. И что бы ни сделало дитя, отец всегда болеет, даже если оно его огорчило на какой-то миг.

Причина моего молчания, когда я тебе не писал, была такова. Ты меня понуждал вычеркнуть тебя [из списка братии]²⁴⁸, а я не хотел этого делать, желая, чтобы ты был святогорцем. Но в конце концов, дабы не преслушаться, я всё же сделал это, сняв с себя ответственность, так как всю тяжесть [этого] ты взял на себя. И вот как плохо для тебя это обернулось. И в том же месяце ты попросил, чтобы я записал тебя снова. И ты настаивал [на этом], когда это стало уже невозможно. Ибо суждено было, чтобы [в это дело] вкрались тысячи неправд. А я боялся, как бы не отяготить свою душу. Поэтому я был опечален и прибег к молчанию, чтобы избежать этого бремени.

Однако теперь всё это позади, и я всё время тебя вспоминаю, тебя люблю, о тебе болезную. Не забываю твоей доброты. Только когда наносится вред моей душе, тогда я не соглашусь, ибо Бог намного важнее, чем человеческая любовь.

И если ты мне подаришь все блага мира, но мне станет известно, что [хотя бы] одна вещь не по Богу, я этого не сделаю вовек. Ведь я день и ночь прошу, чтобы совершалась воля Божия, так как же я ее преступлю? Поэтому не говори, что я тебя не люблю, а [знай,] что это Бог не согласен с твоим помыслом.

Ты мне пишешь о своих скорбях. Я имею извещение, что ты сильно страдаешь, и без твоих писем. Вижу тебя, будто ты во тьме в некоем лабиринте сражаешься со зверями, не зная,

²⁴⁸ Речь идет о монахологии — официальном списке братии в монастыре, скиту или пустынноческой келлии. Только внесенные в список обладают всеми правами монахов, которые предусмотрены законами Греции (например, освобождение от воинской обязанности) и уставами монастырей. Адресат Старца Иосифа — отец Ефрем, один из первых его учеников (см. о нем: Старец Ефрем Филофейский. Моя жизнь со Старцем Иосифом. С. 373–376). Он ушел в мир под предлогом поправки здоровья, а впоследствии попросил Старца Иосифа удалить свое имя из монахологии, для того чтобы иметь возможность оформиться приходским священником.

что делаешь. А я, как та Ариадна²⁴⁹, даю тебе нить, чтобы ты вышел. Открываю тебе дверь и с неподдельной отеческой любовью призываю тебя вернуться.

Приди, чадо мое! Приходи сюда, чтобы мы помирились, чтобы ты пришел в себя. Я могу, как врач, исцелить тебя от страсти смятения и печали, которая ныне сильно владеет тобой. Приди, и я поменяю пластинку. Поставим радостный пятый глас²⁵⁰. Я заколю тельца, и мы повеселимся. Я преисполнен любви и полон прощения. Как нежный отец, я приму тебя в свои объятия, словно сына из притчи²⁵¹. Поцелую твои уста, которые, может быть, говорили [когда-нибудь нечто] безобразное, чтобы они получили благословение впредь говорить только благообразное и чтобы более никогда никого не осуждали. Я по горло сыт этим [осуждением,] и чего бы я ни услышал, чего бы мне кто ни сказал, меня это не трогает. К тому же, мы люди. Иначе видишь ты, и иначе я. Довольно того, чтобы мы оба видели в Боге.

Я, ничтожный, не чувствую своей вины в том, что тебя опечалил либо досадил тебе или кому-нибудь другому своим присоединением к монастырям²⁵².

Не всему верь, что слышишь. Правда — вещь дорогая, и не от каждого ее можно услышать. Каждый человек как живет, так и говорит. Поэтому истинность сказанного познавай из образа жизни. Уразумей то, что я говорю.

²⁴⁹ Ариадна — в древнегреческой мифологии дочь критского царя Миноса, давшая Тесею свернутую в клубок нить, с помощью которой герой вышел из лабиринта, после того как убил там чудовище Минотавра.

²⁵⁰ Речь идет о плагальном первом гласе византийского церковного пения.

²⁵¹ См.: Лк. 15, 11–32.

²⁵² Старец имеет в виду свой уход в 1950 году от раскольников-старостильников и урегулирование отношений с афонскими монастырями, где не прекращалось поминовение Вселенского Патриарха. См. об этом: Старец Ефрем Филофейский. Моя жизнь со Старцем Иосифом. С. 148–158.

Ты знаешь, что я зря не говорю. Если у меня есть что сказать, то говорю это тебе в лицо, так как больше всего люблю твою душу и хочу твоего спасения. Вот и покупая виноград для вина, я и в этом году не забыл взять на твою долю. Когда, говорю, придет мой сын, пусть он найдет наполненной чашу моей отеческой заботы и любви.

Итак, радуйся, возлюбленный сын мой, и умоляю тебя: пока ты далеко, будь внимателен! Будь внимателен! Будь внимателен! Не лишай меня моего батюшки!²⁵³ Не забывай, зачем ты стал монахом.

Два дня назад умер здесь, в Лакоскиту²⁵⁴, один отец, валах²⁵⁵. И когда стали его хоронить, он воскрес и сказал, что вышел из ада, куда был осужден на муки, так как при жизни пьянствовал. «Вот, — сказал он, — смотрите же, чтобы и вы не попали туда». И сразу, в то же мгновение, снова умер, и его похоронили.

Поэтому, *сыне мой, сыне мой, Авессаломе*²⁵⁶, услышь мой отцовский глас и, как серна, убегай и спасайся меж ловушек, остерегаясь, как бы не попасться в щупальца греха. И так как моя душа воистину тебя возлюбила более всех, как ты [сам] знаешь, то усердно, изо всех сил молю тебя о твоей бессмертной душе. Позаботься о ней, чтобы не плакать тебе бесполезно в час смерти.

Крепко тебя целую, как своего сына, и молюсь о тебе, как о любимом. В порфиру покаяния я облачил тебя и перстень надел на твою руку²⁵⁷.

²⁵³ Старец здесь предостерегает своего духовного сына, иеромонаха, от греха, за который, согласно канонам, лишают священного сана.

²⁵⁴ Один из афонских скитов, посвящен св. великомученику Димитрию. Расположен у подножия Афона, подчинен монастырю Святого Павла. Насчитывает около 20 келлий и населен по преимуществу румынами.

²⁵⁵ Валахия — область в Румынии.

²⁵⁶ 2 Цар. 18, 33.

²⁵⁷ Ср.: Лк. 15, 22.

Итак, позаботься войти в брачный чертог, чтобы не пришлось тебе горько плакать снаружи²⁵⁸.

Твой отец и молитвенник, грешный Иосиф

Да будет милостив к тебе Бог, батюшка мой благословенный! Желаю тебе всего доброго. Желаю, чтобы это письмо нашло тебя в полном здравии.

Мы получили, сын мой, твое письмо, и я очень растрогался, ибо уже давно ничего не знал о тебе. Я послал тебе еще одно письмо, но, к сожалению, кажется, ты его не получил.

Я тяжело заболел из-за одного нарыва на шее, не обратив на него внимания: оставил это на Бога. И едва от этого не умер, ибо заражение распространилось на всю левую сторону тела и подступала смерть. Я начал бредить, не узнавал братию. Все плакали, кричали, что нужно позвать врачей. Я их пожалел и дал им поступить по их воле.

Итак, начались уколы, лекарства, врачи. Два врача из мира и Артемий²⁵⁹. И наконец, возвратили меня к жизни, Божиим содействием. Пятьдесят уколов и вдобавок другие, укрепляющие, отдельно. Семь надрезов по всему бедру донизу. Текли потоки крови. Шесть раз в день — перевязки. Пять месяцев без движения, меня переворачивали с помощью простыни. Израсходовали всю вату в Дафни. Глубокая рана! Из шеи выбирали гной чашкой. В дыре мог поместиться лимон. И сейчас еще у меня болит всё это место.

Большое было испытание. Очень благодарю Бога, что Он показал на мне Свою большую любовь. Да будет слава Божественному Его Имени!

²⁵⁸ См.: Мф 25, 1–13.

²⁵⁹ Монах из скита Святой Анны, местный врач.

Единственным моим помощником из мира стала для меня только та сестра, которую ты знаешь. Она, как мать, часто присылала всё необходимое для больного. Пресвятая Богородица воздаст ей должную награду за любовь.

Сейчас мне хорошо. Становлюсь на ноги, хожу с палкой. Снова готовлю, как и прежде.

А теперь, дорогой мой сын, давай поговорим и о тебе.

Я заплакал, когда прочитал твое письмо. *Помянух дни прошлого и поучихся нощию сердцем моим*²⁶⁰. Ах! Ах! Ах! Утроба моя священная! Помнишь, как, уходя, ты сказал, что все дали тебе благословение выйти в мир и возвратиться через восемь дней? И ты огорчился, что я один не соглашался. А я сказал тебе: то, что ты говоришь сейчас, останется невыполненным, и едва ты уйдешь туда, уйдет и твое обещание вернуться.

Видишь, что я оказался опытнее всех? Видишь, как далеко ты забрался, вместо того чтобы вернуться назад?

Так вот, хотя бы теперь позаботься снова приехать и впредь жить в безмолвии здесь, рядом с нами. Здесь много домиков поблизости от твоих братьев. Они будут за тобой присматривать. У них есть любовь. И когда я умру, буду видеть тебя рядом с собой. И ты оставишь свои кости на Святой Горе, свободный от заблуждений тех [людей,] которые вытаскивали тебя с места твоего пострига и бросили в горькое море мира на растерзание буре.

Теперь я уже не хочу от тебя [никакой] другой помощи, ты только позаботься приехать, снова вернуться в сад Пресвятой Богородицы.

Благодарю, очень тебя благодарю за всё.

У нас здесь, по благодати Христовой, всё хорошо. Благодаря Божественным литургиям мы достаточно обеспечены. Нам присылают сорокоусты, и мы немного занимаемся

²⁶⁰ Ср.: Пс. 142, 5; 76, 7.

кое-каким рукоделием. Молодой священник²⁶¹ часто болеет. Иосиф²⁶² в этом году дикей²⁶³. Занимается паломниками, и нам от него нет никакой помощи. Афанасий²⁶⁴ живет один в своей каливе. Отец Хараламбий²⁶⁵ делает понемногу печати. Отец Арсений — садовник, а я — повар. Феофилакт — с Иосифом. Было у нас и два старчика, они [уже] умерли, ты их не знал. Есть у нас еще Никодим, который моет посуду. Живем, по благодати Божией, очень хорошо.

Так будешь жить и ты. Не задумывайся нисколько, всё у тебя будет прекрасно. Есть у нас и лодочка, с которой ловим рыбу. Попадаются ханос²⁶⁶, пінна²⁶⁷, морские ежи. Иосиф на лодке капитан.

И опять же, главное дело — умная молитва. Снова плач и слезы. Снова трезвение и созерцание. Богаты духовные Твои милости, Господи!

К нам приходил один славный мальчик из мира, но не остался, чтобы мы научили его умной молитве. Ушел обратно. Он нам рассказал о твоём здоровье.

Тебя обнимают и молятся о тебе все.

Обнимаю тебя отечески и я.

Твой всемирный Старец Иосиф

²⁶¹ Речь идет о будущем Старце Ефреме Филофейском. См. о нем: Старец Ефрем Филофейский. Моя жизнь со Старцем Иосифом. Книга первая.

²⁶² Об о. Иосифе Младшем см: Там же. С. 401–405.

²⁶³ В афонских скитах ответственность за общескитские дела (административные вопросы, прием паломников, поддержание порядка, необходимое строительство и т. п.) общины несут поочередно. Старший в несении этого послушания называется дикеем. Иными словами, дикей — это очередной глава скита. Срок дикейства, как правило, — один год.

²⁶⁴ Об о. Афанасии, родном брате Старца Иосифа, см.: Старец Ефрем Филофейский. Моя жизнь со Старцем Иосифом. С. 334–336.

²⁶⁵ Об о. Хараламбии см.: Там же С. 430–448.

²⁶⁶ Каменный окунь.

²⁶⁷ Разновидность моллюска.

Чадо мое возлюбленное, Фотиния, утроба моя божественная и священная, желаю тебе всего доброго!

Дитяtko мое, маленькая бабочка, получил я твое письмо и прочитал его. И порадовался, что все вы здоровы. Я же нездоров.

Расходов и лекарств много, а здоровья нет совсем. Потихоньку шагаю к тамошнему отечеству. *Не имамы бо zde пребывающаго града*²⁶⁸.

Братия старается всеми средствами возвратить меня обратно, но, к сожалению, я быстро шагаю к могиле. Пойду туда ждать вас.

Фотиния моя, свет²⁶⁹ мой, Фотиния! Мы были бутонами, стали цветами. Осыпались лепестки, их разметал ветер, и нас забыли. *Яко сено изсхох*²⁷⁰, и цвет ея отпаде²⁷¹. Итак, что остается с нами? То, что мы сделали и отослали для другой жизни, только это и остается нетронутым. Никто этого у нас не отнимет. Никто не сможет это забрать.

Так вот, Фотиния моя, будем откладывать туда то, что можем. Если нас в этот час застанет смерть, тому, что мы оставим позади, порадуются другие. О тебе забудут, как будто тебя и не существовало никогда.

Суетный мир! Аживый свет! Нет в тебе ничего доброго! Совершенная ложь. Совершенный обман. Ты нас обманываешь, смеешься над нами, издеваешься. Показываешь нам годы,

²⁶⁸ Евр. 13, 14.

²⁶⁹ Имя «Фотиния» значит «светлая», в русском языке ему соответствует имя «Светлана».

²⁷⁰ Пс. 101, 12.

²⁷¹ Иак. 1, 11.

и удовольствия, и долгое здоровье, но внезапно нас настигает смерть. И [всё это] лопаётся как мыльные пузыри, [всё это как] паутинка, которая рвется.

Таково оно, возлюбленное мое дитя, таково это наслаждение мира.

Итак, прими наказание²⁷². Плачь и скорби́. Ты очень хорошо познала, [каков] Бог. Молись и зывай: «Боже мой, Боже мой! Яви²⁷³ ту, которая некогда звалась Фотинией, истинным светом, и отверзи снова Твои Небеса, и источи одну каплю Божественной Твоей благодати. Просвети очи ее души и сотвори с нею милость. О Боже мой! Боже мой, видящий тайное нашей души! Улади наше сердце, которое огорчил лукавый и которое забыло Твою любовь».

Так говори и зывай.

Сейчас, когда я тебе пишу, отек у меня поднялся до пупа, и мой священник сходил в Дафни, и без моего ведома договорился по телефону с врачом, и привел его сюда, сказав мне, что врач проходил рядом и зашел к нам [по пути]. И тот, осмотрев меня, сказал, что у меня болезнь сердца, случившаяся из-за гнойных миндалин. И дал таблетки от отека и поддерживающие уколы для миндалин, подобные тем, которые присылал Иоанн.

Так вот, одно посещение [врача] — тысяча триста драхм! К счастью, у меня есть духовные дети в Америке, и все пишут: «Смотри за своим здоровьем! Не оставь нас сиротами». И присылают [деньги]. Другое посещение — тысяча шестьсот с лекарствами.

Такие дела. Хочу я или не хочу, не дают мне умереть. Итак, имей терпение.

²⁷² Ср.: *Примите наказание* (Пс. 2, 12).

²⁷³ В оригинале — узри.

Чадо мое возлюбленное, божественная моя утроба и священная, желаю тебе быть всегда здоровым!

То, что я хочу тебе сейчас написать, ты сохрани. Пусть это будет у тебя как напоминание. Читай это внимательно. И я думаю, это будет тебе на пользу.

Бог, дитя мое, создал человека из земли, — когда уже создал всё творение как некий сад, сделал светильники и украсил твердь. Создал, украшая и наряжая небо, луну, чтобы она начальствовала над всеми звездами ночи, как некое паникадило со многими огнями, малыми и великими. А землю [создал] со множеством деревьев, малых и великих. [Сотворил] зверей и гадов, птичек всякой величины, летающих под небом, домашних животных и птиц на пользу человека, море со всеми видами рыб — всё для того, чтобы человек вкушал и удивлялся. И над всем этим сделал великое светило, чтобы оно начальствовало над днем, своим теплом согревало и заботилось обо всём и своим светом всё украшало и делало прекрасным.

А человек создан в конце как царь над всем, как зритель, приглашенный в театр. О величие! О честь для человека! Всё воспевает Бога — одушевленное и неодушевленное. Одно — своим голосом, другое — движением своих листьев. У каждого свой голос, и любая маленькая травинка, если ее сожмешь, кричит. Аромат, который она испускает, — это ее собственный голос.

Итак, всё это, о чем говорит Святое Писание, — всё возникло ради человека. Поэтому Он создал человека после всего, чтобы человек всё это весьма доброе²⁷⁴ увидел и, веселясь, наслаждался созерцанием этого.

²⁷⁴ См.: Быт. 1, 31.

Как же [совершилось] создание человека? Взял [Бог] землю — самое смиренное вещество, чтобы был человек всегда смиренным: ведь ничего нет смиренней земли. Устроил глиняный домик и, вдунув в него, создал человеческую душу... Итак, словно в четыре стены из глины, вложил Бог Божественное дуновение, вложил Свое дыхание [в человеческое тело].

О величие небесное! О слава и честь человека! Он — смиренная глина, но и Божественное дыхание! Придет мгновение, когда он изменится. *Земля еси, и в землю отыдеши*²⁷⁵. Исполнится слово нашего Создателя. А Божественное дуновение, Божественное дыхание — что станет с ним? Как земля возвратится в землю, так и душа, будучи Божиим дуновением, возвратится к Богу. Да, но как? Когда душа произошла от Бога, она была благоуханным Божественным дыханием, но такова ли она теперь? Нет, не такова. Итак, что с ней будет? Необходимо очищение. Слезы, сокрушение, боль, ибо ты опечалил столь доброго и благодетельного Отца, Бога, Который тебя, глину, так прославил и даровал тебе Божественное Свое дыхание. Эти дела покаяния очистят тебя Его благодатью. Итак, плачь и скорби, дабы Он снова возвратил тебя в прежнее состояние.

И когда ты плачешь со жгучей болью в душе, ибо согрешил, ибо опечалил Бога, тогда, после плача, тебя осеняют утешение и отрада. И тогда открывается дверь молитвы.

Видел я плачущего человека, захотевшего сдержать слезы, когда кому-то случилось войти, и не сумевшего их удержать, ибо они текут с такой силой, будто [человека] кто-то смертельно ранил.

Молитва с болью рождает сокрушение. Сокрушение приносит слезы. Слезы, в свою очередь, рождают более чистую молитву. Ибо слезы, как благоуханное миро,

²⁷⁵ Быт. 3, 19.

отмывают грязь, и очищается дыхание Божие, которое, словно некий голубь, затворено в четырех стенах, как бы образованных четырьмя стихиями...²⁷⁶ И тогда, лишь только рассыпаются и упадут стены, голубь сразу взлетает к своему Отцу, от Которого изошел.

Итак, мы сказали, что мы дыхание Божие. Благодаря тому, что у нас есть сродство с Богом, а Бог везде сый, мы всегда рядом с Богом. Мы Его чада. И, видя то достоинство, которое Он нам даровал, — быть Его дыханием, — мы должны быть внимательными, чтобы Его не огорчить.

Предзрех Господа моего одесную мене, да не подвижуся²⁷⁷.

А поскольку мы осквернили наш ум, и наше сердце, и наше тело словом, делом и помышлением, то теперь у нас нет дерзновения. Нет у нас брачной одежды. Поэтому мы должны очиститься: исповедью, слезами, болью души и тем, что выше всего, — молитвой, которая человека очищает и делает совершенным.

Одежда, о которой мы поем на Страстной седмице: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь»²⁷⁸, — это благодать Божия, которая достигается чистой, [напряженной] до боли, молитвой.

Если у человека с самого начала есть простота, то, молясь, он проливает множество слез. И всё это — благодать Божия,

²⁷⁶ См. примечание 43 в письме 9-м на с. 55.

²⁷⁷ Ср.: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8).

²⁷⁸ Эксапостиларий Страстной седмицы.

называемая благодатью очищающей, которая, как рыболовный крючок, уловляет человека и ведет его к покаянию.

Наш Бог во всём и ко всем добр, и поэтому Он нас находит, Он нас видит, Он нас призывает. Сначала Он дает нам познать Его. После этого Его узнаем мы, когда Он помажет нас миром Своей Божественной милости.

Поэтому и покаяние, и сокрушение, и слезы, и всё, что происходит с кающимся, — всё это от Божественной благодати. Эта благодать — очищающая, она очищает человека.

Не бывает добра, которое не от Бога, и зла, которое не от диавола.

Итак, никогда не думай, что ты сделал какое-нибудь добро без Бога, ибо как только это подумаешь, сразу отойдет благодать. И ты ее потеряешь, чтобы познать свое немощное состояние, усвоить, [что означает заповедь] «познай самого себя».

Для того чтобы человек познал немощь своего естества, он должен встретиться со множеством великих искушений. И тогда посредством многих испытаний он смиряется и учится истинному смирению. Но требуется время.

Смирение — это не просто слова. Оно не в том, чтобы говорить «я грешен» и тому подобное. Смирение — это истина. Чтобы [человек] познал, что он — ничто. Ничто — это то, что было ничем, прежде чем Бог сотворил всё.

Итак, мы и есть это ничто. Твой корень, твое существование начинается из ничего, и твоя мать — глина, а твой Создатель — Бог. Что у тебя есть, чего ты не получил? А если получил, что хвалишься, как не получивший²⁷⁹?

Великий дар Божий — когда человек познаёт истину. И эта истина, сказал Господь, освобождает нас от греха²⁸⁰.

²⁷⁹ Ср.: 1 Кор. 4, 7.

²⁸⁰ См.: Ин. 8, 32.

Знание о Боге — это видение Бога. Ведь Бог познается духовным знанием, а не естественным. Ибо естественное знание — это рассуждение, которое знает разницу между добром и злом, и это есть у всех людей. А духовное знание происходит от духовного делания с [исполнением заповеди] «познай самого себя». Всё это происходит у нас по благодати Божией посредством молитвы. Благодать Божия видится умно и познается в чувстве ума только в час молитвы.

Образов молитвы много. И все они хороши, если человек несведущ и молится с простотой. Если, однако, кто-нибудь его наставит, а он не послушается, тогда он повреждается и возникает прелесть.

Кроме круговой умной молитвы²⁸¹, все другие молитвы могут со временем извратиться, когда теряется простота и человек начинает одобрять сам себя.

А относительно умной молитвы — единопомышляемого²⁸² призывания Имени Божия — не может быть сомнений, и прелесть не может возникнуть из-за нее, поскольку внутри сердца нерассеянно призывается Имя Христово и Он очищает нас от тьмы и ведет к свету.

²⁸¹ Старец Иосиф так объясняет, что такое «круговая умная молитва»: «...всегда говори Иисусову молитву или устами, или умом. Когда ты постоянно говоришь ее устами, впоследствии ум привыкает говорить ее внутренней речью. Затем ум опускает ее в сердце. И далее там [необходим] труд и дело трезвения: силой удерживать там ум без образов, чистым, внимающим только круговращению молитвы внутри сердца...» См. настоящее издание, письмо 72 на с. 256.

²⁸² Μονολόγιστος — от глагола μονολογίζομαι: думаю об одном, имею только один помысл. Таким образом, термин «единопомышляемая» (или «единословная» — еще один традиционный перевод μονολόγιστος в русской аскетической литературе) означает молитву, в которой помысл молящегося сосредоточен исключительно на словах «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» или, в расширенном ее варианте, «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Начало употреблению этого термина положил прп. Иоанн Синайский в «Лествице»: «Память смерти да засыпает и да восстает с тобою, и вместе с нею Иисусова молитва единопомышляемая (μονολόγιστος Ἰησοῦ εὐχή)» (Слово 15, 53).

Умная молитва, о которой мы говорили прежде, — это «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Эту молитву говори так: со вдохом опускай ум внутрь сердца, как говорят все подвижники-исихасты, и задерживай дыхание как можно дольше, внимая только словам молитвы.

Вначале это великий труд, ибо ум еще не отвык скитаться. Но со временем он научается стоянию.

Видел я брата, который по шесть часов держал ум в сердце, так что не происходило скитания ума почти час, а иногда и больше.

Молитва совершается с трудом. Но впоследствии она произносится без труда и с дивной радостью. Ибо у нас есть сродство с Богом — не по сущности, а потому что мы дыхание Божие, как было сказано. Поэтому, когда мы очистимся от греха посредством поста, бдения и той молитвы, о которой говорим, посредством делания [этой молитвы] с понуждением и трезвением, когда ум будет пребывать в сердце, как в затворе, и ему не будет позволено выходить оттуда, тогда благой Бог призывает на нас и посылает росоносную Свою благодать. И она просвещает, как светлейшее облако, и тот, кто незадолго до этого находился во тьме, ясно созерцает внутреннего человека. И благодать пребывает вместе с ним столько, сколько захочет Господь. [Всё] это происходит непрестанно, и человек постоянно очищается и совершенствуется Божественной благодатью.

Ведь когда благодать осеняет, а дыхание Божие, — которое, как мы сказали, есть наша душа, — поднимается ввысь, воспламеняемое любовью, тогда происходит божественное единение. И [душа] настолько уподобляется Богу, что нельзя различить и отделить одно от другого, как солнце от своего

света или огонь от железа, когда они соединятся. Ибо дыхание [Божие — наша душа —] и благодать проистекают из одного и того же источника, который есть сладкий наш Бог.

О, сколь добр наш благой Бог! Сколь благоутробен! У Него нет никакой корысти, и никогда не было у Него нужды в человеке, так как Он сверхсовершенен. Но по великой Своей любви желая передать сверхсовершенные Свои дарования, Он создал все творения. А создав человека, сделал его царем и всё это ему даровал.

Одного только требует Бог: чтобы ты Его чтил, любил и хранил Его заповеди, признавая, что твой Создатель — [именно] Он. Он не хочет, чтобы ты делил Его славу [с кем-то] и поклонялся тому, чему не надо. Он не хочет, чтобы ты возлюбил какую-нибудь вещь больше, чем Его. Вот почему, давая Свои заповеди в богописанном законе Моисею, Он говорит ему: «Слушай, Израиль: возлюби Господа Бога твоего от всей души твоей, от всего сердца, от всей крепости, от всего разума»²⁸³.

Итак, ты понял, возлюбленное мое дитя? Он не оставил тебе ничего, из-за чего твоя любовь уклонилась бы куда-нибудь в другую сторону. Но целиком и полностью всякое стремление твоей души пусть возлюбит Господа. [Только] так вселится [в Тебя] Его благодать. Сердце не может разделить-ся на части: только Богу твоему поклоняйся и Ему служи. А уж тогда! Тогда придет [и вселится] в тебя Христос, Который есть Слово, со Отцом и Духом. Он обещал [сотворить] обитель²⁸⁴, и ты станешь [Его] храмом.

²⁸³ Ср.: Втор. 6, 4–5.

²⁸⁴ См.: Ин. 14, 23: *Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим.*

Тогда молитва станет господствовать и подчинит ум. О радость! О радость для несчастной глины! Сколько благ дарует нам Господь!

Видел я одного брата, который, имея такую любовь, пришел в исступление. И видел он трех похожих [друг на друга] детей в преизобильном свете. И они его благословляли, возглашая: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуия!» Это они, благословляя, сказали много раз. И я удивился, сколько любви к Богу было у этого брата²⁸⁵.

Итак, не ищи другого способа приблизиться к Богу. Только от всей твоей души возлюби Его. Тогда ты не будешь заботиться о своем теле, а будешь мучить его, чтобы победить страсти. А силу для этого, опять же, дарует тебе Он. И насколько ты очищаешься от страстей, настолько умиротворяешься, и целомудруешь, и постигаешь Бога.

Прибавлено после

Вот, чадо мое возлюбленное, малое мое дитяtko, начал я тебе писать. Ты это переписывай и присылай мне обратно, чтобы я мог продолжать. Чтобы ты сделал книжечку и она была у тебя для памяти. Я напишу тебе прекрасные вещи, о которых раньше ты не слыхал. Это мое вдохновение. Делание и созерцание.

Я близок к смерти. Весь распух. Но не прекращаю [подвизаться]. Хочу сделать что-нибудь хорошее. Даже если и отходить будет моя душа, пусть выйдет во время подвига.

Деньги, которые вы шлете, уходят на врачей, уходят на уколы, уходят на нищих, не остается и пяти драхм. Сейчас вот [братья] хотят муки и ругают меня. А я смотрю на кипарисы, под которыми [мне] выроют могилу.

²⁸⁵ Здесь Старец Иосиф рассказывает о своем собственном опыте. См. письмо 37 на с. 163.

Благороднейшая моя госпожа!

Я еще несколько дней назад хотел написать Вам и утешить Вашу душу, скорбящую из-за случившегося с Вами несчастья, но ждал, не получим ли мы ответа, о котором Вы писали моему священнику. Видя же, что Вы медлите, чувствуя боль Вашей души, молю Вас прислушаться к моему смиренному голосу и отогнать от Вашей души печаль, ибо [слишком] большая скорбь влечет за собой и другое зло.

Замыслов Божиих, — как Он трудится, чтобы нас спасти, — не знает никто. Однако, в любом случае, каким бы образом они ни совершались, они на пользу, даже если мы печалимся и нам кажется, что мы оставлены Богом.

Это не значит, что мы [сейчас] согрешили или в чем-то провинились и поэтому с нами случилось зло. А это значит, что посредством печали мы получаем прощение наших согрешений с самого детства.

Может быть, у нас есть небольшая гордость, и [тогда] благодаря скорби у нас рождается большое смирение.

Может быть, Господь хочет нас испытать, будем ли мы и после несчастья верны Ему. Он хочет увидеть наше терпение и нашу любовь к Нему.

Может быть, тот человек был плох, а родители его добры. И родители в результате получили помощь от Вас, а Вы, хотя и понесли материальный ущерб, приобрели душевную пользу. Ибо иначе, может быть, Вы пожалели бы сделать такое большое доброе дело, а Бог, наверное, хотел, чтобы мы оказали бóльшую милость.

Или, может быть, он был хорош, и Бог прибрал его, чтобы посредством боли его спасти.

Бог мог сделать так, чтобы несчастье произошло из-за кого-то другого, а не из-за Вас. Но столь много добра, о котором мы написали выше, произошло [именно] из-за Вас. Поэтому не было иного способа приобрести такое смирение, которое появилось у Вас, — так что Вы плачете, как оставленная, — даже если бы Вы подвизались многие годы.

Человек согрешает с малых лет: словом, взглядом, мыслью, согласием²⁸⁶ [с греховными помыслами,] делом. И посредством внезапного страха, несчастья, большой потери всё это прощается, и из стекла, которым был прежде, он превращается в алмаз.

Кроме всего этого, такое случается и от ненависти диавола. Видя, что мы хотим спастись, он делается для нас преткновением и камнем соблазна, дабы воспрепятствовать нашему усердию, дабы принести нам отчаяние, неверие, уныние, немощь от скорби и большой боли, чтобы мы увяли, как цветы от внезапного северного ветра.

Так вот, посредством всего того, о чем мы сказали, мы приобретаем большую награду, если [только] проявляем терпение.

И не печальтесь [так,] ибо непомерная печаль рождает иногда безумие.

Святой [Иоанн] Предтеча Вас не оставляет, не забывает Вашей доброты, и Вы получите намного бóльшую награду. Церковь, которую мы построили, — [Иоанна] Предтечи.

Итак, очень Вас прошу отогнать скорбь. Вновь приобретите благодушие, которое было у Вас прежде. Имейте любовь,

²⁸⁶ Συγκάταθεσις — аскетический термин, которому в славянской и русской аскетической литературе соответствует «сосложение». Обозначает ту стадию развития греха в человеке, когда он, после собеседования с греховным помыслом, начинает склоняться к исполнению этого помысла на деле.

и всё Вам будет прощено, поскольку это произошло невольно и совершилось по промыслу Господню, как это знает Он один, устраивающий полезное нам и наше спасение.

Ожидая, что Вы непременно напишете мне пару слов, что Вы поступаете так, как мы Вам пишем, и что Вы обрели покой. Мы опечалились из-за всего этого, и поэтому напишите нам, чтобы мы успокоились.

О Вас молится вся братия, служим мы и литургии о здравии и мире душ и телес ваших. Ежедневно совершаем также и панихиду об упокоении души того несчастного, умершего насильственной смертью.

Добрая моя госпожа с добрым и благим Вашим супругом, все мы молимся, дабы Господь даровал мир, здоровье и долгоденствие всему вашему дому и родственникам.

Получил Ваше письмо, госпожа моя, и прочитал его. Сострадаю Вам в искушениях и соболезнаю Вам в Вашей боли, а также сорадуюсь с Вами в Вашей радости.

Человеческая жизнь, госпожа моя, замешена на скорбях и муках.

Когда чувствуешь малую радость в своей душе — знай, что это телефонный звонок, чтобы [ты был готов] вытерпеть скорбь, которая [скоро] придет.

Ближе всего к человеку Бог. Нет никого другого, кто был бы ближе, чем Бог. *В Нем мы живем и движемся*²⁸⁷, в Его объятиях всегда находимся.

Так вот, мы можем в каждый свой вдох вкладывать внутреннее призывание: «Боже мой, где Ты? Заступи, предвари, помози мне, покрой мя! Иисусе мой, помилуй мя!»

²⁸⁷ Деян. 17, 28.

Наша Пресвятая Богородица — Матерь милости, источник благодати, а благодать Ее успевает везде: едва откроешь уста, чтобы призвать Ее, — Она тут же приходит, как истинная Мать. Итак, призывай Ее в каждый миг без всякого колебания и найдешь безмездного помощника и врача в твоих скорбях.

Бог, чадо мое, пребывает везде, и око Его наблюдает за всем, но Он [делает вид, что] не замечает, так как ждет покаяния. Когда мы согрешаем, легко или тяжело, Он видит это, ибо Он здесь, но мы Его не видим, так как мы — младенцы разумом.

Когда, опять-таки, Он наказывает нас, чтобы мы обратили свой взор к Нему, мы думаем, что страдаем несправедливо. И однако, когда мы смиримся, тогда открываются глаза нашей души и мы узнаем, что всё совершаемое Господом очень хорошо²⁸⁸. Тогда мы видим в Нем нашего многомилостивого Отца, полного любви и преисполненного благодати.

Я не знаю, госпожа моя, была ли у Вас чистая генеральная исповедь, начиная от семилетнего возраста и до сих пор. Совершите тщательное рассмотрение всего прошлого и запишите это на бумаге, [скажите на исповеди] — и обретете большую пользу для Вашей души. Подобным образом — и Ваш супруг.

Ведь бывают согрешения не только того вида, о котором Вы написали, но и всякой [иной] природы, которые [обычно] никто не принимает за грехи, и однако, когда человек в них исповедуется, душа его очищается и становится как сияющий алмаз.

Начните с детства: какие грехи совершаются с восемью до десяти лет, какие с десяти до двадцати и старше, грехи раздражительной части души и вождевательной.

²⁸⁸ См.: Быт. 1, 31.

Также и Ваш супруг: грехи естественные, противоестественные, связанные с работой, причинение обид, нарушения закона. Всё — чисто, без стыда.

Если же Вас наставлял какой-нибудь духовник и Вы совершали такую исповедь, тогда этого не требуется.

Если когда-нибудь, госпожа моя, Вы захотите дать милостыню, дайте ее этой женщине, которая потеряла своего сына. Если хотите оказать милость этому умершему насильственной смертью, не забудьте заказать о нем сорокоуст.

Ведь, может быть, у него как у молодого были грехи, и литургии выводят его из ада, и тогда с Вашей помощью он спасется и попадет в рай. Ибо литургии спасают и извлекают души даже из ада. И следовательно, вместо того зла, которое, как Вы считаете, Вы совершили, произошло великое добро, поскольку посредством Вас спаслась душа, а Вы, благодаря покаянию, стали ближе к Богу.

Что же касается Вашего нервного состояния — гнева, о котором Вы говорите, то творите непрестанно Иисусову молитву, ибо благодать успокаивает нервы. И не огорчайтесь: весь мир страдает от этого.

Любоблагоутробная моя госпожа! Получил я Ваше письмо и прочитал его. И очень возрадовался о тех дарованиях, которыми наделил Вас Господь. Всё у Вас очень благополучно, и Вы не имеете нужды ни в чем, только в терпении и великодушии, чтобы душа Ваша пребывала в тишине.

Сейчас я не сомневаюсь, что это невольное убийство устроил завистливый бес, видя Вашу добрую и добродетельную жизнь и желая Вас опечалить. Но благодаря литургиям, которые Вы заказывали об усопшем, душа его, я уверен,

спаслась. И вместо зла, которое он хотел Вам причинить, произошло великое добро, ибо спаслась душа, поскольку Бог ищет [хотя бы] один повод, чтобы спасти человека.

Вы говорите: «Все радуются, а у меня печаль. Почему так?» Эта [печаль] показывает, что Ваша жизнь угодна Богу, ибо Господь только тогда посылает скорби, когда человек исполняет волю Божию.

Ведь скорби — это благодать и дар от Господа.

Так вот, сами не желая того, вы исповедуете, что вы — избранные чада Божии, ибо Он, *кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает*²⁸⁹.

Итак, лучше радуйся, [а не скорби,] и дерзай, ибо очень вас любит Господь. И впредь уже не печалься.

Всегда советуй своему супругу, чтобы он исповедовался. А то, что он говорит тебе, — неправильно.

Исповедь — это одно из семи таинств нашей Церкви. Без исповеди покаяние не засчитывается, а без покаяния человек не спасается.

Желая дать милостыню матери этого юноши, делай это сама, а не через другое лицо, чтобы исцелялась ее душа от горя по своему сыну.

Другие же милостыни делай тайно.

У тебя были хорошие духовники, и поэтому они привели вас в прекрасное устройство. Поэтому я очень доволен.

Это было моим долгом — написать вам, ибо вы нас облагодетельствовали и я соболезнавал вашей скорби.

Теперь же я сорадуюсь, так как узнал еще одну добрую и христианскую семью. Поэтому больше не буду писать — достаточно, чтобы Вы переписывались с моим священником.

Остаюсь к Богу молитвенник,

малейший монах Иосиф.

²⁸⁹ Евр. 12, 6.

Чадо мое благословенное, Панайота, желаю тебе всего доброго!

Получил, дитя мое, твое письмо и прочитал его, и заболела о тебе душа моя.

Положение твое нехорошее. Должно произойти одно из двух: или пусть он возьмет тебя своей законной женой, или ты оставь его и живи одна в покаянии.

А так, как сейчас, у тебя ничего не получится, и исповедь не может совершиться. Если ты не оставишь грех, то что бы ты ни делала, всё будет напрасно. А если расстанешься [с ним] и оставишь грех, всё будет прощено после исповеди.

Не можешь, дитя мое, прожить [одна]? Пойди в какой-нибудь дом добрых христиан, выполняй, какую можешь, работу, только беги от греха.

Грех — это разлука с Богом. Вечная мука. Тогда как любая здешняя скорбь проходит.

Решай: если он с тобой повенчается, это перестает называться грехом, делается законным. Тогда ты напишешь и мы определим епитимию за прошлое. Если ты его оставишь, то, опять же, напишешь и мы тебе скажем, что делать [дальше].

Но сейчас, пока ты идешь на поводу у греха, ничего [хорошего] не выходит.

Поспеш, дитя мое, ибо смерть приходит внезапно, и жаль, если ты будешь осуждена на вечные муки.

Мы совершим о тебе литургии и молебны, чтобы помог тебе Господь.

Молюсь о тебе.

Смиренный Старец Иосиф

Непрестанно, как должники, мы воссылаем молитвы Господу, чтобы Он сохранил Вас и наставил согласно Своей святой воле.

Вы, чадо благого нашего Бога, спросили, хочет ли Господь, чтобы ты приняла святой постриг.

Ты, сестра моя, с тех пор как увидела мир, шагаешь по дороге Божией и никогда не искала ничего другого, кроме воли Господней.

Итак, не сомневайся, что сейчас тебе пришло время облачиться в святой монашеский образ. Ведь и без монашеского одеяния ты уже монахиня. И сейчас, когда ты состарилась, каких еще дел ты хочешь?

Свое дело ты уже знаешь. Раздай нищим то, в чем у тебя достаток. Нищим монахиням, и они сделают то, чего ты сделать [уже] не в силах.

Найди какую-нибудь добрую Старицу [игумению,] позови иерея великосхимника, [чтобы он тебя постриг,] и сиди в своем доме, чтобы о тебе никто не знал. И продолжай следовать своей дорогой. Ты будешь очень счастлива, ибо возродишься. Всю ту неделю²⁹⁰ не выходи из своего дома. Оставаясь у себя, наслаждайся благодатью, которая восемь дней будет пребывать с тобой.

Не бойся. Не робей. Христос пришел ради нас. Он передал нам Свою богатую любовь и говорит нам: *«Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга»*²⁹¹.

Итак, не жди. Не отодвигай срок. Не потеряй удобного случая, который свыше дает тебе Христос.

²⁹⁰ Т. е. после пострига.

²⁹¹ Ин. 13, 34.

Дай это письмецо Феофилакту, а я, смиренный, о вас молюсь. Благодатью Божией я вас ношу.

Я очень обрадовался, дитя мое, что ты просишь слова Божия на пользу своей душе. Так вот, отверзи уши свои, и я их исполню благ. Послушай, чадо мое.

Уста твои пусть непрестанно занимаются молитвой: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Пусть твое дыхание прилепится к Имени нашего Спасителя.

Когда это продлится достаточно долго, ум привыкнет говорить это внутренней речью. И когда ум очистится молитвой, тогда он опустит ее в сердце: произойдет единение ума, слова, сердца. То есть благодаря непрестанному призыванию совершается переход молитвы в сердце посредством вдоха и выдоха. И тогда ум, слово, сердце становятся одним. А постоянно очищаемое сердце принимает соразмерно осеняющую благодать.

И тогда мало-помалу, незаметно для тебя, возникает внутри тебя небо — рай.

До сих пор было делание. [А то, что будет] дальше, называется созерцанием. Достигни этого, а остальное мы тебе скажем, когда придет для того время.

Знай только, что всё, начало и конец всякого блага, — Христос. Мы сами ничего не можем сотворить, если сперва не подействует Христос Своей Божественной благодатью. Он первый дал нам Себя познать, и тогда мы Его познали. Он возлюбил — и мы любим. Если Он не совершит действия, благое в нас не придет в движение.

Итак, стань малым ребенком со всей его детской простотой и повергнись к ногам Пресвятой Богородицы, носящей,

как малое дитя, Великого Бога. И восплачь, и взывай с большой любовью, которую, опять же, тебе подарит Он: «Сладкая моя Матушка, помоги мне, наставь меня, как спастись! Предстательствуй, Матерь моя, пред Сыном Твоим, дабы Он наставил меня, как исполнять волю Его и о чем Его просить. Да отверзет Он мне очи души, которые закрыты, так что я не вижу Его и постоянно Его печалю, тогда как Он меня видит в каждый миг».

Услышь, чадо мое, обрати слух к моим словам.

Веди себя очень скромно. Имей большое смирение: не праздные слова смиреннословия произноси, а стань сором, чтобы тебя попирали ногами, если хочешь, чтобы тебя посетил Христос. Сердце твое пусть умягчится, станет как воск²⁹². И всегда склоняйся перед той [сестрой,] с которой говоришь: «Тебе лучше знать, сестра моя, благослови!»

Насколько деликатно ты говоришь с другими, настолько деликатно будет обращаться с тобой Христос. Какой мерой ты меряешь других, такой Он будет мерить тебя. Как ты прощаешь согрешения других, так Он прощает и твои собственные. С какой любовью и благоговением ты ищешь Его, с такой [любовью и благоговением] соответственно и Он является тебе.

Не вздумай притворяться послушной, а делать по-своему, ибо тогда согрешаешь не перед своей Старицей игуменией, а пред Богом, Который близ тебя и все твои движения видит. Он всегда с тобой, [просто] ты слепа и не видишь [этого]. Ты всегда в Его объятиях. Им дышишь, Его вкушаешь, в Него

²⁹² В оригинале — «станет ватой».

облекаешься. Ты никогда Его не обманешь. Всё, что бы ты ни делала, Он видит еще прежде, чем ты об этом подумаешь.

Если ты говоришь, что согрешение твое — маленькое, «ничего страшного!», тогда и молитва твоя маленькая не идет к Богу — ничего страшного! Если ты молишься и хочешь, чтобы маленькая твоя молитва была услышана, тогда знай, что даже и маленькие твои прегрешения записываются и обесценивают маленькое твое добро.

Так вот, если у тебя есть строгость [к себе] и благоговение, чтобы не печалить Господа, Который видит всё, опасайся, как бы не опечалить игуменю и остальных сестер, зная, что тем ты согрешаешь пред Богом.

Никогда не говори: «Я права». Даже если тебе будут глаза выкалывать, никогда не ищи справедливости, ибо носишь [в себе] Христа, Который стал человеком ради человека и выстрадал всё, чтобы нас спасти, не вменяя человеку его преступление.

Знаешь, дитятко мое, сколь ты огорчаешь Старицу [игуменю,] когда не слушаешься? Сколь противостоишь воле Божией, так что Он сразу забирает Свою благодать и ты остаешься нагой? И горько делается твоей совести, и помутняется твой ум, и на многие дни ты остаешься жесткой и бесплодной землей. О, если бы ты видела, какой вред тебе наносится!

Итак, чадо мое, будь внимательна. Положи доброе начало, чтобы и конец оказался добрым. Трудись сейчас каждый день, чтобы в старости пожать мир.

Каждое утро, когда рассветает, говори: «Господи Иисусе Христе мой, сподоби меня прожить этот мой день без греха». С охотой берись за свою работу и за Иисусову молитву — [пусть она будет] на твоих устах. И смотри: Господь смотрит на тебя, а ангел записывает. Ангел записывает твои дела, а Господь [видит твои] помышления.

Каждый миг говори [себе] с [полным] пониманием: «Душа моя, собери страхом свои помыслы, ибо Господь тебя видит». Не рассеивайся, не витай в облаках, а говори Иисусову молитву с великим вниманием.

Не смотри, что делают другие, и не желай показать себя знающей. Всё, что ты должна знать, — это говорить непрестанно Иисусову молитву и быть внимательной в своем деле.

Стань неразумной ради Христа, чтобы тебя умудрил Господь.

Если всё это тебе удастся — благо тебе будет, ибо станешь хорошей и добродетельной монахиней, полезной [к тому же] и для других.

Да пребывает всегда с тобой благодать, сохраняющая тебя от всякого вреда лукавого.

Молюсь о всех сестрах и игумении, дабы дал ей Бог благодать и силу носить ваши тяготы, ибо тяготы велики и это большой труд.

Просыпайся, дитя мое. Следуй тому, что я тебе написал. И если ты испытываешь какое-нибудь недоумение или сталкиваешься с каким-то [затруднением,] которое не можешь решить без помощи других, и не находишь выхода, — напиши мне, и я тебе с большой любовью отвечу.

Что касается твоих слов о том, что когда ты исполняешь волю кого-то одного, то зачастую печалится другой, — ты, чтобы никто не печалился и чтобы у тебя самой всё было в порядке пред Богом, спрашивай всегда Старицу игумению: «Что повелишь, матушка? Такая-то сказала мне, чтобы я сделала то-то».

И что она тебе скажет, делай без рассуждения, и никто не будет печалиться. Пусть они потом разбираются с игуменией.

Послушание заключает в себе всё, и Христос в каждое мгновение сплетает тебе венец.

Но для того чтобы развивался внутренний человек, и ты обрела покой от страстей, и расцвел плод благого твоего делания, всё должно сопровождаться постоянной и непрестанной умной молитвой.

Когда трудишься, всегда говори Иисусову молитву или устами, или умом.

Когда ты постоянно говоришь ее устами, впоследствии ум привыкает говорить ее внутренней речью. Затем ум опускает ее в сердце. И далее там [необходим] труд и дело трезвения: силой удерживать там ум без образов, чистым, внимающим только круговращению молитвы внутри сердца посредством вдоха и выдоха.

Тогда ум, не успевая образовать [какой-нибудь] рассеянный помысл, со временем очищается благодатью молитвы. И более не находит удовольствия в лукавых воспоминаниях и не хочет оставаться совершенно праздным. Но весь воспламеняется при воспоминании Божественного Имени и в любви к Спасителю Христу.

Итак, усердно занимайся, дитя мое, этим божественным тайным деланием, и душа твоя станет раем прежде, чем выйдет из тела.

Монах, который не научился Иисусовой молитве, не знает, зачем стал монахом.

Чтение просвещает ум и помогает в молитве.

Телесный труд, когда он умеренный и не производит смятения, очень полезен: он ведет тебя к смирению.

Если ты привыкнешь говорить каждому: «Прости!», и во всём всегда ругать себя, и никогда не требовать [каких бы

то ни было] прав и [исполнения] своей воли, то скоро вкусишь плод смирения. Необходимо только, чтобы ты во всём была терпелива.

С любовью и простотой, без лишних размышлений, быстрее достигаешь горней пристани.

Заключи в свои объятия икону Пресвятой Богородицы, как если бы это была живая Богородица, как твою мамочку, когда ты была маленькой. Рассказывай Ей всю свою боль, орошая ее своими непорочными и чистыми слезами, и будешь черпать непрестанное утешение.

Она будет предстательствовать пред Своим Сыном, Который столь добр, и любит добрых, и милует злых, и прощает кающихся грешников. И Он откроет умные очи твоей души и наполнит твое сердце любовью и божественным рачением.

И тогда твои глаза станут двумя источниками слез.

Желаю тебе достичь этого.

Скромное твое письмо, дитя мое, растрогало меня до слез. Твое смирение побудило мою утробу сильно тебя возлюбить, как Господь [возлюбил] кровоточивую, и сказать тебе такое же слово: *«Дерзай, дочь, вера твоя спасла тебя; иди с миром отныне и более не печалься»*²⁹³.

Рай отвернется. И явится тебе Царь веков в тот день. И ты возрадуешься и разыграешь, как олень, от великой и беспредельной любви.

Посему не оплакивай своей нищеты, ибо сострадательно воссияло Христово Царство. Не рыдай над падениями, ибо

²⁹³ Ср.: Лк. 8, 48.

пришел на землю Сын Божий и пострадал ради нас как человек и посредством чистого покаяния возводит нас на Небеса.

Тебе достаточно сказать с горячим сердцем: «Согрешила!» — и сразу благодать открывает тебе Небеса.

Богатый милостью Христос не просит от тебя многого. Только скажи с верою, исповедуясь, как Пророк: «Согрешил я пред Господом». И сразу услышишь: «И Господь снял с тебя грех твой»²⁹⁴.

О, сколь добр Бог, сколь благ! Сколь счастливы мы, смертные, имеющие такого Всеблаготного Отца!

Итак, дерзай, благословенное мое чадо. Смело напиши мне о своих страданиях, и я с большой любовью тебе отвечу, что мне подаст Господь.

Очень благодарим за облачения, за твой большой труд и за расходы на их посылку. Когда мы их получим, я скажу, чтобы мои батюшки тебе написали. Они очень славные, ибо имеют непрестанную молитву.

Позаботься и ты непрестанно ее говорить, и придет внутри тебя Христос — радость, мир, любовь, свет. Сейчас ты уже положила начало. Итак, понуждай себя и не оставляй ее.

Когда ты видишь, что ум устает ей внимать, тогда говори ее постоянно устами. И ум снова ее воспримет.

Вначале это требует труда, но когда пройдут годы, молитва будет звучать в тебе сама. Она непрестанно очищает человека от всех страстей.

Забыл тебе написать, что на днях мы пошлем тебе посылочку. Я нашел крест для доброй твоей душеньки и pošлю его тебе как благословение, как ты просила. И молюсь, чтобы благословил тебя Сый благословенный и препрославленный вовеки.

²⁹⁴ 2 Цар. 12, 13.

Божественная моя утроба и священная, желаю тебе всего доброго!

Благодать нашего Христа да просветит тебя, да очистит тебя, да соделает тебя, как святую Магдалину, чья святая рука, теплая, как живая, есть у нас здесь, в монастыре Симонопетра. И рука эта источает неизреченное благоухание. Столько благодати дал ей Христос!

Сильно обрадовался я, дитя мое, что ты с таким усердием ищешь спасения. Поэтому я уверен, что Жених твоей бессмертной души даст тебе Свою богатую благодать.

Пусть Пресвятая Богородица, Его сладкая Матушка, будет твоей покровительницей, а ты Ей постоянно молись. Обнимай, как живую, Ее святую икону, орошай Ее слезами, как мирносица — стопы Иисуса, и будешь черпать ощутимое утешение, как если бы Она [Сама] была близ тебя.

Пресвятая Богородица везде успевает, и тому, кто горячо Ее призывает, Она богато подает Свою благодать. Она предстательница всех, ибо удостоилась родить Господа, стать Матерью Божией. Она Его носит в Своих объятиях и непрестанно Его умоляет.

И мы, грешные, не имея дерзновения сразу прибегнуть к Богу, призываем сначала Его Матерь. Она нас возрождает, Она предстательствует, Она предваряет во всех наших скорбях.

Она — покровительница и помощница, всех ангелов честнейшая, херувимов и серафимов без сравнения славнейшая, занимающая второе место после Святой Троицы²⁹⁵.

²⁹⁵ Этот образ Старец Иосиф мог найти в «Феотокарии» (сборнике канонов ко Пресвятой Богородице) прп. Никодима Святогорца (стихиры

И Она, добрая моя, столь добра, столь сладка, что в каждый миг хочешь Ее целовать и черпаешь [от этого] утешительную благодать. И чем больше [Ее] любишь, тем больше Ею любím.

А о посылке не волнуйся, дитя мое. Я беспокоюсь о твоей душе. Положу своим словом хоть какой-нибудь камушек, чтобы был построен твой домик на Небесах, где всё бессмертное и вечное. А всё, что здесь, есть оно или нет его, — вреда от этого для нашей души не бывает.

Позаботься чистосердечно написать исповедь, начиная с малых лет. Напиши всё очень разборчиво. Не спеши, когда будешь писать. И сразу это отправь, пока я еще не умер. Чтобы добро тебе сделал я, а не иной, дабы сказать пред Христом: «*Се аз и дети, яже ми дал еси Ты, Боже*»²⁹⁶.

Не траться более для нас. Что сделала, то сделала. Христос это принял, как благоуханное миро. Придет это или не придет в наши руки, ты свою награду получила — она записана на Небесах.

Не скорби, что ты опоздала. С этого момента я записал тебя в число моих чад. Я молюсь о тебе с первого твоего письма, и каждый день мы поминаем тебя на нашей Божественной литургии. Дерзай, ибо ты не умрешь душевной смертью, но благодаря покаянию будешь жить вовек.

Отправь письмо побыстрее, а если что-нибудь забудешь, то напишешь в другом письме.

подобны по каноне 5 гласа, в неделю на повечерии, его собственного сочинения: Χαίροις μετὰ Θεὸν ἢ Θεός, τὰ δευτερεῖα τῆς Τριάδος ἢ ἔχουσα...), см., напр.: Θεοτοκάριον. Θεσσαλονίκη: Ἐκδόσεις Βασ. Ρηγοπούλου, 2002. Σ. 177; Прп. Никодим, видимо, заимствовал эту мысль из книги Дамаскина Студита Θεσαυρός, Беседа 12-я. Первоисточник этого выражения находится, скорее всего, в молитвах к Божией Матери прп. Ефрема Сирина: τριαδικῶν χαρίτων πλήρωμα, ὡς τὰ δευτερεῖα τῆς Θεότητος φέρουσα. — *Прим. научного редактора.*

²⁹⁶ Ср.: Ис. 8, 18.

Имей в своих устах молитовку: «Господи Иисусе Христе мой, помилуй мя!»

А Он один — Спаситель, и мы надеемся, что Он спасет нас. Только — терпение.

Неси ежедневный свой Крест и часто призывай Его: «Иисусе мой, где Ты? Предвари, спаси мя, ибо я погибаю!»

И Он тебе ответит: «Не предавайся нерадению, дитя Мое, Я здесь всегда близ тебя, имей терпение. Придет час, когда Я возьму тебя к Себе, чтобы ты радовалась вечно».

Итак, не шлите никаких посылок, ибо за них требуют огромный налог. Только о душе вашей заботьтесь, пекитесь о том, чтобы спасти ее, ибо она драгоценна и бессмертна.

Василики́, благословенное мое чадо, желаю тебе всего доброго!

Получил твое письмо с исповедью и прочитал, что ты мне пишешь. Всё прощается, Василики́ моя. Только то, что не исповедано, не прощается. Нужно только одно: чтобы грех не случился вновь. Потому что когда он повторяется, тогда лишает силы и всё остальное.

Итак, этой милости я [у тебя] прошу: чтобы ты снова не впала в грех, и [тогда] всё будет хорошо.

Литургии очень тебе помогут. И когда сможешь, снова их закажи, ибо только они вытаскивают души из ада.

Сейчас, в настоящее время, воздержись от Божественного Причащения и напиши мне, что зло уже прекращено. И затем мы определим небольшую епитимию, полагающуюся [за этот грех].

Я совершу молебны, и не семь, а намного больше, дабы помогли тебе Господь и Его Святая Матерь.

Итак, не печалься. Всё это Всеблагой прощает, только пусть это не повторяется. Господь тебя осияет, и ты станешь новой, белой, как голубица. Только [сделай] милость, о которой я прошу тебя, — чтобы это не случилось вновь.

Я забочусь о тебе до тех пор, пока жив. Позаботься [и ты о себе]. Я приближаюсь к смерти. Очень тяжело болен. Жду своего часа. И хочу тебя устроить. Я очень просил, чтобы тебя просветил Господь и золотая Его Матушка. Может быть, поэтому этот [человек] и видел то, о чем тебе рассказал.

Так вот, положи доброе начало. Положи сто своих оболлов, чтобы и я положил тысячу моих золотых, и восстань из нечистоты. Я подаю тебе руку — выбирайся из ямы. Всё — суета, ложь и обман.

Ты очень хорошая. Не печалься. Не отчаивайся. Дерзай. Не бойся. Христос добр и благоутробен: Он всё это прощает. Я вижу Его руку, которую Он невидимо простирает, взывая: «Василики́ моя, не плачь! Ради тебя Я пришел на землю и стал человеком».

Не рыдай о своем убожестве. Владыка Христос тебя любит, Он великодушен и милует первого, как и последнего.

Пролей две капли слез с душевной болью, и омоется вся нечистота.

Подавай милостыню, какую можешь, [заказывай] литургии, молебны — делай всё, что можешь, чтобы открыть дорогу на Небеса, где получишь во сто крат больше и жизнь вечную.

Радостью для меня будет узнать, что ты положила начало, прежде чем к тебе придет смерть и всё уже будет бесполезно.

Имей в виду, что я люблю твою душу больше, чем твои родители, чем твои дети, которые тебя любят. Итак, не дай мне уйти из жизни опечаленным.

Жив Господь Бог!

Всё у тебя очень хорошо, возлюбленное мое дитя, поэтому возлюбил тебя Христос. И знамение того, что Он тебя любит, — это сама Божественная Его благодать, которая с малых лет тебя посетила и тебя наставляет.

Так вот, наблюдай за собой и не огорчай столь благого нашего Бога из-за малости горького наслаждения. Это зависть сатаны, ненавидящего того, кому Христос открывает глаза души.

Итак, проснись, возлюбленное мое дитя, и внимательно следи за собой. Ведь Он видит то, чего ты не видишь. Богатый милостью Христос старается открыть глаза твоей души.

О, сколь Он добр!

А лукавый, видя это, старается закрывать тебе глаза горьким наслаждением.

Итак, не прекращай, дитя мое, призывать Имя Христово. При каждом твоём вдохе вникай в Его Божественное Имя. И даже если твой ум будет рассеиваться, ты не смущайся. Ибо это непрестанное занятие и постоянное стремление Его искать привлечет Его, и Он придет Сам, чтобы повидать тебя. И забьет в твоём сердце росоносный источник, взывающий: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»

И тогда ты будешь непрестанно радоваться гласу и сладости Владыки Христа.

Только будь внимательным и опасайся, избегай греха: он, как снегом, всё заматывает, и от него всё увядает.

То, о чем ты пишешь, — это посещение Божие. Это первое посещение, бывающее с каждым грешником, который каётся и возвращается к Богу.

Будь внимательным, очищай себя чистосердечной исповедью. Не оставляй в себе нечистоту греха, чтобы не нашел повода лукавый тебя повергнуть.

Человек, чадо мое, ничего сам по себе не может сотворить. У него не было, нет и никогда не будет силы сделать что-нибудь доброе, если его не осенит свыше Бог.

Всякий благой помысл, всякое благое движение разума — это действие благодати Божией.

Если ты сделаешь что-нибудь без содействия твоего тела, то это принадлежит тебе. Если же ты это сделал с помощью тела, то [не забывай, что] тело твое — создание Божие. Если ты что-нибудь подумал без [помощи] ума, то это твое. Если же с помощью ума ты это подумал, то [и] ум твой — творение Божие.

Следовательно, у человека нет ничего [своего]. Следовательно, всё начинается с Бога и в Боге заканчивается.

Это я тебе пишу руками других, возлюбленное мое дитя. Ты же внимательно следи за собой. И когда я выздоровею, ибо сейчас болею, тогда напишу тебе собственноручно.

Передай многие мои пожелания дорогому для меня твоему духовному отцу. И скажи ему, что я нахожусь при последнем издыхании. Врач поддерживает меня уколами и говорит мне, что я выздоровею. И братия моя плачет, не дает мне уйти.

Очень меня воодушевило твое дорогое для меня письмо, доброе мое дитя, и я желаю тебе быстро найти источник жизни.

Письма твои показывают мне, что ты недалеко от источника.

Благодать уже открыла тебе вход. Иди вперед, постучись еще немного частой молитвой.

И откроется не источник, а водопады небесные и источники бездны. Чтобы орошалось и возрастало то, что ты сейчас чувствуешь, и твое желание любить Христа.

Воодушевление, которое у тебя есть, — это очищающая благодать Божия, которая сострадательно очищает человека. Ибо благодать разделяется на три вида.

Первое действие называется очищающим.

И когда оно очистит человека, подается ему другой, бо́льший дар, который называется благодатью просвещающей, то есть [когда человек] получает просвещение вѣдения.

И третья благодать называется [благодатью,] приводящей к совершенству, о которой скажем тогда, когда ты этого достигнешь.

Так вот, сейчас у тебя есть соответствующая тебе часть. И что бы ты ни делала доброго, что бы ни вспоминала благого — всё это от благодати, как пишут святые: «Нет добра не от Бога и нет зла не от диавола».

Итак, что бы доброго ни подумал человек — это от благодати Божией.

И если сейчас ты понуждаешь себя к Иисусовой молитве и молишься непрестанно, если читаешь жития святых и прилагаешь немного труда ночью, то быстро достигнешь того, чего ищешь, и обрадуется твоя душенька, что столь возлюбил тебя Христос.

Он — Любовь и просит от нас любви. А то, что мы Его любим, познается тогда, когда мы любим и своего ближнего.

Итак, понуждай себя сколько есть сил, и я желаю тебе быстро достигнуть Желанного.

Очень обрадовался я, дитя мое, твоему здоровью и тому, что ты делаешь так много добра для наших братьев-христиан.

И это истина: насколько человек хлопочет, чтобы помочь другому, настолько умножается в нем благодать Господня, ибо любовь — это заповедь Божия, первая и величайшая: «Возлюби Господа Бога твоего от всей твоей души и сердца»²⁹⁷.

И вторая, подобная ей: «И ближнего твоего, как самого себя»²⁹⁸.

*На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки*²⁹⁹.

Итак, насколько жаждет кто-нибудь спасения своего брата, настолько преисполняется душа его любовью Божией. И без великих трудов в совершении подвигов ты быстро достигаешь большой меры, ибо любовь заключает в себе все.

*Не превозносится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла*³⁰⁰ и так далее.

Видишь, что любовь заключает в себе всё и быстро ведет к бесстрастию того, кто ей прилежит?

И хорошо сказал возлюбленный ученик Господа, что *Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*³⁰¹.

Видишь, дорогое мое дитя, что Господь всегда с тобой, когда ты хранишь Его заповеди, а мироуханный³⁰² ангел считает [все] твои шаги и все твои дела.

²⁹⁷ Ср.: Мк. 12, 30.

²⁹⁸ Мк. 12, 31.

²⁹⁹ Мф. 22, 40.

³⁰⁰ Ср.: 1 Кор. 13, 4–5.

³⁰¹ 1 Ин. 4, 16.

³⁰² Μυρίτωνος, однокоренное с «μύρον» — миро.

Прочти с благоговением Ветхий Завет и почерпнешь божественный нектар веры и любви. Там Бог напрямую говорил с людьми и ангелы их наставляли.

Бог пребывает везде, и нет места, где нет Бога.

Ты стараешься больше внимать Ему, а Он тебе внимает еще больше.

Ты Его зовешь: «Боже мой, где ты?»

И Он отвечает: «Я здесь, чадо мое! Я всегда рядом с тобой».

И внутри, и снаружи, и вверху, и внизу — куда бы ты ни повернулся, всё вызывает: «Бог!»

*В Нем мы живем и движемся*³⁰³.

Богом дышим, Бога вкушаем, Богом одеваемся.

Всё воспевает и благословляет Бога.

Всё творение вызывает.

Всё одушевленное и неодушевленное чудесно говорит и славословит Творца.

*Всякое дыхание да хвалит Господа!*³⁰⁴

Пусть всегда в твоём кармане будет святое Евангелие, и когда находишь немного свободного времени, читай небольшой отрывок. [В Евангелии] Христос дает тебе свет и наставляет тебя в Своих заповедях. Восполняет твою любовь и наставляет тебя подражать Ему.

Призывай непрестанно Его Матушку, читай [Ей] акафист, и Она будет тебя покрывать, всегда будет оберегать тебя от всякого зла.

Покупай «Паломника»³⁰⁵ и раздавай эти книги нашим братьям-христианам, чтобы они получали духовную пользу.

³⁰³ Деян. 17, 28.

³⁰⁴ Пс. 150, 6.

³⁰⁵ Имеется в виду книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», которую очень любил Старец Иосиф и всем советовал читать. Старец называет эту книгу «Паломником», т. к. в греческом переводе она называется «Οἱ περιπέτειες ἐνὸς Προσκυνητοῦ» — «Приключения одного паломника».

Пусть всегда у тебя на груди будет иконочка Пресвятой Богородицы. Целуй ее, когда собираешься ложиться спать. И чем больше ты будешь Ее любить, тем больше Она будет любить тебя. И во всяких обстоятельствах, когда ты Ее призовешь, почувствуешь Ее ощутимую помощь и утешение.

Она всегда и непрестанно ходатайствует обо всех чадах, которые горячо Ее призывают.

Волна радости наполнила мою душу, дитя мое, от твоих прекрасных слов, что тебя посетила благодать Благословенного и Святого нашего Бога. И сейчас, дорогое мое дитя, я начал снова выздоравливать.

Сорок дней я не ел ничего. Три раза возле меня дежурили ночью, ожидая смерти, но снова не пришел час. Мои детки плакали всё время, служили мне, как ангелы Божии. Наконец, сейчас снова я стал владеть рукой, писать, отвечать тем, кто пишет и ждет.

Ты мне пишешь, дорогое мое дитя, о благодати, которую ты почувствовал в своем сердце. И я начинаю слово о любви.

Так как Бог весь любовь и всё, что Он сотворил, горнее и дальше, произошло от большой Его любви, то Он не стал просить у человека ничего другого, кроме любви.

Передавая письменный Закон Моисею, Он взывает к нему заповедью, которую устанавливает первой и самой великой из всех: «Возлюби Господа, Бога твоего, от всей души, от всего помышления, от всей крепости»³⁰⁶.

То есть, всё стремление души [должно состоять в том, чтобы] вобрать в себя Бога. Чтобы ведение, чувство, мысль,

³⁰⁶ Ср.: Втор. 6, 5.

созерцание, озарение и всякое движение ума — всё во всём постигало Бога. И чтобы человек, глина, воздавал «Твоя от Твоих».

Воистину преславное величие!

И все добродетели и божественные дарования ощутимы и имеют действие. А божественная любовь, когда кто-нибудь сумеет возлюбить Любящего, превосходит чувства. И впредь действует божественная любовь. И царствует созерцание.

Тогда взывает движимый божественной любовью: «О Иисусе мой, сладкая любовь! Прежде чем я увидел Тебя, меня увидел Ты. О Свет души моей! Прежде чем я узнал Тебя, Ты дал мне узнать Самого Себя. И прежде чем я возлюбил [Тебя,] меня возлюбил Ты. О жизнь и сладкое мое дыхание, я был во тьме, и сладкий Твой голос меня разбудил и позвал. Я увидел Тебя, когда Ты меня познал. Вёдение Тебя — это созерцание Тебя. О радость моя и душевное веселие! О небесное рачение! О любовь пылающая и несожигающая!»

Итак, дорогое мое дитя, когда эта любовь начинает гореть, тогда мы приступаем ко второй³⁰⁷ заповеди Божией.

Когда возлюбишь Бога, тогда и ближнего своего возлюби, как самого себя.

Слышишь, что говорит Господь, дитяtko мое? Когда ты, дорогое мое дитя, жаждешь принести пользу своему брату, и идешь, и говоришь ему то, что знаешь, стремясь ему помочь, — это любовь к ближнему: ты любишь своего брата, как самого себя.

³⁰⁷ См.: Мф. 22, 39.

И то, что, как пищишь, ты чувствуешь в твоём сердце, и это приносит тебе радость и веселье, — это любовь Божия, которая начинает действовать в твоей душе.

Итак, если ты внимательно следишь за собой и непрестанно говоришь Иисусову молитву, а также помогаешь твоим младшим братьям, то тем самым зажигаешь огонь любви Божией в своей душе. И насколько ты жаждешь помочь другому и хлопочешь об этом, настолько и Бог изливает поток любви и напояет тебя.

И когда ты слышишь апостола Павла, говорящего: «Кто может отлучить меня от любви?»³⁰⁸ — то это говорит не Павел, а сама Любовь взывает к Любви в сосуде Павла.

Поэтому *пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*³⁰⁹, ибо *Бог есть Любовь*³¹⁰. И где вспыхнет эта любовь, там она горит и не опалает. Жаждет, но жажда не прекращается. Пылает сердце от любви, взывает: «Где Ты, сладкая моя любовь, Иисусе мой, свет моей жизни?»

И всё сильнее пылает, пока не прекратят действовать чувства.

Итак, дорогое мое дитя, не ищи ничего другого, а только любви: «Удостой меня, Господи, возлюбить Тебя, как возлюбил меня Ты!»

И пока этого достаточно, дитячко мое, так как я устал, ибо очень меня мучает одышка. Послал я тебе и другое маленькое письмецо, написанное отцом Ефремом, — тогда я не мог держать ручку. Сейчас, слава Тебе Боже, начинаю снова писать.

Будь очень осторожен с еретиками, дитя мое. Там, где ты сейчас, — чужие племена и языки. Не разговаривай с ними

³⁰⁸ Ср.: *Кто отлучит нас от любви Божией?* (Рим. 8, 35).

³⁰⁹ 1 Ин. 4, 16.

³¹⁰ 1 Ин. 4, 8.

совсем, ибо оскверняется твоя чистая душенька от их хульных слов. Нашей Православной Церковью они отлучены.

Не прошло и четырех дней, как я послал тебе письмо, дитя мое. И вот я начал тебе писать маленькое сочиненьице, чтобы оно было у тебя для памяти. С тех пор, как ты уехал от меня, я принял на себя обязанность твоего духовного отца — молиться о тебе не как о чужом, но как о возлюбленном моем чаде. И, помимо литургий и других молитв, я каждую ночь тяну и шесть четок³¹¹ за тебя.

Благодарю за всё, что ты сделал для нас. Теперь не беспокойся.

Имей терпение в своих скорбях и болезнях и призывай Христа Иисусовой молитовкой, пусть она не сходит с твоих уст. Призывай и сладкую Его и сладкую нашу Матушку, да покроет Она тебя от всякого зла.

Я посылаю тебе и другой листочек, второй, а сейчас посылаю тебе третий. Но мне стало хуже. Не знаю, смогу ли написать еще. Если нет — буду молиться о вас в иной жизни.

Молитва моя всегда будет с вами.

Помощь ваша — Христос и Пресвятая Богородица. Пусть будут всегда в вашем уме и сердце Их сладчайшие и желаннейшие имена. И этого достаточно вместо многих молитв.

Не огорчайся, что не находишь благодати в своей молитве. Она придет опять. Она отступает для того, чтобы ты ее искал с бóльшим желанием. А когда она приходит, будь более

³¹¹ На Афоне монахи пользуются четками-трехсотницами.

внимателен, чтобы ее не потерять. [Хотя] она и снова отходит. И таким образом ты становишься человеком совершенным, делателем опытным, чтобы безопасно вести и других по пути спасения.

Итак, понуждайте себя и остерегайтесь ловушек диавола. Ибо понуждающие себя овладевают Царствием Небесным³¹².

О том, что ты мне пишешь, позаботились твои духовные братья, и сегодня прибыли врачи и уколы, но над всем рука Господня.

Я писал тебе, что одышка — от болезни сердца. Но по сути истина в том, что это от Бога. Ибо, так как молодым я подвизался по произволению, теперь настала необходимость подвизаться нам вопреки произволению, дабы иметь и бóльшую награду.

Я вижу все, дитя мое, но что поделать? Братья твои не успокаиваются. Хотят меня оживить. Я вижу: надо мной — рука Господня. Плачу я, убогий, безутешно и бесполезно. Кричу им: «Дайте мне умереть!»

Я не выезжаю в мир. Не поеду никуда, чтобы не умереть по дороге. Здесь почию, с моими отцами.

Целую тебя,

смиранный о. Иосиф.

³¹² См.: Мф. 11, 12.

Часть вторая

**ИЗ ВАТОПЕДСКОГО
СБОРНИКА
«ОПЫТЫ
БОЖЕСТВЕННОЙ
БЛАГОДАТИ»**

*Иоанну, студенту Богословской семинарии Честного Креста,
Бруклин, Бостон*

Святая Гора, 5 июня 1959

орогому моему Иоанну желаю крепкого здоровья и просвещения от Бога.

Да отверзет Он твой ум Духом Своим благим, как Он ниспослал Его святым Своим ученикам.

Итак, добрый сын, бойся Бога и твори Его заповеди, и благо тебе будет.

Сегодня я получил твое письмо, прочитал его и очень обрадовался тому, что ты просишь пищи для своей души. Понуждай себя, доброе мое дитя, и прежде всего твори Иисусову молитву. Поминай Имя Божие, дабы и Бог помянул тебя в час искушения.

Что бы ты ни делал, [делай то] с размышлением и рассуждением и говори себе в каждое мгновение: «Иоанн, будь внимателен, тебя видит Бог. Он здесь, рядом с тобой. Он всё видит и видит хорошо. Ты ничего не можешь сокрыть от Него. Ты — червяк рядом с Ним, муравей».

Ведь Бог есть Бог многоочитый, Он видит всё вокруг. Прежде чем твой ум попытается образовать помысл, Бог это уже знает. Почему же ты не видишь, [что это так]? В́идение Бога есть в́едение о Боге.

Итак, когда ты не грешишь, не лжешь, не осуждаешь, не имеешь злых помыслов против твоего ближнего, тогда у тебя есть страх Божий. Тогда ты мудр и постигаешь Бога. И дабы не опечалить Его, не грешишь. И это есть в́идение Бога.

И Бог, видящий всё, покрывает тебя от ловушек сатаны. Вот способ, как уберечь себя от ловушек сатаны, мой дорогой сын. Сего тебе пока достаточно.

Молюсь о вас.

Смиренный о. Иосиф

*Фотию, студенту Богословской семинарии Честного Креста,
Бруклин, Бостон*

Святая Гора, 18 марта 1959

Дорогое чадо, Фотий, желаю тебе всего доброго, дитятко мое!

Фотий, получил я твое письмо и прочитал его, и возрадовался.

То, что ты пишешь, дитятко мое, — это помыслы от лукавого, который тебя мучает. Это пустяки, дитятко мое, всё это у тебя пройдет. Сотворим теперь Иисусову молитву. Уши зимой можно отморозить, и поэтому их надо держать в тепле. Искушение пользуется удобным случаем, чтобы напасть на тебя. Ты же не обращай внимания на то, что говорит тебе помысл. Мы прочитаем молитву над ваткой, я положу ее в письмо, а ты положишь ее себе в ухо. И не беспокойся.

Отвечаю тебе на твой вопрос об исповеди: то, что ты исповедовал, нет нужды повторять. Говори на исповеди только то, что ты не сказал прежде.

И заботься о том, чтобы всегда молиться. Твори Иисусову молитву, читай Святое Евангелие, Библию, Ветхий Завет и святых отцов, чтобы пробуждаться и просвещаться. Вот что спасает и сохраняет человека от греха. Остерегайся дурных компаний и слушайся советов отца Пантелеимона, он мое славное чадо.

Адрес твой потерялся. Я заболел, и все письма смешались в кучу, и твое, скорее всего, где-то затерялось. Поэтому я посылаю это письмо на адрес Пантелеимона.

Молюсь о тебе от всей души.

Смиренный Старец Иосиф

Послушнице Екатерине

Святая Гора, 7 августа 1957

Чадо благословенное Екатерина, желаю тебе всего доброго!

Получил я твое письмо оттуда, куда ты поехала, как ты пишешь, принимать ванны³¹³. Я замедлил с ответом, чтобы ты получила его, уже вернувшись в ваш монастырек.

Думаю, хорошо было бы тебе проявить терпение и не ездить на эти ванны. Ведь ты молода и это для тебя опасно. Если мы, дитя мое, вытерпим все скорби, то обретем благодать от Господа. Для того попускает нам Господь искушаться, чтобы нас испытать и сплести нам венцы.

Для этого необходимо терпение: без терпения человек не становится деятелем. Итак, мужайся и укрепляйся о Господе, и будешь иметь награду на Небесах.

Люби Иисуса и твори непрестанно Иисусову молитву, и она будет тебя просвещать на Его пути.

Передаю тебе наилучшие пожелания от отца Ефрема и от всех отцов. Передай приветствие всем сестрам.

Благодарим вас за всё, что вы нам прислали.

Молюсь о вас.

Смиренный Старец Иосиф

³¹³ Речь идет о посещении курорта и приеме лечебных ванн.

Послушнице Навсика́е

Святая Гора, 25 августа 1958

Чадо благословенное Навсикая, желаю тебе всего доброго!

Получил я твое письмо и прочитал его.

Радуюсь я тому, что ты понуждаешь себя спастись. Будь очень внимательна и понуждай себя, ибо употребляющие усилие овладевают Царством Небесным³¹⁴.

Понуждай себя к Иисусовой молитве, и всё пройдет. Если вы творите эту молитву, то будете любы друг другу и не будет у вас разделений. Ведь в разделениях лукавый находит себе радость.

Понуждайте себя к Иисусовой молитве, дабы осенила вас благодать! И внимайте себе.

Мы о тебе помолимся. Да будет всё прощено, и да будет положено доброе начало!

Смиренно о тебе молюсь.

Старец Иосиф

На обороте пишу и сестре твоей Екатерине, ибо вы — сестры. Не смущайтесь.

Иоанну, отцу Екатерины и Навсикаи

Господину Иоанну.

Дорогой мой и благословенный господин Иоанн, получил я твое письмо, и прочитал его, и радуюсь нежной твоей любви к твоим чадам.

³¹⁴ См. Мф. 11, 12.

Пожалуйста, позаботьтесь сделать так, как я ей пишу к пользе ее души, и тогда выздоровеет и ее тело.

И не беспокойте себя беганием по врачам, ибо вблизи всех нас есть Врач души и тела.

И мы здесь не перестаем поминать вас, дабы сохранил вас Господь.

Будьте здоровы о Господе!

Наималейший Старец Иосиф

Сестре Эргине (отрывок)

...Он опомнится и поймет, что жизнь — это сон, быстро проходящий [сон]. Суета, суета, всё проходит. Раз уж Всесильный послал ему напоминание, почему он, благословенный, этого не воспринимает? Нечто подобное было и со мной. Ты этого не помнишь? Увял цветок, увял — и дал мне понять суетность всего. Он наш брат, и мы за него переживаем. Но исцелится он своими собственными слезами, а не только нашими.

Теперь, дорогая моя сестра, расскажи о делах твоей семьи. Имей терпение — я с вами в вашем доме. Очами сердца ты можешь меня увидеть. О добрая моя сестра, ваш дом в Пирее значит для меня, грешного, больше, чем дом, где я родился.

Живя там, в этих стенах, я принял решение об уходе из мира. Там я собрал всю свою одежду и взял благословение нашей почтенной матери.

Принимайте нищих, поите жаждущих, утешайте страждущих. В вашем доме я отчетливо узрел истину.

С радостью я прожил бы с вами еще больше, но мне пора было отправляться в Скит.

* Текст шестого письма Ватопедского сборника приводится в первой части данного издания на с. 169 под номером 39.

Надеюсь, когда-нибудь вы сделаете ваш дом оазисом для многострадальных.

Милостыню твою мы все приняли с большой радостью. Прими и от меня кое-что в благословение для дорогой нашей невестки.

Да будет с Вами благословение всеобщей нашей Матери, сладчайшей Пресвятой Богородицы Миртидиотиссы³¹⁵...

Сестре Эргине (отрывок)

Сестра моя!

Дениска, дорогой мой племянник и сын твой, душа моей души, однажды станет апостолом. У него есть дарования, а [его] добродетели видны [даже] издалека.

Пожалуйста, сохрани икону Пресвятой Богородицы Миртидиотиссы, она — его.

О возлюбленная моя [сестра,] как я обрадовался, когда увидел его. Сподобит ли меня Господь снова увидеть его и его преуспеяние? Пусть он непрестанно творит Иисусову молитву, и тогда станет и смиренным, и [в то же время] великим...

*Племяннику Дионисию Батистатосу,
сыну сестры Эргины (отрывок)*

Дорогой Дениска, любимый племянник, [сын] любимой сестры!

Радуюсь твоему приезду, рад услышать новости о твоей семье и братьях во Христе. Божия любовь не оставляет меня,

³¹⁵ Имеется в виду почитаемая в Греции чудотворная икона Пресвятой Богородицы. Икона обретаена в XIV в. на о. Кифира в зарослях миртовых деревьев, откуда и получила свое именование. Обретение иконы празднуется 24 сентября.

но по грехам моим Он меня лишил моих возлюбленных духовных братьев. Почему меня оставил мой брат?

Дениска, если ты его как-нибудь увидишь, задай ему этот вопрос, как если бы это я его спросил.

Вы просите моей молитвы. Прошу и я вашей в мгновения оставленности.

Нелегко мне писать дальше. Этот год стал годом боли, плача и страдания.

Творите Иисусову молитву. Бог есть любовь и слышит нас. Должны и мы слышать, когда Он призывает нас для нашего блага.

И если ушел мой брат, Бог его известит, Пресвятая Богородица вернет его назад. О, если бы, если бы он вернулся, свет моей души, прежде, чем уйду я!..

*Племяннику Дионисию Батистатосу
(отрывок)*

Дорогие мои чада, любимый племянник, [сын] многовозлюбленной сестры!

Огонь моей любви к вам велик. Пишу о тебе и о нашей невестке, которая родит чад Божиих.

Тело мое сильно изболелось, мне пора уходить. К счастью, есть у меня очи души, которые меня ведут. А сердце уже не выносит...

*Монахине Врие́не, племяннице,
дочери сестры Эргины (отрывок)*

Святая Гора, 8 апреля 1947

Возлюбленному моему чаду, утробе моей души, сладкогласному сла́вию, бряцающему в гусли, яко божественный Давид, священные из священных для священных божественные

и пренебесные сладкопения, которыми прославляется Отец, веселится Сын и радуется Пресвятой Дух — благодать воз благодать³¹⁶ вашим благословенным душам и твоей душеньке.

Любимая моя дочь, ты возвеселила меня сказанным тобою. Ибо я получил твое письмо, с радостью его прочитал и всем умом и разумом возжелал устремиться за зрительной силой очей, дабы постигнуть и узнать имя³¹⁷, новую Вриену, чтобы, наконец, насытилась вождевательная часть моей души и прекратилась боль моих страданий о тебе и чтобы впредь я воздавал совершенные благодарственные гласы ко благому Дателю и Благодворителю всех Богу, Который яко Отец истинный и любвеобильный исполняет пожелания чад Своих, аще суть благоугодны Ему.

Итак, дорогая моя, облекись во всеоружие, которое ты получила, и крепко подвизайся, умело направляя стрелы против врагов, взирая на единственную цель и стараясь попасть в мишень — никогда не впадать в преслушание Старице игуменнии. Лучше опечалить Бога, чем свою духовную матушку, ибо если Он тобою будет опечален, то у тебя есть ходатаица Старица, которая умолит Его за тебя. Если же ты и ее опечалишь, кто тогда умилоstit для тебя Господа?³¹⁸

Поистине велико таинство послушания! Ведь если Сладчайший наш Иисус первым начертал этот путь и соделался для нас примером, то сколь усердно должны подражать Ему мы!

О, если бы и я был с вами, чтобы упражняться в воистину вожденном для меня послушании! Ибо искренно исповедую со всею крепостию и с полным сознанием, что нет иного спасительного пути, [столь] далекого от всякой прелести

³¹⁶ См.: *И от исполнения Его мы вси прияхом и благодать воз благодать* (Ин. 1, 16).

³¹⁷ Речь идет о имени, которое было получено в монашеском постриге, сошедшемся накануне.

³¹⁸ См. примечание 65 на с. 74 в письме 14-м.

и действия вражеского, как этот. И если кто истинно желает спастись и жаждет быстро обрести Сладчайшего Иисуса, то должен он оказывать послушание и с такой любовью почитать Старицу игуменню, как если бы видел [в ней] образ Божий.

Ведь когда она, благословенная, берет на себя [хотя бы] только одну из вас, тягчайшая цепь обвивается у нее вокруг шеи. И нуждается она, воистину, во многих молитвах, чтобы облегчилась тяжесть. Нуждается в большой и неподдельной любви, а не в преслушаниях. Она нуждается в том, чтобы ваши уста источали мед и амброзию, а не прекословие. Нуждается в непрестанных поцелуях со слезами на глазах, а не в спорах. Нуждается не в распрях и битвах, а в том, чтобы со многими и невинными слезами вы просили Пресвятую Богородицу дать ей здоровье души и тела.

Ведь каждое жестокое слово, которое вы скажете ей в час искушения, как ядом напояет ее душу, поскольку и происходит оно от лукавого змея, и она увядает, как цветок, побиваемый градом. И затем не может она даже о себе помолиться, пока не пройдет боль.

Но если всё, что мы здесь сказали, вы делаете с послушанием и любовью, то она расцветает как благоуханный цветок и стремится ввысь. Молится и просвещается. Дает советы, и ей [подается и еще] прибавляется [благодать]. И становится она неоскудным источником, расточающим всем благодать, которую подает ей Господь.

Итак, сему внимайте и научайтесь. Впрочем вам это уже говорили Старец и Старица. Поскольку же вы просите [совета] и от меня смиренного, хотя я и знаю, что в благах моих вы не нуждаетесь³¹⁹, то лишь по большой любви к послушанию слушаюсь вас и яко раб творю то, что вы повелели. Вы попросили меня писать, я и пишу. Попросили: «Молись о нас» —

³¹⁹ Ср.: Пс. 15, 2.

я и молюсь. Я люблю вас и оказываю вам послушание. И если скажете мне прекратить, я прекращу.

Итак, если и вы меня любите как подлинного вашего брата, [то все,] от Старца и Старицы до самой младшей сестры, творите и обо мне молитву с болью души, с искренней любовью Христовой, да хранит меня Господь вашими молитвами. Ибо я имею совершенную веру в вас и неподдельную Иисуса моего любовь и уповаю, что вашими молитвами Он меня помилует, и тогда исполнится на нас реченное: *брат от брата помогаемь, яко град тверд*³²⁰...

Монахине Вриене, племяннице

Дорогое мое дитя, дочь возлюбленная [моей] возлюбленной сестры, желаю тебе пребывать в мире и непрестанном покаянии.

Узнал я, что [у вас] происходило. Может быть, вы забыли Бога и Его великую любовь? Почему вы не возлагаете всё ваше упование на Господа? Почему не держите в ваших душах то, что с большим трудом извлекаете из святых книг?

Монах меняет не место жительства, не цвет одежды и даже не [образ] мыслей. Монах и монахиня меняют ум вместе с сердцем. Они мыслят не так, как мирские.

Когда ты ушла от Старицы игумении, у тебя было предчувствие того, что за этим последует. Теперь на тебе ответственность и за других. Положение нелегкое. Требуется огненное пламя любви, нескончаемые часы молитв, непрестанное бодрствование ума.

Вспоминаю твою мать и возлюбленную мою сестру. Она непрестанно говорит в моем сердце, чтобы я о тебе заботился.

³²⁰ Притч. 18, 19.

Лучше тебе спрашивать нашего Дениску — у него есть дар давать советы и страдать вместе со страждущим.

Не огорчай другие души. Монах и монахиня терпят. Они подают пример терпения и прилагают усилия, чтобы пришли все добродетели, — когда того пожелает Божественная Любовь, а не когда думаем мы.

Из монастыря выходите только в случае абсолютной необходимости и останавливайтесь у Дениски в Пирее, согласно пожеланию и твоей матери, и матери твоей матери.

Переноси ошибки других, как и сестры переносят твои. Внимание, внимание, внимание, чадо мое! Искушения есть везде, а особенно в нашей келлии.

Повторяю: спрашивай нашего Дениску, у которого совершенно нет гордости и корыстолюбия. А есть у него благословение вашей матери и моей любимой сестры, ибо он много за ней ухаживал в последние ее годы.

Бог наш да помилует всех нас молитвами преподобных богоносных отцов.

Всесмиренно,

Старец Иосиф.

Монахине Вриене, племяннице (отрывок)

Итак, послушайте меня, внимайте моим словам, ибо я имею сказать вам воистину страшное и сокровенное великое таинство домостроительства Божия. Мне не жалко поделиться с вами полезным. Я не скрываю, подобно сокрывшему свой талант, того, что знаю. Я не страшусь угроз бесов, которые рыкают на меня, открывающего эти таинства, но уповаю на ваши молитвы.

Приидите все вместе по чину. Истиной очистите уста, постом соделайте непорочным тело и молитвой освятите

ваш дух. Соделайтесь младенцами телом и владыками духом. Окрыляйтесь и из гусениц станьте бабочками. Ничего земного не оставляйте в вашем уме. Прилетайте поближе ко мне, а я буду предводительствовать вами. Нам предстоит пройти сквозь эфир! Нисколько не страшитесь, я многократно восходил и знаю путь. Следуйте за мной, серны Иисуса моего, одна за другой. Пусть ваш ум будет свободен, чтобы узреть небесное, и вот уже открывается нам дверь рая.

Тут и там предстоят ангелы, херувимы и серафимы. Справа и слева облетают шестокрылатые. Стены алмазные. Благовонные златосиянные цветы благоухают вокруг. Там птицы разнообразные многоцветные сладко поют разнообразные тэ-ри-рэмы³²¹ и ум наш возводят от созерцания к созерцанию. Земля — как снег бела, а посреди нее — великий дворец Царицы нашей и Пречистой Матери!

Итак, бегите, ибо вас ожидает сладкая наша Матушка! Не заглядывайтесь на ангелов, ибо написано: даже ангелы да не разлучат нас от любви Иисусовой³²².

И вот, добрый привратник, огнезrachный ангел, открывает нам, и сладкая наша Матушка, как снег сияющая, восстает и оказывает нам прием.

О сладкая наша Матушка! О свет душ наших, о любовь неподдельная, о жизнь душ наших! Да предадим Богу наши души со именем Твоим на устах. Со сладчайшим лобзанием усырщи нас и на лоно Твое приими. О Мать, сладчайший мед и нектар, о благоухание и благовонный аромат!

³²¹ Тэ-ри-рэм — одна из кратим. Кратима (кратѣца — задержка) — певческая, мелодически развёрнутая вставка без слов, как правило, в конце великораспевного песнопения на праздничном богослужении. Кратима исполняется на слоги: тэ-ри-рэм, то-ро-ро, нэ-нэ-на и др. Кратимы выражают молитвенное состояние души на вершине вдохновения, когда уже иссякает всякое слово. Также они могут символизировать слышанные апостолом Павлом глаголы неизреченные (см.: 2 Кор. 12, 4).

³²² См.: Рим. 8, 39.

Падите на землю и облобызайте нозе и руце сладкой нашей Матушки и примите неизреченное благоухание от Святой Девы. Не сомневайтесь, что Она Сама научила меня образу действия и дерзновению и любовь мне явила и подала.

Изреки нам, сладкая наша Матушка, таинство неизреченного Твоего домостроительства и нашего с Тобой сродства. Ты, Матушка сладчайшая, носящая присно во объятиях Твоих сладчайшего Младенца, — Того, Кто носит всё [Своим] мано-вением, ради нас [ставшего] Малюткой во времени и Безлетного и Ветхого деньми — скажи нам благоуханными Твоими устами то, к чему не могут и ангелы приникнуть³²³.

И вновь услышите, сестры мои возлюбленные. Когда совершается Божественное Тайноводство, наша сладкая Матушка дает Младенца и Он приносится в жертву за нас. И когда мы причащаемся достойно, благодаря предваряющему посту, благодаря добровольному бдению, благодаря умиленной молитве, мы вкушаем Тело Иисусово и Кровь, ту самую, которую Он воспринял от пречистых кровей Пресвятой Богородицы. Также, вкушая Тело Господне, мы непрестанно питаемся млеком Пресвятой. И что при этом происходит с нами? Мы становимся подлинными чадами Богородицы, и братьями, и сестрами Христа, и, по благодати, сынами и чадами Божиими. И когда мы неизреченно содержим Христа в душе и теле, не приобщаясь [при этом] Ему по сущности³²⁴, тогда содержим и Отца со Святым Духом, ибо Сын со Отцем неразделен.

Таково преестественнейшее сродство, которое мы восприняли от Пресвятой Богородицы и сладкой нашей Матушки. Видите, какого дара нас удостоила сладкая наша Матушка? Видите, сколь много мы должны Ее любить?

³²³ См.: 1 Пет. 1, 12.

³²⁴ ἀνουσίως

Посему мы должны, как младенцы, непрестанно приближаться и часто принимать Ее божественные сосцы, дабы питаться, как незлобивые Ее чада. Всякий раз, когда мы готовимся причаститься, мысленно да принимаем для питания Ее сосцы, и сладкий Иисус, Малютка в ее объятиях, уступает и дает нам позволение. Он не ревнует изобильному раздаянию [пищи] Его Матушкой, но радуется и приглашает нас.

Закутайтесь, как младенцы, в одеяние нашей Матушки и наполнитесь чистотою от Ее божественного девственного тела, почерпните от Нее благоухание. Я не знаю ничего иного, чтобы столь угодно было Пресвятой Богородице, как чистота. И кто хочет стяжать великую Ее любовь, да позаботится очиститься, и тогда Она непрестанно будет лелеять его в Своих объятиях и будет подавать ему всякий небесный дар.

Монахине Феодосии

Святая Гора, 20 августа 1930

Чадо Феодосия, радуйся и здравствуй о Господе душою и телом и проявляй терпение в скорбях, приходящих к тебе.

Не ропщи и перейми характер смиренного и прельщенного твоего Старца³²⁵, дабы помнила его, [и помнила,] как некогда ты с ним вместе подвизалась и спасалась в Геровице Македонской. И молись, чтобы мы не разлучились в иной жизни, но были едины, славя с Феодорой, Феодорой, Евпраксией, Марией и Дёспиной и со всеми святыми девами Святое Имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Прельщенный, смиренный Иосиф, монах

³²⁵ Старец Иосиф имеет в виду себя.

Монахине Евпраксии

Святая Гора, 28 октября 1948

Чадце мое дорогое, утроба моей души, Евпраксия, желаю тебе всего доброго!

Дитя мое, Евпраксия моя, я получил твоё письмо и твою фотографию и радуюсь, что ты здорова. Что же касается нашего здоровья здесь, то я всегда болен, а у остальных всё хорошо.

Понуждай себя, чадо мое. Понуждай себя к молитве, ибо дела наши очень плохи. Пресвятая Богородица потихоньку нас оставляет по грехам монахов.

Коммунисты пришли и сюда, женщины и мужчины, и разорили всё³²⁶. Магазины, монастыри. Золотыми монетами набивали мешки. Продуктовые лавки опустошили. Взяли пленными 300 рабочих и ушли. Оставшиеся заберут то, что не смогли унести сразу. Нагрузили 250 мулов и отправили их в Болгарию.

Женщины вошли в Иверский монастырь, где находится Вратарница³²⁷ и куда царице не позволено было когда-то войти для поклонения. А теперь вошли разбойники. Конечно, разруха добралась и сюда, на наше место. Ибо Пресвятая Богородица это место оставит, и горе монахам, которые не будут найдены в покаянии.

Поэтому я тебе говорю: понуждай себя, чтобы мы были застигнуты в добрый час и Господь нас принял.

Молюсь о тебе от всей души.

Твой отец смиренный Иосиф

³²⁶ Речь идет о вторжении партизан-коммунистов на Святую Гору 3/16 октября 1948 г., когда они, наряду с другими бесчинствами в Карее, осадили здания полиции и ватопедского представительства, в котором размещался губернатор Святой Горы.

³²⁷ Т.е. Иверская икона Пресвятой Богородицы.

Монахине Магдалине

Святая Гора, 16 апреля 1959

Чадо мое благословенное Магдалина, утроба моя божественная и священная, желаю, чтобы это письмо с радостным приветствием «Христос Воскресе!» нашло вас в полном здравии.

Возлюбленное мое чадо, получил я твое письмо, прочитал его и возрадовался твоему доброму покаянию, твоим замечательным словам, твоему благому произволению.

Бог, Которого я чту от юного возраста всей своей душой и всем своим сердцем, да пошлет тебе Духа Своего благого и живоначального и животворящего, и да отверзет тебе сердце твое, и да оросит твою душу Своею Божественною благодатью. Да омыет Он тебя миром Своего освящения и да усадит тебя росой райскою.

Возвеселила ты мое сердце своими прекрасными словами, и как фимиам возшло оно к Богу. Итак, дерзай, дорогое мое дитя. И как ты и написала, смотри по-матерински за Пантелеимоном моим, который невинен, как ангелочек, и благ, как незлобивый ягненок. Получил я и то, что ты завернула³²⁸, сегодня же отслужим панихиду.

А когда будет соборование, тогда я пошлю тебе святой елей, чтобы помазалась ты, и Пантелеимон, и все вы во здравие души и тела. Только бумагу и ватку, в которые будет завернут пузырек, всё, кроме струццев³²⁹, сожги. Струццы храни с фитильками, рядом с иконами, и если вы заболаете, помазываются святым елеем.

³²⁸ Т. е. деньги, вложенные в письмо.

³²⁹ Струцек — палочка, с помощью которой помазывают елеем.

Ты забыла мне написать имена своих родителей, чтобы я поминал их. Поминать их будет мне в большую радость. Очень прошу тебя: я написал твоему брату, моему Пантелеимону, чтобы вы без всякого шума, не вызывая ни у кого подозрений, отделились от отца Петра. Я всё это пишу Пантелеимону, ты это прочитаешь там.

Я забочусь о ваших душах. Я для вас сделаю всё, что хотите, только смотрите, не будьте нерадивы о вашем спасении. Иисусову молитву творите непрестанно, чтобы получить благодать.

Подражай святой Магдалине и плачь пред иконой Христа, отри власами своими Его образ, и удостоишься такого же благословения, которое услышала и та.

У тебя есть талант богатого твоего произволения, и ты обрешь равную ему меру великой Его любви. О, сколь сладок Его глас, сколь утешителен! Трепещет сердце, расширяется ум. О, сладкий глас Христа, услышанный Марией!

Ищи, как воспринять эту божественную любовь. Даже мне, говори, Женише, сладчайший Иисусе мой, эту любовь. [Да подаст Он тебе] такую любовь, что лишь услышишь это Имя: сладчайший Иисусе мой, так твоя душа преисполняется радостью, и трепещет сердце, и текут слезы, как из родников, и ты не в силах их остановить.

Итак, взывай: «Иисусе мой, жизнь моя, свет моей души, сладкое мое дыхание, радость моя и жизнь моя!» Всеми сладкими словами, на которые ты только способна, согрей свою душу, дабы понудить Господа возлюбить тебя, и тогда увидишь, как сладка Его любовь.

Передай наилучшие пожелания моему Пантелеимону. И внимательно наблюдайте, чтобы проводить жизнь всегда со страхом Божиим и беседовать только о духовном. Тогда и Бог всегда будет с вами, сохраняя вас от всякого зла.

Передаю пожелание госпоже Василики́ и Клио́: «Господь да дарует вам мир».

Молюсь о тебе от всей души. Наилучшие пожелания передаю тебе от отца Ефрема и других духовных твоих братьев, от всех.

Смиренный твой Старчик и отец,

Иосиф, монах.

Это письмецо дай [прочитать] Пантелеимону. А ему письмо пишет отец Арсений, так как мой Пантелеимон написал ему.

*Монахине Вриене, монастырь Святых Константина
и Елены Калогреон, Каламата*

Святая Гора, 15 марта 1959

Чадо мое любимое и благословенное, Вриена, утроба моя божественная и священная, желаю тебе всего доброго.

Получил я твое письмо и прочитал его, и возрадовался твоему пожеланию, чтобы я выздоровел.

Дитяtko мое младшее, благой наш Бог посетил меня — ибо Он любит меня — одной очень тяжелой болезнью, бронхопневмонией. Рядом со мной дежурили ночью, опасаясь, что я отойду. Плакали мои детки, но час еще не пришел. Мне сделали сто двадцать уколов. Наконец, я немного поправился. У меня страшная одышка, так что если я для облегчения не приму лекарство, то могу задохнуться.

Сейчас мне лучше, и мы опять пишем братьям. Итак, ты видишь, что благодать начинает тебя посещать, и сколько в

твоих силах, понуждай себя говорить Иисусову молитву. И увидишь, что это принесет большую пользу твоей душе.

Вся сила души — это молитва. И как тело укрепляется пищей и разными приправами, которые мы употребляем, так и наша душа требует прежде всего молитвы, чтения, устного слова, примера перед глазами, — и так она мало-помалу пробуждается. Ведь, если ее оставить [без этого,] она засыпает, ею овладевает забвение, бесчувствие. И нужно на нее подуть, подобно тому, как мы дуем, стараясь разжечь огонь. Пример — это раздувание покрывающего угли пепла, который есть образ забвения. И от этих дуновений разгораются угли и производят теплоту. Так уходит бесчувствие, рождающее прелесть, когда человек думает, что всё у него хорошо, тогда как на самом деле — нехорошо.

Итак, ты, малое мое дитяtko, теперь, пока у тебя есть время, плачь, чтобы возрадоваться. Скорби, взывай, обнимай икону Пресвятой Богородицы, как обнимаешь свою матушку. И, как младенец, зови Матерь: «Матушка моя, помоги мне, подай мне то, что по Твоему разумению полезно для моей души». И не жалея для Нее слов, и будешь черпать утешительную благодать всякий раз, когда будешь Ее просить. И так приобретешь любовь.

Она дарует тебе и молитву, Она зажжет пламя и любовь ко Христу, ибо ходатайствует за нас пред Сыном Своим. И Он все Ее прошения исполняет, ибо Она — Его Матушка, и Он не может Ей отказать.

Итак, всё, что хочешь, проси у Нее, как малое дитя, которое просит у своей матери и тянет ее за юбку, не отпускает ее, обнимает ее, орошает ее слезами.

Делай то, что я тебе говорю, и в скором времени увидишь, сколько любви ты обретешь от сладкой нашей Матушки. Проводи жизнь со многот простотой, дабы обрести чистоту

души. Простота есть большое счастье для души. Прочитай о чудесах Богородицы в книге «Грешников спасение»³³⁰, чтобы у тебя появилась любовь, ибо любовь — всему голова. И я, поскольку поправился, молюсь о тебе, да укрепит тебя Господь и Пресвятая Богородица.

Остаюсь твоим молитвенником.

Старчик Иосиф

*Монахине Вриене, монастырь Святых Константина
и Елены Калогреон, Каламата*

Святая Гора, 9 апреля 1959

Дорогое мое дитя благословенное, Вриена, утроба моя божественная и священная, желаю тебе всего доброго.

Получил я твое письмо, прочитал его и возрадовался о твоём здравии.

Бог, дитя мое, есть любовь. И движимый любовью, Он всё сотворил, желая поделиться богатством Своей великой любви. Бог не имел и не имеет нужды в человеке. Он Сам по себе славен, Он — весь любовь. Поэтому и от человека Он не потребовал ничего иного, кроме любви. *Возлюби, — говорит Он, — Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею, всем умом твоим и всею крепостию твоею*³³¹.

³³⁰ «Грешников спасение» — книга аскетического и катехизического содержания, написанная Агапием Критским, впервые изданная в 1641 г. и приобретающая огромную популярность; включает в себя также собрание рассказов о чудесах Пресвятой Богородицы. См. рус. перевод: Единец, 2003.

³³¹ Мк. 12, 30.

Таким образом, ты видишь, что надо всё желание своей души обратить к Нему. Да не разделяется твоя любовь на родителей, на детей, на что-то вещественное, но всю ее целиком обрати к Нему и зывай: «Иисусе мой, сладкое мое дыхание, свет моей жизни, моя единственная любовь, единственное мое поклонение! Я поклоняюсь Тебе, возлюбил меня, явил мне рачение Твоей любви, да воздам Тебе Твоя от Твоих. Мать сладкая Христова и моя, приведи меня к Твоему Сыну, Которого Ты родила и Которого носишь, Носящего вся».

Когда ты говоришь такие слова и многие другие, подвигающие к любви, невозможно не вкусить в скором времени любовь Христову. И тогда твое сердце, вся твоя внутренность будет трепетать, разгораясь от горячей Христовой любви.

Тогда откроются твои душевные очи и отбежит от тебя помрачение твоих страстей. Но и, опять же, искушения и непрестанные скорби не прекратятся.

Ибо, лишь только отойдет благодать ради испытания, сразу начинаются страсти и искушения. И тогда снова — понуждение, снова — полагание начала, снова — призывание: «Спаси мя, Господи». Снова — к сладкой нашей Матушке, снова — в Ее объятия, к Ее груди, как грудной младенец. И так мало-помалу ты просветишься.

Понуждай себя, не забывай об Иисусовой молитве, ибо в час искушения она тебе очень поможет.

Я не понял, что значит оставление игумении, о котором ты написала.

Итак, я желаю тебе доброй Пасхи, и да станет для тебя мое письмо Пасхой духовной.

Я не вполне здоров, но благодатью Пресвятой Богородицы и с помощью лекарств держусь.

Смиренно молюсь о вас.

Старчик Иосиф

*Монахине Вриене, монастырь Святых Константина
и Елены Калогреон, Каламата*

Святая Гора, 12 июня 1959

И снова напишем-ка благословенной малой нашей дитятке, дорогой нашей малышке Вриене.

Прошло несколько дней, как получил я твое письмецо и прочитал его. Очень я огорчился, что потерялось мое письмо, ибо [там] были написаны прекрасные слова, еще более полезные, чем в предыдущих письмах. И Господь знает, что я был [тогда] очень тяжело болен, но я понуждаю себя всегда.

Сейчас ко мне привели врача из мира. Братия меня провела, сказав, что якобы пришел из мира очень хороший врач и сам хочет меня посмотреть. Так как я устал от врачей и не хотел [их звать,] братья сочинили выдумку.

У меня был сильный отёк [всего тела,] и я ничего при этом не ел. Поэтому и пишу тебе с задержкой. Так вот, привели его из Иериссо́са, и он меня в итоге посмотрел. Он мне сказал, что путешествует по Святой Горе — так его надуумили мне сказать — и ему доставит радость посмотреть меня. Он меня хорошо осмотрел два раза, всюду. Сказал мне, что я болен сердцем, что болезнь усугубилась. Если бы он меня увидел пару месяцев назад, то мог бы обещать полное выздоровление, а теперь — лишь частичное. Прописал внутривенные уколы каждый день, и другие — от отечности. И через час их забрала моторная лодка — их было двое — и отвезла обратно.

Сейчас с помощью Божией мне лучше, благодаря уколам. Их нам принес сюда другой врач. Меня хотят воскресить и сражаются за это. Таково мое плачевное состояние. Теперь, как только я пришел в себя, так сразу начал вам писать.

Итак, имей большую любовь ко Христу, и ты без промедления насладишься Им. Нет ничего выше любви. Этого проси, чтобы тебе [ее] даровал Господь и Его сладчайшая Матушка.

Когда ты творишь Иисусову молитву непрестанно и тебя осенит Его благодать, тогда согревается твоя душа от божественной любви и пламенеет твое сердце, так что хочет оно только Именем Христовым непрестанно заниматься. И это Имя да будет единственным твоим дыханием и твоей жизнью.

Тогда ты увидишь, что будет делаться внутри тебя. Слез не удержать. «Любовь, любовь, — звучит в тебе зов, — весь Он — любовь». Человек не может удержать волн [благодати,] и от этого душа хочет выйти из тела и пойти к Нему.

Этого теперь довольно.

И вновь я тебе желаю всего доброго.

Твой отченька Иосиф

Монаху Пантелеимону

Святая Гора, 26 сентября 1957

Дорогому моему дитятке Пантелеимону.

Молимся о твоём здравии, любимое мое чадо.

Получил я твое письмо и очень обрадовался, что ты здоров. Печалюсь, что нет тебя рядом и я не могу рассказывать тебе о молитве, просвещать твой чистый ум, дабы и ты просвещал других и [сим] умножались бы хорошие люди.

Все здешние мои отцы тебя помнят и молятся о тебе. Но ты нам не написал, почему остаешься в Афинах. Мы думали, что ты уже рядом со своими родителями и нашим отцом Ефремом. Он нам написал письмо, где пишет, что он сейчас на краю Америки, где на солнце можно испечь хлеб. И я ему ответил, чтобы он приехал к нам и обрел у нас покой.

Если бы ты был с нами, то многому бы научился. А пока ты находишься в миру, по крайней мере, позаботься творить Иисусову молитву, не оставайся без дела. Непрестанно молись с теплотой души, дабы родилась внутри тебя умная молитва и взывало твое сердце «Иисусе сладчайший, спаси мя».

Я обрадовался, что ты познакомился с этой избранной семьей Александра и Марии³³². Я очень им благодарен за то, что заботятся они о моем болезненном, но дорогом дитятке. Обрадовался также, что вы поедете к святому Иоанну Русскому³³³. Это доставит тебе большую радость, и ты расскажешь об этом у себя, когда вернешься к своим родителям. Позаботься снова приехать к нам, чтобы мы тебя увидели и ты нас увидел, чтобы поговорили мы о дарах нашего благого Бога.

Передай наилучшие пожелания госпоже Марии и ее супругу. О вас молятся все, молюсь о вас и я.

Смиренный Старец Иосиф

Забыл написать: пришел сейчас к нам один серб, именем Бранко, знает греческий, может быть, ты с ним знаком.

Монаху Пантелеимону

Святая Гора, 11 июня 1958

Чадо мое возлюбленное, утроба души моей, благоухание мое, цветочек райский, желаю тебе всего доброго!

Желаю тебе скорейшего возвращения домой, хотя и желал бы я видеть тебя рядом со мной.

³³² Речь идет об А. и М. Пападимитриу, владельцах афинского издательства духовной литературы «Астир», помогавших Старцу Иосифу и его общине.

³³³ Мощи св. Иоанна Русского находятся в г. Прокопи на о. Эвбея.

Сегодня, 11-го по старому стилю, получил я твое, дорогое для меня, письмо и очень обрадовался. Однако и огорчился, что ты много потратил, чтобы сделать нам приятное. Хотя это и делается ради любви Христовой и Богородицы, я никого не желаю отягощать. Молюсь, чтобы Пресвятая Богородица помогала тебе во всём.

С тех пор как ты уехал от меня, я возложил на себя обязанность твоего духовного отца: молиться не как о чужом, а как о любимом чаде. И помимо литургии и других молитв, каждую ночь тяну за тебя и шесть четок.

Благодарю тебя за все, что ты для нас сделал. Параклитик³³⁴ нам не требуется, поскольку ты прислал нам Октоих. В Цветной Триоди нужда есть. Если ты эти книги еще не выслал, оставь их у себя.

Когда ты — в добрый час! — отправишься [домой] и случится тебе увидеть отца Ефрема, нашего дорогого и незабвенного, передай ему множество поцелуев. И если у него есть в чем излишек, то может и он заказать [для нас] несколько икон, ибо всё, что у меня было, я истратил, и [теперь] мне не хватает только икон³³⁵.

Передай всем наилучшие пожелания, и другу, твоему спутнику, [также]. Мы ждем и его, чтобы он вновь пришел, как он нам сказал, осенью. Если тебя застанет там это мое письмо, напиши мне пару слов, что получил его.

Передай наилучшие пожелания господину Пападимитрию и его супруге, Урании, Никосу и всем.

Я тебя молитвенно лобызаю, и все наши отцы также.

Смиренный Старец Иосиф

³³⁴ Богослужебная книга, аналогичная Октоиху.

³³⁵ Речь идет о новой церкви в общине Старца Иосифа.

Монаху Пантелеимону

Святая Гора, 17 сентября 1958

Чадо мое любимое, утроба моей души, дитяtko мое Пантелеимон!

Получил я твое письмо и очень обрадовался о твоём добром здравии. О дорогое мое дитя, ты не знаешь, как я опечалился и как больно мне было, что ты не получил моего письма. Я написал [там] много прекрасных слов об умной молитве, написал и для твоих родителей, и для бабушки твоей Макрины.

Здесь был Бранко — ты знаешь, серб, — и он должен был выйти в мир, и я дал ему письмо вместе с семью драхмами, чтобы он послал его авиапочтой. И когда он вернулся, то сказал, что отдал его на почте. Наверное, почтальон взял себе деньги, не послав письма. Ладно, что случилось, то случилось.

Мне, дитя мое, не в тягость писать тебе, ибо я хочу доставить тебе пользу. Я люблю твою душу, ты — утроба моя. Не забывай об Иисусовой молитве, с ней ты обретишь много благодати, твоя душа станет раем. В этом году к нам приехали из Германии только лишь ради Иисусовой молитвы. Когда ты эту молитву говоришь устами непрестанно, к ней привыкает ум и начинает ее творить внутренней речью.

Ум является кормильцем всех смыслов и мысленных движений, и добрых, и злых. И всё это он низводит в сердце. И если низведенное будет злым, постыдным, лукавым, то сердце, будучи центром, передает это повсюду, как электричество, так что напояет лукавым наслаждением все члены, возбуждая восстание влечений ко всевозможному злу.

Так вот, если ты говоришь молитву непрестанно, то происходит противоположное. Ум ее низводит в сердце. А ты

своим собственным понуждением держи ум только в словах молитвы, так чтобы не принимать никаких мечтаний. Внимай только словам молитвы. Тогда ум, не успевая образовать злой помысл, к чему он привык, очищается и с удовольствием говорит только молитву.

Итак, благодаря непрестанному призыванию, прокладывается путь от ума к сердцу, посредством вдоха и выдоха, и ум, слово и сердце становятся одним, так что сердце очищается и принимает осеняющую благодать. Тогда внутри тебя делается Небо, рай.

До сих пор было делание, а то, что после, называется созерцанием. Достигни этого, и, если сладчайший Иисус подействует внутри тебя, я тебе скажу многое, гораздо более высокое. Ты только понуждай себя. Знай только, что всё дело — в Иисусе, без Него не происходит ничего. Стань достойным, чтобы Он тебя полюбил, и тогда и ты Его полюбишь и Он даст тебе Свою благодать. Сейчас ты уже положил начало. Итак, подвизайся, чтобы это начало не бросить. Учи этому и других там, где ты живешь. Чем больше людей мы наставим, тем больше возлюбит нас Господь.

Передай наилучшие пожелания Магдалине и прочитай ей то, что я тебе пишу, чтобы я не писал ей то же самое. И пусть позаботится и она подобным образом [исполнить написанное,] чтобы уладил ее сладчайший Иисус. И когда вы мне напишете, тогда я снова вам напишу.

Когда ты увидишь, что ум устает говорить Иисусову молитву, тогда говори ее непрестанно устами, а после ум возьмется за нее снова. Вначале требуется труд, но когда пройдут годы, тогда она сама звучит внутри непрестанно. Она сама очищает человека от всех страстей.

Ты мне пишешь о лампадах. Здесь, где мы построили [церковь,] мы их уже повесили. В нижней келлии Святого Предтечи

нет лампадок, есть только сделанные из жестянок. Если какая-нибудь добрая христианка там у тебя захочет приобрести для этой келлии лампадки, то будет хорошо. У меня самого лампадки нет, поскольку я даже залез в долг. Ты не траться, ведь тебе приходится и за многое другое платить.

Отец Ефрем сходил в Русский монастырь³³⁶, как ты ему и написал, и взял там икону у Старца Давида³³⁷. Может быть, он тебе об этом написал.

Передай наилучшие пожелания своей бабушке Макрине, мы за нее молимся и поминаем ее.

О кресте для Магдалины я позабочусь. Теперь зима, [темно,] и я не вижу. Летом, если будем живы, я ей сделаю. А если умру, то сделает ей отец Ефрем.

Сестры монастыря Каламаты только вчера прислали письмо, и я им напишу ответ на их вопросы. Я жажду, алчу доставить пользу всякому христианину. Поэтому постоянно и пишу во все концы, каждому, кто нам пишет.

Все передают тебе наилучшие пожелания, они тебе напишут.

Если будете отправлять посылку, пришлите хорошую ручку, чтобы мне вам писать, такую, которая заправляется чернилами. Я взял здесь, но они плохие, быстро ломаются.

В следующий раз я тебе напишу побольше. Прими лобзания от старца Арсения и мои лобзаница, которые полны любовью Иисусовой. Он непрестанно орошает их в моих устах манной великой Своей любви, как некое дыхание.

Смиранный С. Иосиф

³³⁶ Т. е. монастырь Святого Пантелеимона.

³³⁷ Иеродиакон Давид (Цубер; 1905–1987), в схиме — Димитрий, эконо́м Русского монастыря Святого Пантелеимона и его представитель в Киноте Святой Горы. Опубликована его переписка с архиепископом Брюссельским Василием: Василий (Кривошеин), архиеп. Переписка с Афоном. Письма и документы. М.–Брюссель, 2012.

Монаху Пантелеимону

Святая Гора, 29 марта 1959

Любимому моему чаду Пантелеимону, дорогой моей утробе, райскому моему цветочку, желаю всего доброго! Сладкий наш Христос да хранит тебя и да наставляет исполнять Его святую волю.

Дорогое мое дитя, получил я твое письмо, и прочитал, и возрадовался, и възыграло сердце мое о том, что добрый наш Христос начинает показывать любовь, которую к тебе имеет. Итак, будь внимателен, дорогое мое дитя, чтобы лукавый не устроил тебе какую-нибудь ловушку, ибо он сильно ненавидит добро.

Я, благое мое дитяtko, начал писать тебе это письмо, но из-за одышки, начавшей меня беспокоить, [приостановился и] ждал, когда она пройдет. Ибо лишь только воздух станет холодным, [так сразу] она у меня усиливается. Поэтому миновало несколько дней, и наконец сегодня, в Вербное воскресенье, пришло другое твое письмо, и вот я продолжаю. Я хотел тебе написать на другую духовную тему, но теперь, поскольку ты меня спрашиваешь об ином, я тебе о том и отвечу.

Монашеское жительство — это очень великое дело. Здесь требуется подвижничество. Оно очень нелегко. Люди — это не ягнята, чтобы мог их пасти кто угодно. У людей есть привычки и пожелания, мнения и неисцелимые страсти. И ревность у всех не одна и та же, и произволение не одинаковое. Легче будет очистить все нужники в Афинах, чем переделать людей из страстных во благих.

Тридцать пять лет я Старец, отец большой братии, до крайней степени обучившийся деланию и созерцанию. И я пролил всю мою кровь для того, чтобы переделать людей, и

знаю, какой кровавый труд требуется, чтобы стал кто-нибудь истинным монахом. Очень мало тех, кто как Пантелейчич мой и маленький мой батюшка Ефрем, не познал зла. Благодать вас сохранила, и то доброе, что у вас есть, — от благодати Божией. Однако, когда нет благодати и внутри нас действуют страсти, тогда нужно искусство из искусств и наука из наук, как называют святые монашеское жительство. Поэтому ты сейчас успокойся, а со временем Господь покажет, какова Его воля.

Если, дитя мое, монах не найдет непрестанную Иисусову молитву и не подействует посредством нее благодать, то невозможно, чтобы к нему не вернулись назад страсти. И тогда он станет хуже, чем был в миру. И опять же, чтобы найти утешение от молитвы, он должен подвизаться, с болью просить, плакать и, как кричащее малое дитя, молиться Христу и сладкой Его Матушке, чтобы Они отверзли ему очи. Я напишу тебе, если поправлюсь, каков монашеский чин.

А теперь, благое мое дитя, я очень благодарю тебя за то, что ты мне прислал. Бог да подаст награду тем, кто тебе это дает. Я всё это получил, но забываю написать тебе об этом, потому что я еще не здоров. Если я немного попишу или почитаю, меня начинает душить одышка, и я это дело оставляю. Благодарю и святого епископа Иоанна, всех вас благодарю.

Госпожа Василики́ не написала ни нового письма, ни исповеди. Как поживает Магдалина? Она больна, ей нездоровится? Пусть она срочно уйдет, очень ее прошу, от отца Петра, ибо он не с Богом, — я вынужден сказать то, что не следовало бы. Постарайся, чтобы она это не разболтала и не случилось бы искушения и соблазна. Пусть она уйдет так, чтобы у него не возникло какого-нибудь подозрения. Он спирит. У него прежде была здесь ³³⁸ невеста. Он не подходил для священства.

³³⁸ Т. е. в Греции. Письмо адресовано в Америку.

Его сделали священником старостильники вопреки канонам. Он уехал, нашел свою невесту, научился у нее спиритизму и считал ее за святую. Приехал опять на Святую Гору, но никто его не принимал. Он уехал с ней [из Греции] и приехал к вам, в Америку. Что было дальше, я не знаю. Господь меня известил, и я тебе пишу: уходите от него, чтобы не погибнуть. И легко не верь никому. *Не всякому духу верьте*, — говорит Апостол, — *но испытывайте*³³⁹.

Напишу и пару слов Магдалине. Так как я болен и мне тяжело писать, ведь мне сюда пишут многие, то пусть, если речь идет об исповеди, посылают ее игумену монастыря Святого Дионисия, отцу Гавриилу, потому что отец Иосиф очень прост и не изучал канонов.

Ты же, дорогое мое дитя, преподавая там ученикам, готовящимся к священству, говори им на основании Кормчей, что если кто один раз падет в грех или с женщиной, или с отроком, или с бессловесным животным, то священником стать уже не может. Также если совершит убийство, если убьет на войне, если даст ложную клятву, то не может стать священником. Это и [многое] другое написано в канонах в Кормчей. А то мирские люди этого не знают, и ад наполняется недостойными священниками.

Ведь хотя люди и отменили каноны, но их не отменил Бог. Они остаются в силе, как их установили [святые] отцы и божественные апостолы. Следовательно, мы их должны хранить, если хотим спасти нашу душу, чтобы нам не прийти в столкновение с Богом, защищающим законы возлюбленных Своих рабов.

Вот, дорогое мое дитя, мы уже и достигли святой Пасхи. Сегодня я заканчиваю письмо тебе, по прошествии многого времени, как его начал, ибо одышка вместе с постом сильно

³³⁹ 1 Ин. 4, 1.

меня бороли. Сегодня я поел сырка, яйцо и йогурт³⁴⁰, и открылись мои глаза, и верю, что быстро поправлюсь и напишу тебе слова от опыта и делания, а не от книг. И то, что я написал тебе о любви, — мое собственное изречение³⁴¹. Как я это вкусил, так и сказал тебе в письме.

Итак, шлю тебе отеческие лобзания с большой любовью.

Смиренный С. Иосиф

Не помню, ответил ли я Иоанну, ибо был болен.

Монаху Пантелеимону

Святая Гора, 21 мая 1959

Дорогое чадо, утроба моей души, дитяtko мое благое, Пантелейчик мой, желаю тебе всего доброго!

Прошло довольно времени, как я тебе послал письмо, странное послание. Я ответил тебе на то, что ты хотел узнать, и беспокоился, почему ты мне не пишешь. Может быть, ты заболел?

Сегодня — то есть вчера, 20 мая по старому стилю, — я получил письмо от Магдалины, которая мне пишет, что ты не получил письма. И я очень опечалился, что и это письмо не дошло. Как же я огорчился! Ведь я, будучи больным, столько потрудился, чтобы их написать. И ведь я тебе написал кое-что серьезное. Поэтому теперь это письмо я положу в письмо

³⁴⁰ Имеется в виду греческий национальный кисломолочный продукт, нечто среднее между простоквашей и сметаной, без сахара и других посторонних добавок.

³⁴¹ По всей видимости, Старец имеет в виду следующее: «Стань достойным, чтобы Он тебя полюбил, и тогда и ты Его полюбишь и Он даст тебе Свою благодать» (Письмо 22 из данной части Собрания творений).

к Магдалине, pošлю его заказным, и она отошлет тебе уже оттуда, чтобы вновь не потерялось. Если окажется, что ты то письмо до сих пор не получил, то я должен снова написать то же самое. Итак, лишь только ты получишь это мое письмо, сразу ответь, чтобы я, [если нужно,] вновь написал тебе [то, что было в письме, которое не дошло].

Теперь же здесь напишу, что смогу, ибо возможно, что я [скоро] умру. Я ведь еще не вполне поправился. Деньги, которые Вы присылаете, я трачу на лечение, но выздороветь будет трудно. Расходы велики, а здоровья мало.

Если же ты получил письмо, то хорошо. А если нет, то напиши, чтобы я знал. Всё, что ты мне послал, я получил, не беспокойся. Всё это расходую на болезнь, но здоровья не видеть. Жду твоего письма, чтобы узнать о твоём здоровье.

Если получил то письмо, то пишу я там об отце Петре, чтобы ты сказал и Магдалине, что вам нужно отделиться от него. Ибо не может он быть с Богом, занимаясь спиритизмом. Ничего ему не говорите, чтобы не получился скандал, только уйдите от него и больше не приходите. Он этому научился от своей невесты, когда приезжал сюда, а потом вновь вернулся туда [с ней] назад. Итак, убегайте от когтей сатаны и не верьте легко кому попало. Ибо, на первый взгляд, [такие] могут говорить сладко, но вы не попадайтесь в [их] ловушку. Сатана все средства употребляет, чтобы прельстить не ведающего зла человека.

Почти обо всём тебе написал. Внимательно наблюдай за своей душой и заботься о ней, и Бог да будет всегда с тобой. Передай от меня поклон Владыке.

Молюсь о тебе от всей души.

Смиренный Старчик Иосиф

Мне нездоровится, не знаю, продержусь ли я еще какое-то время.

Монаху Пантелеимону

Святая Гора, 1 июня 1959

Чадо мое любимое, утроба моя божественная и священная, благословенное мое дитяtko, Пантелейчик, желаю тебе всего доброго!

Прошло несколько дней, как я получил твое письмо, но меня мучает болезнь, и, пока она не отступит, я не могу ни читать, ни писать. Такова она, эта одышка. И даже есть не могу. Теперь я ем только утром, раз в день, что [у нас] найдется.

Мне говорят, что есть какой-то кислород, его вдыхают с помощью пузыря, и становится легче. Еще мне прислали какое-то лекарство, но моя болезнь очень тяжела и требует более сильного лекарства. Присланное лекарство называется «пробон», действует две минуты, а потом всё начинается снова. Если Преосвященнейший знает какого-нибудь ученого врача и существует более сильное лекарство, прекращающее одышку, то пришли мне его. Чтобы мне поспать полчаса, должны мне махать, иначе я задыхаюсь и не могу уснуть. Но хватит об этом.

Что касается твоего монастырька, о котором ты говоришь, для Магдалины было бы прекрасно его устроить, чтобы жили там две-три [сестры,] и Клио с ними. Для них это легко, так как они женщины. Для тебя же это очень трудно. О, если бы была возможность, чтобы ты побыл рядом со мной [хоть] немного времени и научился тонкому делу монашества! Только ты сможешь помочь другому [человеку,] никто иной из тех, кого, как ты мне говоришь, тебе пришлют, — ни Дионисий, ни другие из здешних. Никого не проси, ни на кого не рассчитывай. Ты, что можешь, делай сам, поскольку иначе не получается.

Устроишь небольшую церковку, две-три комнаты. Найдешь пару приятелей, хороших ребят, и безмолвствуйте, как пустынники. И когда состарится Преосвященнейший, тогда придет к вам и найдет в вас хороших ребяток, которые за ним поухаживают, как он сам о том и говорит. Если же все-таки ты сможешь приехать и остаться ненадолго с нами, то примешь великую схиму, — я тебя постригу, — и кое-чему научишься. И снова вернешься туда опытным пустынником, и других будешь постригать в великую схиму, и будете помогать словом и другим братьям.

Теперь много мне о тебе пишут, особенно о воздержании твоём и о внимательности. Об отце Петре, поскольку ты от него отделился, нет нужды писать еще. Мне Бог открыл, что он не с Богом. Пусть уйдет от него и Магдалина, и всё будет в порядке.

Что касается Клио, то она очень проста и незлобива. Мне она не пишет, что видит какие-то видения. А то, что она видела, — это не плохо, так как было по ее большой простоте, как и у твоей бабушки. Она послушная, таких много встречается в этом мире. Ты увидишь и услышишь много чего, только учись и становись от всего этого мудрым.

Передай от меня поклон нашему Владыке. Я тебе напишу много хорошего и замечательного, но только когда поправлюсь. Все твои деньги я расходую, но здоровья не видеть. Слава Тебе Боже, оно найдется, когда я пойду в землю.

Тебе шлет наилучшие пожелания вся братия. Обнимаю тебя.

Твой Старчик Иосиф

Евангелие я послал моему почтенному Владыке. Оно было у меня, и я его читал Великой Четыредесятницей. Перечел его семь, восемь, десять раз. Масло от соборования — одно для Магдалины, одно для Клио, одно для Христины, тети Евтихия и Иоанна.

Монаху Пантелеимону

Святая Гора, 10 июня 1959

Чадо мое любимое, утроба моя божественная и священная, Пантелейчик мой, святая моя душенька, желаю тебе всего доброго, дитятко мое!

Получил я твое письмо, и прочитал его, и возрадовался о желанном для меня твоём здоровье. Не прошло ещё четырех дней, как и я отправил тебе письмо и начал писать тебе небольшое сочиненьице, чтобы было тебе на память.

Сейчас, в эти дни, отек дошел до пупка. И отец Ефрем, пойдя в Дафни, чтобы забрать твои заказные письма, договорился по телефону, тайком от меня, с одним хорошим известным врачом и пригласил его на Святую Гору.

И послал моторную лодку в Трипити, забрал его, а после снова отвез обратно. Мне же сказал неправду, что врач ходил по Святой Горе, зашел в Скит, и оттуда его привели сюда, чтобы он посмотрел меня. Итак, я поверил, и он меня осмотрел дважды, всё обследовал и сказал: «У тебя болезнь сердца, если бы я тебя увидел на два месяца раньше, то мог бы обещать тебе полное выздоровление. Но я пришел сейчас, когда ты уже приблизился к концу. Однако состояние мы улучшим». Я не хочу этого, но братия требует.

Теперь, дитятко мое, те, кто у меня в долгу, оттащат меня назад. И ты отправишься на Небеса поближе ко Христу, а я, бедный, пребуду на пути, как оставленный в заклад. Ты будешь меня искать среди святых, а я буду среди пустых. Плачу я, бедный, безутешно и без пользы. Долги есть долги. Я кричу им: «Оставьте меня, пусть уже я умру, пусть придет мой час». Нет, подавай им дырявить вены каждый день, пока не сделают меня ни на что не годным.

Такие дела, Пантелейчик мой. Сейчас с письмом Магдалины получил двадцатку, но даже поддержать эти деньги я не успел. Я послал тебе скуфейку, поплавки для лампы, два Евангелия для Преосвященнейшего. Одно у меня хранилось много лет, с тех пор как напечатано. Оно хорошо для подарка, я перечитывал его Великим постом семь-восемь раз. Оно в кожаном переплете, и чехольчик его подходит для подарка Владыке. Теперь так не переплетают.

Я очень рад, что, когда умру, обо мне будет молиться наш Владыка.

Итак, у тебя, Пантелейчик, скоро твой праздник³⁴², и я тебе желаю многая и благословенная лета, со многими дарами и благословениями Божиими. Ты сейчас получишь и фотографии, чтобы возрадовалась душа твоя и возвеселился дух твой. Раздай масло от соборования, о чем меня в письме попросили, одно — Клию, одно — Магдалине и одно — Христине.

Молюсь о тебе.

Твой батюшка Иосиф

Отцу Ефрему Катунакскому³⁴³

Святая Гора, март 1959

Утроба моя божественная и священная, возлюбленное чадо мое отец Ефрем, отечески тебя целую. Дарю тебе всю свою любовь, тебе даровано мое последнее благословение — то, которое мы преподали всего два дня назад. Последние

³⁴² Имеется в виду день именин, память св. великомученика Пантелеимона, 27 июля ст. ст.

³⁴³ Оригинал письма опубликован в книге: Γέροντας Ἐφραίμ Κατουνακιώτης, ἔκδοσις Ἱεροῦ Νουχαστηρίου «Ἅγιος Ἐφραίμ», Θεσσαλονίκη, 2000. Σελ. 58. Русский перевод: Старец Ефрем Катунакский. М., 2002.

десять дней мне было очень плохо, я ничего не ел. Два дня как пришли какие-то лекарства из Америки, и я начал их принимать и получил от них пользу. Посмотрим, до каких пор они будут помогать.

Я не думаю, что поправлюсь. Как ни бьется братия, ничего у них не получается, только задерживают мой уход. Организм мой отравлен. Тело мое не понравится червям и останется целым. Им не захочется его есть. Итак, будь спокоен. Пока еще не пришел час.

Передай благословение моему [дорогому] подвижнику Прокопию.

Обнимаю вас от всей души.

Смиренный и многострадальный С. Иосиф

Неизвестной монахине

Желаю вам доброго здоровья!

Получил я, чадо мое, твое письмо и весьма обрадовался, что ты просишь слова Божия для пользы своей души.

Итак, отверзи свои ушеса, и я исполню их благ. Уста твои да поучаются непрестанно в Иисусовой молитве «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Да прилепится твое дыхание к Имени сладчайшего Христа. И если это будет совершаться немалое время, то ум приобретет привычку говорить это всегда, внутренней речью. Ты только наблюдай за тем, чтобы не принимать мечтаний. Внимай только словам молитвы и получишь большую пользу.

Ведь этой молитвой ум твой очистится и низведет ее в сердце, и будет проложен путь — единение ума, слова и сердца, — и внутри тебя возникнет рай.

Бог, дорогое мое дитя, взяв прах и замесив глину, создал глиняный сосуд, человека, как гончар создает какой-нибудь кувшинчик. Вдунул в него [Свое дыхание] — и создалась живая душа.

Видишь, дитя мое, какое достоинство дал нам Бог? Глина делается сродственной Богу. Видишь великую честь, которую даровал тебе Бог? Ты — дыхание Божие. И созерцая эту честь и столь великую любовь Божию к нам, остерегайся, чтобы не опечалить Его, столь благого нашего Бога, который из небытия привел тебя [в существование] и соделал Своим возлюбленным чадом посредством Своего дыхания только лишь по Своей великой любви.

Имей терпение в скорбях, в своих болезнях и призывай Христа. И сладкая Его и сладкая наша Матушка да покрывает тебя от всякого зла и да наставляет всегда творить волю Ее Сына.

Понуждай себя непрестанно творить Иисусову молитву, дабы освободиться от всех страстей. Ты и остальные сестры понуждайте себя проявлять терпение, быть смиренными, послушными игумении. Святой Лествичник говорит, что лучше Бога опечалить, чем игумена. Ибо если опечалишь Бога, то у тебя есть игумен, который помолится Ему, чтобы Он тебя простил. Но если ты опечалишь игумена, то кто помолится о тебе?

Имейте между собой любовь, единомыслие и непрестанную Иисусову молитву. Если преуспеете в этой молитве, то все эти блага в ней содержатся.

Понуждайте себя, и, если положите начало, сладчайший Иисус поможет вам. И если вновь напишете нам, мы вам ответим на вопросы, которые вы зададите. Монах, который не научился Иисусовой молитве, сам не знает, зачем стал монахом.

Я хочу вам написать многое, но не знаю, в какую почву бросаю слово. Если, однако, вы проявите произволение, я вам напишу и в другой раз.

Итак, понуждайте себя, детки мои, ибо мы приближаемся к концу и должны быть готовы всегда, каждое мгновение. Подражайте разумным девам и заботьтесь о вашей душе, чтобы насладиться сладчайшим Иисусом.

Этого для первого раза достаточно.

Молюсь о вас от всей души.

Старчик Иосиф

Часть третья

**ИЗ РУКОПИСНОГО
СБОРНИКА**

Святая Гора, 21 ноября 1958

адо мое дорогое Ставрала, молитвенно желаю тебе здоровья!

Получил я сегодня твое письмо и очень обрадовался твоему здоровью и покаянию. Если ты, дитя мое, делаешь так, как мне пишешь, то действительно большую пользу должна обрести твоя душа. Она станет голубицей, ты обретешь благодать от Господа. Бог да пребудет с тобой! Итак, позаботься совершить свое дело, и я буду любить тебя больше, чем других сестер.

Итак, понуждение в Иисусовой молитве! Эта молитва, Имя Христово, прогоняет бесов, упраздняет их козни и очищает человека от всех страстей. Я же вдвойне молюсь и со многими слезами умоляю Бога о том, кто понуждает себя. Сейчас много молюсь о тебе, полагающей доброе начало. Носи тяготы всех, [имей] смирение и самоукорение. «Я виновата, — говори, — это мой грех, я согрешила, сестры мои, простите меня».

Иисусова молитва и слезы! Ты увидишь, сколько слез у тебя будет и сколько любви к Богу. Иисусова молитва, всё время — молитва! Если будешь себя понуждать, то сделаешься как дитя незлобивое, будешь помышлять только о

благом. Будешь спать, а внутри себя будешь говорить эту молитву. Проснешься — и то же самое. Есть ли будешь, ходить ли, — непрестанно внутри тебя будет произноситься Иисусова молитва.

Итак, понуждайте себя, не будьте нерадивы, дабы все вместе вы получили брачное одеяние.

Как поживает Макрина? Как ее болезнь, выздоравливает ли она?

Теците яко разумные девы, прежде чем затворится дверь и вы останетесь вне чертога.

Как поживает мой дорогой Ста́врос? Слушайтесь его. Передай ему, что я крепко его обнимаю. Я написал ему, но ответа не получил.

Афина наша как поживает? Я ей написал два письма на адрес ее брата Андрея. Сорокоуст начался с 15 ноября, как я ей и написал.

Итак, к подвигу — все вместе, чтобы всем пойти в рай.

Молюсь о вас от всей души.

Смиренный Старец Иосиф

Святая Гора, 10 декабря 1958

Чадо мое благословенное Ставраула, желаю тебе всего доброго!

Получил я твое письмо, и прочитал его, и порадовался, что ты понуждаешь себя ради своей души. Понуждай себя, дитя мое, угождать сестрам, и Господь угодит тебе, подаст тебе Свою благодать. Проявляй терпение, оказывай послушание, стань для всех сором, и тебя просветит Господь. Он велик.

У кого больше смирения, тому Господь дает благодать; тому, у кого есть страх Божий и кто слушается всех, как малое дитя, и непрестанно ищет святой воли Господней. Такой человек никогда не требует исполнения своей воли, но хочет исполнения воли Божией. И другому всегда говорит: «Как вы хотите, как вы знаете, вы [лучше меня] знаете». А своего мнения он не высказывает, ибо считает себя меньшим всех. Когда ему скажут что-то сделать, он всегда готов [это исполнить,] говоря: «Буди благословенно». Когда его зовешь, говорит: «Благословите!» — и бежит, как малое дитя.

Вот так, чадо мое, делай и ты. От этого бесы трепещут и далеко убегают и больше уже не приближаются. Они очень страшатся, когда видят смирение, послушание и любовь ко всем. На всякое дело ты спешь первой и всегда говори: «Я ничего не делаю, я очень нерадива, простите меня и молитесь, чтобы просветил меня Господь».

Никогда не гневайся. А если и случится разгневаться, всегда говори: «Простите меня, я согрешила».

Понуждай себя, дитячко мое, и я верю, что Господь просветит тебя и ты станешь лучше всех. Имей терпение в скорбях и искушениях, которые будут тебе встречаться, и Господь будет тебя укреплять, чтобы ты преодолевала их без страха. А я также буду здесь о тебе непрестанно молиться, дабы Господь укрепил тебя.

Теперь рядом с тобой и Афина. Ты мне не написала, как она поживает. Всё ли у нее хорошо? Подвизается? Я ей написал много писем. Передай ей мои наилучшие пожелания. Передавай мои пожелания всем сестрам. И молись постоянно.

Молюсь о вас от всей души.

Смиранный Старец монах Иосиф

Ставроосу — отдельные пожелания и благословения.

Святая Гора, 12 января 1959

Чадо мое благословенное Ставрула, желаю тебе всего доброго!

Получил я, дитяtko мое, твое письмо, и прочитал его, и меня взволновало то, что ты пишешь. Я очень опечалился из-за вашего состояния. Дитя мое, теперь, когда будет служиться сорокоуст, проявите терпение. Не ругайтесь, имейте любовь и единомыслие, чтобы просветила вас благодать Божественных литургий.

Видишь, дитя мое, как мучает человека враг, когда имеет власть? Итак, будь внимательна, не ругайся ни с кем из сестер. Ибо — увы! — тогда приходит искушение³⁴⁵ и проникает внутрь человека и ужас как его мучает. У меня здесь бывало много таких. Их приводили ко мне время от времени, я их видел и знаю, что это такое. Знайте об этом и вы и будьте осторожны.

Когда придет Ставрос, он много вам расскажет о духовной жизни из того, что я ему рассказывал. Будь внимательна, Ставрула моя, ибо брат мне сказал, что ты не оказываешь послушания и вы не довольны друг другом.

Итак, пусть первой Старицей станет Мария. Только успокойтесь. Ты, говорят, даешь волю языку, и происходят скандалы. Будет хорошо, если ты будешь безмолвствовать. Не беспокой никого, и Пресвятая Богородица принесет вам мир. Литургии да просветят вас.

Всегда в уме говорите Иисусову молитву. Если кто говорит эту молитву непрестанно, то искушение не войдет в

³⁴⁵ Словом «искушение» в православной греческой среде часто обозначается злой дух, бес, чтобы лишний раз не поминать его самого.

него никогда. Итак, вам не хватает молитвы. Потому-то вы и не имеете мира [между собой]. Поэтому понуждайте себя, непрестанно молитесь, плачьте, сколько можете, чтобы не разлучил вас сатана. Вас по пальцем одной руки можно пересчитать, вы с детства вместе. Так неужели вы не можете иметь любви [друг ко другу]?

Господь даст Свою благодать тому, кто миротворец, у кого есть любовь, смирение, послушание и кто делается меньше всех ради Его любви. Поэтому позаботьтесь иметь любовь и единомыслие, чтобы иметь благословение от Христа и Пресвятой Богородицы, и от меня грешного.

Желаю вам от всей души любви и согласия между собой. Ведь искушитель только и желает того, чтобы разлучить вас, чтобы вы вернулись на мирской путь.

Наималейший Старец Иосиф

Святая Гора, 19 марта 1959

Благословенное мое чадо Ставрула, желаю тебе всего доброго!

Дитяtko мое, получили мы твоe письмо, и я прочитал его и обрадовался, что между вами мир и вы имеете большую любовь. Только любви, дитя мое, удастся всё. А без любви ничего не получается. Любовь есть Бог, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем³⁴⁶.

Итак, другого не ищите, но только единомыслия и любви. Оказывайте послушание, чтобы приобрести смирение, ибо Господь Иисус стал для нас примером и научил нас смирению, будучи послушлив до смерти.

³⁴⁶ Ср.: 1 Ин. 4, 16.

Итак, подчиняйтесь Марии. И слушайте Ставроса, ведь он старается принести вам пользу. А мы здесь все молимся, чтобы Господь вам помог и удостоил вас вечной жизни. Будьте всегда внимательны, и [тогда] всё у тебя будет хорошо, всё пройдет.

Молюсь о вас от всей души.

Смиренный Старчик Иосиф

Святая Гора, 2 апреля 1959

Дорогому моему чаду Ставрале.

Утроба моя божественная и священная, желаю тебе всего доброго!

Дитяtko мое, получил я твое письмо, и ты не представляешь, какую радость доставила мне, написав о своем сильном раскаянии. Да и Ставрос рассказал мне с воодушевлением, что ты стала иной. И сие — [изменение от] десницы Вышнего³⁴⁷, это благодать Божия, которая тебя покрывает. Теперь да будет с тобой благословение Святого Бога.

Итак, не бойся мечтаний от лукавого, он ничего не может тебе сделать. Только заботься о том, чтобы каяться и слушаться. Сейчас Богу весьма угодно, что ты каешься. Радость совершается на Небе о Ставрале, и сестры тебя любят, и ни у кого из них нет на тебя жалоб. И теперь благословит вас Господь и снова подаст вам благодать. Только имейте любовь и терпение.

И я, если буду жив, опять же буду совершать о вас молитву. И буду любить вас, как подлинных своих чад.

Молюсь о вас от всей души.

Старчик Иосиф

³⁴⁷ См.: Пс. 76, 11.

Святая Гора, 28 апреля 1959

Чадо мое любимое Ставрула, желаю тебе всего доброго!

Получил я твое письмо, и прочитал его, и обрадовался. Не печалься, дитя мое, всё пройдет, прояви терпение. То, что ты видишь, — от искушения. Это мечтание, оно пройдет. Это принесет тебе пользу, так как делает твое покаяние истинным и постоянным. Ведь из-за искушения у тебя возникает страх, и этот страх тебя сдерживает. А если бы не было страха, то страсти вновь легко бы [вернулись и] господствовали [над тобой].

Поэтому смирайся, и всё пройдет. Сейчас все тобой довольны. Все сестры и Ставрос остаются довольными, потому что ты стала смиренной и хорошей.

Итак, понуждай себя приобрести вечную жизнь. Кто много смиряется, тот и много благодати приобретает. Понуждай себя, мужайся и имей со всеми любовь.

О тебе молятся все отцы, молюсь о тебе и я,

смиренный отец Иосиф.

Святая Гора, 11 мая 1959

Чадо мое любимое Ставрула, желаю тебе всего доброго!

Сегодня я получил твое письмо, и прочитал его, и порадовался, что у тебя всё хорошо. И молюсь, да подаст тебе Господь терпение в искушениях и многую благодать.

Не скорби, дитя мое, о том, что переносишь, всё пройдет. Только имей терпение, и всё будет хорошо, по воле Божией.

Главное, оказывай послушание.

Молюсь о тебе от всей души.

Смиренный твой Старчик Иосиф

Святая Гора, 9 июня 1959

Чадо мое любимое и благословенное Ставрула, желаю тебе всего доброго!

Получил я твое письмо, и прочитал его, и порадовался, что ты здорова.

Я всегда о вас молюсь и прошу Господа и Его Матушку, да просветят тебя и сохранят от всякого зла.

Итак, имей терпение. Испытания, которые к нам приходят, — от Бога, для пользы нашей души. Они учат нас подходить ближе к Богу, призывать Его с болью душевной, учат не впадать в самонадеянность и смиряться. Но Бог желает, чтобы мы не печалились, и тогда искушение потихоньку пройдет. Такова жизнь человека.

Итак, терпение, т е р п е н и е ³⁴⁸, дитя мое, ради того, чтобы унаследовать нам вечное Царствие. Не печалься, всё, что ты переносишь в своей жизни, — всё это полезно, всё это записано на Небесах. За эти твои небольшие труды Христос дарует тебе вечную жизнь.

Итак, понуждай себя и имей терпение, и Господь тебя исцелит. Прояви терпение, не печалься. Не терзай себя, чтобы еще и не заболеть [вдобавок,] ибо тогда уже вы опечалитесь все вместе. Я молюсь, чтобы Господь помог тебе стать лучше всех. Сейчас я на вас смотрю на фотографии и молюсь о каждой отдельно.

Молятся о вас и все наши отцы, и я молюсь от всей души.

Смиренный Старец Иосиф

³⁴⁸ В греч. рукописи это слово выделено разрядкой.

ДЕСЯТИГЛАСНАЯ ДУХОДВИЖНАЯ ТРУБА

отшельника
и наималейшего
из монахов Иосифа,
содержащая различные
лекарственные травы,
целительные для души и полезные
для каждого желающего спастись,
в особенности для безмолвников,
собранные на Святой Горе Афонской,
в скиту иже во святых отца нашего
Василия, архиепископа
Кесарии
Каппадокийской

рате о Господе и друг мой читатель!

Так как я вижу, что ты жаждешь, словно олень, и стремишься к источникам небесных вод Божественной благодати, а вместе с тем и взыскуешь их с горячей любовью, то и сам я, подвигнутый тем же Божественным Духом, поставляю под светлый светильник то, что переполняет мое сердце, повинуясь слову Господню и опасаясь, как бы не оказаться мне осужденным, подобно тому лукавому и неблагодарному рабу, который скрыл талант дара Божия.

И хотя мне и не хватает грамотности, я всё же, позабыв меру своей неспособности и неучености, принимаюсь за этот труд, вооружившись дерзновением по Богу и полагаясь на молитвы наших отцов. С помощью Божией и при содействии ваших молитв я начинаю с самого начала¹ излагать тебе об исключительном и в каком-то смысле кратком² монашеском и подвижническом житии и о том, каким образом желающий удостоивается получить Небесное Царствие и стать причастником вечных благ по благодати и человеколюбию Божию.

¹ Так в греч. оригинале.

² Об этом см., в частности, у прп. Григория Синаита: «Действие Духа, которого мы таинственно получили в крещении, приобретается двумя способами. Прежде всего, следует вообще сказать, что дар [Святого Духа] открывается исполнением заповедей с помощью великого и

Ты же, мой дорогой, не ленись изучать [то, что я написал,] но читай многократно, пока это не запечатлется в глубине твоей души. Тогда она, зачавши, принесет обильные и благие плоды, а ты воздашь великую благодарность за полученную пользу мне, потрудившемуся.

И не смотри на это, как на простые и бесполезные слова, поскольку это основанные на опыте слова отцов, просвещенных Божественной благодатью. Ими я был научен и плод их отчасти вкусил. А поскольку я безграмотен, то приложил много трудов, чтобы это написать, и к тому же возделыванию сих плодов предавался даже до крови. Ныне же полагаю их готовыми пред твоими очами, словно трапезу с разнообразными яствами или же как рай сладости, исполненный разных деревьев, приносящих плод.

Итак, если хочешь получить пользу, не будь нерадив, но, срывая с них [плоды,] вкушай во всякое мгновение и, словно целебным бальзамом, помазывай свои раны и исцеляй свою душу, дабы жить жизнью вечной и избежать прелести извечного врага, который постоянно давит на нас, злоумышляя против нашего спасения. Тако да будет, Господи, избавится нам от лукавого, и да просветимся к [уразумению] Истины Тобою, Сладчайшим нашим Богом, Которому слава и [у Которого] великая милость. Аминь.

долговременного труда, как сказал подвижник Марк. И поскольку мы совершаем заповеди, постольку явно озаряет нас [Дух] свойственными Ему блистаниями. Во-вторых, Дух Святой является в послушании чрез познание и непрерывное призывание Господа Иисуса, то есть чрез память о Боге. Навыком к первому образу жизни [дар благодати] находится медленнее, навыком же ко второму — ускореннее, если [только] напряженно и терпеливо копать землю в поисках золота [благодати]». — Обстоятельное рассуждение о безмолвии и молитве, сверх того о признаках благодати и прелести и о том, какое различие горячности и энергии и как легко впасть в прелесть без руководителя // Преподобный Григорий Синаит. Творения / Пер. еп. Вениамина (Милова). М., 1999. С. 87–88.

вот, с Богом, начинаю прежде всего излагать тебе, как должно идти по сему узкому пути, хотя и тернистому, но быстро возводящему шествующего им к миру и бесстрастию, достигнув которых, ты, о добрый путник, ликуя и веселясь, возрадуешься, что ценой малой скорби пожал столь многие и столь прекрасные и добрые колосья. Вкратце же скажем так: обуздаем и свяжем непослушное тело, чтобы оно подчинялось духу, и, начиная с полудня, распределим двадцать четыре часа суток, пределом же положим час седьмой, ибо его благословил³ Бог.

После того как ты поешь то, что положено тебе по уставу, поспи, сколько тебе необходимо. Проснувшись же, совершай вечерню по четкам. А когда закончишь, выпей чашечку кофе в помощь бдению. И так начинай повечерие, спокойно, в темноте, тихо⁴. Прибавь и Акафист Пресвятой Богородице. Когда это закончишь, встань, если можешь, прямо, держа руки скрещенными, ни к чему не прислоняясь, и прочти следующую молитву умом, без света, ибо свет рассеивает ум: «Господи Иисусе Христе сладчайший, Отче Боже и Господи милости и вся твари Содетелю, призри на смирение мое и вся грехи

³ По всей видимости, имеется в виду число 7 и следующее место из Священного Писания: *И благословил Бог седьмой день, и освятил его* (Быт. 2, 3).

⁴ *χωρίς φωνήν*

моя прости, яже во все жития моего время содеях даже до сего дне и часа, и послѣ Пресвятаго Духа Твоего, яко да Той мя просветит, наставит, очистит, покрѣет, сохранит, и сподобит еже не согрѣшати, но с чистым помышлением чтити, поклонятися, славословити, благодарити и возлюбити от всея души и сердца Тебе, сладчайшаго моего Спаса и благодетеля Бога, достойнаго всякия любви и поклонения. Ей, сладкая любовь, Иисусе, пища и наслаждение моего смиренія, сподоби мя просвѣщенія божественнаго и духовнаго веденія, да созерцаю сладкую Твою благодать, ея понесу тяготу сего моего ношнаго бденія и чистыя Тебе воздам яже к Тебе моя молитвы и благодаренія, молитвами сладчайшия Твоя Матере и всех святых. Аминь».

Итак, стоя прямо, насколько позволяют силы, своими словами, внимая умом и со внутренним гласом, возопѣй то, что исходит от твоей души и что ведомо тебе самому. Цель этого прошенія — подвигнуть щедрого Бога и Его Божественное милосердіе к любви и состраданію.

А когда ты ослабнешь, устав от стоянія, присядь и не допускай, чтобы ум твой оставался в праздности, но направляй его, если движущая сила позволит тебе действовать, к небесным божественным памятованіям: о смерти, адских мученіях и Страшном судѣ Христова пришествія. И плачь о своих грѣхах, насколько Господь подаст тебе плача. И, обратившись в иную сторону, направь свое мысленное созерцаніе к раю, думая и размышляя о том, что представляется тебе, и премного подивись, о дивный, наслажденію праведных и тем божественным дарам, которые Господь им даровал и нам уготовал на веки вечныя. Обратившись же к благодаренію, благодари Бога, благодетеля и подателя всякаго блага. Затем, немного отдохнув от труда, снова встань и так переходи от одного из этих созерцаній к другому, пока не пройдет ночь и не исполнишь всего должнаго напряженной молитвой и моленіем.

А когда закончишь утреню, часы и канон молебный [ко Пресвятой Богородице] по четкам, тогда садись и отдыхай и поспи немного, пока не рассветет.

Затем, когда [проснешься и] встанешь, выпей кружку чего-нибудь горячего с небольшим количеством хлеба или сухарей. И принимайся за работу, непрестанно говоря умом или вслух Иисусову молитву, как заповедали нам богомудрые отцы:

Ты, мое тело, чтобы питаться, трудись.

Ты же, душа моя, чтобы наследницей стать

Вечной жизни, трезвись.

А если день праздничный, то читай в молчании умиленные жития святых. Приготовь себе пищу [строго] в меру. И запомни слова святых отцов о том, что чрево человеческое подобно чреву свиньи, которое чем больше поглощает, тем сильнее разверзается, так что не насыщается никогда. А если затянешь пояс потуже и принудишь чрево к воздержанию, оно, напротив, сжавшись, уменьшится. Хоть оно и поболит несколько дней, и пострадает из-за прежней привычки, но когда сожмется, то успокоится и усвоит новую привычку.

Кто предается воздержанию, тому довольно пятидесяти-семидесяти драми⁵ хлеба и небольшой тарелки какой-нибудь еды. Впрочем, смотря по состоянию тела, может понадобится или меньше, или больше. Во всяком случае, мы, как и [святые] отцы, превозносим воздержание. Ты же установи себе меру с рассуждением и, если плоть из-за излишества крови будет утеснять тебя, утесняй ее воздержанием. Когда же, обессилев, она умолкнет, тогда грей ее и давай ей отдых. И так вкушая от всех даров Божиих, не осуждай других, но смиряй себя и прославляя Подателя всяческих, Который питает всех нас, хотя мы и недостойны.

⁵ См. прим. 55 в письме 11 на с. 66.

Да будет тебе известно, о возлюбивший безмолвие и пустыню читатель, что, исполняя этот устав, ты должен затворить вход, так чтобы после полудня никого не принимать для беседы: ни монаха, ни мирского. И сам не выходи, и другие пусть не приходят к тебе. А если же кто придет, то пусть подождет до утра следующего дня. Ибо если угодно тебе послушать меня, то знай, что, кроме Бога, важнее всякой иной заботы, даже и любви к ближнему, собственное твое спасение. Ведь если ты сам помрачишься от слов посетителя, то какую пользу ты сможешь принести ближнему? Но если ты пребываешь в мире, озаряемый Божественным светом, тогда ты и с другим поделишься тем, что у тебя есть, и [так] исполнишь заповедь любви Христовой.

Посему прошу, не теряй попусту это драгоценное вечернее время. Если ты хорошо, в мире и со страхом Божиим проведешь его, то оно принесет тебе много плодов, столь прекрасных и дивных, что и сам ты, изумленный, подивишься пользе, производимой беспопечительностью и телесным благочинием. И будь то Пасха, Рождество или Масленица, ты соблюдай тот же свой чин, вкушая один раз в день, чтобы желудок твой не почувствовал чего-то непривычного, от чего происходят разные телесные изменения и возмущается мирное благочинное состояние членов, а также помрачается душевное зрение, и ты [в итоге] причиняешь большой ущерб своему житию.

Итак, дорогой мой, соблюдай во всём меру и совершай путь с рассуждением, и тогда сам увидишь великую пользу, которая произойдет для тебя из всего того, о чем сказано. Тогда и меня поблагодаришь немало.

А течение времени, если мы с помощью благодати будем трудиться, еще более умудрит трудолюбивого путника, подвигающегося в добродетели ради спасения души и любви Христовой. Аминь.

так, любознательный мой брат, теперь, когда мы вкратце поведали о телесном благочинии и, связав и обуздав плоть, показали, каким образом можно заставить ее повиноваться духу, надлежит нам привести в порядок разум и помышление и указать на крылья, обретя которые разум возвысится от земного к небесному посредством естественного созерцания сущего.

Богодухновенные отцы учат, что природа наделяет ведением и благодаря естественному созерцанию. Когда же очистятся чувства, тогда мы удостоиваемся и созерцания духовного. Итак, когда разум водворяется в этом созерцании сущего и просвещается частым явлением умопостигаемой и мысленной божественной росы, подобной оной божественной манне, посылавшейся евреям, тогда, питаясь тем, что созерцает, он научается бороться со своими врагами — бесами.

Слушай внимательно и непрестанно размышляй о моих словах, чтобы просветилась твоя душа и ты узнал способ, с помощью которого должен приблизиться к Богу. И когда умными очами посредством умной молитвы соприкоснешься с Ним, Он научит тебя не говорить лишнее и бесполезное, равно как и избегать того, о чем просить еще не время. И как дитя, лепечущее на лоне Отца своего, с чистой душой говори то, что содержится в глубине твоего сердца, и [проси о том,] что считаешь полезным. Тогда, несомненно, Отец твой услышит

твое прошение, если, конечно, то, о чем ты просишь, будет тебе полезно.

Итак, слушаясь моих слов, внимай умом, каким образом нам со спасительной простотой, как сынам, начать речь, обращенную к Желаящему нашего спасения и угодную Ему:

«Скажи мне, любоблаже и человеколюбче Иисусе мой сладчайший и Христе мой возлюбленный, кто обо мне Тебя попросил? И кто помолился, чтобы Ты привел меня из небытия в этот мир, чтобы я родился у родителей, добрых и верных христиан, когда столь многие рождаются у турок, франков⁶, масонов, евреев и идолопоклонников и прочих, не верующих в Тебя? Ведь они словно бы не вполне родились и обречены на вечную муку. Сколь сильно должен я Тебя любить и Тебя благодарить за столь великую благодать и благодеяние, что Ты мне оказал! Ведь даже если кровь свою пролью, не смогу Тебя возблагодарить!

И кто обо мне, Спасе мой сладчайший, Тебе молился, чтобы Ты меня терпел столько лет, с детства согрешающего, и не отяготился мною, хотя и видел, что я обижаю других, ворую, гневаюсь, объедаюсь, что я любостяжатель, завистник, ревнивец и исполнен всякого зла и Тебя, Бога моего, делами своими оскорбляю?

Ты же, Господи мой, не послал смерть, чтобы та взяла меня во грехах, потому что, если бы я умер, вечно бы мучился. Но Ты великодушно терпел меня! О благость Твоя, Господи!

И кто умолил Тебя обо мне, чтобы Ты привел меня к покаянию и исповеди и облек меня в этот великий и ангельский образ и причислил меня, хотя и недостойного, к монашескому чину? О величие Твое, Господи! О страшное Твое и

⁶ Так православные греки часто называют западных неправославных христиан.

величайшее домостроительство! Сколь богат Твой дар, Владыко! О неоскудные Твои сокровища и неизъяснимые Твои таинства! Кто не вострепещет, дивясь Твоей благодати? Кто не изумится, взирая на Твою богатую милость? Трепещу, Владыко, рассказывая о Твоем великом даре!

Владыка и Господь мой распинается, дабы спасти распявшего Его. Я, постоянно согрешая, распинаю Создателя моего, а Сотворивший меня меня освобождает! О сладкая Любовь, Иисусе! Насколько я твой должник! Нет, Христе мой, не за вечную жизнь, которую Ты мне обещаешь, должен я Тебя любить. Не потому, что Ты говоришь, что дашь мне Твою благодать. И не ради обещанного нам наслаждения райского. Но я должен любить Тебя, ибо Ты достоин всяческой любви! Я должен работать Тебе, ибо Ты освободил меня от рабства греху и страстям. О чудо великое и сокрытое от тех, кто не познал Тебя, Господи!»

Какой купленный раб просит платы за то, что работает на своего господина? И как он может просить свободы, если должен деньги за свой выкуп? Вот Царь твой и Господь всех распялся за тебя и искупил тебя от рабства бесам, дав тебе заповеди как противоядие от страстей, дабы, исполняя их, ты избавился от одолевающих тебя страстей.

Он говорит тебе: «Не блуди». И ты трудишься, подвизаясь против нападающей на тебя страсти, чтобы сохранить целомудрие, ибо если ты не понудишь себя быть целомудренным и потерпишь поражение, то неизбежно станешь блудником. «Не кради» — чтобы быть верным. Если же не понудишь себя быть верным, неизбежно станешь вором. «Не будь сребролюбцем» — чтобы быть милостивым. «Не чревоугодничай» — чтобы быть воздержанным. «Имей любовь» — чтобы не быть завистливым. Так и со всеми добродетелями и божественными заповедями Господними, которые даны нам как противоядие.

Чтобы нам приобрести их и сохранить, нужно сражаться и одержать победу над противоположными им пороками, которые из-за долгого навыка обрели силу второй природы. Дьявол же укрепляет их, а привычка питает, наше же брэнное человеческое естество склоняется к ним. Вот они, три коварные и великие силы, воюющие против души и божественного закона.

Итак, слушай внимательно. Когда Господь первым делом освободил нас через божественное крещение, Он дал нам Свои божественные заповеди как противоядие от страстей, чтобы мы вновь не попали в рабство греху. И не так обстоит дело, что мы работаем Богу, а Он должен нам плату. Не так, что мы работаем ради вечной жизни. Но мы работаем как купленные Им рабы, чтобы не стать рабами бесов.

Мы должны трудиться, потому что были выкуплены. И поскольку мы в долгу, то обязаны с крайним послушанием и великим смирением служить Ему, храня все Его святыя заповеди. И если окажемся верными рабами, то Господь даст нам даром Свою Божественную благодать и избавит нас от страстей. И Небесное Свое Царство нам дарует, говоря: «Прииди, рабе благий и верный! В малом ты оказался верен, над многим тебя поставлю»⁷. Видишь, брат, Он не говорит нам: «Прииди, Я воздам тебе за твои труды, которые ты для Меня совершил», но по Своей великой благодати Он дает нам милость Своего благоутробия и безграничной любви к нам, равно как и сладкую Свою благодать. Отнимает от нас и досаждающие нам страсти и, более того, удостаивает нас Своего Царствия.

Так вот, когда ты приступаешь к исполнению своего долга — к молитве, то приступай с великим смирением и сокрушенным сердцем, прося милости Божией. Не потому, что Он

⁷ Ср.: Мф. 25, 21.

у тебя в долгу и обязан дать тебе благодать, но потому, что ты — узник и просишь благодати, чтобы она тебя освободила. И говори:

«Владыко, сладчайший Господи наш Иисусе Христе! Низпосли святую Твою благодать и разреши мя от уз греха. Просвети мою тьму душевную, да уразумею Твою беспредельную милость и возлюблю и возблагодарю достойно Тя, сладчайшего моего Спаса Бога, достойного всякой любви и благодарения.

Ей, благий Благодетелю мой и многомилостивый Господи, не удали от нас Свою богатую милость, но умиласердись над Своим созданием.

Вем, Господи, тяжесть моих прегрешений, но вем и Твою несказанную милость. Зрю тьму бесчувственной моей души, но верую со благими надеждами и ожидаю божественного Твоего просвещения и избавления от лукавых моих зол и губительных страстей предстательством сладчайшей Твоей Матери, Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых. Аминь».

Не прекращай так молиться до последнего твоего дыхания и [помни, что] Бог силен исполнить твое прошение. Ему же слава, честь и поклонение вовеки.

предыдущей главе мы представили мысленную беседу с Богом, а также то, о чем подобает помышлять. Теперь же, духовно возмужав и к тому же получив от Господа более мощное оружие, мы, добре подвизавшиеся в борьбе с врагом, когда он нападал на наше тело, и получившие в разнообразных бранях немалый опыт, тотчас вооружим и ум против его мысленных противников. Тогда, если враг приблизится посредством мечтаний, ум немедленно отразит его чары и, как высоко парящий орел, воспарит посредством божественных помышлений, а не будет пресмыкаться, как прежде, питаясь прахом, подобно змее. Итак, будучи уже обученными, поведем войну с матерью всех зол — самомнением, этим смертоносным микробом, который, как некая чахотка, губит плод монашествующего.

Вседетельная Божественная Сила соблаговолила, чтобы мы поднимались по мысленной лестнице божественного ведения Бога ступенька за ступенькой. И когда мы [в итоге] одолеем и сокрушим самомнение, тогда сладчайший Податель венцов увенчает нас просвещением и снизойдет на нас Его Божественная благодать. Итак, продолжая нашу речь, возвысим разум к высшим восхождениям. Ты же, дорогой читатель, со вниманием слушай это божественное поучение, чтобы оно принесло тебе пользу. А сказать здесь надобно вот что. Если щедрый Господь, приклонившись к нашим младенческим

мольбам, посетит Своей утешающей благодатью сидящего во мраке неведения и немного рассеет тьму страстей, являя нам Свое безграничное желание нашего спасения, не думай, что ты уже в безопасности и впредь не нуждаешься в осторожности. Но знай, что, будучи бедным, ты желал богатства. Теперь же, когда ты обогатился, тебе нужно сильно бояться, как бы не быть окраденным. Ведь если ум, снабжающий [нас всеми] благами, вдруг заснет, а мысль, помрачившись, сложит свое оружие перед злейшим унынием, то придет к тебе неожиданная беда и внезапно восставшие разбойники похитят сокровище, ты же останешься вновь ни с чем.

Теперь послушай, в чем смысл примера с разбойниками. Когда ты молишься и беседуешь с Богом, радуясь сладости молитвы, так что душа твоя переполнена веселием, внезапно самомнение, пришедшее, словно некий разбойник, обращается к твоему уму, говоря втайне, как некогда змий Еве: «Ты уже получил благодать и уже достиг меры святых. А дальше будет радость и мир. Нет больше места страху, печали и воздыханию». Ты же, о рассудительный, этой хитрой ведьме⁸ отвечай возражением и уничтожай ее злобу мудрым словом, помышляя и уразумевая то, что говорит сам апостол Павел: «*Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?*»⁹ О том же говорит нам и один из [святых] отцов: «Если ты сотворил что-то, не задействуя свое тело, тогда это будет твоим, ибо наше тело есть творение Божие. То же самое и относительно ума. Если ты что-то помыслил без движения ума, тогда это твое собственное. Ибо и наш ум — создание Божие».

Уймись же, лукавый диавол, враг нашего рода! Ибо если бы даже сподобилось мое низкое устройство взойти до третьего

⁸ Имеется в виду самомнение, которое в греч. языке женского рода.

⁹ 1 Кор. 4, 7.

неба, как взошел святой апостол Павел, то [это было бы] во- все не по моим заслугам. Вот что восклицает этот наш божественный и первоверховный учитель: *«Был восхищен в рай и слышал неизреченные слова»*¹⁰.

Итак, ты видишь силу сказанных слов. Пойми же и смысл происходящего. Ведь то, что делается помимо нашей воли, совершенно не зависит от наших собственных сил. Но когда посетила [апостола] Божественная благодать и его ум и тело изменились, тогда он сам не ведал, каким образом действует Восхитивший его, ибо Бог всё совершает вышеестественно. Так божественный муж своей божественной проповедью спасал мир, предостерегая нас не думать высоко о своей силе.

Во многих местах он подчеркивает: *«Не по своеволию совершаю я это, но [силою] действующего во мне Христа!»*¹¹ Видишь охраняющую от опасности рассудительность в его словах, друг мой читатель? Знай же, что и в том, что ты делаешь [якобы] своей силой, нет ничего доброго, что не было бы от Бога, и ничего лукавого, что не было бы от диавола. Поэтому разумно отвечай злейшей гордости, преодолевая неведение своего ума, и говори так: *«Если бы в моих силах было взойти на Небеса, узреть ангелов и говорить со сладчайшим Спасителем моим Христом, тогда это дело было бы моим. Ныне же — никоим образом!»*

Поразмысли и вот о чем: если бы захотел Царь, восседающий на престоле, взять брение, грязь из болота, и приблизить к Себе, посадить рядом с Собой, то кто может запретить Ему это? Но из-за того, что Царь сделал угодное в очах Своих, может ли эта грязь, сидящая, как сказано, подле Царя, величаться тем, что сидит рядом с Владыкою? Или же ей должно скорее

¹⁰ 2 Кор. 12, 4.

¹¹ См.: Кол. 1, 29.

удивляться такому снисхождению и щедрой благодати Царя, Который не отбросил эту грязную глину, не погнушался ею, но соблаговолил приблизить ее к Себе?

Поистине достойно удивления сказанное, и уразумение его подвигает меня к великому созерцанию. Ведь брение уда-
стаивается такой чести и принимает таковые дарования! Ему, слепому разумом, Владыка дарует зрение. Его, расслабленно-
го, валяющегося в страстях, Он укрепляет скрепами добро-
детелей и дает ему исправление. Его, косноязычного и не-
мого, неспособного молиться умом, сердцем и словом — по
образу Святой Троицы¹², с единым расположением души, —
Спаситель исцеляет просвещением и духовным ведением.

Итак, если такими преимуществами одарил нас Христос
*и хотение и действие*¹³ [наши] заключены в нашем Спасителе,
как же мы, неблагодарные, можем гордиться? Ведь как Он
пожелал, так и сделал, возвысив нас. И если Он пожелает,
то вновь низринет нас в свойственное нам по природе бре-
ние, из которого и извлек нас. Итак, восхождение есть дар
Божественной воли, и стояние, опять-таки, — проявление
той же [Божественной] силы, как и изменение и ввержение
в прежнее состояние есть испытание, посылаемое тем же
Божественным Разумом ради нашего исправления. Поэтому
мы по необходимости должны благодарить Бога за всё прихо-
дящее [к нам] и не печалиться из-за случившегося изменения,
но говорить так:

«О Любоблаже и Душелюбче, Спасителю мой, я досто-
ин всякого наказания, поскольку, будучи сыном ада, не скор-
блю, что сотворил адские дела и продолжаю совершать то же

¹² См., напр.: Преподобный Григорий Синаит. Весьма полезные главы, 31// Творения. С. 17.

¹³ См.: Бог производит в вас и хотение и действие по [Своему] благоволению» (Флп. 2, 13).

самое. Ты же Сам, Христе мой и Боже, по Своему хотению благоизволил, чтобы я восшел на Небеса, и опять, когда Сам желаешь, низвергаешь меня во ад. Да будет же на мне воля Твоя святая!»

Только в том случае надлежит нам скорбеть, если Бог оставит нас по грехам нашим и мы закоснеем во грехе и прогневим Бога. И печалиться должно не столько из-за падения, сколько из-за того, что мы опечалили Бога в ответ на великую любовь, которую даровал нам сладчайший Христос. Мы же, вместо благодарности, вновь напоили Его желчью неблагодарности. И вновь, напивав губку уксусом, поднесли ее Распятому!

Однако Он вновь прощает нас, если только мы, окрылившись надеждой, начертаем обновление покаяния, а не останемся сидеть во тьме отчаяния. Ибо Он может вновь спасти прибегающих к нему в покаянии. И опять Спаситель простирает к нам руки, опять Христос жаждет нас и с болью душевной ищет заблудшего. И подставляет Свои Божественные плечи и взывает: «Дерзай! Ты не умрешь, ведь, услышав глас петуха, ты горько заплакал, восставая из своего падения¹⁴. Вот ты опечалился ради Меня, и Я больше не гневаюсь на тебя!»

А если ты испытал изменение, ни в чем не провинившись, то дерзай и радуйся, ибо стал ты искусным благодаря приобретенному опыту. С горячей надеждой простирайся вперед, подвизаясь как имеющий знание и веру, так как ты станешь наследником вечных благ, о чем тебе и самому известно. Только понуждай себя к большому смирению.

И когда этот бес, всезлое самомнение, говорит тебе, что ты выше других монахов, отвечай ему так: «Уймись, лживый и хитрый диавол, ибо если пожелает Господь излить Свою благодать на всех людей, то все мы будем одинаковы».

¹⁴ См.: Лк. 22, 62.

Что же значит грех моего брата? Даже если нет у него благодати или же если ее у него мало, разве ты не слышал глас Господа, говорящего, что Он украсил словесное естество божественными дарами, дав одному пять талантов, а другому два? Раздаванием талантов это назвалось, наделением благодатными дарами оказалось.

Но и третьего, пренебрегающего всем божественным и святым, Господь не лишил подавания, чтобы тот, досадуя, не обвинял Его. Однако то, что дал, забрал назад, так как тот оказался недостойным. Ибо не войдет Бог в неразумное сердце. Если же и войдет, то вскоре выйдет. А двое других, которые к дарам приложили трудолюбие, сподобились похвалы, оказавшись достойными доверия, и сделались хранителями Божиих таинств. Ибо оба слышали: «Внидите в радость Господа вашего»¹⁵, и не получили никакого порицания за неравенство принесенного ими, так как Он и [дарами] наделил не поровну. Но, зная возможности каждого, Он довольствуется лишь удвоением [данного].

Итак, если и ты, о возлюбивший безмолвие, получил большой дар от Бога, то ожидай, что с тебя много и спросится, сообразно божественному дарованию. И остерегайся осуждать того, кто неможнее тебя, иначе окажется, что ты по невежеству своему борешься с Господом.

Ведь тот, кто получил больше, не вправе унижать неимущего, а получившему меньше не следует скорбеть и тосковать из-за того, что он не равен с другим. Но тот, у кого больше благодати, обязан поддерживать своего ближнего, словом и примером своим исцеляя все его телесные и душевные немощи, с рассуждением наставляя его в законе духовном до тех пор, когда и он удвоит талант или, вернее, снизойдет луч

¹⁵ См.: Мф. 25, 22.

от Просвещающего и отверзет очи его души, и он, познав свою недостаточность, станет без рассуждения слушаться своего наставника.

Таковы, брат, награды за мысленное делание, и таков плод, приносимый им. Украти же возбужденную юностью плоть и смири ее мудрование. Равным образом истончи свой ум бдением и мысль занимай божественными предметами, чтобы снизошла на тебя сила Утешителя и научила нас высшего искать и о горнем помышлять¹⁶, как подобает небесным чадам Всевышнего.

Буди, Господи, буди!

Здесь нас облагодати́, а там — соделай нетленными, да служим Тебе во веки нескончаемых веков. Аминь.

¹⁶ Ср.: *Вышних ищите... горняя мудрствуйте* (Кол. 3, 1–2).

оскольку наше слово, дорогой [читатель,] идет своим чередом, побуждая нас говорить и увлекая к лучшему, то я, поставив, как Иаков, столп¹⁷ и помазав слезами вместо елея новую главу своего слова, начинаю беседу о видении Бога.

Итак, теперь мы, насколько могли, привели в порядок тело и ум и к тому же с Божественной благодатью мужественно побороли самомнение, подобно воину, который, обучившись деланию и созерцанию, затем выходит на брань, как божественный Давид против Голиафа, и, вернувшись с победою, в награду, как дочь царскую, получает луч света от Царя Христа. Подобное совершили и мы. И поскольку наше слово к тому призвало и делание наше к тому постепенно привело, надобно побеседовать и о пришествии просвещения Божественной благодатью, а также и о том, как отличить это от прелести. Мы знаем, что вкусивший вина и испытавший его сладость, если дадут ему уксус, тотчас же распознает его и от него отвращается. То же разумеи и о Божественной благодати: кто познал и вкусил произошедший от нее плод, так что благодатью просвещены его ум и мысль, тот светлым умом распознаёт по-воровски приходящего и плод прелести приносящего.

¹⁷ См.: Быт. 28, 18.

Ты же, внимая [моим] словам, тщательно распознавай образ действия прелести. А если ты поверишь, что [ее действие] — это истина, то по заслугам погрузишься во мрак, ибо ум, даже немного задержав свое внимание на прелести, тотчас же рассеивается. Будучи питателем сердца, ум передает увиденное в прелести ему, и оно сразу наполняется смятением. Тогда раздувается человек, словно бурдюк, от воздуха темного и нечистого, так что даже волосы его встают дыбом, и он переживает смятение, и всё у него приходит в разлад.

А Божественная благодать, постигаемая, по моему опыту, духовным чувством и засвидетельствованная знающими ее, есть сияние Божественного света. Она воспринимается в созерцании ясным умом и является как тонкая мысль, благоуханное и сладчайшее дуновение, нерассеянная молитва, избавление от помыслов, жизнь чистейшая. А еще [благодать] совершенно мирна, а также смиренна, тиха; она очищает, просвещает, радует и лишена всякого мечтания. В благословенный миг пришествия благодати не остается места никакому сомнению, что это [поистине] Божественная благодать, ибо она не вызывает у принимающего ее никакого страха или недоверия.

Ты же, мой слушатель, отвлеки свой ум от видимого и вещественного и с ревностью внимай моим словам, чтобы твоя душа насладились постижением смысла того, что здесь написано.

Итак, начнем и, приступив к подножию, ступень за ступенью будем восходить к вершине божественной цитадели, чтобы оттуда мы смогли увидеть, как и когда приходит Божественный Жених в наше низкое жилище. Все призванные Богом монахи (ведь есть и приходящие к монашеству из-за жизненных обстоятельств) испытали воздействие Божественного луча, который и зовется Божественной благодатью.

Житие же монахов таково. Когда благодать, как было сказано, сама просветит человека, тот уходит из мира, оставляет его, приходит в общежительный монастырь или же поселяется с другими отцами и братьями¹⁸ и оказывает всем послушание, умиротворяя желания своей души. Когда совесть его успокоится, он старается, насколько возможно, соблюдать заповеди Божии, подражая делам своего наставника и исполняя предписанные отцами [монашеские] обязанности¹⁹, и с благими надеждами ожидает милости человеколюбца Бога. Таков общий путь, которым шествуют очень многие добродетельные отцы.

Однако существует и другой путь, хотя наше время и нехватка путников сделали его труднопроходимым и тернистым. А ведь в старое время все богоносные отцы шли этой дорогой. Потому и я, наималейший, с душой, горящей божественной ревностью, ради пользы моих братьев предпринял этот малый труд, повинаясь Божью повелению, говорящему: *кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так желающего послушать его, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется*²⁰. Эту заповедь любви и я премного возлюбил и, не удовольствовавшись писаниями боговдохновенных отцов, вознамерился явить мое косноязычие, ибо если я удостоюсь того, что окажется это полезным хотя бы одному брату, то будет мне от Господа награда за труд. Если же я окажусь недостойным принести пользу другому, то и в таком случае не лишусь своей мзды, но, обдумывая и прилежно изучая то, о чем пишу, разбужу хотя бы собственную убогую душу от великого бесчувствия.

¹⁸ Имеется в виду небольшая община, живущая в отдельной келлии в каком-нибудь скиту.

¹⁹ См. примечание 241 на с. 221 в письме 55-м.

²⁰ См.: Мф. 5, 19.

Дóлжно тебе постичь, что путь сей, о коем мы сказали, — это не человеческой науки изобретение, но Самого Владыки нашего вдохновение. И Он наставляет [на этом пути] каждого, как Сам пожелает и как Ему угодно, к исполнению Своей святой воли. Итак, если Господь, любящий человека и его душу, пошлет луч Своей Божественной благодати, так что войдет он в душу согрешающего пред Ним, тот сразу восстает и ищет духовников для исповеди.

Он прикасается к Писанию и с волнением объявляет о дурных делах, какие содеял. Он ищет убежища в пустынях и пещерах, чтобы найти хоть некоторый покой и начать борьбу со страстями, чтобы загладить свои прежние грехи суровым во всех отношениях житием, то есть [терпя] голод, жажду, холод, зной и [неся] иные подвиги, о которых говорят примеры [из жизни] святых.

Сладчайший же Господь еще больше умножает в нем пыл, который, словно огненная печь, объемлет его сердце, побуждая его к любви и пылкому божественному рачению, а еще и к безграничной ревности в исполнении Божиих заповедей, равно как и к великой ненависти ко грехам и страстям. Тогда он начинает с великой готовностью раздавать нуждающимся всё, что имеет, много ли, мало ли, поскольку возлюбил нестяжание и разделил свою участь с алчущими Иисуса.

Поскольку же он посильно соблюдает божественные заповеди Христовы и перед ним раскидывается оная сеть божественного призвания, то, словно рыба, пойманная на крючок благодати, где приманкой служит любовь Распятого, он более не в силах выносить волны моря Христова, бьющие в его сердце, и потому бежит он в преизобильном свете божественной любви, как олень, стремясь к источникам, из которых бьют эти воды благодати.

И оставляет он родителей, братьев, друзей и прочих близких.

По Одному лишь жаждой томится,
к Нему единственному, взыска, стремится,
и изо всех сил следует за Тем, Кто Иисусом зовется.

И, как следопыт, [в поисках] зверей обходящий пустыни, ищет он, где бы ему найти желанного проводника и наставника души, под чьим руководством он бы достиг цели, которая подвигла его на эти поиски, и тем самым познал способ, которым мог бы он восходить в духовном житии.

Однако, к сожалению, нелегко в наши дни найти такого духовного наставника и очень немного тех, кто идет по этому пути. И поэтому он начинает плакать и рыдать, ибо не находит того, что было в старые времена, того, о чем он читал и чего горячо желал. Что же делать человеку, если пыл его души толкает его к любезному ему и возжеленному безмолвию? Поэтому он, исследуя, ищет и Бога просит, да найдет ему желанного деятельного руководителя и души исцелителя, Богом избранного, который спас бы его от множества зол и предал его матери-послушанию²¹.

Итак, с молитвой и благословением своего наставника начинает он свои духовные подвиги. Как показывают жития преподобных отцов, многие из них в те времена, имея этот пыл, пройдя испытание и облачившись в ангельский образ, удалялись в уединение ради безмолвия, неся с собой молитвы и благословение Старца как оружие, неборимое для врага. И время от времени они приходили за духовными наставлениями и утоляли голод своей души.

А другие оставались жить вместе и имели позволение [от своих наставников] в определенное время предаваться безмолвию и исполнять всяческие добродетели: плакать и скорбеть, поститься и совершать бдение, непрестанно молиться и

²¹ Слово «послушание» в греческом языке — женского рода. Послушание здесь называется матерью как родительница всех добродетелей.

читать умилительные жития святых, творить поклоны, сколько в силах, и вообще заботиться о чистоте и воевать со страстями. И так они, тем или иным образом, безмолвствовали.

Впрочем прошу тебя, дорогой мой, приложи еще немного внимания и уразумей сказанное нами, и, слыша слово «безмолвие»²², не думай, что каждому легко безмолвствовать, не подвергаясь никакой душепагубной опасности. Ведь и в древности и теперь многие не потому отделились от старцев, что горели божественной любовью к благоугождению воле Божией, желая подвигов и скорбей ради Христа, но потому, что полюбили покой для служения страстям, не вынеся послушания в Господе, которое требует терпеть ради Него обличения и оскорбления. Таким образом предпочтя свою собственную волю, они по невежеству своему отвергают пребывавшего послушным даже до Креста и смерти Иисуса, Господа нашего. Такие, становясь рабами страстей — гнева и вожделения, подчиняются им, как своим владыкам, и с готовностью творят угодное им. Поскольку же привычка укореняется и становится законом, они совершенно сбиваются с пути и впадают в прелесть.

Тот же, кто поистине пребывает в безмолвии по велению воли Божией, постоянно оплакивает свои грехи, искренне болезнуя о своей душе. И, раскаиваясь в своем дурном прошлом, он заботится о всякой благой добродетели и, всей душой доверяя словам наставника, предает подвигам свое тело как жертву, приносимую любви Иисусовой, если бы было возможно — даже до смерти.

Он старается собрать свой ум в сердце, как учат отцы подвижники, и при вдохе и выдохе творить в уме молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!»

И как дыхание дает жизнь плоти, так и ум, соединившись с молитвой, воскрешает свою умерщвленную душу, и [человек,]

²² См. прим. 8 на с. 27 в письме 2-м.

делая это, словно усердный работник, прилежно взыскующий милости, понемногу начинает ощущать умом просвещение божественного утешения.

В этом первая ступень заключается
для монаха, который по следам устремляется
и, желая узреть Бога,
вступает, как новоначальный, на блаженную дорогу.
Вот извещение достоверное,
что он идет дорогой верною.

Вначале был луч призвания Божия, который один помогал нашему очищению. Однако ум еще не чувствовал, не различал его, ибо оное Божественное действие²³ ни для кого не видимо. Лишь иногда оно ощущается при некоторых состояниях тела, и тогда оно сообщает ему легкость, и духовные понятия, и плач, и слезы, а также приносит памятование и ощущение содеянных согрешений. А к тому же — стремление к подвигам и естественное и богоугодное созерцание творения, весьма сильно улаждающее нашу душу, но не умное зрение, [улаждаемое] ощущением чистейшего света, который оное трблаженное действие являет нам, приходя, словно в тонком дуновении.

Оно, омывая ум, как божественная купель, очищает его и производит совершенное изменение всего тела, умягчая, так сказать, сердце, и значительно усиливает присущие телу по природе благие достоинства, и подает теплейшую ревность, слезы и невыразимую любовь ко Господу.

А как только действие Богодвижимой силы прекратится, когда она того пожелает, тогда снова уходит к себе тот чистейший свет и ты остаешься один, как бы помазанный благоуханным елеем.

²³ ἐνέργεια

Благодать, словно мать, носит на руках приносящего [себя в] жертву, воспитывая его, как младенца. И когда мать наша, благодать, приходит, он трепещет и ликует от радости. Когда же она вновь удаляется, он плачет и рыдает, ибо не знает премудрости Святого Бога и Его замысла о нас, с которым Он, окрадывая нас, приобретает для нас спасение.

И тот, кто не опытен в этом, всякий раз, как благодать отойдет от него, считает, что она навсегда удалась, и потому понуждает себя к посту, бдению, молитвам и прошениям, разыскивая способ удержать ее, поскольку думает, что божественное утешение можно привлечь своими делами. А враги наши, бесы, разными способами досаждают монаху, чтобы тот еще усерднее, со слезами просил Божественной помощи. И это происходит по домостроительству Божественного Промысла для его обучения.

Когда же мать снова возвратится и подаст ему сосец безграничной радости и любви, он еще настойчивее ищет, каким бы способом навсегда соединиться и более никогда не разлучаться с этой небесной радостью. И, как плачущий младенец, кричит: «Увы мне! Увы! О сладчайшая Любовь, почему Ты меня оставила и удалилась от меня, так что меня едва не задушили свирепые бесы? Увы! Увы мне, несчастному! Что могу я сделать, чтобы удержать Тебя и непрестанно наслаждаться Тобою? Ей, Спасителю мой, пощади меня и не оставь впредь, но пребывай со мной в этой моей жизни. А когда покину я сей мир, с Тобою да пройду через мытарства! Увы мне в день тот!»

Хотя он и говорит всё это, и больше этого, Бог, однако, ничуть не внимлет его молитве, и, после того как божественное утешение усладит подвижника медом, к нему опять приходит горечь полыни. Но поскольку сосуд благодаря частому смазыванию [благодатью] становится более чистым и более

пригодным для принятия Божественного осияния, то оно начинает и приходить чаще, и задерживаться дольше, и поэтому делается привычным, так что младенец по уму и ведению начинает становиться самонадеянным, считая, что это осияние дано ему как плата за его делание.

Такое состояние продолжается три или четыре года (иногда больше, иногда меньше), постоянно обучая и умудряя человека. При этом страсти его успокаиваются и бесы убегают прочь, не в силах более вредить ему, потому что с ним всегда пребывает и его ограждает стража.

Однако, когда какое-либо утешение находится в большом изобилии, тогда естеству нашему свойственно вскоре извещать нас о насыщении. Поскольку мы носим тело плотское и тяжелое, постольку и насыщаемся быстро, и поэтому оставаться в одном и том же состоянии для нас совершенно невозможно, если только мы еще не достигли бесстрастия, о котором скажем после.

Если же мы находимся в каком-то одном состоянии и не возрастаем постоянно, то, поскольку мы носим тленное тело, лишь только насытимся высоким, сразу обращаемся вспять и приходим в нерадение, подобно тому как истинное Слово говорит о пище²⁴.

Ведь, когда человек насытится определенной пищей, его аппетит обращается к другой, а если насытится и ею, то сразу устремляется к еще лучшей. Если же человек вдоволь наестся даже самой манны, которая причастна всякого наслаждения и сладости (ибо она превосходит всякое желание, почему и названа пищей ангелов), то и ею вскоре пресытившись, он,

²⁴ См.: Сыны Израилевы сидели и плакали и говорили: кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и чеснок; а ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших (Чис. 11, 4–6).

не имея лучшего предмета желаний, обращается назад и, желя лука и чеснока, уничижает пищу, посланную от Бога²⁵.

Но поскольку подвижник еще неискусен и не обладает подобающим ведением, которым мог бы распознать промысл человеколюбивого Бога, ибо на этой ступени еще слабы его мысленные очи и он равняет свет с тьмою, а добродетели смешаны в нем со страстями, то и мыслит он не должным образом, начиная принимать помыслы высокоумия. Он их [только] недавно отверг, а теперь снова в них погружается.

Но и здесь есть домостроительство Создателя для обучения труждающегося.

Мы же в песнях достодолжно почтим Спасителя, пользу нашей души многообразно устрояющего и приводящего нас к жизни присно сущей и во веки веков не престающей.

Аминь!

²⁵ Ср.: Чис. 11, 6.

снова, дорогой читатель, слово побуждает нас говорить.

А речь, опять же, ищет слушателя,
и явление требует разума,
смиренно мудрствующего.

И таким образом мы оба приобретем пользу, ибо постижение написанного будет и воздаянием за труд написавшему.

Ведь тот, кто желает состязаться в беге, и препятствия встречает, и спотыкается о камни, и разбивает себе ноги. Точно так же и всезлобный враг угрожает нашему спасению, ниспровергая в мгновение ока все наши труды, стоит только прислушаться к его словам.

Мы ведь несколько порадовались, обучаясь,
и немного повеселились,
Божественными действиями мысленно укрепляясь,
ибо в третьей главе пришла радостная победа,
а в четвертой мы удостоились
посещения просвещения.
Теперь же раздается известие страшное,
скорбное и всегубительное,
горечью иссопа возвещающее обратное [прежнему].
Скажем же о вещах, печалью преисполненных.

Рука цепенеет, прикасаясь к тому, о чем мы скажем, а ум не решается помыслить об этом. Уста и язык медлят произнести то, о чем пойдет речь.

Что же столь печалит меня и приводит в немалое смущение труждающегося? Я готов сказать тебе, а ты, слушая меня, отвори свое помышление, подари мне свое внимание и уразумей то, что будет сказано. Ведь этот этап, ступень, о которой мы говорим, существует для отнятия благодати по домостроительству Божию. Господь устроил это так, чтобы показать человеку, что тот не сам по себе существует²⁶, дабы он непрестанно питался самоукорением и сделался причастником смиренномудрия. Итак, стоит удалиться благодати, как тотчас делается явной несамодостаточность²⁷ [человека,] так что вместо сияния, света и несказанной радости немедленно приходят страдания, которые и становятся матерями смирения.

Началом же сокрушительного падения является уже упомянутая и побежденная мать всех зол — немилосердное самомнение, которое начинает, как некогда и перед праматерью нашею Евой, рассеивать свой бесовский яд, прикрываясь видом сострадания, [в действительности] ведущего в бездну преисподнюю.

Оно говорит, как духовник,
а лобызает, как Иуда-ученик.
Оно с кротостью рассуждает,
против нашего спасения злоумышляет.

Слух наш тщательно проверяет
и безумие бесовское в него влагает,
хочет, чтобы мы возжелали падения,
и сразу делает ядовитое внушение.

²⁶ ἵνα αἰτιατὸν ἀποδείξῃ τὸν ἄνθρωπον

²⁷ αἰτιατόν

Оно соизволения нашего требует,
прочих бесов на подмогу призывает,
чтобы все они возле нас пребывали
и своей прелести подкрепление подавали.

«Итак, — говорит [самомнение] монаху, — видишь нынешних бездельников, утверждающих, что [в наше время] Господь не дает благодати? Они сами не хотят подвизаться, а поэтому и другим препятствуют, ссылаются на опасность прелести и кричат, что ты впадешь в нее, как и все. Так отступись же от их поучений и внимай моим словам! Что же? Разве Бог, как прежде, так и ныне, не дает нам силы и не прибавляет нам крепости?»

Так коварный и трусливый бес ссылается на Божественное Писание, чтобы забросить свой крючок, подобно гадалкам, которые хотя и крестятся, и поминают Бога, на самом же деле занимаются колдовством.

Он богословом себя выставляет
и спасение наше, как волк, похищает,
ради цели своей не тому нас обучает,
и так заботы о спасении нас лишает.
А оный младенец, ни сети этой не зная,
ни того, что советчик сей
есть древнее зло, не постигая,
его прелести радуется,
ложь за истину принимает,
всех кругом порицать начинает
и отцов в надменности своей осуждает.
А по сути враг на душу его так нападает.

Меч же, который даровал ему Христос для защиты, он обращает против себя и душу свою закаляет из-за своего невежества. И начинает он говорить так: «Человек может стать

сосудом благодати, если захочет и если приложит усилие». И яростно сражаясь с теми, кто ему противоречит, он понемногу начинает впадать в прелесть и становится игрушкой бесов, думая и полагая, что все пойдут в ад за свое нерадение и неведение. Поэтому всё, что ему говорят, его ничуть не убеждает, и он, отвергнув всех, затворяется один-одинёшенек и творит то, что подсказывает его сообщник-бес. Посему мы оставляем этого человека на милость Божию. Ибо знаем, что бес многих повесил и задушил, внушая им, что они станут мучениками. Другие же впали в безразличия и нерадения, совершенно забросив свои [монашеские] обязанности²⁸. А самое главное, они полагают, что это и есть подлинная истина и путь Божий.

Такие недуги наводит и таким образом ослепляет диавол несчастного человека, чтобы тот, даже если захочет, не смог подняться и искать исцеления. А человеколюбивый Господь, опечаленный, ждет, не осознает ли человек свое падение и не взыщет ли врачевания.

Итак, брат мой, многие прельстились из-за этого темного изменения.

Средство же для исцеления такого человека — это увидеть причину своего падения и найти соответствующего врача-духовника, чтобы тот подходящими лекарствами вылечил и спас его. Мы же, дойдя до высшей точки нашего слова, вновь обратимся к предыдущему и скажем вот что. Если бы подвижник, о котором шла речь, не сбился со своего пути, то не думал бы в неведении своем, что собственными силами стяжал благодать, и не доказывал бы, что для всех возможно получить ее, коль скоро понудят себя. Но если бы он имел страх и естественную рассудительность, он бы поразмыслил и сказал: «Кто я такой, чтобы осуждать других, думая, будто все они коснеют в неведении и только я один, несчастный,

²⁸ См. примечание 241 на с. 221 в письме 55-м.

получил просвещение?» И, отвергая слова змия, сказал бы ему: «Оставь, враг лукавейший, свое дьявольское превозношение!» И так, сопротивляясь волнам губителя, он с нетерпением ожидал бы часа, когда сможет увидеть избавление, которое бы скоро пришло, если только испытание было бы выдержано должным образом.

Божественное же утешение ради нашей пользы понекому отступает, а его место соответственно тьма занимает. Тогда попускается человеку постепенно впасть в искушения, чтобы научиться прекраснейшему смирению. Не выдерживая же внезапности и необычности вражьих помыслов и боясь, как бы не впасть в прелесть, он плачет, с болью и страхом разыскивая опытного врача, чтобы тот его исцелил.

И хотя все отцы хорошие и добродетельные и каждый из них высказывает ему свое мнение, тот нисколько не исцеляется, ибо не настал еще час, когда Бог ему явит врача и лекарства. Ведь ему нужно слово, подкрепленное величайшей силой дела. Ведь он не принимает данного в простоте, когда подвернется случай, совета, что ему нужно смириться и отбросить свое превозношение. И посему он не находит того, чего ищет, ибо нет у него терпения ждать, когда Господь захочет подать ему это, а также потому, что нуждается в испытании, дабы открылись подвиги, на которые он способен собственными силами, и чтобы было сокрушено надмение, усиливающееся особенно у того, кто совершает некие сокровенные [подвиги,] которых нет у других. Потому-то подвижнику и попускается познать немощь человеческого естества.

Когда совершенно удалится благодать, тело слабеет и изнемогает, будучи не в силах, как прежде, выполнять свои обязанности. И тогда овладевают человеком нерадение и сопутствующее ему уныние, то есть тяжесть тела, неумеренный сон, расслабление членов, помрачение ума, безутешная печаль, помыслы неверия, страх прелести. И тогда он, неспособный

более терпеть безмолвие, бродит туда-сюда по дорогам в поисках помощи.

И кто-то говорит ему: «Ешь сыр, молоко, яйца, масло, чтобы набраться сил!» Другой говорит: «Ты впадешь в прелесть!» Третий же: «Ты уже прельстился, как и многие!» И он, не зная, что делать, поскольку потерял терпение, а ревность и горячность веры остыли, становится как бы безумным, ибо слушает многих людей, каждый из которых ради его пользы и от любви дает ему советы по своему разумению.

Итак, он начинает есть, сколько может, чтобы окрепнуть. Но, к несчастью, когда благодать ушла, а тело обессилело, ему нелегко поправиться, поскольку организм не имеет сил для переваривания пищи. Ведь когда ты сильно перегрузишь свой желудок, тогда заболевает всё тело, поскольку оно, не успевая передавать чистую кровь по всем своим артериям, передает ее мутной и нечистой, в результате чего тело еще более помрачается и тяжелеет, вместо того чтобы получить пользу.

И таким образом тот, кто прежде был подвижником трезвения, становится теперь садовником и земледельцем, добывая хлеб свой в поте лица от трудов своих.

И в результате предателем является,
поскольку терпения лишается
и малодушию покоряется.

Для врагов же своих в друга превращается,
против своей души вооружается,
самолюбия отродьем он оказывается,
от прямого же пути удаляется.

Так что прежней ловушки он избежал,
а в эту попал.

Ты же, путнике добрый, идущий божественным этим путем, снова воздвигни столп своего внимания, возливая на него елей размышления, и упроси Бога многомилостивого, чтобы избежать тебе и этой ступени, где расставлена вторая сеть, в которую и в древности, и в наши дни попались многие, и совершенно отвергли ангельский образ, и вернулись в мир. Если же таковой здесь и останется, то рабом всех страстей окажется, и станет врагом всех подвижников, и будет страстно нападать на них.

И как только услышит, что кто-то постится, пребывает в бдении или молится, тотчас же весь возмущается и с гневом откликается, словно всё знает заранее: «Это всё прелесть, и в наше время Бог не хочет подобного, поскольку так поступал и такой-то, и его едва не пришлось посадить на цепь!»

Так думая и говоря, сей подвижник не только вовсе отвергает монашеские обязанности, но к тому же становится камнем преткновения и для других употребляющих усилие²⁹, стремясь вовлечь в свое отпадение всех, чтобы не ему одному оказаться обличенным пред Богом. Такой человек сошел, брат мой, с прямого пути. Врачевание же и лекарство для него в том, чтобы смирить свое сердце, снова вернуться туда, где сбился с дороги, и ждать милости Господней. И если придет к нему Божия помощь, пусть возблагодарит милосердного Бога. Если же нет, то, чтобы смирить надменное мудрование, пусть идет в послушание к другому, шествуя путем наших отцов.

Мы же снова вернемся к тому, что оставили было, и, связав разорвавшуюся нить слова, скажем вот что. Если наш подвижник не падет, но мужественно выдержит [тяготу] этого поприща, ожидая, когда же он избавится от врага-искусителя,

²⁹ См.: Мф. 11, 12.

и если испытает всё то, о чем говорили [святые] отцы, и при этом увидит, что не исцеляется, поскольку не подходят ему все эти снадобья, то, безусловно, для него есть какое-то другое [средство помощи,] которым уверенно владеет кто-то, имеющий опыт богообщения³⁰. Нужно лишь усердно, со многими слезами и смирением, искать этого у Бога и людей.

Христос же, Господь наш, не дает ему до поры Своей благодати, но оставляет его бороться с искушителем. Впрочем надлежит тебе знать, дорогой читатель, что и диавол, со своей стороны, как и в случае с Иовом, просит дозволения на брань против подвижников³¹. Поскольку же он — опытный воин, который воюет уже тысячи лет и многих [за это время] вплоть до наших дней низринул в погибель, приобретая великий опыт и силу для борьбы с нами, постольку и удаляется не скоро, и победу уступает не без труда, но проникает до самых костей, покоря себе несчастного человека³².

Святой же Бог наш, будучи сколь праведным, столь и милосердным, сострадает и милосердствует о заблудшем Своем создании, но всё же не прекращает самовластно эту брань, чтобы не показать Себя несправедливым по отношению к требующему брани змию, врагу нашему, чтобы тот не обвинял Его в том, что Он самовластно дарует победу. Впрочем и это Он делает часто, спасая блудников и разбойников, однако же святые отцы не считают такой порядок общим для всех. Ибо общий порядок, который мы приняли от всех святых,

³⁰ «Τὰ θεῖα παθὼν» κατέχει. Скрытая цитата из сочинения Дионисия Ареопагита «О Божественных именах», где он пишет о своем учителе св. Иерофее Афинском, что тот «не только изучал, но и претерпевал божественное» (οὐ μόνον μαθὼν ἀλλὰ καὶ παθὼν τὰ θεῖα). // Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1994. С. 70.

³¹ См.: Иов, 1, 10–12.

³² См.: Иов, 2, 4–6.

состоит в добровольном подвиге даже до крови, согласно речению святого: «Отдай кровь и прими Дух»³³.

А когда подвижник смиряется, он научается посредством многообразной брани правильно мыслить о себе — что он от родителей в наследство получил превозношение, был с ним, как и с прочими страстями, зачат и рожден в крови и слизи. Потому-то, по мере преуспевания, он и встречает еще более тяжкие и великие брани. И вот сейчас у него самый большой подвиг, в котором, словно золото в горниле, испытывается, насколько чисто произволение подвижника. Ибо предается он в руки малодушия, уныния, гнева, хулы и [иной] всевозможной злобы врага. И вкушает он в каждый миг душевное удушье, и пьет от вод ада.

При этом все его разнообразные страсти непрестанно, днем и ночью, приводятся в действие лукавейшими бесами. Иисус же, Господь наш, стоя поодаль, нисколько не укрепляет его, но довольствуется тем, что смотрит на Своего подвижника, как на сражающегося на арене. И тот будет истинным подвижником, кто среди всех этих опасностей не ослабевает и не оставляет своего места, но, обороняясь, стоит, стягивая сокрушенные в сражении части своего корабля, [хотя] и плачет и стонет о своих ранах. И старается залечить свои увечья, изо всех сил ожидая или уже избавления от искушений, или совершенной своей гибели.

И это мое свидетельство истинно, дорогой мой брат. И тот, кто испытал горечь этой желчи, знает, о чем идет речь. Ведь не многие испытываются подобным образом, но один из тысяч или ещё реже — кого изберет благой Кормчий. И такой человек, имея [пусть и] малую надежду, говорит:

³³ См.: Об Авве Лонгине, 4 // Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. СТСЛ, 1993. С. 100.

«Лучше я умру в борьбе, чем оставляю ее, и тем будет поруган путь Божий. Ведь я имею столько свидетельств, что этим путем прошли все святые!» А более всех других [святых] отцов ободряет нас авва Исаак, похвала безмолвия и утешение подвижников³⁴.

Утешая себя таким образом, подвижник проявляет терпение и понемногу исцеляется от уныния. И подкрепляет свое тело скудной, самой простой пищей, чтобы вынести и вытерпеть скорби подвигов, совершаемых посредством тела. Все же остальные свои силы он целиком посвящает тому, чтобы ум был внимателен, дабы от смятения из-за бесов и собственных страстей не подверглось хуле пресвятое Имя Господне.

Таким образом, мой дорогой, эта великая борьба продолжается немалое время, хотя и соответственно терпению каждого и пославшей испытание Божественной воле, пока совершенно не очистит его от различных страстей и не приведет его к совершенному ведению, когда он хорошо познает, что происходит от Бога, а что бывает от его собственных сил. И, получив должные и подобающие ему раны, он начинает правильно мыслить и говорить себе: «О ничтожный и всеокаянный, куда делись твои слова, что если ты захочешь, то можешь подвизаться и стяжать благодать? И разве не ты говорил, что все остальные не понуждают себя и потому не преуспевают?

³⁴ См., напр.: «Когда придешь от искушений в уныние и пресытишься ими, скажи сам себе: “Снова возделываешь ты нечистоты и срамной жизни”. И если тело скажет тебе: “Великий грех самому себя убивать”, то отвечай ему: “Сам себя убиваю, потому что не могу жить нечисто. Умру здесь и не увижу еще истинной смерти души моей, смерти для Бога. Лучше мне умереть здесь ради непорочности и не жить худю жизнью в мире. Произвольно избрал я смерть сию за грехи свои. Сам себя умерщвляю, потому что согрешил я Господу; не буду более прогневать Его. Что мне в жизни, далекой от Бога? Буду терпеть озлобления сии, чтобы не быть отчужденным от небесной надежды. Что Богу в жизни моей в этом мире, если живу в нем худо и прогневаю Бога?”» Преподобный Исаак Сирин. Слово 22 // Слова подвижнические. СТСЛ, 2008. С. 146.

Горе тебе, окаянный, ибо еще не Господь созиждет дом души, всеу труждаемся!»³⁵

Об этом и еще о многом он размышляет и понемногу вразумляться начинает. Проклятые же бесы, когда видят, что человек начинает мыслить хорошо и с пользой [для себя,] еще сильнее натягивают свои луки, ибо, глядя на наше поведение, они предчувствуют, что скоро потеряют над нами власть. Когда же человек погружен в глубину душевной боли, тогда некий тончайший голос призывает его быть внимательным и не двигаться со своего места, ибо, в противном случае, он падет и сотрет навсегда память о себе из книги блаженной будущей жизни. Столь живо ощущает он своих супостатов, что многие, возможно, и не поверят этому. И во время молитвы, когда подвижник бодрствует, он чувствует бешеное волнение своих страстей, [каждое] их движение. А по ночам часто слышит он голоса и смех бесов, которые издеваются и смеются над несчастным своим противником. Если же угодно тебе знать, то видит он во сне, как целые полчища бесов являются ему в естественном своем виде и нападают на него тысячами способов. Поистине таково неистовство наших врагов и такова награда, доставляемая ими тем, кто послушался их внушений, такими дарами наделяют они внимающих им. Однако сие испытание приносит нам и пользу и попускается по воле Господней, чтобы мы стали причастниками смирения и с благоразумием и ведением непрестанно пребывали со Христом.

Итак, мой дорогой, ты узнал об отнятии благодати, увидел и властительство дьявола, и мужество подвижника. Посему и немногие из ступивших на это поприще благополучно проходят его до конца. Ведь все Богом призванные монахи пришли к монашеству под действием первого луча благодати, многие же насладились и светом второго ее луча. Когда же пришло

³⁵ Степенны 7-го гласа, антифон 2-й. См. также Пс. 126, 1.

сие испытание и благодать удалилась, а опытного учителя рядом не было, тогда они, не устаиваясь больше просвещения благодати и посему не понимая причину этого искушения, начинают думать, что благодать больше не вернется. Такие люди, отчаявшись вновь обрести этот дар, живут в глубокой скорби, тем более что и вообще человеческие силы истощаются, когда нет опытного наставника.

Итак, слава Сотворившему всех нас,
могущему нас от этих бесов избавить,
а затем и на правый путь нас наставить,
чтобы мы, недостойные, боголепно Его прославляли
и со святыми отцами во веки веков пребывали,
предстательством Богородицы. Аминь.

аждой вещи назначено свое время, дорогой мой и любящий безмолвие брат. Минует тревожение, и приходит вслед за ним желанная тишина, в которой ум-дельфин плавает, вкушая тихий мир благодати, и призывает струны чувств пробудиться и приносить поение Создателю, славословие Избавителю и благодарение Просветителю, то есть Единой в Трех Лицах и Нераздельной Пресвятой Троице, Которая, наказующи, хорошо наказала нас, любящи, *смерти же не предаде нас*³⁶. Ибо поистине *терпя потерпех Господа*, и Он не презрел моего моления, но *внял ми, и услыша смиренный глас мой, и возведе мя, яко Благ, от рова страстей*³⁷.

Войди же и ты в радость³⁸ мою, дорогой читатель, и исполнишься, подобно мне, неизреченной радости о вновь обретенной благодати. Ибо, когда ты ради надежды обрести Жемчужину уже перестанешь желать чего-то другого и думать о чем-то другом и при этом уже дойдешь до отчаяния в исполнении этой надежды,

внезапно, сверх ожидания,
вот оно, Жемчужины сияние,

³⁶ Пс. 117, 18.

³⁷ Пс. 39, 3.

³⁸ Ср.: Мф. 25, 21.

глубины твоей души просвещающее
и скорби искушений изгоняющее.

Как же начать Жемчужину обретать?
Я готов тебе это сказать.

Ты же, выслушав сказанное, надежно заключи в сокровищнице ведения уразумеваемое. А когда по Божественной благодати ты достигнешь того, о чем сказано, тогда помолись и за меня, ведь я сам заблудился во всем этом.

Когда добрый золотых дел Мастер как должно испытает золото и, после того как оно пройдет огонь искушений и избавится от всякой жесткости и ржавчины, найдет его годным для Своей работы, тогда возглашает добрый Кормчий: «Довольно испытаний. Терпящий скорби ради Моей любви получил достаточный опыт. Хватит уже опасностей с него, сражающегося с бурями. Предоставим ему немного покоя, ведь уже и противник ничего от него не хочет, но отступил, побежденный, поскольку тот умело его проучил и безумие его обличил. Исцелим же израненного и совершенно поверженного во тьму».

Тогда одного-единственного взгляда Господа уже достаточно человеку, чтобы после скорбей вздохнуть свободно. Довольно ему одного луча благодати, чтобы забыть о всех них. Так обращается наш Спаситель к душе вытерпевшего всё, и тот, слыша сладкий голос Говорящего и спасением Наделяющего, обретает благую надежду. Будь же внимателен, дабы познать премудрость Художника и то, как Он справляется с нашей немощью. Ибо Он не дает, как прежде, благодать [подвижнику,] сколько бы тот сам ни старался, чтобы вновь не сказал [человек,] что получил ее в воздаяние за свое терпение, и не посылает Своих ангелов, ибо не вынесет этого наше лукавое и тщеславное естество. Но как мудрый Кормчий, Который устрояет всё к нашей пользе, Который возводит

на Небеса и низводит в ад, мертвит и живит³⁹, не хочет смерти грешника, но творит так, что тот возвращается к жизни⁴⁰, Он, хоть и посылает ему скорби для очищения и исправления, но, когда придет пора прекратить скорби, тогда вновь искусно и мудро избавляет от них. Ведь, будучи всемогущим, Господь может обновлять расположение души человека и пробуждать во всем его духовном устроении желание слышать слово Божие.

А кроме этого, Бог посылает подвижнику и искусного речью и единомышленного с ним человека, которого знает промыслительная и спасительная Его премудрость. И, словно в двугласной лире, встречаются их голоса. Бог же радуется этому, услаждаясь слушанием собственных Своих глаголов, как это было и в случае с оным божественным Валаамом⁴¹, принявшим Божественный глагол и непрестанно благословлявшим Израиль⁴².

Так угодно Благому Кормчему и Его богоугодному домостроительству. Ибо для Него нет ничего невозможного, но Он может всё. Если отверз Он уста ослицы, то разве сложно Ему умудрить и кого-нибудь из малейших людей ради великой пользы — чтобы спасти брата! Ибо Он источил воду из челюсти ослицы руками оного исполина Самсона⁴³ и иссушил

³⁹ См.: 1 Цар. 2, 6.

⁴⁰ См.: Иез. 33, 11.

⁴¹ В церковной традиции принято порицать Валаама за то, что он ради денег дал совет моавитянам, как соблазнить сынов Израилевых и лишить их благословения Божия. Старец Иосиф, однако, вспоминает здесь случай, когда Валаам, удостоившийся Божественного откровения, по вдохновению свыше благословлял народ Божий и изрек пророчество о пришествии в мир Мессии-Христа: *Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстанет жезл от Израиля* (Чис. 24, 17). Это пророчество Валаама входит в одну из паримий службы Рождества Христова.

⁴² См.: Чис. гл. 22–24.

⁴³ См.: Суд. 15, 18–19.

море через Моисея, Своего служителя⁴⁴. И нет никаких препятствий для всевластной и непобедимой силы Всевышнего.

Итак, в этой встрече, ниспосланной Богом, и речи, обращенной к страждущему, слышны для него раскаты божественного грома. [И он восклицает:] «О, какова благодать Твоя, Господи! Сколько раз я слышал те же слова и еще чаще изучал их, читая Твое Божественное Писание. Отчего же теперь они обладают такой силой и причастны толикому наслаждению?» Ясно, что ни по какой иной причине, но только потому, что разверзлись источники бездны и открылись давно сокрывшиеся божественные дарования, которые даже язык оленя подвигают говорить вещи полезные и спасительные для человека!

И вот свыше [посланный старец] вещает,
и слова его, словно молнии, в сердце проникают,
и Божественным светом сопровождаются,
и бесы сразу в бегство обращаются,
и благодать является,
и, словно в огне неопалимой купины,
сердце его воспламеняется.

Возвещаемое же кажется человеку вышеестественным, и текут из очей сладчайшие слезы, и воссылаются слова благодарения, из глубины души являющие искреннюю любовь к Богу.

Итак, еще немного поупражняемся в слове и с рассуждением разберем, что случается с оным путником, дабы ты понял, что когда тело обладает крепостью сил, то теплота крови в перикарде⁴⁵, если, конечно, помогает благодать, вызывает горячую ревность. И тогда человек творит всё, что захочет и сможет, поскольку и тело этому содействует. Он устремляется

⁴⁴ См.: Исх. 14, 21.

⁴⁵ См. прим. 59 на с. 69 в письме 12-м.

вперед, подобно льву, не считаясь с опасностями и [даже] смертью. Посему такой человек и [похвалу] «*благоже*»⁴⁶ слушает с удовольствием и не может от этого отказаться. Ведь он думает, что подвизается благодаря собственной ревности, а также своему телесному и душевному мужеству. А поскольку он не может всё приписать всевластной силе Всевышнего, ибо получает явные свидетельства от дел своего тела, то далеко он обретается от истинного смирения.

Когда же тело обессилело, да еще и благодать его оставила, таким образом наказав человека ударом небесного бича, тогда, поскольку телесное мужество ему не содействует, а благодать после наказания возвращается, он уже все свои подвиги полностью приписывает Богу, о справедливости чего на деле свидетельствует и открывшаяся ему истина. Тогда же становится человек и причастником смиренномудрия, так что, к примеру, даже если все языки мира соберутся для его восхваления, он нисколько не примет этого и даже на волос не превознесется. Он удаляется от этих похвал, как от богохульства, ибо всем своим душевным и телесным составом познал, как совершается всяческое божественное движение и действие, что оно от Бога к нам приходит и от нас к Богу переходит. Бог дает от Своих Своим, и Ему всегда приносится «Твоя от Твоих». И такой человек истинно поклоняется Богу и становится выше всякого смиреннословия и ложного самоуничтожения. И поэтому причащается богатству любви и воссылает чистые благодарственные хвалы.

Но я возвращаюсь к своему предмету. Когда свыше [посланный старец] возвестит божественные глаголы и даст подвижнику добрые наставления, они разлучаются друг с другом. И этот прежде младенец, ставший ныне, благодаря

⁴⁶ См.: Пс. 69, 4.

своему испытанию, человеком опытным, возвращаясь к себе, от преизбытка радости из души исходящим гласом призывает всю природу и всё, что в ней обретается: «Приидите, все Богом сотворенные создания, и со мною разделите невыразимую радость, ибо еще немного — и вселилась бы во ад жалкая моя душа, если бы Создавший меня не захотел мне помочь. Приидите же, и всякое дыхание со мною да хвалит Господа! Равно же и не имеющие чувств создания да славословят со мною Творца шумом своих листьев и звучным гласом своего дыхания. И вы, божественные и благоуханные небесные ангелы, радующиеся великою радостью моему спасительному обращению, укрепите мою силу, и вместе да возблагодарим Господа за обретение погибшей драхмы моей души!»

Итак, возвратившись в каливу и применив на деле наставления, он уже совершенно исцеляется от всего, что прежде им обладало. И, сверх того, в нем расцветает умиротворение помыслов и умножается, благодаря созерцанию, сила веры, становясь выше всякого колебания и младенческого сомнения. Ибо он, созерцая всё умными очами, видит истину, и это созерцание орошает его веру. Когда же она zaczynaет во чреве (я говорю о вере), тогда рождает дочь — непостыдную надежду. А эта божественная двоица, обретя мысленные крылья, связывается воедино с любовью, и втроем они воспринимают обетования и возвещают нам: «Примите это⁴⁷ уже как дар и божественную милость нашего Господа!»

Если же человек обращает свой ум к молитве, то не может сказать: «Дай мне то-то или то-то», поскольку Господь подает ему более того, что он сам бы попросил. Но молитва его только об одном: да будет святая воля Господня. И время от времени в час молитвы он соединяется с Богом, и тогда

⁴⁷ Т. е. веру, надежду и любовь.

прерывается молитва, а человек становится пленником любви Иисусовой и видит Того, Кого любит, и постоянно удивляется сладкому дуновению одного мысленного ветра, веющего свыше от росоносного облака и нисходящего к нам как тончайший глас, мысленно свидетельствующий о явлении Владычного присутствия. Тогда подвижник бывает поглощен силою благодати и царствует сладчайший Иисус. Когда же закончится созерцание, он оказывается как бы не имеющим тяжкого и неудобоподвижного тела и с изумлением восклицает, и с удивлением взывает: *«О глубина богатства, и премудрости, и разума Божия! Яко неиспытаны чудеса Твоя, Господи!»*⁴⁸ Кто в силах исследовать безмерное богатство Твоея благодати? Или кий язык может истолковать непостижимые Твои таинства? О Господи, Господи, аще не удержиши воды Твоея источающей сладость благодати, то человек истает яко воск!»

Говоря так, он признает себя хуже всего нечистого и на земле обретающегося и желает, если бы это было возможно, всех поместить в свое сердце, чтобы они увидели оную благодать, хотя бы ему самому ее и не досталось. Но поскольку в наши дни, как научил нас опыт, очень трудно принести пользу другому человеку, по причине множества немощей и отсутствия смирения и послушания, то, как испытано было на деле, надежнее безмолвствовать вместе с немногими единомышленниками и молиться за всех. Бог же может наставить и спасти каждого многими способами.

Итак, вот каково возвращение Божественной благодати, следующее за испытанием. Теперь тебе известно, почему всё это приключилось с путником. И, как мы сказали, это Богом установлено, чтобы ради нашей пользы уходила благодать и приходило испытание. И еще ты узнал, что существует великая

⁴⁸ Ср.: Рим. 11, 33.

и непременная нужда в наставнике, который, как опытный учитель, на деле изучил бы путь и [знал, где] ловушки злого губителя. И который бы прекрасно владел рассуждением, чтобы, когда отойдет благодать, оказывалась бы рядом рука наставника и поддерживала путника, словно иное утешение⁴⁹, пока не минует буря треволений.

Такова поистине и главная цель учения [святых] отцов, которые наставляют нас пребывать в подлинно блаженном и богоподражательном послушании, получившем благословение от Самого Начальника нашего спасения⁵⁰, Который стал для нас начатком, быв послушен даже до смерти, смерти же крестной⁵¹. И вот так, посредством послушания, наказуемые и наставляемые, мы очистимся от различных страстей мудрования и от угождения своей воле.

Питаемые же двумя [источниками] — и благодатью [Божией,] и благодатью нашего наставника, — духовно возмужав, достигнем состояния *мужа совершенна*⁵². И тогда, приправленные Божественным Духом, будем достойны доверия [Божия,] чтобы принять божественные сокровища нашего Спасителя и небесное богатство божественного синоположения по благодати, как подлинные сыновья и истинные наследники, ставшие причастными божественным [благам,] которые обетованы людям.

Но такие учителя, которые обладали деланием и опытом, исчезли, поэтому-то и происходят прельщения, падения и вообще всяческие опасные затруднения, из которых путник сможет выбраться лишь с великим трудом, с помощью настойчивости и пролития крови, получив многие смертоносные

⁴⁹ Иное по отношению к первому утешению — благодати.

⁵⁰ См.: Евр. 2, 10.

⁵¹ Ср.: Флп. 2, 8.

⁵² Еф. 14, 13.

раны. Поэтому по причине невежества путь [святых] отцов оказался вменен ни во что и из-за недостатка рассуждения стал называться путем прелести, так как на нем происходят многие падения, из-за того что нет [у путника] поддержки. Любители же всех обзывать называют прельщенными тех, кто идет по нему.

Ты же, дорогой мой брат, относясь к таким вещам с рассуждением, ни в коем случае не принимай этого, ибо велико неведение и непонимание говорящих такое. И если они пожелают узнать истину из сказанного нами, то, когда их вновь будут спрашивать об этом, пусть отвечают так: «Я, брат мой, будучи немощным душою, не смог узреть сей отеческой истины. Ты же, обладающий такою ревностью и Божественной помощью, постарайся найти себе такого учителя, который бы наставил тебя на этот превосходный путь. А если не найдешь, то верно следуй путем отцов нынешнего века. Тогда у тебя будет и много спутников и не будет опасности прельститься».

Таковы, полагаю, подлинная истина и смирение, как считают и святые отцы, умудренные в божественных предметах. И тот, кто говорит так, избавляется от великих и многочисленных искушений. Если же кто утверждает в своем произвольно составленном мнении, ограничивая свой ум оковами своеволия (то есть не позволяя ему свободно исследовать все предметы, согласовывая слова и деяния святых отцов в их совокупности, и таким образом приходить к некоему заключению), — тот, полагаю, терпит ущерб и величайший вред, ибо это разновидность добровольной слепоты и свидетельство душевной немощи или, пожалуй, хранилище неведения.

Ведь тот, кто хочет совершать путь в безопасности и обрести духовное делание, должен держать свой ум по отношению ко всему свободным и способным удобно вместить в себя [всё, подаваемое от Бога,] — насколько [вообще ум] способен

вместить или воспринять. И во всём, что он думает, или делает, или уже сделал, пусть оставляет место сомнению и никогда не лишает себя полноты своей свободы. Если же вдруг случится какое-либо изменение в душе или теле, пусть он сразу отвергнет его, если оно, опытно изведенное им самим или другим, более совершенным, подвижником, окажется ложным. Тогда он не будет с позором и склоненной головой уведен в плен в золотых цепях убежденности в своем мнении.

Если ты, дорогой, хорошенько изучишь всё, что я говорю, и измеришь [это] мысленным циркулем, то приобретешь немалую пользу. И тогда не забывай в молитвах и меня, нерадивого, чтобы мы оба исполнили заповедь Господню, заботясь о ближнем. Мы же ныне во славу Создателя нашего и присно сущего со Иисусом нашим и во веки веков с Возделывателем нашим да пребудем неразлучны с Богом, Единым в Троице нашим Творцом. Аминь!

вновь любовь к моему брату рождает во мне слово и заставляет говорить, я же, как служитель слова, приношу снеди и возбуждаю у друзей и братьев моих читателей желание их вкусить, прилагая всё свое усердие ради их наибольшей пользы.

Слово же, направляясь к лучшему, напомнило нам уже сказанное и сразу перешло к главе седьмой. А о чем в ней пойдет речь, это мы с радостью вам сообщаем: дочь диавола по имени прелесть на позор выставляем и как явное беснование, смешанное с человеческим мудрованием, тотчас изобличаем.

Причина, которая меня к тому подвигла, — это стремление к пользе ближнего, чтобы тот познал причины прелести и, если захочет, устремился прямым путем к истине. И пусть он припомнит нашу пятую главу, ответвления от которой вынудили меня уклониться от темы. Итак, прибавлю к той главе и иные ветви, которые я обошел вниманием, а также покажу корень — мать прелести — и ее дочерей.

Прелесьть⁵³, мой дорогой, согласно собственному наименованию, — это существенное удаление от прямого пути и от истины, когда человек отрицает истину и всю силою своей души принимает ложь. Прелесьть по-своему мыслит мир и его устройство и постоянно воздействует на волю, пожелания, ум, мышление, вожделение, представление, душу и тело. И видишь, как весь человек, это создание Божие, захватывается лукавой властью и она им движет и действует, словно своим собственным механизмом, как она пожелает и захочет, а несчастный человек уже не в силах хотя бы капельку ее послушаться.

Свойства же прелести, дорогой мой, неисчислимы, но мы назовем те, о которых надлежит знать безмолвствующим. Приводит их в действие, как первопричина, власть прелестителя, злоначального нашего врага, а за нею уклоняется и желание самого погибшего. Ведь есть и у бесов свой, так сказать, чин, мрачный, адский и гибельный. И как только они где-нибудь заметят, что желающая сила ума куда-то уклоняется, так сразу же их главарь посылает к тому человеку соответствующего духа. И тот, находясь рядом, непрестанно готовит почву для прелести. Занимается он этим с величайшим терпением, не жалея многих лет, до конца человеческой жизни, различными способами приучая ум вожделеть сию [порочную] наклонность, покуда не увидит плодов своей науки. И тогда, добившись подчинения, накинёт, наконец, на человека узду, чтобы тянуть туда, куда пожелает водитель-диавол.

Тогда плененный человеческий ум убеждает все иные душевные силы, чтобы они, подобно ему, послушались беса. А вместе с умом бредет и это бесчувственное тело, темница души. И если это только начало уклонения, подобно дорожке, так сказать, к этой холере⁵⁴, то человек, если захочет и прислушается к наставлениям кого-нибудь другого, сможет избежать

⁵³ Словом «прелесьть» переводится греч. слово πλάνη, буквальное значение которого — заблуждение, т. е. потеря верного пути.

⁵⁴ Имеется в виду не болезнь, а приключившаяся злая напасть.

опасности и отогнать от своей души смерть. Но когда уже наступило отравление мысленной крови, становится это поистине трудным и почти (заметь это, читатель!) невозможным, если только не подействуют молитвы великих святых и не совершит Бог посредством случая и великого несчастья перемену в его уме, чтобы разрушить постоянное воздействие диавола. Надлежит же знать, что и в прелести есть свои меры и степени.

Так, например, если о бесстрастии и совершенстве божественного дарования можно сказать, что чем менее человек приобщается к ним, тем скорее испытывает охлаждение, встречаясь с противными им изменениями, то так же обстоит дело и с силой прелести. Чем менее он причастен ее воздействию, тем скорее он от нее избавляется.

Теперь же начнем подлежащее нам слово и коснемся одного из ответвлений этой холеры. В наше время, как и в прежнее, многие из монашествующих отцов и братии упражняются лишь в одной добродетели, например в безмолвии, и только ею наполняют свои паруса, не исследуя, пользу они от этого получают или вред. И вот, не подсчитывая ни выгоду, ни убыток, они вскоре сбиваются с пути, обращаются к своим страстям и, вскармливая в себе гнев и похоть, поработаются супостату.

Лукавейшие же бесы, радуясь удобному случаю, водворяются в них и хитро употребляют себе на пользу то, что монах сделал своей главной целью. И какую же пользу тогда получает монах? Ибо одни начинают считать годы, в безмолвии проведенные, другие же губят себя, добродетелей лишенные. А есть и такие, которые попросту ограничиваются самым суровым постом, не допускающим ни елєя, ни приготовленной на огне пищи, и тем самым лишают себя свободы, и только этим и довольствуются. Такие, полагая, что всё состоит только в этом, впустую тратят время и, надмеваясь, считают годы, когда не разрешали ни елєя, ни приготовленного на огне, став рабами собственного произволения. И они уверены, что достигли

совершенства, а между тем нисколько не заботятся об иных добродетелях и осуждают других, которые, по их мнению, покинули правильный путь.

Итак, этот их односторонний пост, как противный правилам, мы обличаем и крайне безрассудным называем. Хитроумный же диавол, едва увидит, что человек уклонился в такое однообразное подвижничество, тотчас же прилипает [к нему,] как моллюск со своей раковиной, и совершенно убеждает его ум помышлять, что в таком подвижничестве и заключается подлинная истина. И так продолжается, покуда привычка не станет второй натурой, и тогда бес окончательно прельстит человека и в итоге сделает его своей добычей.

Итак, если такой человек, а равно и другие, о которых говорилось выше, хотят спастись, то им будет полезно оставить такое одностороннее подвижничество и последовать наставлениям духовного отца, с советом и разумом поправляя и строя здание о четырех углах.

Также и еще некто, замороженный лишь одним своим бдением, всё приписал ему и считает годы, проведенные в бдении, а других осуждает, как бредущих во тьме. Пусть и такой человек последует пути других, о котором было сказано.

Иной же доверился своей постоянной молитве и, будто это его изобретение, обучает других тем способам, с помощью которых удерживает свой неустойчивый ум. Но и он пусть пождет вместе с другими и послушает полезные вещи.

А еще один заботится о слезах и, считая, что их можно приобрести человеческими силами, учит других, как должно плакать, и что горе тем, кто не плачет. И он, воображая, что в этом состоит всё совершенство, превозносится в своем надмении, мысленно всех осуждает, а зачастую и с уст его слетает то, чем переполнено его сердце. И, обращаясь к такому с любовью, мы говорим: знай, что слезы надлежит соединять с блаженным смирением, и не воображай, что легко научиться плакать, не имея благодати.

Но и любая другая добродетель, если она совершается сама по себе и принимается за главную силу монашеского жительства, заслуживает порицания и всяческого осуждения опытных людей. Или же, скорее, мы назовем ее приманкой врага, на которую он постепенно уловляет человека и сбивает его с прямого пути.

Если же кто разумно, с рассуждением и ведением, упражняется во всех добродетелях в одинаковой степени, то такого я хвалю и, более того, горю любовью к нему. Ведь я не противлюсь тому, чтобы достиг цели тот, кто успешно подвизается, и не сомневаюсь в том, что добродетели, возделываемые согласно правилам, являются единственным необходимым средством, без которого невозможно нам взойти к совершенству. Итак, нам непременно следует даже до крови заботиться о всех добродетелях одновременно, а равно и единомудренно⁵⁵. И пусть духовное здание возрастает, внутренне связанное, подобно цепи. И послушай меня, дорогой мой, чтобы узнать следующее.

Много существует дочерей покаяния, но самые почтенные из них, и дерзновенно приближающиеся к Богу, и необходимые для всякого безмолвника — это, во-первых, безмолвие, со смирением взаимосвязанное и [с ним] сожительствующее и имеющее сотрапезником терпение. А за ними сразу же следует пост, их родной брат, равный им по достоинству, а также их прекрасная сестра⁵⁶ — бдение, за которой следует другая сестра — молитва. Соединившись вместе, они слезы порождают, Бога к состраданию привлекают и единое прошение согласно воссылают, да пошлет Он им Свою благодать.

Итак, если ты лишишься одной из них, то другие останутся бесполезными, так как их будет недостаточно для возрастания твоей души. Ведь безмолвие — это благоприятная почва,

⁵⁵ Т. е. мудрствуя одинаково обо всех добродетелях, одинаково их почитая.

⁵⁶ Слово «бдение» в греческом языке — женского рода.

на которой возводится все здание из мысленных столбов и духовных камней. Однако никто не в силах вытерпеть скорби, перенося тяготу безмолвия сознательно и рассудительно, если сладчайший Иисус не пошлет, как дар и милость, благодать безмолвия, вскармливающего нас, как мать, мысленной пищей и подражающего ангелам. И кто примет ее, тот должен познать, Кто ее благой Податель, и Его Единого непрестанно благодарить, постоянно молясь Ему, чтобы Он содействовал благому его произволению и продолжил возведение божественного Своего здания, даруя нам как основание, вместо камней, смирение и прекраснейшее терпение, во всём [нам] помогающее.

Также и о посте скажем, что если он совершается с рассуждением, то, несомненно, является подходящим материалом, для того чтобы скрепить всё сооружение, унимая бесчинные стремления и совершенно укрощая воспаленные страсти. Однако невозможно выдержать его и рассудительно причаститься его плодов, если наш Спаситель не пошлет нам свыше благодать поста.

Если же хочешь услышать о бдении, то мы скажем, что это поистине наковальня, на которой мысленные гвозди, понятия ума, истончаются, а ум хорошо очищается и рождает тонкие помыслы. Так напряженной молитвой подвергая ковке и давлению наше железное и непокорное сердце, мы умягчаем его. Оно же, жестоковыйное, испытывая стеснение и боль, прибегает к Иисусовой молитве, сестре безмолвия. И эта [молитва] вскоре вызывает сокрушение, от которого и получает утешение сердце. Но если не придет благодать бдения, то [само по себе] бдение не сможет зачать плод, которым порадовало бы своего Родителя⁵⁷.

При этом молящийся должен управлять своей жизнью с ведением и рассуждением, воздавая чистую жертву чистому

⁵⁷ Родителя благодати бдения, т. е. Бога.

Подателю благ. Так и Апостол свидетельствует, говоря: «*Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым*»⁵⁸. Итак, не подлежит сомнению, что человек, который не причастен Святому Духу, не может молиться чисто.

Следовательно, ошибаются говорящие, будто удерживают ум без помощи благодати свыше. И я, проверивший это на опыте, говорю с уверенностью, что молитва является единственным умилоствлением и той небесной птицей, которая на своих крыльях может в мгновение ока доставить нашему уму вести от Бога и нашего Спасителя, чтобы примирить обе стороны и соединить невещественного Бога с ничтожным и вещественным человеком.

Однако невозможно совершиться сему чудесному соединению и остановиться неудержимому и присноподвижному уму, если не осенит человека просвещение божественного ведения, либо не придет высший помысл, или же [не произойдет] иное подобное Божественное действие. Итак, должно знать, что не сам человек удерживает свой ум, но Создатель вселенной, держащий в Своей руке дуновение ветров.

Так же обстоит дело и с имеющим слезы, ибо они поистине главное оружие против бесов и очистительная баня для грехов наших, если только источаются смиренно и с ведением. Однако же их не производят сила и искусство человека. Человек лишь показывает [свое] произволение плакать, понуждая себя [к слезам]. А придут ли к нам слезы, зависит от Возводящего *облаки от последних земли*⁵⁹. И пусть такого научит опыт, что он плачет не тогда, когда захочет сам, но когда хочет Бог. И поэтому пусть он благодарит дающего и обогащающего нас Всесвятого Господа.

Таковы же и иные добродетели, которые мы здесь не упомянули. Мы упражняемся одновременно во всех них с усердием,

⁵⁸ 1 Кор. 12, 3.

⁵⁹ Пс. 134, 7.

показывая Господу благое и доброе произволение, ибо мы должны и обязаны приносить Ему [в жертву] нашу крепость. Но получение [желаемого] зависит от благого промысла нашего Бога, Подателя [всего]. Так, к примеру, хороший земледелец вскапывает, очищает, удобряет землю и хоронит семя в ее недрах, а после этого ожидает милости от Господа. Ведь если Тот не пошлет в подходящее время необходимые дожди и благоприятные ветры, то нет несчастному земледельцу никакой пользы от его труда, поскольку посевы совершенно погибают. И тогда вместо урожая пожинает он терния, так что все его старания идут в пищу ослам и иным бессловесным животным.

Так и с нами. Если Господь не пошлет свыше очистительные воды Своей Божественной благодати, то мы останемся бесплодными и совершенно нагими, труды же наши станут пищей бесов, а добродетели, старательно возделанные, обратятся в пороки.

Кроме указанных нами заблуждений, есть и другие, кое в чем от них отличающиеся. Впрочем они волокут за собой матерей тех самых заблуждений и являются их родственниками. Ведь [впадающие в них] хотя и упражняются равно во всех добродетелях без исключения, однако, лишённые света рассуждения, полагаются и надеются, как и другие [заблуждающиеся,] на свое собственное делание.

Когда они молятся Господу о чем-либо, то просят этого не с крайним смирением, но дерзко и требовательно, как будто своими делами сделали Бога своим должником. А когда такие в своей молитве остаются не услышанными, тогда из-за неисполнения своих желаний приходят в большое смятение и их сильно гложет печаль. А наш враг диавол, когда увидит, что такой человек погружается в это душепагубное неведение, тотчас же нападает на него, подступая с развращающими помыслами. «Видишь, — говорит он, — что ты даже до смерти служишь Ему, а Он нисколько тебя не слышит? Так зачем же ты трудишься и укрощаешь тело, когда Он никак не отличает

тебя от тех, кто живет в нерадении?» И так он постоянно мучает человека и гнетет его душу, чтобы ввергнуть его в богохульство, а затем войти в него, овладеть им и впоследствии наложить на него цепи.

А если сделать этого ему не удастся, то враг принимает вид ангела света и говорит человеку, будто послан, чтобы находиться рядом с ним, поскольку тот во всём благоугодил Богу. Ведь он способен создавать еще и не такие наваждения: с легкостью поставляет престолы⁶⁰, изображает Христа, представляет человеку огненную колесницу и приглашает взойти на нее, подобно пророку. Ему достаточно лишь получить от Господа дозволение из-за нашей гордости, о которой мы не подозреваем, и тогда он, как враг, может соделать нам множество зол.

Поэтому диавол многих из афонских монахов прельстил и низринул в пропасть, а других задушил и многими способами предал злой смерти, и совершенно погубил тех, кого сладчайший Иисус искупил Божественной Кровью и призвал из мира. А ныне Он в печали с Креста Своего к нам взывает, чтобы мы подражали Ему и смирились, да будем помилованы и да не погибнем.

Сверх всего того, о чем сказали мы выше, существует и иная прелесть ума, по большей части трудноразличимая, которая приближается к [подвижникам] преуспевшим и в умном делании беседующим с Божеством. Но поскольку в наше время до этого дело не доходит из-за отсутствия умного делания, то я счел излишним ее рассматривать.

Ты же, благий наш Господи, покрый нас от [всего] такого в этой жизни, Ты нас наставь, Ты нас просвети, и от всех этих [зол] избавь, и возьми отсюда нашу душу, и в селениях святых Твоих учини по благоугодным молитвам Твоей Всецарицы Матери и всех святых. Аминь.

⁶⁰ θρόνοι

иновало седьмое благословенное число, наде-
лив нас, по заповеди Божией, телесным покоем⁶¹.
Восьмое же по порядку заняло свое место, и от
Господа приняло божественные глаголы, и полу-
чило от Него благословение, и названо [святыми]
отцами образом будущего общего воскресения.

А всё, чем оно нас наделяет,
мы вам с искренней любовью доложим,
на общее обозрение предложим
и, словно духовное ополчение,
в восьми станах и полках расположим.

И, вострубив в духовдвижную трубу
благими мыслями
и духовными помышлениями,
иерихонские стены страстной части души⁶²
сами собою обрушиться заставим,
а наших врагов, бесов, всячески отринем.

И сперва покажем, как ведет с нами брань
двусоставное ополчение вражеское,

⁶¹ Имеется в виду заповедь о покое в седьмой день недели. См.:
Исх. 20, 8–10.

⁶² Ср.: Нав. 6, 19.

а затем изъясним три состояния,
через которые восходит и нисходит
естество наше низкое,
и, наконец, три последующие
благодатные дарования,
которые человек получает,
если в делах божественных преуспевает.

Итак, и ты, дорогой мой, помоги мне, напряги свой слух. Я же искренне верю твоей любви всё, что переполняет мое сердце. И не пренебрегай ни божественными глаголами, ни брением, их изрекающим, потому что и то и другое суть создания нашего Господа.

Итак, во-первых, покажем два отряда нашего врага, который яростно нападает на нас и спереди и сзади, а затем изложим всё остальное по порядку. Ты же, внимая тому, что говорится, уразумевай смысл написанного. Ибо как только лукавый враг увидит у человека великое произволение, самоотверженно устремляющееся вперед, тут же коварно примешивается к подвижничеству и втайне злоумышляет разными способами против подвижника Господня, побуждая его помыслы, склонность и желание ко всякому чрезмерному деланию, пока не доведет его до крайности. Когда же убедится, что подвижник достиг уже скользкого места, тут же оставляет его, и тот падает. Ведь тело, носящее в себе, словноместилище, силы души и духа, помогает человеку во всех совершаемых ради Бога подвигах, будучи единственным спешником богоугодных дел. Но вот человек, сохраняющий благодаря телу двойственный состав собственного естества, изнурил тело излишним постом и всяческим подвижничеством и бросил, словно бесполезный хлам, валяющийся на земле. Оно же, пока еще не обладающее высоким состоянием духовдвижного созерцания и крыльями бесстрастия,

[необходимыми,] чтобы взлететь, ползает по земле, как змея. А змий, наш извечный враг, добивающийся цели всем своим дьявольским умением, мучает несчастного человека. И если тот не позаботится немедленно о своем исцелении, то окончательно пойдет на дно.

Когда же он внимательно управляет телом, налагая узду и на рвение, и на ревность, то есть как будто с рассуждением совершает свой путь, тогда и враг наш соответственно этому ставит себе другую цель — [усилить в подвижнике] самолюбие. И вот монах мало-помалу, совершенно того не чувствуя, становится рабом своего чрева и опять попадает в дьявольскую ловушку. Так в обоих этих случаях нам наносится ущерб.

А вот и пространнейшее разъяснение предмета речи, чтобы тебе лучше уразуметь смысл сказанного. От самолюбия рождается многоядение, которое порождает чревоугодие, а от него происходит избыток крови. От чрезмерного же потребления воды, не говоря уже о вине, становится влажным сердце, из которого порождаются лукавые помыслы. А то и другое [— многоядение и многопитие —] приводит к плотской брани, то есть к возбуждению плоти и вожделению супружества. Остальное же мы опускаем, ибо это легко представить.

Ведь кто имеет мать пороков⁶³, тот с отцом-лукавым скоро зачинает многих детей, которые губят душу. С другой же стороны, если кто излишним постом и прочим подвижничеством ослабит и изнурит тело, тогда приходит ненормальное смятение, то есть искаженные помыслы, сомнение в вере и общее возбуждение всей нервной системы. Поскольку же причастен к нервам и детородный орган, то и он, при содействии дьявола, возбуждается одинаково с другими органами, так что возникает [в нем] движение и без избытка крови. Поэтому, [независимо от того] вперед или назад упадет человек,

⁶³ Т. е. самолюбие.

в обоих случаях вред бывает одинаковый и душа погружается в одну и ту же пучину.

Следовательно, надобно путнику остерегаться с обеих сторон и со вниманием шествовать по среднему пути. Нам же пора оставить эту тему и, [начав иную,] сказать о трех состояниях, через которые восходит или нисходит наше бренное и низкое устройство: естественном, вышеестественном и противоестественном.

Естественным нашим состоянием, с тех пор как мы стали преступниками Божией заповеди и были изгнаны из рая, является данный Богом естественный и писанный закон. И тому, кто желает удостоиться спасения, надлежит поступать в границах божественного закона, неопустительно храня все заповеди Господни. И если кто всё вышесказанное исполнит и божественный закон сохранит, такой пребывает в естественном состоянии, каким оно стало после изгнания нашего праотца Адама.

В противоестественном состоянии находится тот, кто совершает путь вне божественного закона, кто вопреки разуму и рассуждению грешит, подобно бессловесным скотам. И о таком восклицает пророк: *«Человек в чести сый, не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им»*⁶⁴. Такой человек пребывает в противоестественном состоянии и по причине своих дел становится ненавистным Богу.

Вышеестественное же состояние — это святое бесстрастие, в которое был облечен праотец Адам, прежде чем преступил заповедь [Божью,] и которое лучше всех [остальных] добродетелей.

Ты же, мой дорогой, когда слышишь слово «бесстрастие», разумей того, кто его воспринял, земным ангелом во плоти и небесным человеком, всецело облаченным, как

⁶⁴ Пс. 48, 13.

в наряд, во все без исключения благие добродетели. И насколько кто-либо причастен к бесстрастию, настолько же и приближается он благодаря этому к блаженному и небесному оному наслаждению. Таковы эти три состояния. И если человек преуспеет, то поднимается от противоестественного к естественному и завершает восхождение, постепенно достигая вышеестественного состояния.

Если же он пребывает в скотоподобном состоянии, пусть знает, что пасет свиней и пытается насытиться рожками своего плотского вожделения, как оный блудный сын.

[Что же касается иного состояния, то о нем скажем следующее]. Тричисленное осенение Божественной Господней благодати, которую принимает понуждающий себя, если преуспеет и примет ее как человек доброго произволения, таково: благодать очищающая, просвещающая и приводящая к совершенству.

Очищающая благодать — это та, которая поддерживает и укрепляет нас в достижении чистоты, о чем было яснее сказано выше, в четвертой главе.

Просвещающая же благодать, еще больший дар Божий, дается человеку, когда он пребывает в естественном состоянии (о котором мы опять-таки сказали выше), после того как Господь испытает его многими способами и найдет достойным приятия божественного дарования. Благодать эта имеет и просвещением духовного ведения, и божественным просвещением. И другими многими наименованиями пользовались восприявшие ее [святые] отцы, чтобы сделать божественные дарования для нас удобопонятными.

Ты же, дорогой читатель, слыша слово «свет»⁶⁵, не думай о нем как о чем-то вроде молнии или вещественного света. Нет, брат мой, не думай так, чтобы нечаянно не впасть тебе в

⁶⁵ В слове «просвещение».

прелесть, ибо речь идет о ясности ума и чистоте, при которой человек может умными очами видеть истину, которая прежде, в чине очищающей благодати, от него ускользала, поскольку не была ясно видимой.

Когда же минует одно состояние и придет другое, удостоившийся его [человек] подвергается совершенному изменению, так что забывает о низшем состоянии из-за преизбытка Божественного осияния и бывает изумлен, [восторгаясь] восприятием более высокого дара.

Божественный же Свет — умный, как было, брат мой, сказано; он невидим чувственными очами. И только во тьме видится зрительная сила ума и действие осияния. В свете же дня и зрением наших [телесных] очей — никоим образом, ибо первое даже и рассеивается вторым⁶⁶, так что ощущает человек лишь простую радость и сладость осенения. Равным образом этот свет невеществен, безвиден, бесцветен, весел и мирен, отчего человек ясно различает вещи и легко в крайней тонкости улавливает их⁶⁷ смыслы, воспаряя превыше земного движения и дыша неким иным, разумным, воздухом. И, видя издали тамошнюю радость, человек возгорается сильным желанием и неудержимо устремляется [к ней,] пока не достигнет блаженного бесстрастия и не будет всецело поглощен любовью возлюбленного нашего Иисуса.

Однако поскольку тело связано с непрестанными изменениями и жизнь бывает долгой, то и благодать не пребывает [с человеком] постоянно, но часто промыслительно удаляется или же не видна. Потому нам ни в коем случае не следует быть уверенными в непоколебимости нашего духовного состояния. Послушай же подробное изъяснение сказанного.

⁶⁶ Под «первым», по всей видимости, подразумевается Свет Божественный, а под «вторым» — свет дневной.

⁶⁷ В оригинале αὐτῆς, однако мы предполагаем здесь ошибку переписчика и предлагаем читать αὐτῶν.

Наше состояние по сравнению с Божественным просвещением есть густая тьма. А если еще к нам приближаются и бесы, которые по природе являются преисподней тьмой, тогда мы и вовсе не можем различить, что делаем. Когда же приходит Божественное просвещение, словно воссиявшее на небе солнце, тотчас тьма рассеивается, и тогда видим мы с крайней четкостью даже самые малые вещи, которые до озарения светом были сокрыты от нас.

Итак, вдобавок ко всему, когда человеческое естество будет хорошо обучено и испытано во всём этом и когда дарования станут как бы собственными достоинствами человека, приходит и благодать, приводящая к совершенству. Она совершенствует человека в Божественном и называется благодатью вышеестественной, или бесстрастием.

Можно сравнить очистительную благодать с сиянием утренней и всех иных звезд, просвещающую благодать — со светом полной луны, а благодать, приводящую к совершенству, — с полуденным солнцем. Вышеестественной же она именуется, так как путь, который она творит, — выше естества. И в двух низших по сравнению с ней состояниях их участник старается посредством хранения помыслов держать добродетелей и отвергать противные им злые проявления наших страстей. Но когда осенит человека сие божественное состояние, несущее ему совершенство, тотчас же упраздняется всякое движение помыслов, [рождаемое] нашим собственным мышлением. При этом добродетели, как свойственные природе человека, пребывают неизменными, пороки же, бесспорно, обращаются в бегство и вовсе исчезают. А сверх того человек видит в своем естестве⁶⁸ всё, что движется и что можно видеть телесными очами, однако при виде доброго

⁶⁸ Из дальнейшего становится понятно, что под «своим естеством» подразумевается не только личная, но вся человеческая природа, все люди.

нисколько не гордится, не завидует и не порицает, при виде же злого не гневается, не злословит и не борется. При этом его зрение, вкус, слух, осязание и обоняние остаются неизменными, ибо он поистине причастник бесстрастия, каким обладал Адам до своего справедливого изгнания из рая.

Итак, из показанных нами этих трех состояний ты можешь познать те богатства, которые даровал тебе благой и всещедрый Господь. А если ты находишься в скотском состоянии, то плачь и взывай к своему Создателю, да прострет Он Божественную Свою руку и изведет тебя из рва страстей, чтобы тебе не увязнуть и не погибнуть вовеки.

Буди, Господи! Даруй одним чистоту и рассуждение, другим подай просвещение Твоего божественного ведения, а иных одари совершенством и бесстрастием, да бесстрастно прославляем Тебя во веки нескончаемых веков. Аминь!

так, по Божественной благодати, миновало и восьмое число, девятое же по порядку заняло свое место, нося образ девяти [ангельских] чинов, коими прославляется Бог всяческих. Под их духоносную лиру я воспою для братьев моих читателей совершенство любви, сотворю мысленное торжество и призову сладкогласные вышние силы со всеми святыми и Матерью Господа нашего, чтобы с дарованной ими помощью превознести Бога, вечно славимого и всеми всегда воспеваемого вовеки!

Придите же и вы, братья мои, к мысленному торжеству любви, ибо сегодня примет она всех и будет скорой представительницей каждого, кто ее возлюбил, только бы вняли они ее призыву! Как же начать мне похвалу моей Любви? Никким образом не осилить мне сей труд, но ты сама научи меня, что говорить, о истинная и сладкая Любовь. Ибо, дорогие мои братья, как же мне собственными своими силами написать и поведать о столь великом даровании, которое превосходит меру человеческой силы? Какой смертный язык сможет рассказать о таковой небесной пище и наслаждении святых ангелов, пророков и мучеников, подвижников и преподобных и всего сонма праведных, пребывающих на Небесах?

Поистине, братья мои, даже если мне будут дарованы все языки человеческие, бывшие от Адама и до сего дня, то и тогда я не смогу достойно говорить о блаженной Любви, если Сам

сладчайший Иисус, Самоистина и Любовь, не дарует мне силу слова, и мудрость, и ведение, чтобы посредством человеческих уст сладчайший Иисус и говорил, и был восхваляем. Ведь Любовь есть не что иное, как Сам возлюбленный Спаситель и всещедрый Отец с Божественным Духом.

О сладчайший Иисусе! Принимая все другие божественные дарования, которые принято называть добродетелями, человек испытывает особое, вызываемое восприятием каждого из них, чувство и ощущает действие Божественной благодати, являющее величие превосходящей все красоты и силы. Ощущает он и различие дарований между собой, ибо хотя они и происходят из одного источника, но различаются степенью причастия Божественному озарению.

Но все эти добродетели с почтением склоняются перед блаженною Любовью. Она же, как их госпожа, благолепно облекшись в них, словно сиянием света мысленно окрыленная, надмирно возносится к присноживому Источнику, сладчайшему Господу, где и находит упокоение. И уже оттуда она вновь шлет лучи своего света для возлюбивших ее, всех исполняя просвещением и беспредельной радостью и делая ревностными и горящими духом.

Ведь она — огонь благоуханный, ибо сама происходит от огня, и отсвет Божественной красоты, и всё может даровать любящим ее, как госпожа и царица всех добродетелей. Итак, благословение и благодарение говорящему: *«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем»*⁶⁹.

И вот, сегодня многие добродетельные отцы, проходящие благое и прекрасное житие, благоугождающие нашему Богу делом и словом и искренне помогающие ближнему, полагают, да и другие так о них думают, что они достигли Любви,

⁶⁹ 1 Ин. 4, 16.

коль скоро являют они некое сострадание и милость к нашему брату, ближнему. Ведь они так поступают согласно Господу, сказавшему: «*Да любите друг друга*»⁷⁰. И хранящий эту заповедь достоин великой похвалы. Но сие отнюдь не значит, что это и есть действие Божественной Любви. Это поистине путь к источнику, однако не сам источник. Так и ступень, находящаяся перед дворцом, не есть уже и дверь во дворец. Это⁷¹ одеяние Царя, но не Сам Царь. Это заповедь Господа и Бога нашего, но не Сам Бог.

Итак, кто будет говорить о блаженной Любви, должен прежде ощутимо вкусить ее плода, а затем, если позволит сладчайший Иисус, Источник Любви, давать и другим вкушать от плодов, которые принял. И тогда, несомненно, он принесет ближнему пользу. Ведь существует для нас душевная опасность говорить то, что ошибочно, рассуждать о том, чего не ведаем, и мнить о себе, будто видели то, чего [на самом деле] не видели.

Итак, знай точно, дорогой читатель, что иное есть заповедь любви, исполняемая благими делами ради взаимного братолюбия, и иное — действие Божественной Любви. И первое все могут исполнить, если захотят. Второе же — никоим образом, поскольку оно не зависит ни от наших дел, ни от нашего желания, [то есть не зависит от того,] когда мы захотим [этого] и как мы захотим. И следовательно, бесполезны наши хотения и дела и нам остается только показывать доброе произволение и обращаться с усердным прошением к Самому Господу, ибо только от Его решения зависит дарование нам просимого или отъятие полученного от Него [прежде].

⁷⁰ Ин. 13, 34.

⁷¹ Имеется в виду хранение заповеди о любви.

И если мы ходим в простоте сердца, и со всяким подвижничеством храним заповеди, и со слезным плачем, терпеливо и неотступно, усердно молимся, и хорошо, как Моисей, стережем Иофоровых овец⁷², то есть помышления, и воспоминания, и духовные движения нашего ума, в зное дня и холоде ночи непрестанных изменений и брани искушений, и чрез понуждение себя и смирение приходим в сокрушение, тогда, после приятия в некоей мере иных дарований Божиих, мы удостоимся и боговидения и увидим Купину, божественным огнем Любви в наших сердцах горящую и не опаляемую⁷³.

И, приблизившись к ней умной молитвой, мы услышим Божественный глас, говорящий в таинстве духовного ведения: «*Изуй сапоги [от] ног твоих*». То есть сними с себя всякое своеволие и попечение этого века и подчинись Духу Святому и Его Божественной воле, ибо место на *немже ты стоиши, земля свята есть*⁷⁴.

И когда [человек] все это с себя снимет, тогда он принимает на себя предстательство за народ и несет казни фараону, то есть обретает рассуждение и распоряжение божественными дарованиями и победу над бесами. А затем получает божественные законы, как получил Моисей, только уже не на каменных скрижалях, которые разбиваются и ветшают, но божественно начертанные Святым Духом в наших сердцах. И не только десять заповедей, но сколько способны вместить ум, ведение и естество.

Тогда со дерзновением входит он во *внутреннейшее завесы*⁷⁵. А когда [его] осеняет божественное облако в огненном столпе Любви, тогда и он становится весь огнем. Когда же

⁷² См.: Исх. 3, 1.

⁷³ См.: Исх. 3, 2.

⁷⁴ Исх. 3, 5.

⁷⁵ Ср.: Евр. 6, 19: *Входит во внутреннейшее за завесу.*

он не может выдержать более, тогда Божественное действие Любви восклицает, обращаясь к Источнику Любви посредством человеческих уст: «Кто может отлучить меня от сладкой Твоей Любви, Иисусе?»⁷⁶

Когда же сильнее повеет дуновение — в теле или без тела, Бог знает⁷⁷, внутри каливы или вне ее, Бог знает, это знает лишь тот, кто видел [это сам,] — тогда [человек,] весь став огнем, с огнем и любовью изливая слезы, с удивлением и изумлением взывает: «Останови, сладкая Любовь, воды Твоей благодати, ибо связи членов моих расторгаются!»

И когда он это говорит, веет ветер Духа с Его чудесным и неизреченным благоуханием, и тогда замирают чувства, и невозможно никакое телесное действие. И весь плененный, связанный молчанием, он лишь удивляется богатству славы Святого Бога, пока не уйдет [Божественный] мрак.

И стоит, как безумный, вне себя, словно пьяный,
И сказать ничего он не может другого.

Но тогда ни язык говорить не позволит,
Ниже ум или сердце душе и волею,

Ибо властвует сладость Любви в это время,
Иисус, мой Спаситель и пресладостный Эрос,

И Отец, мой Создатель, со Святым Своим Духом,
Троице Пресвятая во единице, Боже!

О души моей жизнь, наслаждение сердца!
Просвещение ума и Любви совершенство!

⁷⁶ Ср.: Рим. 8, 35.

⁷⁷ Ср.: 2 Кор, 12, 3.

О источник Любви, о Надежда и Вера,
Научи, как навеки Тебя обрести мне?

Ей, Любовь, Иисусе, мой Спаситель пресладкий,
Только это скажи мне, и иного не надо.

Чтоб всегда быть с Тобой, чтоб к стопам Твоим падать,
Сладостно лобызать Твои раны и гвозди,

Постоянно рыдать с сокрушением сердечным,
Орошать Твои ноги, как когда-то Мария,

Пусть меня разлучить не возмогут с Тобою
Силы, власти, начала врага Велиара,

Или мир весь и всё, что в нем только найдется,
Наслажденья и роскошь сего краткого века.

Но оттуда, где ноги Твои орошаю слезами,
Ты возьми мою душу, помести, куда хочешь,

Чтоб Тебя, мой Спаситель, мой Бог и Создатель,
Видел вечно я, славил, Тебе поклонялся,

Вместе с праведных сонмом, преподобных, пророков,
И святых страстотерпцев, и жен достославных,

И всех ангелов войском, сил небесных священных,
Серафимов, властей, херувимов, престолов,

Вместе с Матерью сладкой, Всесвятой Приснодевой,
Богородицей нашей, Госпожой всех Марией.

Аминь.

оскольку завершили мы число девяти ангельских чинов, то, получив силу от нашего Бога, приступим к десятке, имеющей образ десятичисленных заповедей, дабы, пройдя и ее, удостоиться благословения Божия.

Итак, придите, дорогие мои отцы и весь собор монашествующих, чтобы, отринув проклятое житейское попечение, мы с готовностью взошли к своему распятию и, укротив, насколько возможно, препятствующие нам страсти, соделались подражателями Спасителя!

Дорогие мои! То, что выглядит утеснением, — не боль, но соединение с истинной радостью и наслаждением, или, лучше сказать, посещение нас Богом. Ведь Он поистине придает нам силы, а также за нас сражается с врагами, победы же приписывает нам. Сам воюет, Сам побеждает и Сам же является военным трофеем!

О дивное чудо, преисполненное великого созерцания! Внимайте словам моим, благие мои отцы, распявшиеся страстям ради любви Христовой, да взойдем на мысленный Фавор, чтобы воспринять Преображение, [изменившись] добрым изменением, и чтобы впредь сладчайший Иисус являл нашим умным очам Свою славу, а мы таинственно вкусили бы истинной радости. Ведь Он — поистине Радость, Он же — и

дарование⁷⁸! Лишь Он — Дарующий, и лишь Он — дар! Сам Он — и источник, и бьющая из него вода живая.

О таинство, поистине сокровенное и для непосвященных неведомое! Он всё дарует нам, а мы всё это воздаем Ему. И Он, принимая, считает Себя за то в долгу перед нами. Видишь, брат, свидетельство любви нашего Владыки? Уразумел ли круговращение божественного движения?⁷⁹ Видишь таинственную премудрость нашего Бога? Сам Он привел ангелов к бытию, Сам даровал им свет, и пение непрестанное, и движение, Сам создал творение и словом утвердил всё, что в нем. Сверх того, создал и человека, отобразив в нем Свой образ и подобие, и всех изобильно и щедро наделил Своими благами, разнообразно почтил и прославил. Равным образом тричисленное создание⁸⁰ воздает Ему получаемое, щедрый же Отец наш сие благосклонно принимает, от Своих получая воздаяние.

Видишь ли из этого, о дивный, удивительное и тричисленное круговращение, [которое производит] наш премудрый Создатель, управляющий всем с величайшей мудростью? Услышал ли слово, доставляющее разумеющим его величайшее созерцание? Воспринял ли ведение божественных движений и того, как поднимается наше низкое устроение туда, где вечно приносятся «Твоя от Твоих»?

Итак, послушай еще о действиях высших движений и об источнике разделения небесных вод и, оставив землю, дивись

⁷⁸ В данном предложении, как и в последующих, непередаваемая в переводе игра слов, в которых родственность пары слов указывает на родственность обозначаемых ими явлений как причины и следствия: Радость — Харá, дарование — хáриσμα.

⁷⁹ См. выше в этом абзаце. Бог всё дарует нам, а мы всё это, как благодарение, возвращаем Ему. И Он, принимая, считает Себя за то в долгу перед нами и вновь подает нам благодать. Непрестанное повторение этого Старец и называет «круговращением божественного движения».

⁸⁰ Старец Иосиф представляет всё творение Божие в виде трех частей: бесплотных ангелов, видимого вещественного мира и человека, занимающего промежуточное положение между ними в силу двусоставности своего естества.

небесному. Так мы, приблизившись к Создателю посредством [всё] превосходящего созерцания, там обретаем покой, потому что только для этого одного мы и созданы и там познали наше [подлинное] бытие. Взгляни же, как благой Отец благосклонно разделяет между тремя сотворенными Им чадами Свое богатство, и в то же время всё это богатство остается с Ним и Он не испытывает никакого лишения, будучи, так сказать, источником и корнем бесконечного щедрого раздаяния.

Ты же, будучи Его наследником, подражай Божественному преподаванию нашего Отца. Ибо всё творение, единожды приняв богатство, непрестанно, вплоть до пришествия Господа, то же самое [богатство] возвращает [его Подателю].

Давай посмотрим для начала на землю, которая плодородием своим являет послушание Создателю, разнообразием же видов и ароматов своих цветов воссылает Ему вечное славословие. А кроме того, и всё, что находится на ней, обладающее дыханием и жизненным движением, иное своим послушанием человеку, иное же своим стройным гласом вечно славословит и благодарит Господа, воздавая [Ему] «Твоя от Твоих» до скончания века. Если же ты пожелаешь посмотреть на море, то и здесь, несомненно, будет велико твое удивление, ибо и море воздает подобное [тому, что воздает земля,] и оно знает Создателя своего как источник даров и движением своих волн приносит Ему послушание, соблюдая предел, который Он заповедал: «Я положил тебе предел и не прейдешь [его,] но о песок *сокрушатся волны твоя*»⁸¹. Игрою же своих рыб оно воссылает Ему славословие и, словно в театре, веселит их Создателя.

Обрати затем свой взор и к тверди небесной, что над нами, покрывающей всё, словно некая кровля, и посмотри на великое светило, которое светом, что получило и отдает,

⁸¹ Ср.: Иов. 38, 11.

совершает то же вечное славословие, а непрерывным движением приносит Господу свое послушание. Равным образом и меньшее светило, называемое луною, воздаёт то же самое. Ибо оно, изливая свет и совершая перемену времен своими постоянными изменениями, вечно благодарит и славит Бога, непрерывным же движением являет свое подчинение [Ему]. Ко всему этому — и множество звезд, и облака, и дуновения ветров, и все другие стихии подобным образом воздают Создателю то же самое.

Впрочем, оставив бесчувственное создание, обратимся к горным силам и, наконец, к человеку и подробно побеседуем с ними как с благородными и высшими созданиями Божественной силы. Ведь ангелы и вышние силы духовны и невещественны, а вещественный человек создан по образу и по подобию Божию, и поэтому ангелам и человеку даруется тройственное богатство, и они его тройственно воздают Ему.

Божественные ангелы вначале приняли свет, движение и непрерывное славословие и, воздавая это Ему, приносят «Твоя от Твоих» и веселят своего Создателя. Человек же, который один только почтен Божественным образом и подобием, никоим образом не воздаёт Богу полученное от Него богатство, но приписывает себе чужое, как свое собственное, и соединяется с врагами Божиими, злыми бесами, сам становясь врагом и противником своего Создателя.

Конечно, христиане и монашествующие, познав Господа в божественном крещении и храня Его заповеди из-за страха наказания, трудятся, словно наемники и рабы, а Господь как мздовоздающий дарует им спасение и рай. Однако же и они не вернули ничего из полученного богатства, потому что всё, что делают, приписывают своей силе. Не приняли они и совершенства от своего Небесного Отца, и вовсе не познали [полученного ими] богатства, и сынами Его не нареклись из-за того, что не достигли духовного состояния. И не гневайся на меня,

брат мой и дорогой читатель, ибо я говорю тебе всю правду. Но, если хочешь, понуждай себя достичь меры, о которой мы скажем, и тогда ты весьма возлюбишь меня и подлинно меня почтишь. *Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкующему с плачем непременно отвержется*⁸².

Только тот может назвать Отцом нашего Бога, кто по благодати познал Его как Отца, и тот зовется сыном, кто вкусил Отеческой любви.

И тот воздает «Твоя от Твоих», кто увидел, что сам он наг, познав и собственную немощь, и, равным образом, своего Благодетеля, Который облек его в дорогую одежду и назвал отныне сыном по благодати. Такой, следовательно, и наслаждается богатством Отца своего, и чисто воздает «Твоя от Твоих».

И это, дорогой мой брат, первое преподавание и действие божественного дарования. Поведем же теперь речь и о втором даре, а для этого, приготовив умные крылья, вновь вознесемся к ангелам, приблизившись к ним как к старшим братьям, чтобы они удостоили нас познать второе преподавание и Божественное действие сладчайшего и щедрого нашего Отца, которым Он наделяет их через Божественное Откровение, когда Его Божественная благодать и беспредельное милосердие пожелают явить им Его божественные и святые таинства ради укрепления и утешения любящих Его.

Эти первые, так сказать, начальники божественных сил получают дар от Господа, и, украшенные дарованием, веселятся, и, изумленные, безгранично удивляются богатому преподаванию нашего Спасителя, и воздают [Ему] вечное благодарение. Дарованный им таинственный свет, сообразно желанию и воле Святого Подателя, переходит иерархично от одного ангельского чина к другому, чему удивляются все небесные силы, и, принимая его, передают человеку, способному его

⁸² Ср.: Лк. 11, 10.

вместить, и на этом, как на некоем рубеже, останавливаются. Тогда и он, просветившись Божественным сиянием, тотчас поднимается ввысь и вместе с ними возвращает полученное Источнику, Началу и Первопричине дарований. Начальник же Света, принимая от приносящего врученный дар как свидетельство познания истинного смирения, богато вознаграждает приходящего. И эта последовательность надмирных движений, это восприятие [человеком] Божественных озарений от высшего чиноначалия продолжается непрерывно, пока не достигнет человек духовного совершенства.

Третье же преподавание божественного дара совершается соответственно духовному состоянию принимающего его. Ибо здесь, [в этой жизни,] насколько возможно, человек получает Божественное сияние напрямую от Господа. Перейдя же туда, [в жизнь иную,] мы удостоиваемся совершенства дарования и совершенного сыноположения и становимся богами по благодати, братьями Христа, Спасителя нашего, и чадами благословенной Матери нашей Богородицы.

Посредством двойного причастия, которое мы обретаем от божественного единения, то есть, [во-первых,] от дара и благодати Святого Духа и, [во-вторых,] от Божественного причащения святых Тела и Крови нашего Господа, мы в итоге становимся истинными наследниками высшего небесного наследия. О действительно великое таинство, неведомое тем, кто печется о вещественном! Поистине приходит в изумление человеческий ум, погружаясь в размышление об этом.

Ведь всё это круговое движение на Небе и на земле видимых и невидимых⁸³ [созданий] с самого начала, когда оно возникло и [они] познали свое бытие, основано на этом дивном принципе⁸⁴, вечно совершая свое обращение и вечно принося

⁸³ κίνησις εἰς τὰ οὐράνια καὶ τὰ ἐπίγεια αἰσθητὴ καὶ ἀναίσθητος

⁸⁴ θεωρία

«Твоя от Твоих» своему Создателю. Господь же, Чье богатство превыше всяческой меры, благодарно принимает благодарение и вновь щедро вознаграждает теми же дарами.

Только тот человек, который достиг этого знания, ясно видит, чего лишился Адам из-за своего тяжкого преступления и чего, равным образом, донныне лишен весь человеческий род, шествуя вне этого принципа.

Итак, приступим же и мы, братья, принявшие монашество и отбросившие житейские попечения, к этому божественному нашему поучению, дабы возвеселиться в нем, ибо если монах не удостоился ощутить сие, то он совершенно еще не понял цели, ради которой пришел сюда, покинув весь мир.

Ведь это поистине начало монашества и это та ступень, где он, оставив страсти, встретился с Богом и, познанный Им, прилепился к любви Его, доселе неведомой ему, так что может сказать вместе с Иовом: *«Слухом убо уха слышах Тя первое, ныне же око мое виде Тя; темже укорих себе сам, и истаях, и мню себе землю и пепел»*⁸⁵.

Итак, всё это и иное, что я прежде написал, брат мой читатель, если хочешь, непрестанно изучай, прилагая все силы к чтению, ибо начало чистого жития и пришествия даров Божиих заключается для человека в познании собственной немощи. И чтобы достичь сего познания, надобно человеку пройти через многие и великие, превосходящие его силы, искушения. Когда же он приобретет это познание, тогда одержит верх и над ними, и над всем иным.

Вопрос: Из чего же проистекают все эти блага?

Ответ: Все они, дорогой мой, проистекают вот из чего: человек должен увидеть очищенным взором при свидетельстве Божией благодати, что он поистине есть ничто.

⁸⁵ Иов. 42, 5–6.

Вопрос: А что же такое это «ничто»?

Ответ: Ничто — это то, что было до того, как Бог сотворил небо, землю и всё последующее творение, то есть когда не было ничего. Когда же Он всё сие сотворил и дал этому имена, тогда назвал землей ту смесь, из ничего возникшую, из коей мы сделаны. И, взяв из нее глину, Создатель всего составил глиняного человека, сосуд бесполезный, лишенный разума и души.

«Вот, — сказал Он, — каков твой состав. Так не гордись же своими добрыми делами. *Земля еси, и в землю отыдеши*⁸⁶. Не предавайся смятению напрасно, о брение, и не собирай всё бренное, бесполезное вещество. Не пекись о тщетном, но познай Того, Кто создал тебя изначально!»

Вдунув же Свое дыхание в лицо бренному созданию, Жизнодавец передал ему дух жизни и облек его разумной душой, назвав человеком и даровав ему Свой образ и подобие. Видишь, неблагодарный человек, первые дары, коими Создатель почтил и одарил тебя? Так не приписывай же себе чужое, словно собственное. Не злоупотребляй славой своего Начальника, но воздай истину [Тому,] от Кого получил, ибо, если заберет Он Свое, ты вновь станешь бесполезным брением и землей. Воззри и на всё превосходящую славу дарований и не связывайся с врагами Одарившего тебя. Не радуйся о суетном и сопротивляйся влечению ко грехам.

Ведь то, что Он назвал «образом Божиим», есть Божественная сущность нашей души, словесная, прекрасная, умная и святая. Итак, устремив свое внимание, смиренный, на сию твою небесную славу, в которую ты облекся на земле, как второй Бог! Взыскуй вышнего, помышляй о вышнем⁸⁷, желай

⁸⁶ Быт. 3, 19.

⁸⁷ Ср.: Кол. 3, 1–2.

вышнего, коль скоро ты — причастник Вышней Сущности! Не заботься о бренном сосуде, но непрестанно размышляй о его содержимом. Подобие же Господне — это те божественные дарования, о которых мы написали выше. Их старайся приобрести, а не виноградники, или дома, или золото, или террасы, или сады.

Ведь если ты божественных даров не имеешь,
то знай, что и подобием Господа нашего не владеешь!
Если же душу свою оскверняешь,
то и образ Божий в себе помрачаешь,
на адский мрак на веки себя обрекаешь!

Вопрос: Так какова же полнота всех благ и совершенство во всём, дабы [на этом] закончить нашу речь?

Ответ: Полнота всех благ и совершенство во всём —

это Единый наш Бог и Создатель,
Творец всяческих, благой Податель,
Наставник милосердный,
милостивый и щедрый.

Он только по Своей любви привел к бытию все из небытия, и без Него ничтоже бысть⁸⁸. И лишь Ему одному подobaет нам приносить всяческое благодарение, славу, любовь, честь и поклонение, трояственно поклоняясь Нерожденному Отцу со возлюбленным Его Сыном Рожденным, Иисусом Христом, сладчайшим Спасителем нашим, и со Духом Его, Пресвятым, и Благим, и Животворящим, от Отца исходящим, ныне, и присно, и в бесконечные веки нескончаемых веков. Аминь!

⁸⁸ Ин. 1, 3.

ПОСЛАНИЕ ПУСТЫННИКУ- ИСИХАСТУ

Послание некоего монаха,
подвизавшегося на Святой Горе, разделенное на главы
и содержащее вкратце:

Ⓐ

практические советы
об уставе трапезы и молитвы,
то есть о том, как проводить двадцать четыре
часа дня и ночи;

Ⓑ

ответы на вопросы
о прелести и благодати, о знании
и мудровании, о смирении и любви,
о двоякой борьбе с бесами, о трех
состояниях естества, о совершенной любви;

Ⓒ

и другое, что он постиг,
видел и слышал и о чем пишет
своим духовным чадам

адо, возлюбленное о Господе, радуйся! Благодать Бога Отца, Сына и Святого Духа — твоей душе. Аминь.

Так как я вижу, чадо мое, что ты жаждешь, словно олень, и стремишься к источникам небесных вод Божественной благодати, и с горячею любовью взыскуешь их, то я, хоть и безграмотный, принимаюсь за этот труд, позабыв меру своей неспособности и неучености, полагаясь на молитвы моих отцов. И ныне с Божией помощью и вашими святыми молитвами я начинаю с самого начала излагать тебе о монашеском и подвижническом житии и о том, каким образом удостоивается монах Небесного Царствия и становится причастником вечных благ, по благодати и милости Божией.

Ты же, чадо мое, не ленись изучать [то, что я написал,] а каждый день прилежно читай, пока это не запечатлеется в глубине твоей души и не принесет добрые и благие плоды. И не принимай это за простые слова, ибо они не таковы, но суть слова делания святых отцов, просвещенных Божественной благодатью. Ими я был научен и плод их отчасти вкусил. А поскольку я безграмотен, то приложил много трудов, чтобы это написать. Возделыванию же этих [плодов] я предавался даже до крови. А теперь полагаю их готовыми пред твоими очами, словно трапезу с разнообразными яствами и как райский сад из разных деревьев, полных плода.

Итак, не будь нерадив, но, срывая с них [плоды,] вкушай во всякое мгновение, дабы жить жизнью вечной и избежать плода познания, который съели прародители и умерли.

Тако да будет, Господи, сохранитися нам от запретного плода. И да просветимся к [уразумению] Истины Тобою, сладчайшим нашим Богом, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

вот, чадо, я начинаю прежде всего излагать тебе, как должен ты проводить время. Хоть и часто, в тысячах поучений и писем, я тебе говорил это, всё же снова вкратце рассказываю тебе кое-что необходимое. И услышь, [каков должен быть] чин.

В семь часов пополудни — время святогорское¹, — после того как ты поешь то, что положено тебе по уставу, поспи три или четыре часа. Проснувшись же, совершай вечерню по четкам. А когда закончишь, приготовь кофе в помощь бдению. И когда его выпьешь, начинай повечерие. Спокойно, тихо и без света. Прибавь и Акафист Пресвятой Богородице. И когда это закончишь, встань, если можешь, прямо, держа руки скрещенными, и прочти эту молитву — умом, без света, ибо свет рассеивает ум: «Господи Иисусе Христе, сладчайший Отче, Боже и Господи милости и всея твари Содетелю, призри на смирение мое и вся грехи моя прости, яже во все жития моего время содеях даже до сего дне и часа, и послѣ Пресвятаго и утешительнаго Твоего Духа, яко да Той мя научит, просветит, покрѣтит, еже не согрѣшати, но с чистою душею и сердцем

¹ На Афоне сохраняется употребление византийского времени. В соответствии с ним за полночь принимается время захода солнца. Так как это время зависит от времени года и постоянно меняется, стрелки часов на Афоне регулярно, хотя и не ежедневно, переставляются в момент византийской полночи на ноль часов.

чтити и покланятися, славословити, благодарити и возлюбити от всея души и сердца Тебе, сладчайшаго моего Спаса и благодетеля Бога, достойнаго всякия любви и поклонения. Ей, благий Отче Безначальный, Сыне Собезначальный и Пресвятыи Душе, сподоби мя просвещения божественнаго и духовнаго ведения, да созерцая сладкую Твою благодать, ею понесу тяготу сего моего ночнаго бдения и чистыя воздам яже к Тебе моя молитвы и благодарения, молитвами Пресвятыя Богородицы и всех святых. Аминь».

Скажи затем и свои собственные слова, какие можешь и как знаешь, побуждая святое благоутробие Божие к милости и любви. И когда сильно устанешь, присядь. И приведи себе на ум разные благие памятования: смерть, адские мучения, Страшный суд Второго пришествия. И восплачь, сколько даст тебе Бог. И затем направь свой ум к раю, к наслаждению праведных, к вечным благам. И благодари Благого Спасителя и благодетеля Бога.

И затем вставай и совершай правило. И снова садись. И читай Жития святых и другие умилительные и полезные книги. И если придет к тебе сон, вставай и начинай службу. А когда всё закончишь, и часы, и канон молебный [ко Пресвятой Богородице] по четкам, как я тебя научил, тогда садись и отдыхай. Поспи немного, пока не рассветет.

И когда [проснешься и] встанешь, выпей кружку чего-нибудь горячего с 25 драми хлеба или сухарей. И начинай делать свою работу, непрестанно говоря умом Иисусову молитву. И если у тебя есть время, читаешь и безмолвно плачешь. И готовишь свою еду [строго] в меру, как я тебя научил, пользуясь как меркой консервной банкой из-под молока. Так вот, из одной такой банки, наполненной сухой фасолью или рисом, получается две тарелки еды, и [этого] хватает на два дня, поровну на каждый. И когда хорошо разварится, ешь в 7 часов (то есть в час пополудни) с 50 драми хлеба или сухарей. И если

разрешен елей — во вторник, четверг, субботу и воскресенье, — кладешь его в тарелку до 10 драми. И, если у тебя есть, кладешь немного сыра, [или] яйцо, [или] сардину, или десяток маслин. И те фрукты или сладкое, что у тебя есть, ешь на трапезе, всего понемногу, во славу Божию. Ешь и имей смирение, чтобы не осуждать других.

И после полудня у тебя нет благословения принимать для разговора никого — ни монаха, ни мирского. Кто бы он ни был, пусть приходит утром.

Этот чин должен [тобою] соблюдаться. И будь то Пасха, или Рождество, или Масленица, всегда ешь один раз в день. И в Чистый Понедельник не держи трехдневного поста, а пей в эти три дня что-нибудь горячее с небольшим количеством хлеба или сухарей, когда стемнеет.

И во всём соблюдай меру и рассуждение. Но поскольку я тебе это часто говорил и этот чин ты уже знаешь, то не буду повторяться, ибо делание по прошествии долгого времени с помощью благодати умудрит вас во всём остальном. Аминь.

от ты узнал, чадо, как тебе проводить время. Узнай и то, о чем ты меня спрашиваешь и желаешь узнать.

И сперва скажем о том, что ты, по твоим словам, слышишь в себе: «Свят, Свят» — и прочее, как ты мне пишешь. Это ты спишь, говорю я, чадо мое, и [во сне] это слышишь. Ибо бывает такой, очень тонкий, сон у подвижников, когда их тело изнеможет. Стоит он или сидит — сон его окрадывает, а тот не замечает. И тогда он видит эти [вещи] во сне, а думает, что бодрствует, хотя это не так. И доходит до того, что он спит всю ночь и не знает об этом. Так вот, ты попробуй ночь свою проводить в бодрствовании с чтением стоя. Ходи по комнате, умывай лицо свое, чтобы пробуждаться, — и тогда узнаешь, как ты это видишь. Ибо все подвижники видят эти [вещи] во сне. Если же все-таки ты это видишь бодрствуя, то и тогда это не прелесть. Бес такого не говорит: «Поклоняюсь Отцу, Сыну и Святому Духу».

Также ты пишешь мне о взыгрании сердца, которое, по твоим словам, ты чувствуешь. Об этом знай, что, когда человек очистит свою душу и будет зачат в нем Новый Адам, наш сладчайший Иисус, тогда сердце взыгрывает, не в силах сдержать радость и то неизреченное наслаждение, которое нисходит в сердце, и глаза источают сладчайшие слезы, и весь человек становится как пламя огня от любви Иисусовой. И ум весь становится светом, и изумляется, и удивляется славе

Божией. Не так, как ты мне пишешь, что помрачаешься и не знаешь, где ты. Итак, это ты понимаешь ошибочно, так что будь внимателен.

Также пишешь мне, что тело [у тебя] оцепеневаает и делается как мертвое. А я тебе говорю, что хоть часто тело и оцепеневаает, но ум весь делается оком, и сердце чувствует большую сладость и безмерную радость. Наконец, даже если [у тебя] это и так, как я тебе пишу, то это еще не великая мера, а мера новоначальных. Когда душа очищается, тогда она видит эти [вещи]. Однако когда она очистится совершенно, тогда видит иначе, о чем я тебе не пишу, ибо [этого] ты понять [еще] не можешь. Сейчас говорю тебе только это. Молись Богу, чтобы Он дал тебе ведение духовного рассуждения, как ты должен мыслить и что должен иметь в своем уме, пока не удостоишься подлинной истины. Истина же есть Христос, Ему же слава и держава вовеки. Аминь.

так, чадо, ты определенно получил ответы на свои вопросы. Послушай и о том, как ты должен воевать с врагами. И внимательно прочитай это много раз, как урок, чтобы ты знал, чего просить и как ты должен бороться с помыслами гордости, когда они тебе говорят, что ты уже святой или что у тебя уже есть благодать и [благодаря этому] ты много плачешь.

Говори Господу так:

«О возлюбленный мой, сладчайший Иисусе Христе! Кто обо мне Тебя попросил и кто помолился, чтобы Ты привел меня в этот мир и чтобы я родился у родителей — добрых и верных христиан, когда столь многие рождаются у турок, франков, масонов, и евреев, и идолопоклонников, и прочих, не верующих в Тебя? Ведь они словно бы не вполне родились и обречены на вечную муку. Итак, сколь сильно должен я Тебя любить и Тебя благодарить за столь великую благодать и благодеяние, что Ты мне оказал! Ведь даже если кровь свою пролью, не смогу Тебя возблагодарить!

И кто обо мне, Спасе мой сладчайший, Тебе молился, чтобы Ты меня терпел столько лет, с детства согрешающего, и не отяготился мною, хотя и видел, что я обижаю других, ворую, гневаюсь, объедаюсь, что я любостяжатель, завистник, ревнивец и исполнен всякого зла и Тебя, Бога моего, делами своими оскорбляю?

Ты же, Господи мой, не послал смерть, чтобы та взяла меня во грехах, но с готовностью меня терпел. Ведь если бы я умер, вечно бы мучился. О благодать Твоя, Господи!

И кто умолил Тебя обо мне, чтобы Ты привел меня к покаянию и исповеди и облек меня в этот великий и ангельский образ? О величие Твое, Господи! О страшное Твое и величайшее домостроительство! Сколь богат Твой дар, Владыко! О неоскудные Твои сокровища и неизъяснимые таинства! Кто не вострепещет, дивясь Твоей благодати? Кто не изумится, взирая на Твою богатую милость? Трепещу, Владыко, рассказывая о Твоем великом даре!

Владыка и Господь мой распинается, дабы спасти распявшего. Я грехами своими Создателя моего распинаю, и Создавший меня меня освобождает! О сладкая Любовь, Иисусе! Насколько я твой должник! Нет, Создатель мой, не за вечную жизнь, которую Ты мне обещаешь, должен я Тебя любить. Не потому, что Ты мне говоришь, что дашь мне Твою благодать, и не за рай. Но я должен Тебя любить за то, что Ты освободил меня от рабства греху и страстям».

О великое чудо! Какой купленный раб просит платы за то, что работает на своего господина? И как он может просить свободы, если должен деньги за свой выкуп? Вот Царь и Господь всех распялся за тебя и освободил тебя от рабства бесам. И дал тебе заповеди как противоядие от страстей, дабы, исполняя их, ты избавился от одолевающих тебя страстей. Он говорит тебе: «Не блуди». И ты трудишься, чтобы стать целомудренным, ибо если ты не понудишь себя стать целомудренным, то неизбежно станешь блудником. «Не кради» — чтобы ты стал верным. А если не понудишь себя стать верным, обязательно станешь вором. «Не будь сребролюбцем» — чтобы быть милостивым, а если не понудишь себя стать милостивым, станешь сребролюбцем. «Не чревоугодничай» — чтобы ты стал воздержанным. «Имей

любовь» — чтобы ты не стал завистливым. Так и со всеми добродетелями.

Итак, когда Господь первым делом освободил нас через божественное крещение, Он дал нам Свои божественные заповеди как противоядие от страстей, чтобы мы вновь не попали в рабство греху. И не так обстоит дело, что мы работаем Богу, а Он должен нам плату. Не так, что мы работаем ради вечной жизни. Но мы работаем как рабы купленные, чтобы не стать рабами бесов. Мы должны трудиться, потому что были выкуплены. И поскольку мы в долгу, то обязаны служить Ему с великим смирением, храня все Его святые заповеди.

И если окажемся верными рабами, то Господь даст нам даром Свою Божественную благодать и избавит нас от страстей. И Небесное Свое Царство нам дарует, говоря: «Прииди, рабе благий и верный! В малом ты оказался верен, над многим тебя поставлю»². Видишь, чадо, Он не говорит нам: «Прииди, Я воздам тебе за твои труды, которые ты для Меня совершил», но милость любви по великой Его благодати дает нам сладкую Его благодать. Отнимает от нас и досаждающие нам страсти и, более того, удоаивает нас Своего Царствия.

Так вот, когда ты приступаешь к исполнению своего долга — к молитве, то приступай с великим смирением, прося милости Божией. Не потому, что Он у тебя в долгу и обязан дать тебе благодать, но потому, что ты — узник и просишь благодати, чтобы она тебя освободила. И говоришь:

«Владыко, сладчайший Господи наш Иисусе Христе! Низпосли святую Твою благодать и разреши мя от уз греха. Просвети мою тьму душевную, да уразумею Твою беспредельную милость и возлюблю и возблагодарю достойно Тя, сладчайшего моего Спаса, достойного всякой любви и благодарения.

² Ср.: Мф. 25, 21.

Ей, благий благодетелю мой и многомилостивый Господи, не удали от нас Свою милость, но умилосердись над Своим созданием.

Вем, Господи, тяжесть моих прегрешений, но вем и Твою несказанную милость. Зрю тьму бесчувственной моей души, но верую со благими надеждами и ожидаю Божественного Твоего просвещения и избавления от лукавых моих зол и губительных страстей предстательством сладчайшей Твоей Матери, Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых. Аминь».

Не прекращай умолять так до последнего твоего дыхания и [помни, что] Бог силен исполнить твое прошение. Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

ы узнал, чадо, как тебе помышлять, — узнай, и как тебе воевать. Если благой Господь нас посетит, и освободит нас от страстей, и покажет нам Свою беспредельную любовь, не думай, что ты уже не нуждаешься в осторожности. Но знай, что пока мы нищие, то просим богатства. А когда разбогатеет, тогда должны больше бояться, как бы мы не уснули и не вознерадели и как бы не пришли разбойники и не похитили у нас сокровище.

И послушай [разъяснение] примера с разбойниками. Во время молитвы пришло к тебе Божественное просвещение, ты чувствуешь радость и невыразимую сладость. Сразу же разбойник — самомнение — приходит и говорит тебе тайно: «О! Ты уже святой!» [Тогда] скажи ему: «Замолчи, злой бес! Ибо, если и до третьего неба поднимусь, моего [в том] нет ничего».

И вот что говорит Павел: «Восхищением был восхищен и слышал неизреченные глаголы»³. Итак, может быть, он вошел [только] по своему желанию? Нет. А если другой его ведет, то есть ли у него что-нибудь свое? Нет. Вот что он же говорил, когда весь мир спасал проповедью: «Не по своеволию совершаю я это, но [силою] действующего во мне Христа!»⁴.

³ Ср.: 2 Кор. 12, 4.

⁴ См.: Кол. 1, 29.

Видишь, чадо? Что было у него своего, если другой его вел? Так что говори и ты злой гордыне: [даже] если я взойду на Небеса, и увижу ангелов, и буду говорить с Господом, [в том] нет ничего моего. Ибо пожелал Царь взять глину, брение из болота, и положить это вблизи Своего Престола. Разве Он не Царь? Он делает, что пожелает. Но, может быть, глина вправе гордиться, что она рядом с Царем? Нет. Но [она должна,] скорее, удивляться благодати Царя и Его смирению. Как не побрезговал Он грязной глиной, а положил близ Себя! Так вот, как из брения тебя поднял, так и опять, когда Сам пожелает, бросает тебя в твое естество, в брение. Стало быть, и когда Он тебя поднял, не было никакого твоего преуспевания, и когда Он тебя бросит туда, откуда взял, ты не должен печалиться. Но должен говорить: «Я, Господи, достойный сын ада и не ропщу, ибо совершал его дела и совершаю. Итак, Ты пожелал — и поднял меня на Небеса, Ты желаешь — и бросаешь меня в ад. Да будет Твоя святая воля».

Лишь тогда ты должен печалиться, когда ты совершаешь грех и падаешь. И [должен] печалиться не потому, что упал, но потому, что ты опечалил Бога после столькой любви, которую Он тебе показал, а ты оказался неблагодарным. Но и опять возобнови надежды, чтобы подняться. Не отчаивайся, что согрешил. Если же ты и без твоего собственного греха испытал изменение, то не бойся, а радуйся, что видел блага Божии и приобрел бóльшую веру и горячую надежду, что милостью Божией и Его человеколюбием предстоит тебе стать наследником того, что видел. И спеши приобрести большее смирение.

И опять-таки, когда этот злой бес говорит тебе, что ты выше других монахов, говори ему: «Уймись, бес, ибо, если пожелает Господь излить Свою Божественную благодать на всех людей, все станут одинаковы». Итак, в чем виноват тот, у кого нет благодати или же есть, но мало? Вот Господь одному дает пять талантов, а другому дал два. Разве виноват получивший

два? Нет. Господь знает, что полезно для каждого. Однако, хоть и два дал ему, он услышал тот же голос: «*Вниди в радость Господа твоего*»⁵. Не сказал ему: «Почему и ты не сделал из них десять?» Так что видишь, чадо, если и ты получил много от Бога, Он много с тебя и спросит.

Итак, получивший много благодати не вправе уничижать или осуждать не имеющего. И не имеющий столько благодати не должен печалиться или сетовать, что Бог и ему не дает то же самое. Но имеющий благодать должен с великодушием терпеть не имеющего ее, вынося все его телесные и душевные немощи, и вести его с рассуждением по духовному пути, пока подобным же образом тот не удвоит талант, или, скорее, пока не придет луч света, чтобы открыть и просветить и его душевные очи, чтобы он познал свою недостаточность и без рассуждения слушался того, кто его превосходит.

Итак, чадо, вот [каким должен быть] образ мыслей, вот как мы должны помышлять. Без помощи Святого Бога мы не можем сделать ничего, как говорит нам Господь: «*Без Мене не можете творити ничесоже*»⁶, и: «*Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии*»⁷. Итак, мы должны просить, чтобы нам было дано и духовное ведение с рассуждением. Ведь без оных и то, что нашим глазам видится хорошим, на самом деле — наоборот, дурное. И там, где мы видим мед, — на самом деле яд. Ибо рассуждение видит, измеряет и взвешивает, а ведение всё очищает и упраздняет всякую злобу и гордый помысл. Смирение всё собирает, а благодать и любовь это хранит, как глава всех добродетелей, ради которой и сладчайший Иисус пришел и распялся, дабы явить нам Свою беспредельную любовь к Своему созданию. Ему же слава и держава веки. Аминь.

⁵ Мф. 25, 23.

⁶ Ин. 15, 5.

⁷ Пс. 126, 1.

так, послушай, чадо, как приходит Божественная благодать и как она узнается. Мы говорим, что тот, кто вкусил вина, после, если ему дадут уксус, распознает это. Так разумей и о Божественной благодати. Вкусивший сперва ее, распознает затем прелесть. Ведь бес симулирует благодать, однако вкусивший от плода истины, как мы сказали, распознает плод прелести. Ибо едва только ум станет внимать прелести, сердце человека наполняется смятением. Ум помрачается, и даже волосы встают дыбом. И раздувается человек, как воздушный шар. А Божественная благодать сладка, мирна, смиренна, тиха, [она] очищает, просвещает, радует. И не остается места никакому сомнению, что это [поистине] Божественная благодать.

И смотри, хорошо запомни, каким образом приходит Божественная благодать и как отличить путь истины от прелести.

Мы говорим, что монашеская жизнь такова. Когда благодать Божия просветит человека и он уйдет из мира, тогда он приходит в монастырь, общежительный или иной, где много других братьев. Он оказывает всем послушание и радуется тому, что хранит Божии заповеди. И, исполняя установленные для него духовные обязанности, ожидает с благими надеждами милости человеколюбца Бога. Таков общий путь, которым шествуют многие отцы. Однако есть и другой

путь — краткий, о котором мы и ведем речь. Этот краткий путь — не изобретение человеческой науки, но от Самого Владыки, Который наставляет [на этом пути] каждого, как того желает Его святая воля.

И когда человеколюбивый и благой Бог пошлет луч Своей Божественной благодати в сердце грешника, тот сразу восстает, ища духовников для исповедания совершенных им злых дел. Ищет и пустыни, и пещеры для хранения себя от страстей и исправления прежних зол суровым житием, [терпя] голод, жажду, холод, зной, [неся] и другие подвиги. А Господь дает ему еще больше пыла, так что, как огненная печь, горит его сердце жаркой любовью к Богу. Дает [Господь] и безмерную ревность к исполнению божественных заповедей, и безграничную ненависть к страстям и греху.

Тогда он начинает с великой готовностью расточать всё свое имение — малое или большое. И когда он станет совсем нищим и отчасти исполнит Божии заповеди, тогда, не в силах более сдержать любовь и желание пустыни, он, как жаждущий олень, бежит в пустыню, ища наставника и руководителя для восхождения к духовному житию.

Однако, к сожалению, ныне почти исчезли хорошие наставники и очень немного тех, кто идет по этому пути. Поэтому он плачет и рыдает, не находя того, что было в старые времена и чего он желал. Но что же ему делать с таким великим пылом к безмолвию? Он исследует [всё вокруг] и ищет самого опытного наставника, и предаёт себя в послушание [ему,] и с [его] молитвой и благословением начинает духовные подвиги.

Итак, многие, имея этот пыл, восприняли святой монашеский образ и по молитве и благословению своего Старца удалились в уединение для безмолвия. И время от времени они приходили и советовались. А другие оставались жить вместе и имели позволение [от своих наставников] в определенное

время предаваться безмолвию и исполнять всяческие добродетели: плакать, совершать бдение, поститься, молиться, читать, творить поклоны, сколько есть силы, и вообще заботиться о чистоте и воевать со страстями. И когда кто-нибудь тем или иным образом преуспевал в безмолвии, тогда еще больше предавался подвигу.

Однако здесь необходимо [особое] внимание. Многие ведь отделились от братьев не по пламенной любви Христовой и желанию подвигов и скорбей, а желая безмолвия для служения своим страстям. Ибо не терпят они послушания и оскорблений, но любят свою волю и, став рабами страстей, служат им, то есть гневу и похоти, и так совершенно впадают в прелесть.

Тот же, кто воистину пребывает в безмолвии ради Христа, постоянно проливает слезы, оплакивая свои грехи и прилежая всякой добродетели. И с горячей верой предает себя подвигам [даже] до смерти. И, погружая ум в сердце, понуждает себя, вдыхая и выдыхая, говорить молитву «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» И [понуждает себя] собирать ум, согласно указаниям святых отцов-подвижников.

И, проходя всё это и тружась в поиске воли Божией, он начинает таинственно, мало-помалу, ощущать умом Божию помощь. И та, как некая купель, мало-помалу его очищает, умягчает его сердце для умиления, для сокрушения, для послушания, для ревности и большего пыла. И, словно мать, его носит и воспитывает его, как младенца. А когда благодать отходит, он, не ведая премудрости Святого Бога, плачет и рыдает, ища ее. И налагает на себя пост за постом, стояние и бдение, молитвы и прошения, поскольку полагает, что ими можно привлечь Божию благодать. А искушения всячески ему досаждают, чтобы он еще больше просил со слезами Божественной помощи. И это происходит по домостроительству Божественного Промысла для его обучения.

И когда снова случится Божественное посещение [благодати,] он, как младенец, начинает кричать: «Ах, ах! Как же ты меня оставила — бесы чуть не задушили меня! Не уходи больше! Ах! Что мне сделать, чтобы тебя удержать?» — думая, как младенец, что это его подвиги приносят благодать, и размышляя, что же ему сделать, чтобы ее удержать. А Бог, когда тот снова хорошо ее вкусит, сразу отступает. Но мало-помалу она приходит чаще и больше. А младенец по разуму и ведению начинает привыкать и становиться самонадеянным, считая, что она уже дана ему как плата за его труды.

И в течение трех или четырех лет он видит Божию благодать, постоянно обучающую и умудряющую его. Видит, что страсти его успокаиваются и что бесы не в силах долго воевать с ним по причине охранения Божественной благодатью Бога. И если он бодрствует, то имеет как утешение слезы, ходит он или трудится. Если же он молится умно, то имеет умное ощущение светлого облака, которое иногда его посещает. Если, опять же, хоть немного спит, видит прекрасные сны — рай со сверкающими, как золото, цветами и царские дворцы, несказанные и ярче солнца сияющие, и многое другое и разное, которым, когда он проснется, его ум увлекается и подвигает его к [большему] пылу и ревности. И он с удивлением размышляет о красоте вечных благ и о том, когда же он удостоится стать их наследником.

Однако, чадо, и здесь нужны внимание и рассуждение, чтобы он не верил некоторым снам, но знал бы, от Бога они или от беса. Но так как не все имеют такое рассуждение, то пусть он снам не верит вовсе. Впрочем сновидения от Бога [хорошо] распознаются. Иногда он их видит в глубоком сне, иногда в тонком, как спящий и при этом не спящий, и в течение короткого промежутка [времени]. А когда человек просыпается, то он полон радости, виденное увлекает ум и становится причиной созерцания. И многие годы он вспоминает об

этих сновидениях, и они незабываемы. А сны от бесов наполняют душу смятением. И когда человек просыпается и ум захочет вспомнить виденное, то наполняется страхом. И сердце этого не принимает. Но и когда он это видит во сне, видения не имеют остановки, но изменяются в видах и образах, в местах и способах, в делах и движениях. И по этим изменениям, и по тревожности и отвратительности видений ты можешь узнать, откуда они. Бывают и другие сны, от мечтания ума и от многоядения. Впрочем нет нужды о них рассказывать. Но сердце подвижника, когда он спит, непрестанно занято молитвами, как мы сказали в другом месте.

Итак, младенец [по разуму,] видя все эти блага и не имея необходимого ведения, чтобы хорошо познать и различить промысл Божий, ибо пока еще ест молоко и не приобрел еще чистых очей, но до сих пор источает свет и тьму вместе и дела его смешаны со страстями, начинает поэтому помышлять, что видения этих благ дарует ему Бог за его подвиги и скорби. Злой же бес тайно сеет отраву, как когда-то Еве. А младенец и уши развесил. Но происходит это и по Божиему попущению, чтобы он научился смирению.

И начинает коварный бес говорить ему: «Видишь? — говорит он ему, — как же это они говорят, что в наше время Бог не дает благодати? Видишь? Они просто не хотят подвизаться и потому препятствуют и другому человеку, говоря ему: ты прельстишься, упадешь, изнеможешь».

И многому другому учит его древнее зло. А он, не ведая ловушки, которую оно ему плетет, ибо он неопытен в войне, окрадывается и принимает ложь за истину. Впрочем это может быть и по домостроительству Божию чтобы его умудрить и он не оставался бы навсегда младенцем.

Слава премудрости и ведению Бога, Который многообразно устрояет исцеление нашей души. Слава и хвала всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

от ты услышал, как приходит благодать. Послушай и о том, как впадают в прелесть, и [о том, что] подвижникам требуется большое внимание.

Ведь и в старые времена многие претерпевали падение, и сегодня многие падают каждый день. Так, когда кто-нибудь примет ложь за правду, тогда, превозносясь, начинает говорить и учить [другого] тому, чего этот человек хочет, но не делает, и что если он захочет и понудит себя, то сделается сосудом благодати. И, гневно споря с несогласными, такой мало-помалу впадает в прелесть и становится рабом беса, утверждая, что все пойдут в ад, ибо ни у кого нет ведения, кроме него. И прекращает слушаться тех, которые говорят ему полезное для него. И затворяется в уединении, исполняя волю живущего в нем беса. И если останется в затворе, бес его или утопит, или повесит, убеждая его, что он станет мучеником. А если этого и не добьется, то ввергнет его в безразличие и нерадение, чтобы тот всё оставил и только ел и упивался. И монах даже не понимает, что упал, и не просит исцеления, но думает, что хорошо идет и что таковы путь и истина. Человеколюбивый же Господь ожидает, чтобы тот понял, откуда упал. И если он осознает свое падение, то может исцелиться.

Вот, чадо, такова одна из прелестей. И лекарство от нее для человека — познать, что прельстился, и со слезами

обратиться к опытному врачу, способному его спасти, дать ему подходящие лекарства ради безопасности его души.

А мы давай вернемся к тому, на чем остановились, и скажем вот что. Бывает, что человек [не поступает так,] как тот, о котором мы сказали [прежде, и] не уходит [от братьев,] но все же пребывает в неведении и думает, что он сам приобрел благодать, и спорит о том, что человек может, если захочет, понудить себя и приобрести благодать. Однако, [несмотря на это,] есть у него еще и страх. И он говорит с естественным рассуждением: «Как я могу осуждать других, думая, что ни у кого нет ведения и только я оказался просвещенным?» И сражается с помыслами, нанося и получая удары. А благодать Божия мало-помалу удаляется и попускает ему впадать в искушения, чтобы он научился смирению. Он же, будучи не в силах выдержать ярости помыслов и боясь, как бы не впасть в прелесть, бежит разыскивать опытного старца, чтобы тот исцелил его рану.

И хотя все отцы — хорошие и святые и каждый из них высказывает [ему] свое мнение, однако он не исцеляется, потому что не пришел еще час, чтобы открыл [ему] Бог врача и лекарства. И поэтому он не получает извещения⁸. И потому [еще,] что ему необходимо слово, подкрепленное делом, от того, кто выше его, чтобы его смирить и отбросить его превозношение. И, не находя того, чего ищет, — ибо нет у него терпения ждать, чтобы оно пришло, когда того хочет Господь, — он еще больше кичится. И тогда он оставляется немощи своего естества. Уходит благодать. Болеет тело. Не может он, как когда-то, исполнять обычные [монашеские] обязанности. Его душат нерадение, уныние, тяжесть тела, неумеренный сон, расслабление членов, помрачение ума, безутешная печаль, помысл неверия, страх прелести. И тогда, не в силах терпеть, он бежит в поисках помощи.

⁸ Т. е. не в состоянии получить пользу от тех наставлений отцов, о которых говорилось выше.

Но, как мы уже много раз сказали, трудно найти сегодня опытного наставника. Поэтому иной говорит ему: «Ешь молоко, яйца, сыр, мясо, чтобы набраться сил». И он, не в силах поступить иначе, слушается, ибо потерял терпение и охладели в нем ревность и пыл веры, и потому, что от [множества] слов всех [этих отцов] он стал как безумный. Одни ему говорят: «Ты пропал». Другие: «Ты прельстился, так и прочие погибли». И каждый по своему разумению, от любви говорит ему то, что знает. И он начинает есть, пить, копать и прочее. И становится прежний подвижник трезвения торговцем, виноградарем и садовником.

И не находит он никакого удовлетворения в том, чтобы оставаться хотя бы на общем пути отцов, но или совсем оставит монашеский образ и женится, или станет рабом плоти и врагом других подвижников. И если от кого-нибудь услышит, что тот постится, бодрствует по ночам, плачет, молится, то гневается, возмущается, говоря: «Это всё прелесть, ты прельстишься. В наше время Бог не хочет этого. И я это делал, и меня едва не пришлось посадить на цепь». И сам он совершенно пренебрегает своими духовными обязанностями, живя в великом бесчувствии, находясь в преддверии ада из-за грехов, в которых он ежеминутно погрязает. И для других становится препятствием ко спасению. И хочет, чтобы все стали такими, как он, который прежде был пламенным подвижником, а теперь — раб бесов.

Такова, чадо, другая прелесть, которая похищает подвижников. А лекарство от нее — смирение сердца и то, чтобы он возвратился туда, где был, и с терпением ожидал милости Божией. И если придет Божия помощь, то хорошо, в противном же случае пусть он подчинится послушанию и смирится, шествуя общим путем отцов.

Мы же давай возвратимся опять к своему и скажем вот что. Если тот, о котором мы говорили, выдержит подвиг,

с терпением ожидая милости от благоутробия Божия и смиряясь, то вначале, когда немного испытает наставления отцов, он увидит, что не происходит никакого исцеления, ибо то, что они ему дают, — лекарство неподходящее, не то, которое нужно. Однако [обязательно] должно быть какое-то другое лекарство, которое, конечно же, у кого-нибудь есть. И он начинает со слезами, со смирением просить его у Бога и у людей.

А Святой Бог еще больше скрывает Свою благодать и оставляет его искушениям, пока совершенно его не смирит и не научит хорошенько тому, как ему подобает размышлять, ибо пока у него всё еще есть гордость. И вот сейчас — самый большой подвиг, и, словно золото в горниле, испытывается, насколько чисто произволение подвижника. Ибо поскольку он полон страстей, а более всего — гордости, он и предается в руки малодушия, уныния, гнева, хулы и [иной] всевозможной злобы врага. И вкушает он в каждый миг душевное удушье и пьет от вод ада. И все его страсти приводятся в действие бесами днем и ночью. А Господь стоит поодаль, не укрепляя его, как прежде.

А истинный подвижник среди всех этих опасностей не оставляет своего места, но стоит, обороняясь и собирая части своего корабля, разбитого в сражении с бесами. Сидит, плача и стелая о своих ранах. И старается залечить свои увечья. И с нетерпением, [напрягая все силы,] ожидает или избавления от искушений, или совершенной гибели. И, имея [пусть и] малую надежду, говорит: «Лучше я умру в борьбе, чем оставляю ее и тем будет поруган путь Божий. Ведь я имею столько свидетельств, что этим путем прошли все святые». А более всех других [святых] отцов нас ободряет и убеждает в этом авва Исаак Сирин, похвала безмолвия и утешение подвижников.

И, утешая себя таким образом, подвижник понемногу исцеляется от уныния и проявляет терпение. Тело же исцеляет скудной простой пищей, чтобы вынести и вытерпеть скорби и телесные подвиги. И все силы ума вкладывает во внимание, дабы в смятении из-за бесов и страстей как-нибудь не похулить Имя Божие.

Так вот, эта великая борьба продолжается довольно долго, соответственно терпению каждого и сколько того пожелает Бог, пока совершенно не очистит его от различных страстей и не приведет его к совершенному ведению, когда [подвижник] ясно увидит, что происходит от него, и что — от Бога. И когда он будет должным образом испытан, тогда начинает правильно размышлять, говоря себе: «О ничтожный и окаянный! Где то, что ты говорил, — что другие не понуждают себя и потому не преуспевают? Горе тебе, ибо *еще не Господь созиждет дом души твоя, всеу труждаешься*»⁹.

Об этом и о многом другом он размышляет и постоянно борется с бесами. Один удар наносит — десять получает.

И этот один удар, который он наносит, есть терпение, которое Бог не забирает полностью, но немного оставляет ему, — столько, чтобы он, прилагая усилие, стоял. И некий голос тайно ему говорит: «Смотри, не сойди со своего места, не то упадешь и совершенно погибнешь. И память твоя будет вычеркнута из Книги жизни. И станешь хуже мирских!» И поэтому он терпит. А коварные бесы так с ним воюют, что едва его не удушают. И во сне он их видит целые полчища. И они его мучают тысячами способов. А бодрствуя, он видит волнение всех страстей.

Всеблагой Бог да даст нам мужество и терпение, чтобы мы благополучно миновали эту душевную опасность.

⁹ См.: Степенны 7-го гласа, антифон 2-й. См. также: Пс. 126, 1.

олезно тебе услышать, как устраивает мудрый Кормчий избавление от искушений и возвращение Своей Божественной благодати. В конце концов, после того как подвижник хорошо узнает и увидит немощь человеческого естества и придет в глубину смирения, тогда Господь и говорит: «Достаточно уже борьбы [и] душевного удушья. Поможем-ка израненному». Но, опять же, не посылает ангелов, чтобы его наставить, ибо естеству восьмого века это не полезно, а также не дает ему и благодати в его уединении, как раньше, чтобы тот не сказал, что она ему дана благодаря его собственному терпению и подвигу. Поэтому мудрый Бог, Который всё устроит к пользе, Который возводит на Небеса и низводит нас в ад, Который мертвит и живит¹⁰, — Он хоть и посылает ему искушения для очищения и исцеления, но когда придет время их прекратить, тогда вновь искусно и мудро избавляет от них.

Бог подвигает опытного и выстрадавшего то же самое старца и искусного наставника, способного спасти душу, или, скорее, Сам Бог обитает в нем и говорит через него, и посылает его, чтобы они встретились. И когда состоится беседа, сразу возвращается Божественная благодать. Отец говорит — и, как молнии, проникают в глубину сердца его слова,

¹⁰ См.: 1 Цар. 2, 6.

и Божественный Свет озаряет душу, и бесы убегают прочь, не в силах устоять перед старцем. Ибо в этот миг святой старец весь — божественный огонь, и слова его наполнены Божественным просвещением, и советы его тонки, [подаются] с великим ведением и разумением, полны созерцания, ибо сопутствует им Божественная благодать. И сразу, как только они войдут в сердце, ум устремляется к восхищению и удивлению. Ибо его учат тому, что вышеестественно и что необходимо для того, чтобы выдержать огромную тяжесть бесовской злобы. Когда же старец хорошенько его подправит и даст ему достаточно советов, способных спасти душу, они расстаются. И вся ночь зимы прошла как одно мгновение, словно [случилось] чудо, так что и не заметили, когда она миновала.

И после расставания, возвращаясь к себе, этот прежде младенец, ныне же, после испытания бесами, ставший опытным, возопил с рыданиями, источая сладчайшие слезы любви, и воскликнул: *«Терпя потерпех Господа, и внят ми»*¹¹, и: *«Аще не Господь помог бы ми, вмаля вселилася бы во ад душа моя»*¹², и многое другое. А когда пришел в каливу и применил на деле наставления, сразу же избавился от того, что прежде им обладало.

И спустя немного времени молитвами того святого старца, которого он и во сне видел и тот его укреплял, он совершенно исцелился. И любовь Христова наполнила его, а страсти его утихли, и пришел мир помыслов. При этом ему была дана и сила веры, родившейся от созерцания, а не, как прежде, от чтения и тайной надежды, которая есть у нас от Святого Крещения и правильных догматов, — [сила] веры, рожденной от созерцания, которая видит и верует. Также и все другие дары Божии, благодать и милость, приходят, как звенья

¹¹ Пс. 39, 2.

¹² Пс. 93, 17.

одной цепи, — без того, чтобы он просил об этом. А когда он станет на молитву, тогда не может сказать: «Дай мне то-то или то-то», ибо Господь дает ему более того, что он сам бы попросил. И молитва его о том, чтобы была воля Божия. И временами в час молитвы он становится пленником любви Иисусовой. И когда он непрестанно благодарит Господа о стольких благодеяниях, ум его захватывается восхищением и удивлением. А дуновение Божией благодати заграждает его уста. И царствует Христос. И, едва пройдет созерцание, он делается как бы не имеющим тела. И с удивлением вопиет: *«О глубина богатства, и премудрости, и разума Божия! Яко неиспытани таинства Твои, Господи!»*¹³ Кто в силах исследовать безмерное богатство Твоя благодати? И кий язык может истолковать непостижимые Твои таинства? О Господи, аще не удержиши воды Твоя благодати, человек истает, яко воск».

Говоря это, он видит, что он хуже земных пресмыкающихся. И хочет, если бы это было возможно, всех людей поместить в свое сердце, чтобы они увидели и спаслись, даже если ему самому не достанется благодати Божией. Но, как было испытано, никто не может спасти других. Поэтому он довольствуется тем, что, пребывая в безмолвии, молится о всех, что бы спас их Бог.

Итак, чадо, таков вкратце образ [действий] Божией благодати, и достигший этой меры может нам рассказать, что он видит еще, кроме этого, если у него не случилось иного [какого-нибудь] препятствия. Ведь он питается Божией любовью и пьет вино, которое пили все преподобные отцы, шедшие этим путем, и после этого забывали скорби. Но и благодать более не уходит, как [это было] прежде, вначале, если только не случится [с ним] какого-нибудь изменения, чего да не будет, Господи!

¹³ См.: Рим. 11, 33.

Итак, если и ты, чадо мое, слушаешься, то, несомненно, всё это увидишь. А я заканчиваю об этом говорить, чтобы рассказать тебе о другой прелести. Скажу лишь, что все эти искушения, которые происходили с подвижником, все тревожения и крушения, все страхи и столь великие трудности постигли его потому, что у него не было наставника, который бы нес его на себе и наставлял. И поскольку таких опытных наставников недостает, хорошо уже, если находится один из тысяч, прошедший этим опасным путем, который, как мы сказали раньше, есть краткий путь Божий, возводящий человека в жизнь вечную. И по причине этого недостатка [наставников] и случаются различные прелести.

Ведь благодать Божия, после того как вначале аскет-послушник достаточно ее вкусит, должна уйти, чтобы его обучать. Такова непреложная необходимость, дабы он стал опытным воином Христовым. И без таких искушений никто еще не взошел к совершенству. Так вот, этот рубеж, на котором многие впали в прелесть, является [тем самым] рубежом, где отступает благодать Божия, чтобы сделать нас бойцами, опытными в сражениях, и чтобы мы не остались навсегда младенцами. Ибо Господь хочет, чтобы мы стали достойными мужчинами и мужественными воинами, способными сохранить Его богатство. И поэтому Он попускает нам искушаться.

А святые отцы учат нас пребывать в высочайшей из добродетелей — в послушании, чтобы мы стали подражателями Иисуса. Такова их цель. То есть послушанием они хотят очистить нас от различных страстей мудрования и от угождения своей воле, чтобы мы получили Божественную благодать. И опять же, когда благодать отходит, чтобы нас обучить, Старец, словно некая иная благодать, тебя носит и тебя наставляет словами своего делания, которое он уже совершил. И возгревает твою ревность, пока и ты Божественной благодатью и молитвами твоего отца не освободишься от браней, и тебя снова

не охватит Божественная благодать, и пока сладкий Иисус не поверит тебе, как совершенному, Свои честные сокровища.

Итак, нет никакой другой цели идти человеку в послушание. Однако сегодня каждый думает, что берет ученика, чтобы научить его ремеслу, для того чтобы он добывал деньги, или окапывал виноград, или стал торговцем, и чтобы сделать его наследником дома или келлии, или лавки, или того, что он имеет. Или же чтобы тот ему служил.

Мы вовсе не отрицаем того, в чем есть необходимость. Но всё же главная цель, ради которой приходит ученик к Старцу и исполняет совершенное послушание, состоит в том, чтобы Старец, пламенея от любви Христовой, передал ему талант [из] сокровищницы своей добродетели. А ученик, оказывая совершенное послушание, поскольку имеет совершенное самоотречение и отсечение воли, постольку и получает благодать от своего духовного отца. И тогда он, несомненно, будет исполнять и все работы по дому как [естественные и] необходимые.

Так вот, поскольку эта подлинная цель назначения монахов позабылась, и среди многих тысяч монахов лишь чуть виднеются, как искорки, немногие настоящие, и, опять же, эти немногие всеми тысячами монахов провозглашаются прельщенными, — постольку и сами они, не имея кому передать духовное сокровище, скрывают его и всем показывают, что они заблудившиеся безумцы.

И поэтому, когда подвижники достигают того рубежа, где благодать по необходимости уходит, они, не находя под рукой лекарства для своего исцеления, падают, теряются, и так погибают тысячи душ, которые вначале явили большую решимость и боголюбивую ревность. И те, которые [ничего] не знают, по неведению называют сегодня путем прелести путь Божий, которым прошли натруженные ноги святых. И по неведению согрешают, и поносят путь Божий, и препятствуют

желающим идти по нему. И когда нас спрашивают, мы даже и не задумываемся [о том, что правильно было бы] сказать [так]: «Я, чадо мое, будучи немощным, не могу идти по этому пути. Но ты, если у тебя такая ревность, позаботься найти подходящего наставника. И если найдешь, верно следуй за ним. Если же не найдешь, следуй общим путем отцов, на котором у тебя будет много спутников и наставников и нет опасности прельститься».

Такова чистая и беспристрастная истина Божия.

И тот, кто говорит так, избавляется от многих ловушек. Если же сразу, как только спросят его, говорит, что это путь прелести и что все идущие по нему — прельщенные, то пусть такой знает, что он в ловушке. И пусть постарается испросить милости Божией прежде, чем придет к нам смерть и нас затворят в темницах ада. И тогда никто не сможет избавить нас от вечного осуждения, постигшего нас из-за невежества нашего языка.

И хотя Отец Светов весь суд отдал Сыну, мы, неразумные, присвоив суд, без рассуждения судим ближнего, не ведая его делания, [не ведая] и Божественного Промысла о нем, имеющегося у Бога, Ему же слава и держава вовеки. Аминь.

о послушай, чадо мое, и о другой прелести, чтобы уберечься от нее. Многие монахи трудились над какой-нибудь одной добродетелью и приложили все свои усилия для ее достижения. К примеру, скажем, постились, то есть не употребляли растительного масла, или приготовленного на огне, или другого подобного. И связали свою свободу, веря своему помыслу, будто всё заключено в посте. И, упражняясь в этой добродетели, они советуют и другим, что это единственный путь, и полнота всех добродетелей, и обеспечение душевного спасения, основываясь на том, что столько лет они не ели растительного масла, или приготовленного на огне, или чего-нибудь другого такого.

Мы же говорим, что такой монах стал рабом своевольного поста и считает, что тот, кто не делает так же, не спасется или не на пути к спасению. И мы спрашиваем такого монаха: «О человеце Божий! Скажи мне, что ты приобрел за столько лет своего поста? Покажи мне плод твоего многолетнего поста и тогда меня убедишь. О человеце! Ты отказываешь другим в милости Божией из-за своего господина — поста. А куда же ты тогда дел беспредельную милость благодати Господней? Да и у всех ли людей такое же сложение и телесные силы, как у тебя, что ты требуешь от всех стать подобными тебе? Итак, оттого, что ты не управляешь хорошо тем, что касается тебя, то и куешь ты столько лет обол железа на наковальне поста,

но так ничего и не выковал, ибо нет у тебя рассуждения». А исцеление для такого человека состоит в том, чтобы оставить свой мнимый пост и попросить у духовника совета, как жить.

Другой подобным же образом положился на свое бдение и только о нем и учит. И ведет счет, сколько лет он совершает бдение. А того, кто не делает то же самое, он принимает за бредущего во тьме. Но и таковой пусть оставит свое бдение и следует за духовным наставником.

Иной уповает на свои слезы и учит других, что их можно приобрести человеческими силами, говоря, что горе тому, кто не плачет! И думает, что раз плачет, то в этом уже совершенство. А лекарство для такого — познать, что слезы должны сопровождаться смирением, и не думать, что он исполняет некое Божие дело и что Господь должен ему благодать. И опять же: даже если он хорошо плачет, пусть знает, что трудится он только над одной добродетелью, а недостает ему еще девяноста девяти.

Иной уповает на свою молитву и наставляет других, что, мол, если ты это делаешь, то удержишь свой ум. И это, подобно другим, он считает находкой своего разума.

Другой, опять же, уповает на свое безмолвие, как будто в нем заключено всё совершенство. И полагает, что если кто захочет, то сможет безмолвствовать.

Да что говорить! Есть люди, которые надеются просто на число лет, в течение которых они носят монашеское облачение, и этими годами хвалятся.

Итак, мы обо всех этих добродетелях говорим: не сомневаемся, что они — средства, без которых мы не можем прийти в совершенство. И нам необходимо даже до крови трудиться над всеми ними и над другими, о которых мы здесь не упомянули.

Ибо, [на самом деле,] безмолвие — это единственное средство, которое содействует достижению всех добродетелей.

Однако мы говорим: никто не может выдержать его тяготу сознательно и рассудительно, если Господь не пошлет как дар и милость благодать безмолвия. Таким образом, безмолвствующий должен знать, что безмолвие — это дар Божий, и должен благодарить Бога.

Подобным образом мы говорим и о том, кто молится. Апостол говорит, что *никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым*¹⁴. Итак, как же ты говоришь, что молишься чисто и удерживаешь невоздержанный ум нерассеянным, и учишь, что если человек себя понудит, то сможет удерживать ум и молиться чисто? Так вот, мы говорим, что молитва — это единственное средство, которое содействует очищению разума, и без нее мы не можем жить духовно. Однако никто не может удерживать ум и молиться чисто, если не придет благодать божественного и духовного ведения или если не придет вышеестественным образом некий благой и божественный помысл или другое действие Божественной благодати. Отсюда подвижник должен знать, что не сам он удерживает ум, а Божественная благодать, и по мере Божественной благодати он молится чисто. И пусть знает таковой, что это не от него, а от Бога. И пусть благодарит Бога. И пусть учит других, что мы должны действовать теми способами, которые в наших силах, показывая Богу наше намерение и желание молиться чисто. Но от Бога зависит, придет ли это.

Также мы говорим и тому, у кого есть слезы, что слезы — это единственное оружие против бесов и баня очищения грехов, если они источаются с ведением. Однако они не от самого человека. Но он, понуждая себя, показывает намерение воли плакать. А придут ли к нам слезы, зависит от Возводящего *облаки от последних земли*¹⁵. И пусть такого научит опыт,

¹⁴ 1 Кор. 12, 3.

¹⁵ Пс. 134, 7; Иер. 10, 13.

что он плачет не тогда, когда хочет сам, но когда хочет Бог. И пусть благодарит подателя Бога. А не имеющих слез пусть не осуждает, ибо Бог не дает всем одно и то же.

Также мы говорим и о бдении, что оно содействует очищению ума, если совершается с ведением и рассуждением. Однако, если не поможет Господь, от него не происходит плода. Так что способный бдеть должен просить у Бога ведения и управлять собой с рассуждением, ибо без Божией помощи он остается бесплодным.

Также и пост, и всё другое, если хорошо управляется, — это добродетели, исполняя которые в поте лица, мы, с одной стороны, показываем наше намерение Богу, а с другой — противоборствуем страстным похотениям. Ибо, если мы не понудим себя к этим добродетелям, непременно будем совершать грехи. Это — чистая правда, это нам, людям, свойственно.

Посмотри на земледельца: он вскапывает землю, очищает, сеет семя и ожидает милости Божией. И если не пошлет Бог дожди и благоприятные ветры в нужное время, его труды пропадают. Ибо всё зарастает терниями, и пожинать нечего, и труды его становятся добычей бессловесных животных. Так и с нами. Если Господь не пошлет очистительные воды Своей Божественной благодати, то мы останемся бесплодными и наши труды станут пищей бесов. Ибо труды подавляются нашими страстями, и мы ничего не пожинаем. А добродетели, старательно возделанные, обратятся в пороки¹⁶.

Итак, более всего другого мы нуждаемся в духовном рассуждении и должны в поте лица просить его у Бога, Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

¹⁶ Из сравнения текста «Послания» с текстом «Трубы» (см. с. 384) с необходимостью следует вывод, что издатели «Послания» в данном предложении допустили ошибку, поставив частицу «μη» («не») перед словом «старательно».

ослушай, чадо, и о другой прелести. Бывают еще иные монахи, которые трудятся над всеми этими добродетелями и уповают на свои труды. И когда они молятся и просят чего-нибудь у Бога, то просят не со смирением, но дерзко и требовательно, как будто обязали Бога своими трудами и Он у них в долгу. А когда остаются неслышанными и Господь не исполняет их волю, они приходят в смятение и очень печалются. А враг бес, когда увидит их в этом неведении, нападает на них и внушает развращающие помыслы, говоря: «Видишь? Ты так понуждаешь себя даже до смерти потрудиться Ему, а Он тебя не слышит! Так что же ты Ему работаешь?» И понуждает его, чтобы тот похулил Имя Божие, а бес потом вошел бы в него, овладел им и его посадили бы на цепь.

А если сделать этого ему не удастся, то бес подступает с другой стороны. Принимает вид ангела света и говорит ему, что он — архангел Гавриил или другой ангел и что его послал Бог быть близ [монаха], ибо он благоугодил Богу своими трудами. Или еще принимает образ Господа нашего Иисуса Христа, другой же [бес] в образе ангела идет впереди и говорит [подвижнику]: «Так как ты угодил Богу своими потами, то вот пришел Господь тебя посетить. Выйди-ка поклонись Ему, чтобы получить благодать». Или же говорит ему, что пришел забрать его, как пророка Илию, на Небеса.

Короче говоря, такими уловками он прельстил многих и в прежние времена, и теперь. И иных сбросил на скалы, иных в колодцы, иных разными способами зарезал и совершенно погубил. И это бывает потому, что с самого начала у них не было рассуждения и пребывали они в своей воле, не творя послушания.

Ты же, чадо мое, возлюбленное о Господе, поскольку творишь послушание и во всём чисто исповедуешься, то не бойся. Так как у тебя есть Старец и он тебя ведет, и днем и ночью о тебе молится, то Бог не даст тебе прельститься. Если же и привидится тебе какое-нибудь видение, вроде ангела, ты не бойся, но с отвагой ему скажи, будь он в образе Господа, или святого, или ангела: «У меня есть Старец, и он меня ведет. Не хочу наставлений ангельских! Я хочу увидеть моего Господа, ангелов и святых в иной жизни. Здесь не хочу». И обрати свое лицо в другую сторону, не смотри на него. И он, не выдержав твоей отваги, исчезнет. Если даже видение будет истинным, то и тогда Господь не станет гневаться, но страх сразу преобразится в радость, и будет так, как хочет Господь.

У нас, однако, никогда не должно быть пред Богом таких просьб и пожеланий, то есть [просьб о том,] чтобы увидеть ангелов или святых, ибо это прелесть. Мы должны просить — как много раз уже было нами написано — милости оставления наших грехов и должны заботиться о чистоте души, а то, что от Бога, приходит само по себе, без нашей просьбы.

И если мы созерцанием взойдем на Небеса, ничего нашего в том нет. И если вскоре изменимся без нашей воли, и к нам придет некая великая печаль и невыносимое огорчение, как будто бы мы в аду, и нам кажется, что это уже не закончится, но будет сокрушать нас до смерти, то и тогда мы должны оставаться невозмутимыми. И как было тогда, когда мы поднялись на Небеса и были радостны, так и когда случится перемена и придет печаль, ты должен проявлять терпение, не приходя в

смятение и не ропща. В таком случае мирно говори этим помыслам, что у Отца есть два места и жилища: одно на Небесах — место радости и наслаждения, и одно внизу, в аду — место скорбей. И когда Он хочет — поднимает меня в вышнюю радость, когда хочет — опускает меня вниз, чтобы я знал, что, пока ношу это глиняное тело, неизбежно приходят изменения. Итак, мне [более] нечего сказать. Лишь одно [скажу]: да будет воля Господа моего во всех, во всём и всегда. Даже если и навсегда Он оставит меня внизу, я говорю: «Сладчайший мой Спасе и Боже! Я ничего доброго и благоугодного пред Тобой не сотворил, но, как прилежный делатель греха, я — достойный сын ада. Так что если я и буду предан вечной муке, то это мне полагается по справедливости. Лишь бы только Ты не был опечален мною, но глядел на меня с радостным лицом. Тогда для меня и ад станет светлым раем!»

И когда это говоришь, печаль уходит и снова бывает радость. Но ты, однако, говори это не с тем, чтобы пришла радость, а говори это от сердца. И пока мы пребываем в этой жизни, никогда не полагайся на себя, даже если поднимаешься до седьмого неба или увидишь всю природу таинств. Поскольку ты носишь тело, опасность остается, и нам нужна осторожность. Только когда ты оставишь это тело мертвым, тогда радуйся, что уже не изменишься и что всё, дарованное тебе Господом, — твое собственное, и никто этого у тебя [уже] не отнимет. Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

так, чадо, узнай и о двоякой войне бесов. Необходимо сказать, что бес воюет с подвижниками искусно. И когда он видит, что монах, подвизаясь, бежит с великой стремительностью и пылом и что у него нет наставника, тогда злой бес, тайно следуя за ним, нападает на него. И, скрывая свои ловушки, толкает его вперед. А подвижник, не подозревая, что враг рядом с ним, бежит безрассудно, постясь, совершая бдение и молясь. А бес полностью отсекает у него аппетит. И тот уже не желает ничего, даже будь перед ним самые лучшие кушанья.

Также бес позволяет ему свободно совершать бдение, так что монах начинает думать, что уже достиг бесстрастия и может жить и без пищи. И когда бес увидит, что он дошел до предела, тогда оставляет подвижника, и тот падает. Ибо, не имея высоко поднимающих крыльев созерцания, [необходимых,] чтобы возвыситься и, [как прежде,] владеть своим телом¹⁷, он ползает понизу, как змея. Ведь тогда, когда он думает, что перешел с земли на Небеса, он, не заметив того, внезапно оказывается без оружия в открытом море. Ибо тело, которое должно крепко держать оружие и воевать, из-за чрезвычайного голода истощилось и изнемогло. И вот тогда

¹⁷ Очевидно, в состоянии расслабления, возникшего у подвижника после его безрассудных подвигов, когда его оставил бес, помогавший ему эти подвиги совершать.

кровожадный дракон, радуясь и веселясь, стремительно нападает на этого несчастного монаха, таща за собой и тысячи других лукавых духов. И они совершенно топят его, если он сразу не разыщет опытного наставника-практика. И в таких обстоятельствах он ввергнул многих подвижников в различные греховные постыдные страсти. Ведь эту, [блудную,] страсть бесы разжигают более других страстей, когда тело истощится и изнеможет.

Если же этот подвижник имеет острый ум и подвизается рассудительно, наблюдая, как бы не упасть вперед¹⁸, то бес его оставляет. А когда бес увидит, что его пыл и большая ревность угасают, и устремленность понемногу уменьшается, и подвижник начинает нерадеть, тогда бес снова появляется и тянет его назад, чтобы ввергнуть в безразличие, и тот оставил бы все [подвиги] и снова стал рабом бесов.

Потому-то эта борьба — двойная. И монах должен или иметь наставника, подвизающегося в таком же делании и творить совершенное послушание, совершенно отсекая свою волю, или, если он один, остерегаться крайностей и идти по среднему пути. Не должен уклоняться ни вправо ни влево. И пусть хорошо знает, что только когда он получит высоко поднимающие крылья созерцания, тогда по мере этой Божественной благодати и тело [его] будет переносить немощи. Тогда тело, будучи тленным, хотя и подвергается частым изменениям, немоществует и изнемогает, однако ум, имея другие, небесные и вышеестественные крылья, летает высоко, и его не заботит тяжесть тела, но он поднимает его, сколь бы немощным оно ни было. Поэтому и многие святые, имеющие эту благодать, прожили много лет без хлеба и [другой] еды и довольствовались только Святым Причастием Пречистого Тела и Крови Господа.

¹⁸ Т. е. не упасть вследствие безрассудного избыточного подвига.

Однако, поскольку святые отцы не учат нас не есть совсем, поэтому если и эту благодать мы получим и узнаем, что можем жить и без пищи на самом деле, а не в мечтах, то и тогда мы должны есть и сыр, и яйца, и молоко, и рыбу, если это у нас окажется. [Мы должны вкушать] понемногу всё из того, что нам разрешает устав монашеского звания, — для двух целей. Во-первых, чтобы мы сокрушали корень самомнения и гордости, попирая всякое мудрование, возносящееся против Бога, а во-вторых, чтобы мы выглядели как все, чтобы никто не знал нашего делания пред Богом и чтобы [таким образом] мы избежали человеческой славы и похвал. А еще для того, чтобы мы не думали, что эта малая еда, со знанием и рассуждением употребляемая, лишает нас Божией благодати; не думали, что благодаря посту мы имели бы бóльшую благодать. Нет. Ведь Бог не смотрит на количество наших подвигов, а испытывает цель и рассуждение, с которыми мы их совершаем, и соответственно изливает Свое благо, великую и богатую милость. Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь!

так, послушай, чадо, и о трех состояниях естества, через которые восходит и нисходит человек. Следует сказать, что естественное состояние человека, после того как мы преступили заповедь Божию и отпали от рая, — это [соблюдение] божественного закона, который был нам письменно дан после того изгнания. И всякий человек должен, если желает своего спасения, понуждать себя и воевать со страстями, нанося удары и сопротивляясь, нападая и защищаясь, побеждая и терпя поражения. И вообще, должен бороться, чтобы стоять в [пределах] божественных законов естества.

И когда мы не преступаем божественный закон, данный нам в Святом Писании, и если мы не блудники, убийцы, воры, обидчики, лжецы, гордецы, клеветники, тщеславные, чревоугодники, многостяжатели, сребролюбцы, завистники, оскорбители, хулители, гневливые, укорители, лицемеры и тому подобное, — тогда мы пребываем в естественном состоянии после случившегося в раю преступления.

А противоестественное состояние — у того, кто преступил божественный закон и, как скот, уподобился бессловесным, у которых нет закона. И о нем говорит пророк:

«Человек, в чести сый, не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им»¹⁹. Так вот, если тот, кто живет, преступая божественный закон и валяясь в различных грехах, то такой пребывает в противоестественном состоянии.

А вышеестественное состояние — это бесстрастие, которое было у Адама, прежде чем он преступил заповедь Божию и отпал от этой Божественной благодати и незлобия.

Вот, чадо, таковы три состояния, через которые мы, если преуспеваем, то восходим от противоестественного к вышеестественному. А если живем в бесчувствии, не радея о нашем спасении, тогда мы пасем свиней и пытаемся насытиться рожками, как блудный сын.

А три вида Божественной благодати, которую может получить человеческое естество, когда у человека доброе намерение и он понуждает себя, таковы: благодать очищающая, просвещающая и приводящая к совершенству.

И когда человек сначала кается в своих прежних грехах, старается следовать божественному закону и подымлет великие подвиги и суровые труды, избавляясь от привычки к страстям, тогда Божественная благодать тайно дает ему утешение и радость, плач, наслаждение и сладость от чтения Божиих словес и силу и отвагу для духовного подвига. И эта благодать называется очищающей. Она тайно помогает кающемуся подвижнику очиститься от грехов и устоять в естественном состоянии.

И вот, если он устоит там, в естественном состоянии, и не прекратит подвигов, не повернется вспять, не вознерадеет, не падет со своего места, а понуждает себя терпеливо творить благие плоды, с долготерпением перенося непрерывные изменения [собственного] естества, ожидая милости Божией,

¹⁹ Пс. 48, 13.

тогда его ум принимает Божественное просвещение и весь становится Божественным Светом. И в нем подвижник умно видит истину и различает, как он должен идти, пока не достигнет любви, которая есть сладчайший Иисус.

Однако и здесь, чадо, необходимо большое внимание. Слыша слово «свет», не думай, что это огонь, или свет светильника, или свет молнии, или еще что-нибудь яркое. Прочь от такой нелепости! Ибо многие, не понявшие этого, приняли [за благодать] разные молнии и, прельстившись, зло погибли. Ведь умный свет Божественной благодати — невещественный, безвидный и бесцветный, радостный и мирный. Это и есть благодать, называемая просвещающей, которая просвещает ум и указывает безопасные пути духовного путешествия, дабы путник не заблудился и не упал.

Однако, поскольку тело неразрывно связано с изменениями, а жизнь бывает долгой, то и благодать не пребывает [с человеком] постоянно, но уходит и приходит. И после света наступает тьма, а после тьмы — снова свет.

Послушай же внимательно, чтобы понять. Наше естественное состояние в сравнении с Божественной благодатью есть тьма. Тем более — когда к нам приближаются мрачные бесы, которые есть тьма по [своей] природе. Когда же приходит свет благодати, всё это исчезает, подобно тому, как исчезает тьма, когда восходит солнце, и [тогда] мы ясно видим даже малейшие опасности, которые до восхода солнца были сокрыты от нас. Но снова, когда солнце зайдет, нас опять естественным образом объемлет тьма. И у того, кто ходит во тьме, бывают большие беды и болезненные злоключения.

Подобное случается с нами и в духовном путешествии. Когда у нас есть Божественный свет, мы всё видим ясно и бесы убегают далеко, не в силах устоять перед Божественной благодатью. А когда уходит Божественная благодать —

остается тьма, наше естественное состояние. И тогда снова приходят разбойники-бесы и с нами воюют. Так вот, из-за того что наше естество подвержено столь многим изменениям и в час тьмы мы совершаем много дел, разобраться в которых без света Божественной благодати невозможно, и тем причиняем себе вред, и часто получаем смертельные раны от врагов, ибо во тьме мы их не видим, потому что они скрываются, — из-за всего этого мы никогда не должны полагаться на свои силы и считать, что всё нами делаемое угодно Богу. И не должны надеяться на наше оружие и умение. Но, призывая Божию помощь, мы должны надеяться на нее и только на нее и с великим страхом говорить как незнающие: «Угодно ли Богу то, что я говорю, или, может быть, я Его огорчаю?» И в час изменений мы должны терпеть.

Итак, если мы пребудем в этом состоянии и не случится с нами какого-нибудь зла от постоянных браней и смятения страстей, тогда нам дается дар от Бога — благодать, приводящая к совершенству. Она делает нас совершенными и называется и является вышеестественной, ибо шествует выше естества. И в двух других прежних состояниях человек благими помыслами и духовными воспоминаниями понуждает себя держаться добродетелей: любви, смирения, воздержания и прочих. И вообще, благочестивыми и противоборствующими помыслами он дает отпор злым проявлениям страстей и держится добродетелей.

Когда же придет вышеестественная благодать, приводящая к совершенству, тогда все страсти исчезают. И человек держится всех добродетелей как свойственных его естеству, без [всяких] собственных ухищрений и приемов. Ибо дано ему то божественное бесстрастное состояние, которое было до преступления. Ведь страсти вошли в человеческое естество после преслушания, совершенного Адамом. А естественное состояние, которое имел человек, когда был создан Богом,

было бесстрастным. Поэтому и ум, когда освобождается от страстей, шествует, благодаря божественному ведению, как царь, выше естества.

Так вот, когда и ты, чадо, видишь, что без [твоих] ухищрений и духовных забот о помыслах все добродетели пребывают как естественные и не претерпевают никаких изменений, тогда знай, что ты — выше естества. Когда, опять же, ты держишься добродетелей с помощью благих помыслов и при этом добродетели претерпевают [те или иные] изменения, тогда знай, что ты — в естественном состоянии. А когда ты совершаешь грехи, знай, что ты — в противоестественном состоянии и пасешь свиней [чужих] граждан, согласно сказанному в Святом Евангелии²⁰. И [тогда] поспеши освободиться. А то, что сверх сего, ведаёт Премудрый и Всеблагый Бог и тот, кто пребывает в Боге, Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

²⁰ См.: Лк. 15, 11–32.

оскольку уже много написано нами на разные темы, чадо мое, то я, побуждаемый твоей горячей верой и благоговением, посчитал, что хорошо бы написать тебе немного и о любви из того, что я узнал от прежних преподобных отцов и чтения Писаний. Но когда я представляю высоту этой вышеестественной благодати, меня одолевает страх, смогу ли я справиться с этим словом. И всё же, согреваемый надеждой на ваши святые молитвы, я это слово начинаю. Ибо, чадо мое, как же мне собственными силами написать о столь великом даровании, которое превосходит меру моей силы? И каким языком следует мне рассказать о таковом пренебесном наслаждении и пище святых ангелов, пророков, апостолов, праведников, мучеников, преподобных и всего сонма записанных на Небесах?

Истинно говорю, чадо мое, даже если бы я владел всеми языками потомков Адама и полагался на их помощь, то и тогда мне кажется невозможным, чтобы я смог достойно восхвалить любовь. И что я говорю «достойно»? Ведь смертный язык ничего, ни единого слова не может сказать о любви, если Сам Бог, Самоистина и Любовь, не даст нам силу слова, и мудрость, и ведение, и если Сам Бог и сладкий наш Иисус Христос не будет Сам Себя призывать и восхвалять посредством языка человеческого. Ведь Любовь есть не что иное, как Сам Спаситель, сладчайший Иисус, и Отец вкупе со Духом Божественным.

И все другие божественные дарования человеколюбивого Бога — я говорю о смиренномудрии, кротости, воздержании и прочем — приносят [нам с собой] божественное чувство, когда они у нас приводятся в действие Божественной благодатью. Вообще, без действия Божественной благодати они суть просто добродетели. И мы их храним ради заповеди Господней для исцеления от наших страстей. И до того как получим благодать, мы постоянно изменяемся, [склоняясь то к одному, то к другому:] то к смирению или возношению, то к любви или ненависти, то к воздержанию или многоядению, то к кротости или гневу, то к долготерпению или ярости и так далее.

Однако, когда мы движимы Божественной благодатью, тогда эти постоянные изменения души прекращаются. Тело [при этом продолжает] испытывать простые и естественные изменения, то есть холод, жару, тяжесть, труд, боль, голод, жажду, болезни и прочее. Но душа, питаемая действием Божественной благодати, пребывает [тогда] неизменной в том, что касается естественных божественных дарований, которые ей были даны.

Эту неизменность, о которой я говорю, ты должен понимать так: когда в нас находится благодать, душа не переменяет в том, что касается божественных дарований, данных ей от Бога. Но это не значит, что изменений не бывает, когда благодать отходит. Благодаря стойкому благоразумию души, трудноизменяемым человек стать может, но [вовсе] неизменяемым он не делается.

Ведь мы и в другом месте этого послания написали, что, до тех пор пока мы носим эту глиняную оболочку, пусть никто не думает, что без пришествия Божественной благодати может существовать такое высокое состояние, которое не подвержено изменениям и которому ничего не угрожает. Но когда Божественная благодать приходит, тогда человек

и наслаждается чувством каждого божественного дарования, и ясно понимает, [чем он обладает].

Однако, когда человек достигнет чувства Божественной Любви, которая есть Сам Бог, согласно сказавшему, что *Бог есть Любовь и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*²¹, тогда он понимает, насколько смертный язык, не имеющий Божественной энергии, не способен вообще говорить о Боге и о Его святых дарованиях. Ведь и сегодня многие добродетельные и благочестиво живущие, делом и словом благоугождающие Богу и приносящие пользу ближнему, полагают, да и другие так о них думают, что они достигли любви, благодаря малому делу милости и сострадания, которое они оказывают ближнему.

Однако истина не такова. Ведь они исполняют заповедь любви, согласно Господу, сказавшему: «*Да любите друг друга*»²². И хранящий эту заповедь достоин похвал как исполнитель божественных заповедей. Но сие отнюдь не значит, что это и есть действие Божественной Любви. Это путь к источнику, однако не сам источник. Это ступени ко дворцу, однако не сама дверь дворца. Это царское одеяние, но не Сам Царь. Это заповедь Божия, но не Сам Бог.

Так вот, желающему говорить о Любви следует в полноте чувства вкусить таинство Любви и [только] затем, если позволит Источник Любви, сладчайший Иисус, передать [другим] плод из [числа] тех, что получены, и [тем] принести несомненную пользу ближнему. Ибо велика для нас опасность говорить то, что ошибочно, и рассуждать о том, чего не ведаем, и мнить о себе, что знаем то, чего [на самом деле] не знаем.

Так вот, знай точно, дорогое мое чадо, что иное есть заповедь любви, исполняемая делами ради взаимного братолюбия,

²¹ 1 Иоан. 4, 16.

²² Иоан. 13, 34.

и иное — действие Божественной Любви. И первое все люди могут исполнить, если захотят и понудят себя. Второе же — нет, поскольку оно не зависит ни от наших дел, ни от нашего желания: [то есть не зависит от того,] захотим ли мы [этого,] когда захотим и как мы захотим. Но зависит это от Источника Любви, нашего сладчайшего Иисуса, Который дает нам это, если Сам хочет, как хочет и когда хочет.

И если мы ходим в простоте, и храним заповеди, и со слезами, терпеливо и неотступно, усердно молимся, и хорошо, как Моисей, стережем Иофоровых овец²³, то есть благие и духовные движения ума и помышления, в зное дня и холоде ночи непрестанных браней и искушений, и чрез понуждение себя и смирение приходим в сокрушение, тогда мы удостоимся боговидения и увидим Купину, божественным огнем Любви в наших сердцах горящую и неопалемую²⁴. И, приблизившись к ней умной молитвой, мы услышим Божественный глас, говорящий в таинстве духовного ведения: «*Изуй сапоги [от] ног твоих*»²⁵. То есть сними с себя всякое своеволие и попечение этого века и всякое ребяческое мудрование и подчинись Святому Духу и Его Божественной воле, ибо место, на котором ты стоишь, — свято²⁶.

И когда [человек] все это с себя снимет, тогда он принимает на себя предстательство за народ, и несет казни фараону, то есть обретает рассуждение и распоряжение божественными дарованиями, и [одерживает] победу над бесами. А затем получает божественные законы. И не на каменных скрижалях, как Моисей, которые ветшают и разбиваются, но божественно начертанные Святым Духом в наших сердцах.

²³ См.: Исх. 3, 1.

²⁴ См.: Исх. 3, 2.

²⁵ Исх. 3, 5.

²⁶ Ср.: Там же.

И не только десять заповедей, но сколько способны вместить наш ум, ведение и естество. И затем входит [человек] во *внутреннейшее завесы*²⁷.

А когда [его] осеняет божественное облако в огненном столпе любви, тогда и он становится весь огнем. Когда же он не может выдержать более, тогда Божественное действие Любви вызывает к Источнику Любви и говорит посредством человеческих уст: «Кто может отлучить меня от сладкой Твоей Любви, Иисусе?»²⁸ И когда сильнее повеет дуновение — в теле или без тела²⁹, Бог знает, внутри каливы или вне ее, на воздухе, Бог знает, это знает лишь тот, кто видел [это сам,] — тогда [человек], весь став огнем от огня и изливая слезы любви, с удивлением и изумлением вызывает: «Останови, сладкая Любовь, воды Твоей благодати, ибо связи членов моих расторгаются!»

И когда он это говорит, веет ветер Духа с Его чудесным и неизреченным благоуханием, и тогда замирают чувства, и невозможно никакое телесное движение. И весь плененный, связанный молчанием, он лишь удивляется богатству славы Божией, пока не уйдет Божественный мрак.

И стоит, как безумный, вне себя, словно пьяный,
И сказать ничего он не может другого.

Но тогда ни язык говорить не позволит,
Ниже ум или сердце душе и волею,

Ибо властвует сладость Любви в это время,
Иисус, мой Спаситель и пресладостный Эрос,

²⁷ Ср.: *Входит во внутреннейшее за завесу* (Евр. 6, 19).

²⁸ Ср.: Рим. 8, 35.

²⁹ Ср.: 2 Кор. 12, 3.

И Отец, мой Создатель, со Святым Своим Духом,
Троице Пресвятая во единице, Боже!

О души моей жизнь, наслаждение сердца!
Просвещение ума и Любви совершенство!

О источник Любви, о Надежда и Вера,
Научи, как навеки Тебя обрести мне?

Ей, Любовь, Иисусе, мой Спаситель пресладкий,
Только это скажи мне, и иного не надо.

Чтоб всегда быть с Тобой, чтоб к стопам Твоим падать,
Сладостно лобызать Твои раны и гвозди,

Постоянно рыдать с сокрушением сердечным,
Орошать Твои ноги, как когда-то Мария,

Пусть меня разлучить не возмогут с Тобою
Силы, власти, начала врага Велиара,

Или мир весь и всё, что в нем только найдется,
Наслажденья и роскошь сего краткого века.

Но оттуда, где ноги Твои орошаю слезами,
Ты возьми мою душу, помести, куда хочешь,

Чтоб Тебя, мой Спаситель, мой Бог и Создатель,
Видел вечно я, славил, Тебе поклонялся,

Вместе с праведных сонмом, преподобных, пророков,
И святых страстотерпцев, и жен достославных,

И всех ангелов войском, сил небесных священных,
Серафимов, властей, херувимов, престолов,

Вместе с Матерью сладкой, Всесвятой Приснодевой,
Богородицей нашей, Госпожой всех Марией.
Аминь.

Итак, блажен, чадо мое, час, в который предстоит нам,
если удостоимся, чистой предать нашу душу Господу и сора-
доваться со всеми, о ком мы сказали, там, где во всех и над все-
ми царствует Иисус Христос, сладчайший Спаситель, Отец
и Бог, Дух Возлюбленный, Святой, Благой, Мирный, Живо-
начальный, Животворящий, Троица Святая Нераздельная,
ныне и присно и в бесконечные веки нескончаемых веков.
Аминь.

чадо, непрестанно возвращайся умом и сердцем ко всему тому, что я тебе написал. И точно знай, что начало чистого Божиего пути и пришествие всех благ — это познание человеком [собственной] своей немощи.

И чтобы это познать, он должен пройти через большие, превосходящие его силы, искушения. А не пройдя через такие превышающие естество искушения, невозможно ему познать немощь естества. Когда же он это познает, тогда будет знать всё и всё само придет в его руки. А тогда близко и истинное смирение. С ним приходит и терпение. Он постигает и ведение таинств. И рассуждение становится для него покровом. И от Любви он получает плоды Духа: радость, мир, долготерпение, веру, кротость, воздержание.

Вопрос: Из чего же проистекают все эти блага?

Ответ: Все они проистекают вот из чего: человек должен увидеть очищенным взором не призраки и мечтания, а всю голую и чистую, по благодати, правду, что человек — это ничто.

Вопрос: А что же такое это «ничто»?

Ответ: Ничто — это то, что было до того, как Бог сотворил небо, землю и всё творение, то есть когда не было ничего. А когда Он сотворил небо и землю, тогда назвал ее, производшую из небытия, землей. И вот, когда Бог взял из нее глину

и создал человека, тот был глиняным, без души. Когда же Он вдунул в него [Свое дыхание] и тот получил посредством дуновения дух жизни, разумную душу, Бог назвал его человеком, по образу Своему и подобию.

И то, что «по образу», — это тот дух, который Бог дал ему посредством дуновения, разумная душа. А то, что «по подобию», — это прекрасные и благие добродетели: любовь, благость, милость и прочие, как мы написали выше. И тот, кто имеет эти естественные и благие добродетели, имеет то, что «по подобию». А тот, у кого их нет, — того, что «по подобию», не имеет. И это о нем говорит пророк: *«в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им»*³⁰.

Вопрос: Но какова же полнота всех благ и совершенство во всём, дабы [на этом] заключить речь?

Ответ: Полнота всех благ и исполнение всего есть Бог: благой, милостивый, милосердный, Которым всё произошло из небытия, и без Него ничтоже бысть³¹. Итак, Ему подобает всякая слава, любовь, честь, служение и поклонение со возлюбленным Его Сыном и сладчайшим Спасителем нашим Иисусом Христом и Пресвятым и Благим и Животворящим Его Духом ныне и присно и в бесконечные веки нескончаемых веков. Аминь.

³⁰ Пс. 48, 13.

³¹ Ин. 1, 3.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Не перестал еще седой Афон высокостройный
Питать у ног своих цветы, растения, деревья.
Ведь по распятии Христа — Спасителя и Бога
Он дан был Матери Его как дар святой навеки.

Когда к Афону приплыла с апостолами Матерь,
Она прошение к Богу всех такое обратила:
О Чадо вожденное, о Сыне Мой и Боже,
Мне это место в дар отдай, там сотворю Я сад Свой.

От края и до края Я Сама его наполню,
Разумными цветами и деревьями украшу,
Приносят пусть они плоды разумные, чтоб каждый
Вкушал от них, и что кому любезней средь деревьев,
С терпеньем поискав, обрел, без всякого сомненья.

И как прожить — пускай никто забот не прилагает,
Чтоб, с попеченьями сплетясь, не позабыть про душу —
Ведь есть Свидетель истинный, Создатель наш и Бог наш,
Что пресмыкающихся всех и птиц питает равно.

Неужто Он создание Свое, в ком образ Божий,
Лишит заступничества и оставит без покрова?
А если требуешь еще свидетельства другого,
Послушай Богородицу Марию Всецарицу:

Кто, имя возлюбив Мое, решится здесь остаться
И будет исполнять свой долг — Мою творить волю,
О том Сама заботиться Я буду, напитаю
Его и тотчас защищу в болезни каждой, в скорби.

* Названия стихотворений, отмеченные звездочкой, даны издателями.

Заступницей достойною, великой, милосердной
Явлюсь ему на Небесах — и кто иной Мне равен?!
Ведь родила, носила Я, питала Иисуса —
Владыку, Бога Моего, Спасителя всем людям,

Ему же в страхе предстоят престолы, власти, с ними —
И серафимов множество, и ангельские сонмы,
Пророков, мучеников лик, апостолов и прочих,
А также Я, Царица всей земли и поднебесных.

Итак, коль хочешь — то услышь, и понеси все скорби,
И Сына Моего ты Крест не оставляй вовеки,
Тогда на Небесах вкушать ты будешь радость вечно,
Моим ходатайством и всех святых молитвой крепкой.
Аминь.

Вот час пришел, исполнилось моё желание,
Души моей сокровище исчерпано всецело;
Пером чернильным написал я книгу,
Любовь являя к ближнему тем самым,

Боясь предстать на суд, как раб негодный,
Что скрыл талант и как злодей суду был предан.
Итак, принять мой дар я горячо прошу вас,
Монахи и миряне-христолюбцы.

С любовью изучайте, разумейте дух,
И верю, что воистину вы пользу обретете.
Коль пожелаете, и вы ступайте по сему пути,
Чтоб унаследовать богатство Иисуса.

Ведь быстро и легко ты сможешь
Христа найти — Сей Многоценный Жемчуг.
Он призывает всех, на лица не взирает,
Разумно раздаяние творит и никого не презирает.

Награда — за намеренье, не за дела с трудами,
Хоть ты расслаблен, Он тебя не укоряет.
Всё, что даровано тебе, желает Он удвоить,
Чтоб стал ты счастлив и Его прославил.

Нет недостатка у Него, Ему не нужен труд твой —
Нелепость прочь сию, ничуть в нее не веруй —
Но как Отец любвеобильный учит Он и наставляет,
Дабы наследником тебя соделать и приблизить.

Ты лишь не будь клеветником, ропотником и нерадивым,
Тщеславным, непослушным, неуживчивым, сварливым,
Обжорою, унылым, болтуном и сластолюбцем,
Самолюбивым, гордецом, славолубивым, хитрым;

Любостязателем, наветником, завистником, скупым,
Лжецом, любителем серебра, жестоким, беспощадным.
Тогда не виноват Христос, но зло, сокрытое в тебе, виновно,
Твое порочное произволение с малoverьем.

Всё это не дает тебе владеть Христа богатством,
И в неключимого раба в итоге превращает,
И Божию любовь в тебе к тому же остужает,
И совершенным нарушителем закона показывает,

Всё одеянье Божие своей марает скверной,
И в вечный огонь тебя, связавши, посылает.
Но мы с Тобою, о Христе, ввек да не разлучимся,
Любви Твоей да никогда лишенья не познаем.

Но как идти — Ты просвети нас, Боже,
И как от благодати Твоей нам получить прощенье,
Во веки вечные чтоб пребывать с Тобою
И славить, Боже всяческих, Тебя, не преставая,

Того, Кто в мир сошел и даровал нам благо,
И человеком стал, чтобы спасти нас.
О Твоя благодать! О Твое благоутробье!
О дар богатый человеколюбья!

Отдал Ты предпочтенье оскверненной тленной глине,
Взял мерзостное вещество, исполненное поруганья,
Соединился с ним, лишь грех его отринув.
Ты плакал, опекаем был, держали Тебя руки,

Ты грудь сосал, питался, как младенец,
Тебя баюкали, будили, Ты же рос, как дети,
Участь, как все, сидеть, участь хождению,
Участь слова произносить и лепетать.

Учился Ты, как пищу принимать,
Как воду брать, чтоб жажду утолять,
Как близких узнавать, к чужим не приближаться,
Как Матушку любить Свою, к груди Ее прильнувши.

О снисхождение Твое! О состраданье!
О величайшее терпенье, о великодушие!
Кто сотворил небесных сил природу
И миром всем единым взором управляет,

Тот в человеческое естество сегодня облачился,
И воспитание приемлет от тех, кто Им же создан.
Одежду носишь, обувь надеваешь
И, у родителей трудясь, Ты хлеб свой добываешь,

Ты в холод мерзнешь, а в жару — потеешь,
В трудах Ты устаешь и скорби переносишь.
О благодать! О Любовь Твоя! Всё это
Ты выстрадать нас ради согласился.

И вот пришла пора, когда Ты вырос
И нам явил Свой Божественные силы.
В двенадцать лет остался Ты во Храме
И там сидящим разъяснял Писанья.

Когда на свадьбу пригласили Тебя в Кане,
Благословил Ты воду и вином соделал,
А в час, когда вошел Ты в воды Иордана,
Свидетельствовал о Тебе Дух Отчий с Неба,

Что Он Тебя послал и что должны Тебя мы слушать,
Тебе уподобляться, коль спасения желаем.
И там крестившись, Ты омыл природу,
Всё вещество поруганное, мерзостную глину.

Затем Ты, взяв учеников, во все концы послал их,
Да учат они вере и мир весь просвещают.
О ведение Божие! Божественная Мудрость!
Каким Ты образом нас от грехов избавил?

Желая, чтобы все мы от греха освободились
И Царства Божия наследниками стали,
Уверовали, что Ты Сын и Слово Бога,
Ты знаменья и чудеса соделал перед всеми.

Расслабленных стягул и исцелил увечных,
Слепым дал очи, кровь остановил кровоточивым,
Немым дал говорить и накормил голодных,
И мёртвых воскресил в одно мгновенье гласом.

Но в зависть впал народ еврейский, видя это,
Желаньем жизнь отнять от мира возгорелся.
Увы, дыхание мое, сладчайший Иисусе!
Увы, заря очей моих, пресладкая отрада!

Как претерпел Ты это всё, желая нас избавить
И всех от прелести врага освободить навеки?
«Его возьмите!» — все кричат, вопят: «Его распните!»,
За то, что чудеса творил Он в день, когда не должно.

О люди злейшие, о жалкие евреи!
Не выручаете ли вы ослов своих из ямы?
Иль вы не понимаете, что Бог, Творец небесных,
Есть Господин, конечно, и субботы?

И как исчислю я Христа моего Страсти,
Ведь описать нельзя все козни против Иисуса.
Вот, согласившись все, хватают Его, вяжут,
Бичуют, бьют и ко Кресту ведут.

Двенадцать Он имел учеников: один — предатель,
Другой отказывается трижды от Него, отрекшись,
А прочие — в руках врагов Его бросают,
Когда их страх сковал, да не случится с ними то же.

Увы, мое дыханье сладкое! Увы, моей души свет!
Увы, цвет жизни моя, единая отрада!
Как выстрадал Ты это всё нас ради, человеков,
Преступников злонаправных, непослушных и мятежных?

И что мне написать еще и что еще сказать мне,
Когда я вижу, как Христа на древе распинают?
Один Его за ноги тянет, другой их пригвождает,
Еще один бьет по рукам Его, другой же оскорбляет.

«А если, — говорят, — Ты Божий Сын, то пощади Себя».
Воды Он попросил, испытывая жажду, они ж в ответ, увы,
Лишь горький уксус поднесли к Его устам —
пусть пьет, мол!

Увы жестокосердью вашему, злонаправные евреи,
И вашему бесчеловечию, несчастнейшие иудеи!
Не сострадали вы Ему хотя бы как простому человеку,
Но до последнего Его дыхания мученью предавали.

Когда же наконец пророчества все совершились,
Он призывает смерть и дух Свой испускает.
Тогда расселись камни, творение всё задрожало,
Гробы открылись, мертвецы воскресли.

Померкло солнце, и луна с ним вкупе,
И в тот же час объял всех страх великий.
А Он, сойдя во ад, прочь изгоняет бесов
И всех поверивших в Него от уз освобождает.

И, возвратившись, тело взял из гроба,
Прекрасное, нетленное¹, сокровище бесценное,
Вседоброе, всесветлое, всецело измененное,
Богосветлое, богомудрое, всецело обоженное.

На третий день воскреснув, апостолов Он учит,
Чтоб миру проповедали, чтоб слово не смолкало.
А Сам на Небо Он восходит с телом
Через сорок дней, которые пробыл здесь.

К Отцу приносит Он природу человека,
Дар многоценнейший, создание рук Его,
Отец же с радостью, с безмерною любовью,
Со снисхождением, милосердьем крайним

Ее сажает одесную вместе с Сыном,
Да равно прославляется природа человека.
И ангелы сему дивятся, Небеса чудятся,
Преславное, великое увидев это чудо,

Хваля и прославляя всех Творца и Бога,
А вместе прославляя и природу человека.
И, поклониться приходя Создателю вселенной,
Сопоклоняются и телу человека.

¹ Букв. «не подвергнувшееся ислению» (ἀδιάφθорον). Святые Отцы отличают тление (φθорά) от исления (διαφθорά). Ср. в Каноне Великой Субботы (песнь 5, тропарь 2): «Смертию — смертное, погребением — тленное прелагаеши: нетленно твориши бо, боголепно безсмертно творя прятие, плоть бо Твоя исления не виде, Владыко, ниже душа Твоя во аде страннолепно оставлена бысть».

И прославляют, ужасаясь, и предстоят со страхом
Пред Богом невещественным, соединённым с человеком.
О многая Твоя любовь! О слава беспредельная!
Как удостоил Ты таких блаженств земную глину!

Я Иисуса моего Христа благодарю и славлю,
За то, что Весть Благая мне водой живою стала.
И в исступлении ума я, ужасаясь, удивляюсь
Чести, которую Ты даровал всем нам, сладчайший Иисусе!

Поддай нам просвещение и веденье святое,
И в Град Святой Твой удостой войти нас
Молитвой Твоей Матери, Марии Богородицы,
И всех Твоих святых молениями святыми.

Да славим там Тебя, да покланяемся Тебе,
Да будем неразлучными с Тобою,
И да благодарим Тебя!
Аминь.

О пустыня моя сладкая, мати безмолвия,
Трудностей приятельница, скорбей сродница,
Воздержания наставница, и вкупе молчания,
Слез сестра и плача родственница,

Молитвы учительница, мира любительница,
Родительница кротости и незлобия,
К ревности пламенной и усилию нас пробуждающая,
Дабы в скорбях мы учились смирению совершенному,

Вождь ко Христу и страстей истребление,
Благодати сожитель и молитвы обретение,
Ума пища сладкая и вместе очищение,
Созерцания подательница и ведения сокровищница,

Просвещения сотоварищ, благодати сияние
И душевное чувство, очищающее сердце
Тех, кто Бога узрит здесь, как обещает
Иисус чистым, когда их ублажает.

И возгорается рачение сладкое к Отцу и Богу,
Подобно же и к Сыну, и ко Святому Духу.
Любовь многочудная и ума моего удивление,
Веяния сладкое дуновение, верный руководитель мой,

Носи, питай и научай, пока я не оставляю
Тельце мое скверное, пока к Тебе не взыву
И ненасытно созерцать буду Твой лик сладчайший,
О Иисусе, Спасе мой, с Отцом и Духом,

Неизреченные слова Твои, Иисусе мой, услышу,
Те, что не может человек, пока жив, слушать,
И насыщаться буду радостью непрестанной
И беспредельною любовью, не ведающей измененья.

И буду постоянно приносить благодарения песни,
Честь, и славу, и поклонение истинного богослужения,
Молитвами Пресвятой Богородицы нашей Марии,
Сладчайшей Твоей Матери, всех человеков спасения.
Аминь.

Мир этот суетен, и все мы это видим ясно.
Взывает к нам Екклесиаст: всё суета — глаголет —
И трижды суета сует, всё суета на свете.
Мы все об этом слышали, и многие читали,
Но враг обманывает нас, и нет в нас исправленья.

Он суетной материей глаза нам закрывает,
И потому не видим мы конец, что к нам так близок.
К тому же враг покрыл наш ум как бы туманом неким,
Чтоб мы не различали страсть, которая нас душит.

Поистине я изумлен, душевный брат, знакомый,
Далекий друг иль ближний мой, монах ли, христианин:
Я вижу, как с готовностью всемерно всецело
Ты утопаешь в веществе с безумством ненасытным.

Страдаешь, проливаешь пот, без сна — всё собираешь
Материю, не думая, что под конец случится,
Всё — суета, брат, ржавчина, одна лишь пыль и глина,
И обращаются в ничто труды твои, старанья.

Бранишься ты, тебя бранят, ты раздражен и гневен,
И с ближними ругаешься, как будто ты бессмертен.
Проснись хоть ненамного, брат, и посмотри на землю,
И веруй, что воистину когда-то все ей станут.

Себя ты разрушаешь лишь, калечишь свою душу,
И в час, когда придет смерть, ты горько восстенаешь,
А также страшный дашь ответ пред Господом и Богом,
Ведь виноват пред теми ты, с кем поругался прежде.

Виновен — что смущаются и негодуют, ропщут,
И душеньку свою во страсть столь горько погружают.

Какую ж пользу принесут тогда посты, молитвы,
Коленопреклонения и всенощные бдения,

И все иные деланья божественные, право,
Коль мать всех добродетелей, любовь, ты прочь отбросил?
Ведь ты, как сказано уже, кимвалом стал звучащим,
Любви хитона коль лишен, как нас Апостол учит.

Хотя раздали многие на милостыню много,
А кто-то всё своё раздал, взыскуя нестяжанья.
Но коль не позаботились извергнуть свои страсти
И не взыскали, как любви достигнуть им Христовой,

Забыли, что в сем мире всё лишь суета пустая,
И докатились до того, что за иголку спорят,
А что для добродетели когда-то прочь отвергли,
Теперь удвоили, собрав, из-за любви к стяжанью.

Увы твоей злохитрости, диаволе лукавый!
И вещелюбью твоему, безумный человеце!
Что копишь вещество, зачем в трудах его собираешь?
Уйдешь ты скоро, ничего не сможешь взять с собою.

Иные всё твое найдут, съедят, погубят, спрячут,
Тебя ж Превышний Судия с неверными осудит.
Так прекрати же управлять самим собою дурно,
И сам деяний всех своих стань наконец судьбою.

И прежде чем нагрянет смерть, ты сам содейлай благо
И не надейся, что тебе другой устроит это.
Сам только милуй, и служи, и совершай молитвы,
И не обманывай себя, прося чужих молений.

Ведь нам неведомо совсем, что делают другие,
Но ты — безумец и глупец, коль вверился иному.
Мытарства ты проходишь сам, на Суд один приходишь —
И будешь помощи искать ты от чужих молений?

Увы, ужасный оный час, когда душа трепещет,
В унынье, в страхе вся дрожит и где сокрыться ищет.
А ты всё чаешь, что придут дела других на помощь.
Тебя избавят ли они от горестного часа?
Увы несчастью твоему, и скудоумью вкупе,
Что верил ты, надеялся на чуждые доброты.

Так почему ж, возлюбленный, теперь не посылаешь
Ты дар Христу, чтоб здесь еще иметь тебе надежду?
Ведь видишь, что всё суетно, всё суета на свете,
И знаешь, что любой из нас нагим в тот мир уходит?

Мой брат! Сей мир для нас, людей, изгнания есть место.
За праотца Адама грех, о чем гласит Писанье,
Мы, земнородные, несем епитимью и вскоре,
Исполнив оную, отсель в век истинный уходим.

Что должно делать нам еще, епитимью несущим?
Чтоб не лишиться жизни той, начнем рыдать и плакать.
Зачем тогда тебе нужны заботы сего мира,
Богатства, вещи и труды, что человек подьемлет?

Ведь суетно и суета по сути есть всё это,
И тех, кто предпочел сие, сразило слепотою.
И предстоит им возрыдать, увы, в час страшный оный,
Когда от тела — ох! — душе придется разлучиться.
Какой же плач поднимется тогда, какие слёзы!

Не знаешь ты, куда идешь и что с тобою будет.
Но время тратишь ты теперь в заботах, в беспокойстве,
И забываешь, что к тебе придёт то разлученье,
И что землёю станешь ты. Не хочешь ты постигнуть,
Что для тебя создал Господь творение всё это.

И если в ад ты угодишь — всё для тебя пропало,
И жертва, что принес Христос, тебя спасти не сможет.
Ты справедливо пострадал, Христос же опечален,
Что дьявола послушал ты, презрев Христа Владыку.

Ведь Он распялся, чтоб тебя освободить из плена,
А ты великою Его вдруг пренебрег любовью.
Так вразумись, возлюбленный, и плачь на всякий день свой,
И знай, что никого из нас враг наш не пожалеет.

Всю жизнь тебя прельщает он и многолетьем манит,
Ввергает в быстротечные, найдя предлог, заботы,
Чтоб ты молитву позабыл, не каялся, не плакал,
Чтоб не помиловал тя Бог, а враг — не потерял бы.

В тебе приятеля найти он в час желает смертный,
Хвалясь, что у него в аду томятся христиане.
Соперничает со Христом — ведь у него там, в бездне,
Немало есть монахов и преступников закона.

Ведь оправдаться хочет враг, как будто не один он
Стал с Богом враждовать, но с ним — и множество людское,
Они же все, увы, в тот час услышат изречение:
Идите от Меня все прочь, проклятые, — о горе!

В огонь вечный, что диаволу и бесам уготован,
За то, что Бога всяческих — Меня вы презирали.
Да не случится этого, Христе, нам всем увидеть,
Услышать, претерпеть, познать, навек Тебя лишиться,

Но Сам нас просвети, чтоб всё смогли мы здесь оставить,
Чтоб возлюбили мы Тебя отныне на все веки.
Аминь.

Коль ты, о мой возлюбленный, о смерти вопрошаешь,
Немного расскажу тебе твоей же ради пользы.
Послушай со вниманием, с благоговеньем Божьим,
Чтоб плод стяжать спасения, которого ты ищешь.

Возлюбленный! Смерть такова: наполненная страхом,
Она горька и холодна, полна лишь отвращенья,
Она от Бога нам дана за преслушанье наше
И дозволенье есть у ней карать нас в наказание.

И не щадит она царей, стратигов не боится,
И храбрецы ей не страшны — кто сможет с ней сразиться?!
Богатым смерть не ублажить, дары и честь — ничто ей,
Но словно тать грядет она и всех в свой час находит.

Нет к нищим состраданья в ней, сирот не пожалеет,
Вдовицам не сочувствует и не щадит младенцев.
Не важно смерти, кто пред ней — юнец или девица,
Ей всё равно, старик седой иль старица пред нею,
Но как приходит приговор — так долг велит отдать ей.

Монахи не в чести у ней, равно не чтит монахинь,
Ей дела нет, кто перед ней — священник иль епископ,
Святой ли, праведный стоит иль преподобный инок —
Она стрелой пронзает всех, в нее ж попасть не могут.

Итак, если из смертных кто не согрешать желает,
Тот во все дни свои пускай о смерти поминает —
И радости исполнится, когда ее увидит,
Ведь умереть всем предстоит равно и неизбежно.
Но праведников смерть ничуть уж утратить не может.

Они готовы и ее всечасно ожидают,
И чают с горечью мирской навеки распроститься.
И если кто желает прочь от мира удалиться,
Пусть ко гробам пойдет и там пусть постоит немного.

Там он услышит мертвых речь, безмолвное вещанье
Костей бездушных, что давно спят крепким сном в могиле.
Так тотчас мудрым станет тот, кто меж гробов походит,
Красотам мира он с тех пор совсем внимать не будет.

Там он увидит и царей, и воевод умерших,
Которых из солдат никто узнать уже не в силах,
Увидит там и богачей, имевших миллионы, —
Они от нищих и рабов теперь неотличимы.

Нет места там ни мужеству, ни славе, ни богатству,
И будь ты самый слабый здесь, там равен оным будешь.
Вот так всех укрощает смерть: и немощных, и храбрых,
Почтенных, знатных, мудрых, и смиренных, и негодных.

И только смерть — она одна! — нам ясно показывает,
Сколь тело наше, брат, мало, когда во гроб кладется.
Смерть равно попирает всех, будь кто высок иль молод,
Младенцев, юношей, и всех, кто старости достигнул.

Итак, что пользы в красоте телесной человеку?
Во множестве имений и в любом людском богатстве?
Цветешь — засохнешь, бел лицом —
внезапно почернеешь,
А тот, кто разговаривал, окажется безгласным.

Ты червь — и потому опять к червям вернуться должен.
Увы! Зловоннейший навоз — о горе! — это тело.
И братья, и родители, и сродники, и други
Как узрят — отвращаются, сносить не в силах смрада.

Итак, где украшения? Где наслажденья? Роскошь?
Ведь этому всему конец, когда достиг ты гроба.
Положен смертию предел всем нашим дням отныне,
И наше тело бренное теперь землею станет.

Познав сие, не забывай, и плачь на всякий день твой,
Чтоб не сойти тебе во ад, где мрак царит вечерний.
Ибо тогда, о душенька, увы тебе и горе!
Что столь ленива ты была, ни в чем не преуспела.

Как встретишь смерть, смиренная, когда она придет,
Серпом грозя тебе своим и возвещая жатву?
Когда протянет смерть тебе питье внутри стакана —
Питье горчайшее сие, напиток холодный, скверный,
Так что всего тебя тотчас охватит страх и трепет;

И к сродникам взываешь ты, моля об утешенье,
Протягиваешь руки, смерть повременить ты просишь,
И, очи обратив горé, объят оцепененьем,
Ты молишь ангелов, чтоб здесь тебе остаться дольше.

Никто не милует тебя, никто тебя не слышит,
И принуждает смерть тебя принять ее напиток.
А только чашу пригубишь, как весь похолодеешь,
Остынет кровь, проступит пот, зачоченеет тело.

Какая боль, какая скорбь, борение какое,
Душа моя, увы, тебя в час оный обступают!
Не знаешь ты, куда пойдешь и что с тобою будет.
Ты в путь неведомый идешь: кого в пути том встретишь?

Мытарства должен ты пройти, бесовские отряды,
И если будешь не готов, вспять обратят тотчас же,
Повергнут в мрак и сделают тебя своим клеветом:
Ведь ты не позаботился о будущем при жизни.

А если превозможешь всё, сочтен достойным будешь,
То со Христом ты встретишься и вместе с Ним отыдешь,
И удивятся ангелы — ведь ты блаженным станешь —
И с беспредельной радостью прославят они Бога.

И впредь во веки вечные ты будешь наслаждаться
Лицем Создавшего тебя — Творца всего творенья.
Аминь.

Сладчайший Иисусе мой, души моей бальзаме!
Любовь сердечная моя, вдыхаемый мной воздух!
Свет умный и пресладостный, рачение и сила,
Любовь премоночудная, желанье моей жизни!

Моя надежда с верою, любовь моя, услада,
Спаситель пржежеланнейший, сладчайшая отрада!
Приди, дыханье сладкое, приди, о жизнь святая!
Приди, о свет очей моих, о сладостная радость!

Утробу просвети мою, а с ней — мой ум и сердце,
Бесстрастье совершенное подай моему телу,
И озари мой ум Твоим божественным сияньем,
Твоих преславных вѣдений движением светлейшим.

Дай мне, о сладкая любовь, всё то, чего ищу я,
Твои дай ноги обнимать и сладко лобызать их.
Ищу, дыханье сладкое, прошу, что обещал Ты,
Стучу со умилением, желаю, чтоб пришел Ты

И со Отцом и Духом чтоб в мое вошел Ты сердце,
Обитель святу сотворил, литургисал, как хочешь,
И как благоугодно есть Тебе с Отцом и Духом.
Сподоби присно воспевать Тебя и днем и ночью.

Не разлучайся от меня, отнюдь не отвращайся:
Ведь видишь, как я немощен, не ввергни в искушенье!
Не вынесу, не претерплю мгновенья разлученья,
Ведь весь я пламенем горю от Твоего раченья.

Палим огнем, Тебя найти на Небесах стремлюсь я
И чувствую, что Ты во мне, по Твоему взыгранью.
Взыгранье Твое палит меня, терпеть не в силах
Я пребыванье на земле, носить не в силах тело.

Виновен я перед Тобой: печалю, огорчаю,
Но снова любишь Ты меня и не таишь обиду.
Как сладостен, сладчайший, Ты, о преблагий Христе мой,
Но коль оставишь Ты меня, Тебя забуду вскоре.

Коль меня любишь, я люблю, и я стою, коль терпишь,
Но чуть отступишь от меня — я никну, как былинка,
Мое раченье — Ты еси, и Ты — любовный пламень,
Стремление, и рвение, и бодрая готовность.

И снова всё незыблемо, коль Ты со мною вместе,
Но отдались хоть на миг — душа моя темнеет.
Я чувствую в себе Тебя, и вне Тебя я вижу,
К видению меня влечешь — дивлюсь я, видя это.

Куда ни кину взор — Христос, всю землю наполняешь,
Возводишь к изумлению, мне изменяешь разум.
На литургию я иду, Тебе чтоб приобщиться,
Назад в каливу возвращусь — и там Тебя я встречу.

На части рассекаешься, и все Тебя вкушают
Благочестивые, но вновь Ты пребываешь целым.
Ты со Отцом, Ты во святых, а также во всём мире
Ты обретаешься, отнюдь ничем не ограничен.

В церквах Ты закалаешься, во мне же — цел, как прежде,
И места не найти того, где б Ты не обретался.
Но только лишь в возлюбленных, в одних Тебя познавших
Являешь Ты любовь Свою и сил Своих величье:

Я в исступленье, восхищен и трепетом охвачен,
Как это всё случается, я высказать не в силах.
Когда ж теряюсь в глубине духовных разумений,
Я снова возвращаюсь вспять, любовь свою ловлю я,

Кричу, как я Тебя люблю, Христе мой всесладчайший,
Мой Иисус, Спаситель мой, о пресвятой мой Боже.
Не преставай меня учить и просвещать, и к воле
Твоей наставь меня, веди, как Сам один Ты знаешь.

Не преставай обогащать меня Твоей любовью,
И поддержи, чтоб никогда я с ней не разлучался.
Я убежден: воистину она меня наставит
И во объятия Твои меня, принеши, бросит,

Чтоб в радости я ликовал с Тобою, о Христе мой,
С Тобою, Господом моим и Богом в веки вечны.
Аминь.

О Мати моя сладкая, Святая Всецарица,
Вселенной всей Владычица, спасенье человеков,
Лишь Ты мне утешение, лишь Ты — моя надежда,
Отрада сладкая моя, Мария Всесвятая.

Лишь Ты — мое прибежище во всяких обстояньях,
Что в состоянии любом бывают у монаха
Царица ангелов еси, превыше херувимов
Ты и воистину честней всех серафимов, Дево.

Благоуханье райское, светозаренье Неба,
И всех святых, какие есть, всецелая Доброта.
Твое зачатъе дивно есть, и рождество — святое,
Росла, воспитывалась Ты, Царица Всесвятая,

О Горлица нескверная, в Святом Святых, во Храме,
Питали Тебя ангелы божественною манной;
Ты свыше предназначена для нашего спасенья,
Да нас освободишь от уз, что нас сковали, адских.

Отца Пребезначального Ты выносила Слово
И потому — Вторая Ты по Боге Триедином.
Вскормила молоком Твоим Создателя всей твари
И дерзновенье приняла превыше всякой меры,

Дабы Ходатаицей быть пред Богом, Сыном, Словом,
Как Матерь сущая для всех, предстательствовать верным.
Владычица, подай слова, и я Тебя прославлю
И сладко в гимнах воспою Твое величье, Дева.

Подай и просвещение, и веденье, и мудрость,
Разумность, постижение, божественные речи,
И даруй мне все те слова, каким Ты будешь рада,
Да учится им, радуясь, мое естество земное.

Ведь все возможно для Тебя, как Матери всех Бога,
Царица ангелов еси и всех существ превыше.
Услышь моё моление, Мария Богоматерь,
И просвети мой мрак, прошу, о Всесвятая Дева!

Коль Ты меня наставила и привела на Гору,
Не оставляй, Владычица, во тьме греховной страсти,
Но Ты очисти, просвети меня Сама, Царица,
От сонма мысленных врагов Сама меня избави,

И даруй, о Владычица, мне брачную одежду,
Сей невестественный хитон и мысленный, Царица,
Чтоб к Жениху, Владычица, вошел на брачный пир я
И не был изгнан, как нагой и ни на что не годный.

Богоневеста Мариам, души моей желанье,
Лишь Ты мне утешение и чистая надежда!
Прошу я, не оставь меня, не заступи, молюся,
И во объятья ко Христу Сама Ты приведи мя!

В мой смертный час при мне пребудь, Мария Всесвятая,
Пусть не трепещет душенька, когда покинет тело.
И как же мне пройти, скажи, тогда мытарства оны?
Коль Ты не станешь рядом, мне не миновать ловушек.

Ах, Матерь сладкая моя, я много разумею,
Но у меня есть три врага, что побеждают присно:
Привычка, бесы и моя природа немощная,
Когда нет помощи Твоей, они владеют мною.

К отдохновению всегда мое стремится тело,
Привычка злая требует ее закон исполнить,
И злой диавол близ меня стоит во всяко время,
Как зверь свирепый, без конца он борется со мною.

Капкан устроит справа он, но лишь его замечу,
Как тут же строит слева он мне новую ловушку.
А коль разрушу и ее, он сзади нападает
И памяти лишает мя, в забвение ввергает.

Отпор почуяв, спереди он тут же нападает,
Воображенье в плен берет в виденьях бесконечных,
А если там найдет отпор, то снизу донимает
И брань плотскую с силою великой возбуждает.

Когда же победит его и там Христова сила,
Пленяет сразу разум он, извне его сжимая,
Не позволяет ни на миг остановить свой помысл,
Но лишь о тленном, суетном он понуждает мыслить.

Со всех сторон пытается сковать он мое сердце,
Весь перикард² жестоко он сжимает, заключает,
Не позволяя даже вздох мне сделать без усилия,
Но тяжело, мрачно, с горечью дыхание исходит.

И посему, Владычице Святая, как смогу я
Сражаться в одиночестве — и со зверьми такими,
Коль не научишь Ты меня и Сын Твой не поможет,
И не придет Утешитель, Создателем ниспослан?

Как дивный ветер, тонкое сладчайшее дыханье
Он входит в ум и душу мне, все чувства омывая,
Дарует просвещение, познание, озарение,
Мир совершенный — помыслам, и всей душе — здоровье,

Премудрость, слово, мужество, мышление, разумение,
Надежду на Творца, любовь всесовершенну, веру.
Но что мне пользы, если я веду об этом речи?
Лишь Ты отступишь от меня — я слепну и не вижу,

² См. примечание 59 на с. 69 в письме 12-м.

Творю не то, что говорил, себя сам убиваю,
И, как слепой хожу, брожу, утратив рассуждение.
Впадаю в самомнение, подобно фарисею,
И забываю, что меня конец подстерегает.

Поэтому я горячо прошу, о Всесвятая,
Ты просвещения не лиши, Мария Всецарица,
Но здесь Сама меня покрой и сохрани, молюся,
Да и от будущих мытарств, прошу, меня избави!

Наставь меня, Владычица, чтоб к Сыну я и Слову
Пребезначального Отца пришел, Творца всех сущих,
Да радуюсь и веселюсь со преподобных сонмом
И мучеников, праведных, и всех святых собором,

Твоей молитвой крепкою и Матерним молением,
Ибо им радуется Бог, а с Ним и вся природа.
Аминь.

Я имени не написал, ведь всем оно известно.
А коль не знаешь ты о нем, послушай и узнаешь:
Явилось из ничего и в землю претворится.
И вот, «землею» названо, есть глина, персть и пепел.

Меня из персти сотворил и изваял Создатель,
Затем разумною душой украсил, и таков я.
Меня монахом сделал Он, чтобы Его я славил.
А большего ты не ищи, чтобы не ошибиться.

Благодари Его и славь, воспой со мною вместе,
Достоин славы Он Своей, Ему — благодаренья.
С единородным Сыном Ты, Родитель безначальный,
Со Духом Божиим Святым, вся Троица Святая,

Сподоби нас и удостой спасаемых удела
Предстательством пресладостной Владычицы Марии,
Молениями всех святых, чистейшими, святыми.
Аминь.

Предисловие переводчика	5
Предисловие научного редактора	8
Предисловие Старца Ефрема Филофейского	11
ПИСЬМА	21
Часть первая. Из сборника «Выражение монашеского опыта»	21
Часть вторая. Из ватопедского сборника «Опыты Божественной благодати»	273
Часть третья. Из рукописного сборника	315
ДЕСЯТИГЛАСНАЯ ДУХОДВИЖНАЯ ТРУБА.....	325
Предисловие	327
ПЕРВЫЙ ГЛАС ТРУБЫ, носящий образ единого Имени Божества, возвещающий нам строй телесного благочиния.....	329
ВТОРОЙ ГЛАС ТРУБЫ, носящий образ двух природ нашего Спасителя, равно как и двусоставности человеческого естества, возвещающий нам о мысленном делании	333
ТРЕТИЙ ГЛАС ТРУБЫ, носящий образ Святой Троицы и возвещающий нам, как бороться с помыслами самомнения	338
ЧЕТВЕРТЫЙ ГЛАС ТРУБЫ, носящий образ четырех стихий, из коих составлен человек, и возвещающий нам просвещение Божественной благодатью	345

ПЯТЫЙ ГЛАС ТРУБЫ, носящий образ пяти чувств и пяти мудрых дев, которые встретили нашего Жениха, возвещающий нам отнятие благодати	355
ШЕСТОЙ ГЛАС ТРУБЫ, носящий образ совершившегося за шесть дней творения и шестидневного человеческого труда ради пропитания, возвещающий нам возвращение Божественной благодати	367
СЕДЬМОЙ ГЛАС ТРУБЫ, изображающий число семи таинств и множество иных предметов, а также указывающий на день покоя, установленный Господом, возвещающий нам предупреждение о прелести	377
ВОСЬМОЙ ГЛАС ТРУБЫ, носящий образ будущего общего воскресения, возвещающий нам различные предметы, разделенные на восемь станов	386
ДЕВЯТЫЙ ГЛАС ТРУБЫ, носящий образ девяти ангельских чинов и возвещающий нам о совершенной любви	394
ДЕСЯТЫЙ ГЛАС ТРУБЫ, носящий образ числа десяти заповедей Господних, возвещающий нам усыновление по благодати и третье преподавание божественных дарований	400
ПОСЛАНИЕ ПУСТЫННИКУ-ИСИХАСТУ.....	409
Предисловие	411
1. О монашеском чине и житии, то есть как проводить 24 часа дня и ночи	413
2. В ответ на вопросы того же монаха	416
3. О духовном делании разума и как мы должны мыслить	418
4. О внимании: если придет к нам Божественная помощь, то как нам бороться с помыслом самомнения	422
5. О том, как приходит Божественная благодать и как ее отличить от прелести, и о кратком пути	425

6. О том, как впадают в прелесть таковые подвижники, когда у них нет наставника, и каково лекарство для их исцеления	430
7. О том, как возвращается Божественная благодать, после того как сперва хорошо нас научит	435
8. О другой прелести	441
9. О разновидности той же прелести	445
10. О двоякой войне бесов и о том, что они с подвижниками воюют искусно	448
11. О трех состояниях естества, через которые восходит и нисходит человек: естественном, противоестественном и вышеестественном. И о трех видах Божией благодати, которую человек может получить, понуждая человеческое естество: очищающей, просвещающей и приводящей к совершенству	451
12. О любви	456
13. Эпилог	463

СТИХОТВОРЕНИЯ	465
Обетования Пресвятой Богородицы святогорцам	467
О домостроительстве воплотившегося Бога Слова	469
Похвала пустыне	476
О суетности мира	478
О смерти	482
Гимн любви ко Иисусу	486
Госпоже Богородице	489
Мое имя	493

Старец Иосиф Исихаст

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ

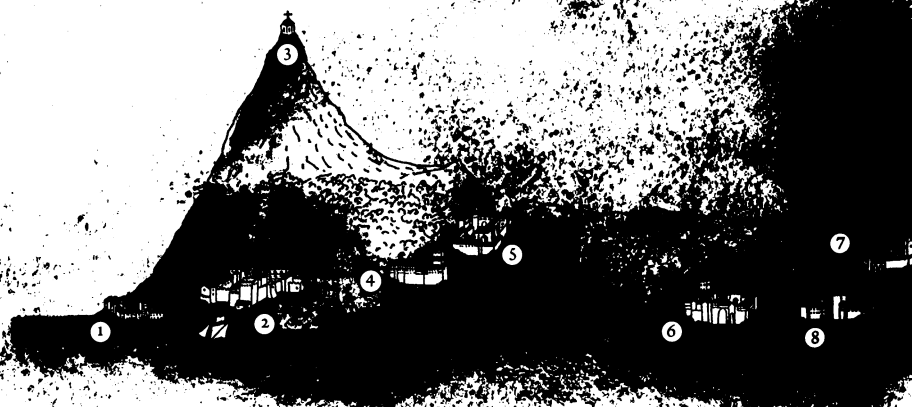
Формат 60 х 90/16. Тираж 10 000. Заказ №300.

Типография Патриаршего издательско-полиграфического центра,
г. Сергиев Посад.

Вид на Афонский полуостров с юго-запада

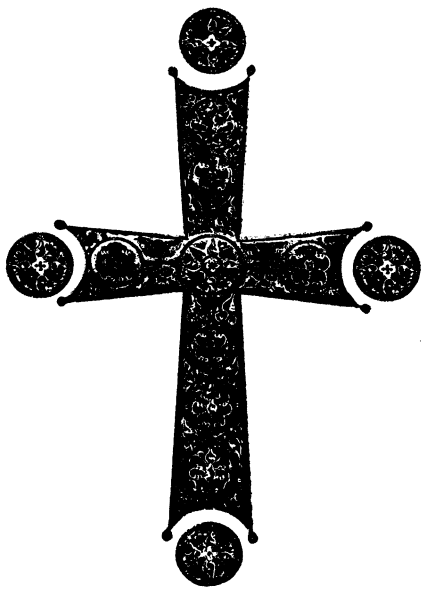
1 Уранополь	8 Ксирпотам	15 Святая Анна
2 Новая Фиваида	9 Дафни	16 Малая Святая Анна
3 Зограф	10 Симонопетра	17 Скит Святого Василия
4 Констанит	11 Святого Тригория	18 Храм Преображения
5 Дохиар	12 Святого Димитрия	19 Катуваци
6 Кефалонга	13 Святого Павла	20 Катуваци
7 Святого Пантелеимона	14 Новый Скан	21 Калосмани

Вид на Афонский полуостров с северо-востока

1 Скит Иоанна Предтечи	6 Иверский	11 Ватопед
2 Великая Лавра	7 Кутлумуш	12 Эсфигмен
3 Храм Преображения Господня	8 Ставроникита	13 Киландар
4 Каракал	9 Карея	14 Ивериссос
5 Филофей	10 Пантократор	

АХТЫРСКИЙ СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ